STAIRWAY TO HEAVEN

LED ZEPPELIN

UNCENSORED

RICHARD COLE WITH RICHARD TILLEY

AN UPDATED EDITION OF ONE OF THE BEST TELL-ALL ROCK BIOGRAPHIES EVER

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Многие слышали о скандально известной книге Ричарда Коула "Лестница в небеса: Led Zeppelin без цензуры" (Richard Cole "Stairway To Heaven. Uncensored"). Многие даже читали на английском. Некоторые даже дочитали до конца. А теперь благодаря блоггеру pyostriy (http://pyostriy.livejournal.com/) можно начать знакомиться с текстом этой книги на русском.

- Предисловие от переводчика (меня т. е.):
- Введение
  - Слова благодарности
  - Введение: рок-революция
- Часть 1
  - 1. Аварийная посадка
  - 2. Крушение
- Часть 2
  - 3. Роберт
  - 4. Бонзо
  - 5. Джон Пол
  - 6. Джимми
- Часть 3
  - 7. Председательствуя на рок-похоронах
  - 8. Новый старт
- Часть 4
  - 9. Добро пожаловать в Америку
- Часть 5
  - 10. Жизнь в дороге
- Часть 6
  - 11. Назад в реальность
  - 12. Свинцовый бумажник
- Часть 7
  - 13. Вкус декаданса
- Часть 8
  - 14. Полный вперёд
  - 15. Истории с рыбой
- Часть 9
  - 16. Королевский дог
  - 17. Призрачное выступление
- Часть 10
  - 18. «Назовите вашу цену»
  - 19. «Эти цеппелиновские ублюдки»
- Часть 11

- 20. Наручники
- 21. Друзья
- 22. Водный жук

- Часть 12
  - 23. Отказ от веры
  - 24. Лестница в небеса
  - 25. Работа с носом
- Часть 13
  - 26. Второй разряд
  - 27. Фотографии членов группы
- Часть 14
  - 28. Покуролесили по Востоку
- Часть 15
  - 29. В Австралию
  - 30. Репортаж из спальни
- Часть 16
  - 31. Рискованный бизнес
  - 32. Героин
- Часть 17
  - 33. Дома святых
  - 34. Лучше быть не может
- Часть 18
  - 35. Гей-бары и ранчо для отдыха
  - 36. Граница Калифорнии
  - 37. Starship
- Часть 19
  - 38. Ограбление
  - 39. Снимите их в кино
- Часть 20
  - 40. Кому закуску?
  - 41. Король
  - 42. Клэптон
- Часть 21
  - 43. Обратно к Led Zeppelin
  - 44. Танцующие дни
- Часть 22
  - 45. Легенды
  - 46. Налоговая эмиграция
  - 47. Кошмар на Родосе
- Часть 23
  - 48. Долгий путь домой
  - 49. Проклятие
  - 50. Отчаяние
- Часть 24

- 51. Начало конца
- 52. Спиритический сеанс

- Часть 25
  - 53. Последний этап
  - 54. Траур
- Часть 26
  - 55. Возвращение
  - 56. Бонзо
  - 57. Хорошие времена, плохие времена
- Часть 27
  - 58. Послесловие

Предисловие от переводчика (меня т. е.):

Понравилось мне книги переводить: и себе польза, и другим приятно (надеюсь).

В моей библиотеке литературы о рок-н-ролле находится ещё одна книга, которая в своё время наделала много шума своими скандальными фактами. Фаны LZ наверняка слышали о ней (кто-то наверно читал), но в русском переводе, насколько я знаю, вещь не издавалась.

Её автор — Ричард Коул — личность легендарная. Он работал дорожным менеджером великой группы, и по словам Ильи Кормильцева (я на 90 % уверен, что он писал предисловие к текстам LZ с русскими переводами под влиянием этой книги) был для музыкантов «усатым нянем» и первопроходцем в различных забавах. Уж он-то знает о группе не понаслышке!

Однако, первое издание книги вызвало гнев в первую очередь у самих цеппелинов. Об этом можно прочесть в статье о Коуле в Википедии (см. ссылку). Действительно, личность Бонэма, например, иногда вызывает отвращение, что крайне странно при том, что сам Ричард называет Джона своим дорогим другом.

Тем не менее, книга стоит того, чтобы её прочесть. Она очень весёлая. Выделение эндорфинов гарантировано. Короче, не стоит рассматривать творение Ричарда Коула как серьёзное биографиеское исследование, но в качестве неплохого лёгкого чтива о великих музыкантах от человека, работавшего бок о бок с ними — самое то!

Опять-таки, буду признателен за найденные корявости и ошибки.

Введение

Посвящается Клер и Дэйлен,

с наилучшими пожеланиями в день вашей свадьбы

и счастья совместной жизни на многие годы

Р.К.

Донне, Мелиссе и Майку…

когда я мечтал о семье много лет назад, вы — именно то, о чём я мечтал.

Р.Т.

Слова благодарности

Множество людей сыграло важную роль в моём созревании для написания книги.

Спасибо маме и папе, даривším любовь и указывавшим правильное направление; Дженни Карсон за Ибицу летом 1984, а также доктору Брайану Уэллсу, Мики Бушу и Эндрю Лейну, которые поделились опытом, силой и надеждой.

Я также благодарен Ричарду Трубо за его писательский талант и настойчивость, Тому Миллеру и Джиму Хорнфишеру, нашим редакторам в Harper-Collins, плюс Джошу Беару и Эйприл Бенавидес, которые направляли нас при работе над новым изданием, Джейн Дистел, моему агенту и её партнёру Мириам Годерик; Скипу Чернову за поддержку и веру в книгу, Берни Роудсу и Роджеру «Змею» Клайну, равно как и Тони Янгу и Кэрол Арнолд, которые помогли с расшифровкой записей. Тэйлору и его замечательной публикации Zoso, оказавшейся отличным источником информации по истории Led Zeppelin; Элисон Кейн, посеявшей зёрна для послесловия в этом издании.

Я говорю спасибо бизнес-менеджеру Биллу МакКензи и Дебби Мэтьюз, моему юристу Майклу Хеккеру, Эрику Вассерману, Мишель Энтони, издателю Лоре Кауфман, а также Black Sabbath. Отдельная благодарность Шэрон и Оззи Осборнам за помощь, доброту и возможности за все эти годы. Спасибо группе Quireboys и Лите Форд из Лондона. Благодарность распространяется и на Лису Робинсон, Тони, Марио, Майкла, Мо, Мигеля и Стеди из Rainbow Bar and Grill в Западном Голливуде.

За любовь и дружбу отдельно упомяну Тони Романа, Лесли Сент-Николас, Джуди Вонг, Дженни Фернандо, Джеффри Сенсьера, Мэрилин Коул, Маргерит ДеБенедикт, Марти Бреннера, Дэвида Джорджа, Иэна Пикока, моего компьютерного ангела и друга Джулию Негрон, и моего старинного друга Перси Рейнс-Мура.

Я ценю содействие и братское отношение дорожной команды Led Zeppelin: Кенни Пикетта, Клайва Кулсона, Джо «Джеммера» Райта, Мика Хинтона, Рэя Томаса, Сэнди МакГрегор, Брайану Кондлифф, Энди Ледбеттера, Манфреда Лёрча, Хенри «Коня» Смита, Перри, Крэки и

Пепе. Нашими вторыми инженерами были Расти Братш, Дэвид «Сирано» Лэнгстон и Бенджи Ле Февр. Иэн «Игги» Найт отвечал за продакшн, а Кирби Уайатт и Тед Титтл — за освещение.

Ассистентами группы являлись Деннис Шихэн, Рик Хоббс, Джонни Ларк, Рекс Кинг, Джон Биндон, Митчелл Фокс, Дейв Нортовер, Брайан Галливан и Рэй Уошберн (помощник Питера Гранта). Штат в офисе состоял из Лиз Гарднер, Кэрол Браун, Синтии Сэкс и Юнити МакЛейн в Великобритании, а также Шелли Кей, Дженин Саффер и Сэма Азара в США. Стивен Х. Вайсс был нашим адвокатом.

Служба охраны включала Пэтси Коллинз, Уэса Поммроя, капитана Боба ДеФореста, Билла и Джека Дотричей, Джонни Зара, Толстяка Фреда, Дона Мёрфетта, Джерри Слейтера, Джима Каллахана, Пэдди-планку, Альфа Уивера, Джо Тутса, Вилли Ваккара, Грегга Бепплера, Стива Розенберга, Джека Келли, Лу МакКлири, Джорджа Дьюитта и Билла Уэббера.

Со времени первого издания книги, некоторые друзья, работавшие со мной и группой, ушли в мир иной, и будет справедливо их вспомнить здесь (некоторые упомянуты выше). Среди них Питер Грант (менеджер Zeppelin), промоутеры Том Хьюлет и Фил Бэзил, художник-осветитель Кирби Уайатт, ассистент Джон Биндон и сотрудник службы безопасности Джонни Зар, члены гастрольной бригады Рэймонд Томас и Кенни Пикетт, а также мой старинный друг и автор песен Лайонел Барт, журналист Алан МакДугал, мой чудесный друг Никки Белл, который дал мне почувствовать себя частью его жизни и сообщества, пригласив на вечеринку года трезвости, когда я сам был трезвым всего несколько месяцев. Он трагически умер от СПИДа, вызванного употреблением наркотиков. Также писатель Стюарт Уэрбин (который храбро помогал мне во время нужды, хотя сам был болен). И ещё, мой хороший друг и соседка — Глория Скотт (большое вдохновение для многих людей, решивших соскочить с иглы и завязать с алкоголем). И наконец, моя любимая мама, которая всегда была рядом с её маленьким дьяволёнком-сыном.

В новом издании я бы хотел поблагодарить нескольких человек, в частности тех, кто в последние годы помог найти работу и нанял меня, включая Боба Тимминса, Джека Карсона и Тони Морхеда. Я благодарю

Black Uhuru и Kyso, их менеджеров Ниту Скотт и Терри Риндала, и конечно же Валери и Брюса. Чарли Эрнандес, Ник Куа, Блейн Бринтон и Райан Гиттинс работали с Ozzfest 2001 и здорово помогли мне. Ещё добрые друзья Бобби Томпсон, Тони Деннис и Майкл Гуаррачино. Рон Джиер, водитель автобуса на Ozzfest тоже фантастически помогал.

Особое упоминание относится к Майклу Льюису, Гэри Куинну и Питеру Рейфелсону, со-менеджерам Fem 2 Fem; восхитительным Джули Энн, Кристине, Линн, Мишель, Лезли, Алитце и ЛаЛе, а также Карлу Струбу и Джерри Бреннеру из Critique Records (подписавшим Fem 2 Fem); Майклу Уайту за продюсирование «Musical Voyeurz» в театре Уайт Холл в Лондоне. Я признателен моему другу и вдохновителю Джулии Кэмерон, чья книга «Путь артиста» вернула меня к писательству. Большое спасибо парикмахерам Саше и Аарону Куарлзам.

Я также должен поблагодарить Дэнни Голдберга и Дэвида Силвера за поддержку и поощрение, Эда Джеррарда, Дэниела Маркуса и Питера Химбергера за помощь в работе с Gipsy Kings (вместе с Паскалем Имбером), Спарки Нилсона, продакшн-менеджера. Я признателен за удивительное время, проведённое с Олу Дара и Okra Orchestra, Fu Manchu и Дэна ДеВита, вместе командой Кёрли и Вуди, и конечно же Пола Роджерса. Нынешние работадатели QPrime Management и Crazy Town, в частности Питер Менш, Х.М. Уоллман, Тони ДиЧоччо и Рэнди из QPrime NY, а также Мишель и Эрика из QPrime West, оказавшие неоценимую помощь в организации всего и вся. Спасибо и Хауарду Вулфингу, Тодду Хорну и Ли Ганцу из Columbia Records, Стефани Игунбор и Стефану Ланджу из Sony Europe за помощь в гастролях по Европе безо всяких помех. Я во многом признателен гастрольной бригаде Crazy Town — Крису Уорндалю, Скипу Пэйатту, Джеффу Чейзу и Крейгу Андервуду, вместе с помощниками группы Бум Бум Калуной и водителем Тедом Фолтманом. Спасибо и турагенту Crazy Town Джейсону Эшбери из Lindon Travel в Нью-Йорке, и Джули Земил из Uniworld Travel из Лос-Анджелеса.

Но больше всего я благодарю Джимми Пейджа, Роберта Планта, Джона Пола Джонса, Джона Бонэма и Питера Гранта за возможность работать с величайшей рок-н-ролльной группой всех времен.

Это книга посвящена памяти Джона Хенри Бонэма. Бонэм был моим дорогим другом и самым талантливым барабанщиком, которого когда-либо видела рок-музыка.

Ричард Коул

Много людей внесло свой вклад в исследования, организацию, написание и во вдохновение для этой книги, но некоторые из них заслуживают отдельного упоминания.

Конечно же, Ричард Коул — самый первый в этом списке. Он проводил бесчисленные сессии со мной, раскапывал факты, возвращался в оригинальным источникам, включая собственную изумительную память, и позволил всему проекту свершиться своевременно.

Том Миллер и Джим Хорнфишер, редактора в HarperCollins, вгрызлись в рукопись с острыми карандашами и ещё более острыми суждениями. Джош Беар и Эйприл Бенавидес очень помогли подготовить и отредактировать новое издании «Лестницы на небеса».

Мой агент Джейн Дистел из Jane Dystel Literary Management познакомила меня Ричардом Коулом. Во время исследований и написания, Джейн проявляла неизменную поддержку и внесла весомый вклад.

Наконец, спасибо родителям Биллу и Иде, которые всегда верили в меня, а также Донне, Мелиссе и Майку за их любовь, привязанность и поддержку.

Ричард Трубо

Введение: рок-революция

В первый день нового 1962 года, когда The Beatles вошли в третью студию West Hampstead компании Decca в районе Бродхерст Гарденс, рок-музыка навсегда изменилась. К окончанию записи демо-ленты, на которой Пол МаКартни сладко спел «Till There Was You», а Джон Леннон выдал «To Know Him Is To Love Him», Битлы забрались на борт музыкального локомотива, который буквально совершил революцию в культурной и социальной материи, растянувшейся от Эбби Роуд до Голливудского бульвара и Вайн-стрит.

Сотни английских групп пошли по следам The Beatles. The Dave Clark Five, Herman's Hermits, The Rolling Stones. Наконец, в конце шестидесятых сырая и мощная музыка Led Zeppelin подняла рок-революцию на абсолютно маниакальную высоту.

Перед рассветом эры Zeppelin я работал тур-менеджером с почти дюжиной других рок-банд, помогал выращивать их таланты, заботился об их прихотях, и лелеял их эго. Это была тяжелая, полная стресса работа, но никогда не скучная. Время от времени я был истощён, но чаще я был воодушевлён. От The Who до Unit 4+2… от New Vaudeville Band до The Yardbirds… они были учебным курсом, подготовившем меня для двенадцатилетнего тура с Zeppelin.

Я вырос в Кенсал Райз, рабочем районе, что в световых годах от звукозаписывающих сессий Zeppelin в Хэдли Грейндж или престижной сцены Ройял Алберт Холла. Мой отец был инженером-металлургом, который перед Второй мировой войной участвовал в разработке замысловатых дверей для Банка Англии. Затем он работал на заводе Роллс-Ройса, а когда началась война, то перешёл в сборочный цех по производству самолётов. Руками он мог творить чудеса. К тому же он много знал, намного больше, чем я, любил читать книги по истории. Когда он наслаждался историей Гладстоуна и Дизраели, я предпочитал интересоваться Пресли и братьями Эверли. Когда я хотел отправиться в музыкальный магазин, он тащил меня в Британский музей или в залы Парламента.

Наконец, родители приняли мои истинные интересы и купили проигрыватель, когда мне было тринадцать. Немедленно я начал собирать коллекцию сорокопяток артистов типа Элвиса, Рики Нелсона, Бадди Холли и Чака Берри. Также несколько английских певцов привлекли моё внимание — у Лонни Доннегана было несколько заразительных мелодий, например как «Rock Island Line» — но никто в Англии не был таким дерзким и

провоцирующим, вызывавшим истерию у молодых, как Литтл Ричард, когда тот пел «Good Golly Miss Molly (She Sure Likes to Ball)».

Несмотря на то, что в школе я учился довольно неплохо, особенно в предметах, которые любил, образование никогда не было билетом к успеху в моём районе. Когда мне исполнилось пятнадцать, и начался новый учебный год, директор школы сказал, что для меня будет лучше, если я пойду работать. Вскоре я узнал, что реальный мир был не таким уж чарующим, по крайней мере, не для тинейджера с минимумом опыта. Первой работой стала сварка бидонов на заводе по производству оборудования для молочного хозяйства, располагавшегося в Эктоне, районе Северного Лондона. Это была тяжелая, унылая работа, и она вряд ли сделала бы меня богатым. За рабочую двадцатишестичасовую неделю я зарабатывал чуть больше трёх фунтов, что равнялось примерно десяти долларам.

Тем временем мой интерес в рок-музыке только усиливался. Песни вроде «Cryin'» Роя Орбисона и «The Lion Sleeps Tonight» группы The Tokens способствовали выделению адреналина, и на какое-то время заставили меня думать, что я мог бы зарабатывать на жизнь музыкой. Я даже купил старую ударную установку в надежде, что у меня раскроется музыкальный талант.

Подобно миллиону других тинейджеров я мечтал о фантастической жизни. Я видел, как выбегаю на сцену, усаживаюсь за барабаны и начинаю играть под радостные возгласы тысяч вопящих фэнов, выходя на бис снова и снова. Я раз за разом прокручивал эту картинку у себя в голове. К сожалению, мой талант не соответствовал мечтам. К моему разочарованию, после нескольких часов измывательства над пластиком и тарелками, я понял, что Джину Крупе и Бадди Ричу нет нужды беспокоиться. Равно как и Джону Бонэму, годы спустя.

Однако я понимал, что нужно искать работу с будущим, что непросто для паренька из плохой части Лондона. Я прыгал из одной профессии в другую: сначала развозил бакалею, затем был учеником рабочего по обработке металлических листов, и наконец, трудился плотником. К восемнадцати я оказался на стройке, работая семь дней в неделю — на тяжёлой и грязной работе, где нередко приходилось разрушать старые здания, в основном в районе Уэмбли и Вест-Энде. Оплата: тридцать фунтов в неделю.

В конце концов, именно страсть к клубам открыла мне дверь в музыкальный бизнес. Начиная с 1962 года, я принялся тусоваться по клубам Вест-Энда, где всегда полно музыки и аппетитных девчонок. Шесть ночей в неделю я шатался по клубам

и пьянствовал, начиная в Стейт Боллруме и заканчивая в Сент-Мэри'с Холле, от Клуба 100 до Марки. Так здорово просто быть частью действа.

Начало шестидесятых было ярким временем, когда сотни рок-н-ролльных групп отправились покорять Лондон со всей Англии, когда Rolling Stones и The Who всё ещё передвигались в минивэнах и часто играли почти незамеченными за пригоршню фунтов за вечер, и когда Led Zeppelin даже в проекте не было. В те дни, глядя со стороны, я думал, что мир рок-музыки выглядит необычайно чарующим, и даже немного завидовал, глядя на сцену из периферии. Молодые честолюбивые музыканты, которые со временем создадут группы типа Zeppelin, собирались в лондонских клубах, стараясь не упустить шанс приблизиться к мечте и обзавестись связями, которые помогут им превратиться в очередных Рок-суперзвёзд.

Регулярные лошадиные дозы ночной жизни никогда не утомляли: алкоголь, наркотики, громкая музыка и доступные девушки. Я также впитал в себя модные тренды от озабоченных стилем молодых людей тех лет — некоторых звали модами, других — рокерами. Они стали такой же достопримечательностью Лондона, как Букингемский дворец или Вестминстерское аббатство. Мы были ребятишками из бедных районов, в основном из Ист-Энда, кое-кто из Южного Лондона. Когда СМИ были в добром расположении духа, они называли нас «законодателями мод», но чаще всего мы были «бандитами», «смутьянами», «мятежниками» или «провокаторами». Не важно, что написано — эмоции, преобладавшие в этих движениях, были всеобщими: нас переполнял гнев, нас бесила экономическая ситуация. Если вам доводилось оказаться в месте сборища группы модов или рокеров, их яростной энергии было достаточно, чтобы оторвать Биг Бен от Парламента и запустить его в космос.

Выделяясь таким образом от большинства, мы придерживались соответствующего стиля одежды и агрессивного, бунтарского поведения. Рокеры были своего рода последователи тедди-боев пятидесятых. Они носили джинсы и кожаные куртки и считали себя бродягами на мотоциклах в стиле Марлона Брандо. Их соперники, моды, носили короткие стрижки и безупречно одевались в магазинах на Карнаби стрит, где сшитая на заказ пара брюк с клёшем стоила около четырёх фунтов, а рубашки от Фреда Перри считались единственно достойными.

Я выбрал стиль и образ жизни модов, одного из тысячи модов, переполнявших английский ландшафт. Мы чувствовали себя, словно находимся на острие социальной революции, мы ощущали себя шишками. В классовой системе Великобритании

нас отнесли бы к неимущим, забытое поколение, изгои, но вместе мы считали себя ВИП-персонами. Мы покачивали бунтарскими мускулами, иногда впечатляя, иногда запугивая других. Мы жили сегодняшним днём, тратя все деньги, высмеивая стремление предков откладывать «на чёрный день». И когда мои друзья говорили: «Всё, что я хочу, это набухаться и оторваться как следует», я не мог подумать о лучшем способе провести ночь.

Но ни моды, ни рокеры не чурались насилия, худшие проявления которого возникали в прибрежных курортах типа Клэктона, зачастую во время национальных праздников или на Пасху. На самом деле не было ни одной достойной причины для этих ужасных противостояний, насилие ради насилия — шанс выпустить пар неудовлетворённости. Одним июльским вечером мы прибыли в Клэктон, зная, что там нас ожидают рокеры. Мы были вооружены не только кулаками. Нашему арсеналу позавидовал бы сам генерал Монтгомери: у нас были ножи и кирки. Рокеры и моды собрались на противоположных сторонах улицы, выкрикивая оскорбления и медленно приближаясь друг к другу. Здесь и там возникали мелкие стычки, а затем они переросли в полномасштабную схватку прямо посередине улицы, растянувшейся на длину целого дома. Двадцать минут это был полный хаос. Кастеты находили подбородки. Ножи резали кожу. Кровь проливалась на тротуар. Слышались грозные вопли и крики боли.

Эти беспорядки привлекли национальную и даже международную прессу («Война малолетних недоумков»). Один колумнист предупреждал: «Социальная структура Англии разваливается». Но чем больше внимания привлекали моды и рокеры, тем более преданные стилю мы были — и рок-музыке тоже — которую миллионы в Англии считали отвратительной.

В это самое время, когда музыканты, которые со временем превратятся в Led Zeppelin, искали своё место в музыкальной индустрии, я наконец получил инициацию в бизнесе. В 1964 году я вернулся с летних каникул в Испании — первого настоящего соприкосновения с жизнью, которая находится за пределами рабочего Лондона. И я вернулся, полон решимости найти выход из тяжёлой и грязной жизни на стройке.

Такая возможность появилась, наконец, в клубе под названием «Фламинго» в Сохо, который вообще-то не шёл в ногу со временем. Пока другие клубы следили за самыми свежими трендами рок- и поп-музыки, во «Фламинго» предпочитали соул и джаз. В то время, как их конкуренты предпочитали таких как The Beatles и The Dave Clark Five, во «Фламинго» звучали Рэй Чарльз и Марвин Гей.

Одной из постоянных групп клуба была Ronnie Jones and the Nighttimers. Они играли кучу вещей Отиса Реддинга и Бобби «Блю» Блэнда — «Respect», «Mr. Pitiful», «That's the Way Love Is», «Call on Me» — и другие песни с влиянием ритм-энд-блюза. Мне нравилась их музыка, я тусовался с ними до и после концертов и случайно разговорился с их дорожным менеджером. Я никогда полностью не понимал, что он делает, но его жизнь казалась восхитительной, однозначно более яркой, чем семь дней на стройке.

Как-то вечером я увидел, как Nighttimers сами укладывают оборудование в фургон, задачу, за которую отвечает дорожный менеджер. Я подошёл к Мику Иву, высокому худому саксофонисту, бывшему лидером группы. Мик играл с Джорджи Феймом и его группой Blue Flames, но в то время, как Джорджи начал зарабатывать большие деньги — 400 фунтов за ночь в качестве хедлайнера — Мик решил, что музыка на его взгляд стала слишком поп-ориентированной, и ушёл, чтобы собрать собственную группу.

— Что случилось с вашим роуди? — спросил я Мика.

— Он занялся чем-то другим.

— Я ищу работу дорожного менеджера, — сказал я ему.

— А что ты об этом знаешь?

Конечно, я не знал почти ничего. Но я отчаянно не желал упустить эту возможность. «Ну, я могу вести фургон, — ответил я, нащупывая способ заинтересовать его. — Я путешествовал и знаю, что делать по ситуации».

Затем я вспомнил, что четыре недели я работал на пайке транзисторов. И добавил: «А ещё я много знаю об электронике».

Мик оценил меня одним из тех взглядов, который как бы говорит: «А что ты можешь лучше этого?» А затем сказал: «Я действительно не чувствую, что нам нужен роуди».

— Но вам нужен кто-нибудь, — продолжал умолять я. — Иначе вы бы не нанимали менеджера.

— Но мы не можем ему много платить, Ричард. Он получал один фунт за ночь, или два фунта, если мы играем два концерта. Он зарабатывал в среднем семь фунтов в неделю. Парень был вечно на мели.

Картина была непривлекательной, особенно для того, кто уже зашибал тридцатку на стройке. Но даже при этом меня манил образ дорожного менеджера с обязательными атрибутами в виде поездок, пьянок и кучей красивых девчонок. Я не мог представить лучшего образа жизни.

«Я согласен, Мик», — воскликнул я, протянув руку, перед тем, как он что-нибудь ответит. Он кивнул, хотя и не был уверен,

что решил окончательно. Я же был возбуждён: наконец я попал в шоу-бизнес.

Первое шоу с Nighttimers состоялось 26 декабря 1964 года, в зале Карлтон на Килберн Хай Роуд. Мы были одними из немногих рок-банд, игравших там, так как зал обычно использовался для ямайских свадеб или бар-мицва. В тот вечер я сказал Мику: «Не думаю, что нам следует одеть дреды или ермолки». Мне кажется, он не понял шутки.

В течение первых дней я открыл для себя, что работа в качестве роуди Nighttimers не так сложна для человека с головой на плечах. По Англии существовало сотни маленьких клубов, и в течение шести месяцев мы сыграли во многих из них. Я возил группу с концертов и на концерты в маленьком фургоне, затем настраивал аппаратуру и собирал выручку, которой хватало на покрытие расходов и ни на что более. Тем не менее, работа казалась более перспективной, чем стройка.

Через две недели я был полностью покорён музыкальным бизнесом, но я также знал, что хочу большего, чем работа с маленьким бэндом. Мой друг играл в группе под названием The Chevelles, и одним воскресным вечером я отправился послушать их выступление в лондонском «Палладиуме» перед выходом Rolling Stones. Я впервые увидел Стоунз живьём, моё первое соприкосновение с неистовством, бешенством и властью по-настоящему выдающихся исполнителей. Девчонки в аудитории с ума сходили… кричали, плакали, стонали и ломились на сцену. Некоторые даже напустили в трусики, создав потоки воды, которые, словно притоки реки Миссисипи, слились в единый поток, где плавали выломанные сиденья. Я слышал о группах, что подобное происходит, но это было невероятно.

Выйдя на улицу, я бормотал под нос снова и снова: «Чёрт, вот это охренительная группа». Я пообещал себе достичь большего, чем Nighttimers. Даже битлам нужен дорожный менеджер, подумал я. Так я задал высокую планку.

Вскоре я примкнул к другим группам, сначала Unit 4+2, кучке парнишек из среднего класса, которым удалось выдать хит номер один «Concrete and Clay» (Бетон и глина) в 1965-м. За ним последовал другой — «I've never Been in Love Like This Before» (Я никогда прежде так не любил), достигший восьмого места. Они не были Стоунз, но это однозначно был шаг наверх.

Во время работы с Unit 4+2 я продолжал поддерживать контакты с Nighttimers, которые взяли нового клавишника по имени Джон Пол Джонс. Джон Пол был первым будущим членом Led Zeppelin, с которым я познакомился, хотя в то время наши отношения не простирались дальше обмена приветствиями и

болтовне по пустякам. Но уже тогда Джонси был тихим, и не бросал слова на ветер. Его талант и содержательная игра на Хаммонд-органе впечатляли. «Ты слишком хорош для этой группы, — говорил я ему. — Когда-нибудь ты найдешь группу, где по-настоящему сможешь показать свои таланты». В то время никто из нас не осознавал, насколько пророческими окажутся те слова.

В выходные я тусовался по клубам Вест-Энда. Одним вечером в Scene я увидел группу High Numbers. Барабанщик Кит Мун атаковал барабаны как сумасшедший. Гитарист Пит Таунсенд энергично махал руками, словно мельница, кружась и заворачиваясь, а затем брал аккорд до-мажор с энергией урагана. Он так сильно и неистово ударял по струнам, что обдирал кончики пальцев до крови. Кошмар для больного гемофилией.

Вскоре High Numbers начали пользоваться авторитетом среди модов. Позже они сменят название на The Who и напишут важную главу в рок-истории. Когда я стал работать на них в 1965 и 1966 годах, это было похоже на переход от нездоровой пищи к икре.

Я никогда не уставал от наблюдения за The Who на сцене. Во время полуторачасового исполнения они могли наэлектризовать толпу музыкой и шокировать публику выходками. Критики шли проверять словари в поисках нужного эпитета, чтобы верно описать происходящее на сцене. Если вам покажется, что The Who самая дисциплинированная и могущественная группа в мире, музыканты, словно хамелеоны, немедленно перевоплотятся в ненормальных придурков. И всё в течение одного вечера.

Иногда анархия, сопровождавшая музыку, достигала просто пугающего уровня. Возьмём вечер 1965-го, когда The Who играли в лондонском клубе Рейлвей Таверн (Железнодорожная таверна), недалеко от станции метро Харроу и Уайлдстоун. Когда пара сотен фэнов ввалилась в маленький зал, температура в аудитории поднялась, и весь концерт в зале люди пихались и толкались. Поскольку я был ответственным за безопасность группы, беспокойство в зале заставило меня нервно мерить шагами служебное помещение: вдруг возникнут беспорядки.

К концу концерта Питер швырнул гитару и случайно пробил грифом низкий потолок над сценой. Он сделал это с такой силой, что гриф сломался. Питер стоял ошеломлённый какое-то время, разглядывая поломку. А затем заорал: «Чёрт возьми!», стиснул зубы и зашёлся в гневе, неожиданно начав крушить гитару в неистовом порыве. Словно бейсболист, отбивающий мяч, он ударил ею в одну сторону, затем в другую, по земле, по усилителю, снова об пол, а затем использовал, как таран против усилителей, снова и снова круша и уничтожая и гитару и всю

аудиосистему. Аудитория, на грани истерики, одобрительно гудела.

После той первой вспышки Таунсенд больше не оглядывался назад. В заключительном номере последующих шоу — под раскаты последних аккордов «My Generation» или «Anyway, Anyhow, Anywhere» — аудитория ожидала выброса энергии Питера. Дорогущие гитары обрушивались на усилители, расшибались о пол, чтоб осколки разлетались с изяществом Боинга 747, врезающегося в Эмпайр Стейт Билдинг. Питер конкретно врубился в дело: его веселила возможность провоцировать толпу, возбуждать её, сводить с ума; всего лишь за цену одной или двух гитар.

Время от времени Муни сходил с ума, но ради прикола. Он расшвыривал барабаны по сцене, пробивал в пластике дыры, ломал палочки, прыгал на тарелки, и уничтожал всё до щепок. Зрелище подходило больше для психбольницы, чем для рок-клуба.

И хотя публике пришлись по вкусу сцены неистового разрушения, она не была той самой, для кого The Who могли позволить делать это каждый вечер. Возможно группы типа Led Zeppelin или даже The Who в расцвете славы могли покрывать расходы от подобных выходок. Но в 1965 и 1966 годах, когда я работал с группой, эти устрашающие ураганы вызывали лишь огромные долги. Это вам не просто поменять струны раз в неделю; Таунсенд и Муни гробили дорогие инструменты, а по ходу дела, и балансовую ведомость. В те дни The Who зарабатывали от 300 до 500 фунтов за вечер, но эти деньги быстро съедались за счёт покупки новых гитар (200 фунтов), ударной установки (100 фунтов) и новых усилителей (350–400 фунтов). В какой-то момент долгов накопилось в размере 60 000 фунтов. Не надо быть Эпстайном, чтобы понять, что группа осуществляет финансовый суицид. И это создало чудовищные трения в группе.

С самого начала Джон Энтуисл и Роджер Долтри были шокированы деструктивными выпадами и их стоимостью. «Это абсолютно нелепо, — кричал Джон на Питера одним вечером. — Мы теряем деньги каждый концерт! Мы бы заработали больше, если бы просто не выходили!»

Но Питера не волновали логические доводы. «Отвали! — орал он в ответ. — Это то, что мы делаем! Это часть шоу. Фэнам нравится. Прими это!»

Я не лез в эти свары. Я знал, что Энтуисл прав, но не мог вмешиваться. Однако, разлад внутри группы меня беспокоил. Насколько хватит группы, спрашивал я себя, когда все друг на

друга набрасываются?

В конце концов, Энтуисл перестал жаловаться, поняв, что без толку тратит силы и никогда не сможет контролировать Таунсенда. К счастью, группа начала зарабатывать больше денег, разрушения приобрели терпимые размеры и не сильно мешали успеху The Who.

В первые месяцы 1966 года наркотики и алкоголь начали играть важную роль в моей жизни. Они вселяли радость, а остальное отходило на задний план до следующий пригоршни таблеток — лёгкий способ получить удовольствие. Со временем наркотики серьёзно начали влиять на Муни и в особенности на меня. Мы часто отрубались, что сильно нас напугало. В тот момент я почувствовал, что мои дни работы с группой сочтены.

В августе 1966-го я ехал по Лондону на большой скорости, машины по пути шарахались в стороны, и только полицейские сирены и проблесковые маячки вынудили меня съехать на обочину. Это был мой третий штраф за превышение скорости, и два дня спустя суд постановил отобрать у меня водительские права. Из-за того, что основная работа с The Who состояла в вождении фургона, им нужно было найти другого, кто возил бы их на концерты. Я был взбешён потерей работы, но винить мог разве что только себя.

В последние дни работы с The Who они играли на благотворительном мероприятии на стадионе Уэмбли, вмещающем 10 000 человек. Наряду с ними выступали лучшие команды рок-музыки: The Beatles, The Rolling Stones, The Yardbirds, The Animals, The Walker Brothers, и Лулу. The Who вышли перед Роллингами, и сет был восхитительный — от «La La Lies» до «The Good's Gone», от «Much Too Much» до «My Generation». Даже в этом случае Стоунз и Битлы, выступая друг за другом, заставили позабыть обо всех, кто выходил перед ними. Когда Мик Джеггер гарцевал по сцене, давая волю спектаклю под названием «Люцифер рока», я подумал: «Кто может сделать лучше?»

Тридцать минут спустя Битлз сделали. Джон, Пол, Джордж и Ринго вышли на сцену и едва не сорвали крышу зала. «I Feel Fine»… «Ticket to Ride»… «We Can Work It Out»… «She Loves You»… «A Hard Day's Night». К счастью, они сыграли всего двадцать минут; а если бы остались чуть дольше, десятитысячная толпа испытала бы массовую остановку сердца. Это был волшебный, возбуждающий и совершенно утомительный вечер.

И снова, мой аппетит возжелал чего-то лучшего. Я знал, что хочу остаться в этом бизнесе и чувствовал, что готов к большему, чем The Who. До Led Zeppelin еще два года, и я успел поработать с

разными группами и артистами, включая The Yardbirds, Jeff Beck Group, Vanilla Fudge, The Young Rascals, The Searchers, The New Vaudeville Band и Терри Ридом. Но все они были лишь стартовой площадкой для Zeppelin. Для меня — да и для миллионов фэнов, — Led Zeppelin превратятся в лучшее, что могла предложить рок-музыка.

Часть 1

1. Аварийная посадка

— Ричард, что-то случилось с одним из Led Zeppelin.

Джулио Градалони пришёл ко мне с мрачным выражением лица, он нервно копался в портфеле и наконец, вытащил газету и положил её на стол между нами.

— Что вы имеете в виду? — я спросил его, чувствуя, как по спине пробежал холодок. — Что случилось?

Джулио был моим адвокатом; коренастый, серьёзный юрист за пятьдесят. Он сидел напротив меня в комнате свиданий тюрьмы Ребибиа недалеко от Рима. Я сидел за решёткой около двух месяцев по подозрению в терроризме. Все эти недели пребывания в тюрьме я был в замешательстве и вообще растерян, отчаянно, но тщетно, пытаясь убедить полицию и прокурора, что мой арест — это большая ошибка, и я не самая подходящая кандидатура для взрыва, чем сам Папа Римский. Но в это утро конца сентября 1980 года Джулио заставил меня забыть о своих проблемах.

— Один из музыкантов умер, — ответил Джулио, стараясь остаться невозмутимым.

— Умер! — я обмер. После почти двенадцати лет работы тур-менеджером Led Zeppelin, четыре члена группы — Джимми Пейдж, Роберт Плант, Джон Пол Джонс и Джон Бонэм, — стали мне как братья.

Какое-то время мы с Джулио не произнесли ни слова. Затем я, запинаясь, спросил: «Кто это — Пейджи?» Джимми такой хрупкий, подумал я, такой слабый. Может быть кокаин или героин в конце концов сделали своё дело. Его тело, должно быть, не выдержало.

Джулио, не глядя мне в глаза, внимательно всмотрелся в итальянскую газету и приготовился переводить статью о Led Zeppelin.

— Нет, — ответил он твёрдо. — Не Джимми Пейдж. Вот, что в статье написано: «Джон Бонэм, барабанщик Led Zeppelin, найден мёртвым в доме другого участника знаменитой группы…»

Джулио продолжал читать. Но после первых строк я перестал слышать его голос. Я оглох, вцепился в края стола и уронил голову. Я тяжело дышал, сердце бешено колотилось.

— Бонэм умер, — повторял беззвучно я про себя. — Чёрт, просто не могу поверить. Только не Бонзо. Почему он?

Я откинулся назад. Это должно быть какая-то ошибка. Это же бессмысленно. Он такой сильный. Что могло убить его?

Я перебил Джулио на полуслове: «В газете написано, от чего

он умер? Наркотики?»

— Ну, — ответил Джулио. — Ещё неизвестно. Но они говорят, что он выпил слишком много алкоголя в тот день. Похоже, что он выпил смертельную дозу.

Джулио попытался сменить тему. Он хотел поговорить со мной обо мне. Но я просто не мог.

— Давайте в другой день, Джулио — пробубнил я. — Не могу думать сейчас.

Не помню, как я дошёл до камеры. Я залез на койку и безмолвно уставился в потолок. К горлу подкатывала тошнота, когда я думал о жизни без Боэнма… без безбашенных соло на барабанах, его заразительного смеха и жажды приключений, которое возникало в нас за долгие ночи, проведённые в пирушках.

— С тобой всё нормально? — один из сокамерников, Пьетро, наконец спросил меня, перекрикивая шум доносящегося радио.

— Не уверен. Один из моих друзей умер.

Меня старались подбодрить, но я не слышал слов. В конце концов, эмоции выплеснулись через край, и я не выдержал. Бросив подушку в стену, я завопил: «Чёрт! Я гнию в грёбаной тюрьме за то, чего не делал! Я не был с другом, когда он умер!»

Я метался по камере, как лев в клетке. «Может быть, мне бы удалось сделать что-нибудь, чтобы помочь ему. Может быть, я бы спас его от саморазрушения».

Я продержался два тяжёлых месяца в тюрьме. Меня принудили отказаться от наркотиков, мне пришлось пережить ужасные дни и ночи приступов тошноты, мышечных судорог, боли по всему телу и поноса. Я пытался решить, как выбраться из тюряги и отбиться от беспочвенных обвинений. Сначала я отдыхаю в «Эксельсиоре», одном из самых элегантных отелей Рима, и вдруг полицейские с ружьями наперевес вламываются в мой номер и обвиняют меня в террористическом нападении, случившемся в двухстах километрах от отеля. И моё ежедневное существование сильно осложнилось, еще перед оглушающими новостями о Джоне Бонэме.

Первые дни и недели после смерти Бонэма я получил несколько писем от Юнити Маклейн, моей секретарши в офисе Zeppelin. «В отчёте коронера написано, что Бонзо задохнулся собственными рвотными массами. Там говорится, что он выпил сорок рюмок водки в тот вечер. Они назвали это несчастным случаем».

Бонэм умер в доме Джимми, Олд Милл Хаузе в Виндзоре — доме, который Пейджи купил в начале года у актёра Майкла Кейна. Группа собралась у него 24 сентября для репетиций в

преддверии американского тура, стартующего в середине октября. Начиная с полудня, Джон начал пить водку с апельсиновым соком в каждом близлежащем пабе, а затем позволил себе лишнего у Джимми дома. Его поведение становилось непредсказуемым, громким и резким. Он жаловался, что будет вдалеке от дома во время тура по Америке, состоящего из 19 концертов.

Когда Джон отключился после полуночи, Рик Хоббс, помощник и шофёр Джимми, уложил барабанщика в постель, укрыл одеялом и тихонько закрыл дверь спальни.

Следующим днём Джон Пол Джонс и Бенджи Ле Февр, один из роуди группы, на цыпочках вошли в комнату, где спал Бонзо. Бенджи встряхнул Бонзо, сначала легонько, затем более энергично, но разбудить не смог. Запаниковав, Бенджи лихорадочно проверил признаки жизни. Они отсутствовали. Он не дышал. Пульс не прощупывался. Тело было холодным.

Когда приехала «скорая помощь», его пытались реанимировать, музыканты в ужасе наблюдали за происходящим. Ничего не помогло. Он был мёртв несколько часов.

После длительного путешествия, начавшегося в 1968 году, Led Zeppelin совершили аварийную посадку. Это та самая группа, которая переопределила определение успеха в рок-музыке, чьи тиражи пластинок и аудитория на концертах превратили их в миллионеров и крупнейших концертных актов рок-н-ролльной сцены. Эта группа играла такую вдохновенную, динамичную и монументальную музыку, и исполняла её с такой уверенностью и харизмой, что билеты на концерты распродавались в часы после поступления в продажу. Бурные овации и вызов на бис бессчётное число раз со временем стали привычными. Гаремы возбуждённых девушек конкурировали за право выполнить любую сексуальную фантазию группы. Они летавшие с ними на частном самолёте, Starship, со спальней, а наркотики и алкоголь помогали усилить чувства.

Я был тур-менеджером группы с самого начала, с первого американского концерта в «Колизее» города Денвер в 1968 году, где они открывали выступление Vanilla Fudge. В течение последующих двенадцати лет я был с ними в каждом турне и на каждом концерте почти до самого конца — координируя авиарейсы и бронь в отелях, помогая выбирать концертные залы, планируя детали, включая размер сцены и высоту разделительных барьеров, обеспечивая беспощадную полувоенную охрану, доставляя девочек в номера и снабжая группу наркотиками. Я видел, как они превратились в могучую силу музыкальной индустрии.

Но смерть Джона Бонэма показала всем, что и Zeppelin не всемогущи. Их музыка будет жить вечно, но за это они заплатили ужасную цену.

2. Крушение

Я видел Джона Бонэма в последний раз за несколько дней до отъезда в Италию летом 1980-го. Мы встретились в пабе «Водяная крыса» на Кингз роуд после вечерней репетиции, перед европейским туром. Пока мы пили бренди, я жаловался на Питера Гранта, менеджера группы, который, вместо сопровождения команды в турне, отправил меня в Италию, для лечения от пристрастия к героину.

— Не волнуйся, — сказал Джон. — Ты покончишь с этим дерьмом и вернёшься к нам к концу лета.

Когда мы вышли из паба, Джон подбросил меня на Ferrari Daytona Spider с откидным верхом, которую купил за два дня до этого. Мы притормозили перед пабом, и я повернулся к Бонзо.

— Ты понимаешь, что этот европейский тур будет первым, на котором меня не будет? Надеюсь, вы уроды, будете по мне скучать.

Бонзо улыбнулся. «Вряд ли, Коул, — усмехнулся он. — И не рассчитывай». А затем спросил: «Ты сильно зол на Питера?»

— Сильно зол. Но я знаю, что мне нужно избавиться от пристрастия раз и навсегда. Тебе тоже, Бонзо.

Бонэм засмеялся. «Для меня это не проблема, — ответил он с пылом. — Если это станет проблемой, я сразу спрыгну».

И хотя мне очень хотелось поехать на гастроли, я ощущал, что теряю интерес. Музыка Zeppelin оставалась классной, но я видел, как организация задыхается в персональных неурядицах. Для меня трудности начали преобладать над радостями.

В ранние годы Zeppelin мы были близким коллективом из шести человек, где Питер и я оказывали поддержку четырём музыкантам. Тогда было истинной радостью видеть, как стремительно растёт слава группы, которая трансформировалась в невиданный финансовый успех и шанс жить невероятной жизнью, и группа музыкантов в основном из рабочего класса находила её неотразимой и хмельной.

Но признаки дезинтеграции начали выплывать на поверхность в конце семидесятых. Джимми, Бонзо и меня стремительно затягивало в трясину наркотиков, что раздражало Роберта и Джона Пола. «Ты один из тех, кто несёт вину за это, — как-то сказал мне Роберт. — То, что происходит, заставляет нас нервничать. Ты разве не видишь, что случилось?»

Я думал, что Роберт гнал. С ранних лет гастроли группы пропитались алкоголем: шампанское, пиво, вино, Скотч, Джек Дэниелс, джин… и наркотики без меры, хотя мы редко платили за

незаконные вещества. Наркотики для группы часто передавали через меня фэны, друзья, которые стучали в дверь моего номера, всовывали пакеты с кокаином или марихуаной или ещё чем-то подобным. «У нас подарок для вас». Группа редко отказывалась.

Когда Бонзо, Джимми и я начали использовать героин, никто не пытался агрессивно вмешаться, даже осознавая, что его влияние стало очевидным. Джимми так сильно пристрастился к наркотикам, что иногда опаздывал на репетиции на час или два. Поведение Бонзо, и так непредсказуемое, стало еще более непостоянным. А что касается меня, я покупал героин у дилеров в сотне метров от офиса Питера в Лондоне и хуже справлялся с ежедневными обязанностями. Я всё ещё думал, что всё контролирую, но это было не так. Я уверен, и Пейджи, и Бонэм тоже деградировали.

К 1980 году Питер и я постоянно набрасывались друг на друга. Питер не увольнял меня, но мы не могли поладить. Он был сыт по горло моей героиновой привычкой и поставил мне ультиматум.

— Выбери, куда хочешь поехать лечиться, и я заплачу, — сказа Питер. — Но ты не потащишь всю организацию за собой.

Время от времени мысль об отпуске казалась привлекательной, особенно когда мы находились в турне. Питер хотел знать, где я был и что делал каждый час каждого дня. Я чувствовал себя, будто за мной всё время следят, и мне это не нравилось. «Почему ты мне надоедаешь?» — иногда я кричал ему. Наркотики делали меня параноиком.

Я даже подумал об уходе. Но в то же время я не хотел расставаться с роскошным образом жизни, первоклассными номерами, наркотиками и групи.

Питер был устрашающего типа, массивным человеком, с избыточным весом, со всклокоченной бородой и быстро редеющей шевелюрой. Но, что более важное, он был практичным и преданным менеджером, который знал все тонкости музыкальной индустрии. Его заслуга в международном успехе группы не меньше, чем самих музыкантов.

Что касается Бонэма, временами у него выпирала очень неприятная часть — злость, замешанная на фрустрации, которая росла из смешанного чувства в отношении самих Led Zeppelin. Он любил играть в лучшей группе в мире, и весь светился, когда критики называли его барабанщиком номер один. Но с увеличивающейся частотой, он всё больше негодовал по поводу гастролей или конкретного концерта, когда попросту был не в настроении. Как и остальные музыканты, Бонэму больше не нужно было играть за деньги. Так что, когда его душевное

состояние противилось очередному рейсу до следующего концерта, когда его большое сердце и тоска по семье страдали от нахождения вдалеке от дома, он говаривал мне: «Становится тяжелее быть там, где я не хочу быть. Я продолжаю дело, потому что другие люди зависят от меня. Но вскорости я брошу всё. Я должен».

Тридцатиминутные соло Бонэма, от которых иногда палочки в щепки разлетались, а руки кровоточили, — были в какой-то степени способом избавиться от гнева и боли.

Джимми Пейдж был сложным человеком, но его преданность группе не подвергалась сомнению. Zeppelin были его детищем, его созданием, и его энтузиазм оставался сильным. Но здоровье Джимми постоянно беспокоило нас, во многом из-за вегетарианства, граничившего с недоеданием. Он казался таким хрупким и чаще других подвергался простуде. Но его страсть на сцене никогда не иссякала.

Джимми и я были очень близки в ранние дни группы, хотя в поздние годы мы проводили гораздо меньше времени вместе. Вне сцены мы, бывало, увлекались коллекционированием произведений искусства, но когда я начал тратить деньги на наркотики, то больше не мог позволить себе потакать художественным вкусам, и мы с Джимми отдалились. Он никогда не кичился своим состоянием, воспринимая его как средство приобретения уединения, и поддержки пристрастия к кокаину и героину. Но больше всего остального, музыка и Led Zeppelin были его истинной любовью.

Через тяжкие труды группы, Джон Пол Джонс оставался верным себе. Когда он баловался наркотой, это было больше из любопытства, чем что-либо другое — и никогда сверх меры. Он почти никогда не терял хладнокровия и оставался спокойным. Его склонность к одиночеству не покидала даже на гастролях, он предпочитал оставаться с собой наедине, подальше от хаоса и излишеств, ослаблявших Led Zeppelin. Он избегал большую часть безумств группы, а его брак сохранился сквозь годы туров, его жена и дети были для него всем.

— Ричард, — иногда говорил он мне, будучи в турне. — Вот номер телефона, где я буду следующие сорок восемь часов; но звонить можно только если возникнет абсолютная необходимость. Не говори никому — я серьёзно, вообще никому, где я.

Питер сильно возмущали исчезновения Джона Пола. Но Джонси был умнее всех нас, держась в стороне, когда остальных постепенно затягивала трясина.

До самой смерти Бонэма я всегда чувствовал, что на Роберта

Планта легла основная тяжесть негативной энергии, которая, вполне возможно, окружала Led Zeppelin. С первых дней эмоциональное пение Планта выдавало в нём чувствительную натуру. И я не был удивлён, увидев его душевно истощённым в 1975-ом, когда его жена Морин едва не погибла от травм и множественных переломов в автомобильной аварии на греческом острове Родос; или два года спустя, когда его сын Карак умер от серьёзной респираторной инфекции. На похоронах Роберт держался мужественно и сдержанно. Но уже позже, после обеда, Бонэм и я сидели вместе с ним на травке возле дома Роберта, поместье Дженнингс Фарм недалеко от Бирмингема. Мы пили из бутылки виски, и Роберт выговорился о том, насколько сбили его с ног трагедии в жизни, и куда движутся Led Zeppelin.

На самом деле, Роберта ранило, что Джимми, Джон Пол и Питер не приехали на похороны сына.

— Может быть, они меня не настолько уважают, как я их, — жаловался Роберт полным боли монотонным голосом. — Может быть, они и не такие друзья, как я думал.

Пару минут он думал о будущем и прошлом. «Мы не можем просить об успехе, — сказал он. — Профессионально, нам не нужно больше. Но куда это привело нас, чёрт возьми? Почему эти ужасные вещи происходят? Что вообще творится?»

Вопросы без ответов.

А потом умер Бонэм. В камере я сидел и размышлял над разговорами о «проклятии», преследовавшем группу многие годы. Эту тему часто обсуждали диск-жокеи и фанаты, даже больше, чем мы сами. Когда об этом заходил разговор, мы начинали просто прикалываться.

— Фигня, — сказал как-то Джимми со злостью. — Люди берут мой интерес к оккультизму и дают ему собственную жизнь.

Поскольку группа редко предпринимала попытки привлечь прессу и обсудить детали их личной жизни, музыкантов всегда окружала мистическая атмосфера, и группа сама подогревала слухи. «Пусть думают, что хотят. — говорил Джимми. — Если фанаты хотят верить слухам, так тому и быть. Немного тайны не помешает».

Самый зловещий слух достиг мифического статуса. Говорили, что в ранние дни участники группы — кроме Джона Пола, который отказался участвовать, — составили секретный пакт, согласно которому они продали души дьяволу в обмен на бешеный успех. В истории говорится, что был кровавый ритуал, который наложил демоническое проклятие и в будущем однозначно разрушит Led Zeppelin. И даже к смерти самих музыкантов.

Насколько я знаю, никакого пакта не было. Джимми здорово умел распускать слухи, особенно молодым девушкам, которых привлекала «тёмная» сторона группы. Так всё и началось. Однако, несмотря на увлечение сверхъестественными силами, он редко обсуждал свой интерес к оккультизму с другими членами группы. Один из роуди как-то сказал мне: «Я попытался обсудить эту тему, но Джимми пришёл в ярость. Никогда больше не буду говорить об этом».

Джимми восхищала сама идея чёрной магии, и в первые часы после смерти Бонэма, я размышлял, насколько сильной была его одержимость. Джимми владел домом, принадлежавшим Алистеру Кроули, английскому поэту, экспериментировавшему с заклинаниями, ритуалами, спиритическими сеансами, героином и «сексуальной магией». Соседи Джимми были убеждены, что дом был проклят, и они рассказывали истории о молодом человеке, которому там отрубили голову, и голова катилась по лестнице словно баскетбольный мяч.

И вот после смерти Бонэма для лондонских таблоидов наступил праздник. Они выступили с громогласными заголовками типа «Проклятие преследует Led Zeppelin». Согласно одному британскому репортёру, «Смерть Бонэма — это расплата за увлечение гитариста Джимми Пейджа оккультизмом».

Джимми всегда бесили подобные статьи. «Они вообще не понимают, о чём говорят, — орал он. — Пусть лучше держат своё невежество при себе».

Пока я сидел в тюрьме, мои мысли постоянно возвращались к теме колдовства. Неужели Led Zeppelin подверглись катаклизмам из-за каких-то неопределимых дьявольских сил? Была ли в этом вина из-за увлечения оккультизмом Джимми? А может это наш образ жизни и всякие излишества привели до трагедии?

Какие причины ни были, я знал, что группа никогда не останется прежней, если вообще останется. Даже перед смертью Бонэма, во время первых недель, проведённых в итальянской тюрьме, я старался не унывать, повторяя себе: «Это может закончиться в любой день. Я выйду на свободу, я соскочу с героиновой иглы, я буду с группой на американском туре. Всё придёт в норму, как раньше».

Но кончина Джона Бонэма вернула меня к реальности. Не только потому, что придётся жить с горем от потери друга, но и потому, что дни Led Zeppelin окончены. Все эти годы, хотя группа и не говорила никогда о чьей-то смерти, они понимали, что кто-нибудь может когда-нибудь покинуть группу.

«Если это случится, — говорил Джимми об этом весьма буднично. — Это будет конец группы. Структура закроется. Стоит

ли двигаться после этого?»

Бонэм был важной частью группы. Он и, в особенности, Роберт знали друг друга с юных лет, за несколько лет до Led Zeppelin. И хотя они ссорились или спорили — в основном по мелочам, например, кто должен платить за бензин, — они всегда были тесно связаны в эмоциональном плане. Я не мог представить, как Роберт будет петь без Бонэма позади себя. Это будет похоже на вождение машины с тремя колёсами. Когда умер Карак, Роберт обнял Бонэма на похоронах и сказал: «Ты мой самый старый друг; могу ли я рассчитывать, что ты всегда будешь рядом? Могу же?»

Джимми подвёл черту: «Будет оскорблением искать замену Бонэму, чтобы дальше функционировать».

Часть 2

3. Роберт

— Роберт, ты хочешь потратить свою жизнь в рок-группе? У тебя есть возможность получить прекрасное образование и сделать карьеру. Не позволяй себе оказаться на обочине жизни. Не позорься.

Эти слова произнёс Роберт Плант-старший, чей сын страстно желал быть рок-певцом. Для старшего Планта, инженера-строителя, который предпочитал Бетховена всяким Битлз, музыкальные амбиции сына превратились в кошмар. Он не мог смириться с тем, что мальчик тратит жизнь в погоне за неосуществимыми мечтами.

Роберт-старший тщетно тратил множество тревожных часов в мыслях, как вернуть сына к более «респектабельной» жизни и карьере. Тем временем младший Плант самостоятельно собирал инструменты (гармошки и казу), и относился к ним как к творениям Страдивари. Пока его отца угнетало отсутствие интереса у Роберта к образованию, подросток позировал перед зеркалом и учился петь под записи Элвиса.

Большинство рок-музыкантов, от The Beatles до Stones и Led Zeppelin, которые появились в шестидесятые, пришли из рабочего класса. Их родители пережили ужас и лишения Второй мировой войны, включая жестокую бомбёжку Лондона, которая предала город огню и оставила множество руин. Английская экономика пребывала в кризисе и с трудом восстанавливалась после войны. Для многих молодых музыкантов в Англии, которые росли в домах, где слушали Фрэнка Синатру или оркестр Стэна Кентона, рок-музыка стала способом не только выбраться из бедности, но и выразить свой протест, а также выступить против традиций среднего и высшего классов, которые, по их мнению, притесняли и чинили боль их семьям. Годы спустя рок-музыка превратилась в мощное оружие бунта.

Но в то время, когда рок являлся музыкой бедных, семья Плантов принадлежала к среднему классу. Роберт родился в 1948 году в Вест-Бромвиче, графство Стаффордшир, и рос в Мидлендсе, маленьком сельском городке Киддерминстер. В ранние дни Led Zeppelin Роберт производил впечатления интеллигента, иногда презрительно поглядывал на нас, простолюдинов. Он никогда не говорил снисходительно, но снисхождение сквозило в каждой клетке, словно он был сделан из узоров.

Роберт ходил в школу Короля Эдуарда VI в Сторбридже, где школьные проказы составляли часть его жизни. Однажды он

спрятал пару теннисных туфель в пианино, после чего учитель не мог ничего сыграть. Эта проделка стоила Роберту исключения из музыкальной программы, самого любимого урока.

С четырнадцати лет Роберт начал отращивать волосы (чтобы девочек привлекать) и принялся играть с рок-группами. И времени на школу уделял меньше, хотя проявлял интерес к таким предметам, как археология. Больше всего его привлекала музыкальная карьера, хотя семья отнеслась к этому скептически.

В какой-то момент Роберт-старший решил, что страсть к музыке его сына постепенно утихнет. Иногда он возил своего парня на концерты в клуб «Севен Старз Блюз», где подросток пел с группой Delta Blues Band, в составе которой играли Крис Вуд на флейте и Терри Фостер на восьмиструнной гитаре. Когда публика песни знала, то одобрительно гудела, и молодой певец приходил в восторг. Но Роберт стремился показать неизвестные блюзовые вещи, например Блайнд Бой Фуллера, и толпа замолкала и чувствовала себя неуютно, словно ей исполняли «Кармен» или «Мадаму Баттерфляй».

Роберт был достаточно умён, чтобы понять, что его шансы достичь успеха незначительны. «Даже самые талантливые вокалисты обычно не доходят до финиша, — говаривал он. — Я даю себе срок до двадцати. Если к этому сроку не получится, займусь чем-нибудь другим».

Роберт переходил от одной группы к другой, The Crawling King Snakes (по песне Джона Ли Хукера)… Black Snake Moan (названной в честь вещи Блайнд Лемон Джефферсона)… The New Memphis Bluesbreakers. Когда он играл свои версии музыкальной классики, его голос начал привлекать больше внимания. Мощный, чувствительный, душевный, он буквально притягивал людей.

«Может что-то меняется», — делился надеждами Роберт с друзьями, выступая перед полным залом. Но несмотря на растущее признание, разочарований всё же было больше.

В 1966 году, после того, как он присоединился к группе Listen, каким-то скаутам из CBS Records понравилось то, что они услышали. Их поразили сильный голос и поведение на сцене. CBS подписали группу на три сингла, на первом из которых записана хорошая версия хита Young Rascals «You Better Run». Выпущен он был скромно, а привлёк ещё меньше внимания. Радиостанции и покупатели на заметили пластинку. Первая встреча с музыкальным бизнесом оказалась жестокой.

Роберт был удручен провалом, но не сломлен. «Я пробьюсь, — говорил он друзьям, стараясь поддерживать дух на высоком уровне. — Я верю в себя, и это пол-дела». На самом деле

его одолевали большие сомнения, и он начал сомневаться, что дела пойдут в его пользу.

В 1967-ом CBS Records предложили Роберту записать два сингла по контракту с Listen. Казалось, это отличная возможность — пойти в студию самому. Но радость Роберта была омрачена выбором песен. Одна из них, «Our Song», была прилизанной оркестровой итальянской балладой с английским текстом. Кто-то из друзей Роберта спросил: «Что они делают с ним, чёрт возьми? Слепить из него очередного Тома Джонса?» Роберт стыдился записи. Он чувствовал, будто теряет свою индивидуальность в куске винила, вышедшего из-под пресса. Его чутьё не подвело: «Our Song» разошлась тиражом всего 800 экземпляров, и компания действительно пыталась сделать из него нового Тома Джонса. Кампания была столь же успешной, как и российский автопром. В какой-то момент Роберт был настолько подавлен тем, что его карьера упёрлась в отвратительную кирпичную стену.

— Если моя мама не купила пластинку, её больше никто не купит, — шутил Роберт, и он не преувеличивал.

В этот период, несмотря на происхождение из среднего класса, он стал модом. Он носил отстроносые сапоги на каблуке и обтягивающие пиджаки, участвовал в драках с рокерами где-нибудь в Маргите. Он состриг длинные светлые локоны и сделал причёску во французском стиле на подобие Стива Марриотта, вокалиста Small Faces, которые задали неотразимый музыкальный вопрос: «How's your bird's lumbago?» (честно скажу, так и не понял, что эти кокни имели в виду — прим. пер.) во время концерта в Бирмингеме, на котором побывал Роберт.

Пока карьера Роберта буксовала, его родители попытались снова направить сына в более традиционном направлении. «Почему бы тебе не пойти учиться на бухгалтера?» — спросила обеспокоенная мама. Роберт был и так в удручённом состоянии, а тут ещё и это.

И хотя Роберт был достаточно умён, чтобы понимать, что он гоняется за неосуществимой мечтой, но всё же он был расстроен недостаточной поддержкой со стороны семьи. Он до сих пор думал, что у него есть ещё одна попытка стать звездой, хотя родители ждали, когда же сын перерастёт свои «фантазии» насчёт карьеры в музыке. Роберт чувствовал себя разочарованным, оскорблённым и униженным. Когда он бывал в доме родителей, то чувствовал, как растёт пропасть между ними. На каком-то уровне он отчаянно хотел доказать им, что может преуспеть в музыке.

Тем не менее, чтобы доставить удовольствие семье, Роберт в конце концов согласился пойти учиться на бухгалтера, хотя его

сердце принадлежало блюзовым исполнителям типа Роберта Джонсона, Томми МакКлеллана, Отиса Раша, Мадди Уотерса и Сонни Бой Уильямсона, чьи записи он частенько находил в магазине уценённых товаров, в которых часто ошивался.

Через две недели учёбы Роберт поднял руки. Ему платили какие-то два фунта в неделю, но что важнее, он понял, что существуют более интересные вещи, чем гроссбухи и балансовые ведомости. — Не хочу тратить жизнь на подсчёт денег других людей, — жаловался он друзьям. — Я лучше стану тем, кто делает их!

Без всякого сожаления Роберт полностью переключился на музыку. Как и раньше, он переходил от одной группы к другой, в конце концов оказавшись в Band of Joy. Как и ранние музыкальные начинания, эта группа достигла минимального успеха. Концерты случались нерегулярно, и большая часть их проходила в полупустых залах. Мало других проблем, Роберт постоянно ссорился с менеджером.

— Ты знаешь в чём проблема, Роберт? — спросил его как-то менеджер. — Я не думаю, что ты хорошо поёшь! Тебе стоит серьёзно подумать об уходе из группы.

Роберт в ярости вышел от менеджера, его самолюбие было основательно задето. Да, его голос был немного неистовым, но он в то же время чувствовал, что в нём есть нечто уникальное. Он старался не обращать внимания на критику, пропускать её мимо ушей, но это было трудно. Он твёрдо вознамерился продолжать петь, хотя денег музыка не приносила. Роберту досталось название группы, и вскоре Band of Joy реформировались во втором, а в последствии и в третьем составе, которые попробовали себя в нескольких неожиданных направлениях. В последней инкарнации играл странный длинноволосый барабанщик с усиками по имени Джон Бонэм. Он вечно был недоволен бешеной мощью и яростью, создаваемыми им на концертах. Он обёртывал барабаны алюминиевой фольгой, чтобы звук был более хлёстким и взрывным, а ещё чтобы привлекал больше внимания к группе.

Но на самом деле Band of Joy требовалось гораздо больше усилий, чтобы завоевать сердца аудитории. Участники группы иногда выступали с разукрашенными лицами и носили длинные фраки. Они устраивали войнушку на сцене с игрушечными автоматами. А толстый басист, одетый в кафтан и расклёшенные брюки прыгал со сцены в толпу, страшно пугая её тем самым. Как будто «Гинденбург» (а может, «Цеппелин»?) падал на них. Если в этом и был какой-то смысл, никто не мог понять — какой именно.

Одним вечером группа играла в Селкирке, и пьяный

посетитель концерта бросил в Планта кусок пирога. Роберт постоянно двигался по сцене, поэтому пирог вреда никакого не причинил.

Band of Joy играли два концерта в неделю, но денег много мы не зарабатывали, — вспоминал Роберт годы спустя. — Если бы я не был к тому времени женат, а у моей жены Морин не было работы, мне нечего было бы есть. Вот так! Я бы стоял на бирже труда.

В известной степени, Морин была спасительницей Роберта, и он это знал. Без её денег, не говоря уже о моральной поддержке, он бы давно сдался. Он встретил её на концерте Джорджи Фейма, и они вскоре стали вместе жить, а затем поженились. Когда Роберт приносил домой какие-то деньги, она была уверенна, что у них будет крыша над головой. Когда его уверенность пошатывалась, она помогала восстановить её. Роберт часто говорил, что если бы не Морин, он давно бы сошёл с ума.

Band of Joy продолжала бороться за выживание. Они работали за семьдесят фунтов за вечер, играли песни Сонни Бой Уильямсона и Grateful Dead и даже записали несколько демо в студии Regent. Но к их разочарованию, контракта никто им не предложил. В конце концов, в отчаянии от отсутствия перемен, Роберт решил, что борьба не стоит продолжения. Группа распалась.

И снова Роберт должен был принимать тяжёлые решения касательно будущего. В начале 1967-го он работал дорожным рабочим и укладывал асфальт где-то на Вест Бромвич Хай стрит, а на заработанное (шесть шиллингов и два пенса в час) покупал альбомы Buffalo Springfield, Love и Moby Grape. Большая часть английской рок-сцены была убожеством и недостойной записи на виниле. Но Grape — с их комбинацией блюза, фолка, рока, ритм-энд-блюза, кантри и блюграсса — вернула Роберта в музыке, к большому горю родителей.

Даже после того, как Led Zeppelin стали миллионерами, примирение с отцом затянулось на годы. Отец Роберта не признавал карьеру рок-певца своего сына, даже несмотря на невероятный успех. Этот факт сильно ранил Роберта. На одном приёме в Бирмингеме я разговаривал со старшим Плантом и предложил ему бутылку пива — без бокала. Он посмотрел на меня с отвращением, словно говоря: «Ты за кого меня принимаешь, чтобы я пил прямо из горла?» Он был совсем из другого мира.

4. Бонзо

Джон Бонэм был весьма практичным парнем. Насколько я знал его, никакие маски не скрывали настоящего Бонэма. Вся громкость, всё безумие, всё остроумие и весь талант — в этом был Бонзо. Что внутри, то и снаружи.

В детстве, задолго до Band of Joy или Led Zeppelin, он молотил по всему, что могло издавать шум. Родился он в 1948 году в Реддиче, что в двенадцати милях к югу от Бирмингема, он колотил по маминым горшкам и сковородам, или по жестяному подносу, к которому была приделан провод, чтобы было похоже на звук рабочего барабана.

Мать Бонэма купила первый настоящий барабан сыну, когда тому было десять. А вскоре отец принёс домой настоящую ударную установку, подержанную и немного обветшалую. Кое-где была ржавчина, но Джон любил её. Его расстраивало, если кто-то из друзей или других барабанщиков не лелеял свой инструмент так, как по его мнению, он того заслуживал. Для Бонзо подобное пренебрежение было сравнимо с насилием над ребёнком. Музыка стала его первой страстью, и если он не играл хотя бы день, то чувствовал, словно день прожит зря.

Вскоре после окончания школы, когда Ринго Старр был в Англии предметом зависти любого юноши с палочками в руках, Бонзо ступил на путь зарабатывания на жизнь музыкой. Он играл с Терри Уэббом и его группой The Spiders. Они одевались в фиолетовые пиджаки с галстуком-шнурком, а волосы зализывали назад. Тогда его игра была спокойнее и более контролируемая, чем потом.

Как и с Плантом, на Бонэма давили предки, чтобы он бросил музыку. «В мире есть много честной работы, Джон, — говорил ему отец. — Ты можешь достойно зарабатывать, если действительно захочешь этого». Отец Бонэма был плотником и каменщиком, и Джон помогал ему какое-то время, отложив палочки в сторону в обмен на кувалду. Но он любил музыку — ничто больше не делало его таким счастливым — и вскоре он снова играл с группами: The Nicky James Movement, A Way of Life, а также со Steve Brett and the Mavericks.

Джон верил, что музыка — это лучшее, что он может делать, но тем не менее он превратился в очередного голодного артиста. В восемнадцать он встретил свою будущую жену Пэт, а она была достаточно благоразумна, чтобы выйти замуж за того, чьё будущее скорее проблематично, нежели перспективно. Но Бонэм был настойчив.

— Это вопрос времени, — говорил он Пэт. — у меня получится, если ты будешь верить в меня.

Несмотря на некоторые шансы, она не верила. Но всё же Пэт сдалась, и они переехали в трейлер и стали жить вместе. Бывало, когда Бонзо был расстроен слабым развитием карьеры, или выходил из себя от того, что реальность не оправдывала его ожидания, он обещал Пэт, что бросит, если ничего не изменится. Но это были пустые обещания, и оба это понимали. Музыка была неотъемлемой частью его. Он никогда не думал серьёзно бросить музыку.

Время от времени Бонзо стоило пойти на паперть, чем выступать. Когда он играл в Nicky James Movement, группа так часто была на мели, что выступала на аппаратуре, за которую не до конца расплатилась. После выступления оборудование конфисковали из-за отсутствия средств. «Так хорошую музыку делать нельзя», — думал Джон, но в тот момент альтернативы не было. Он был очень предан тем, кто позволял ему играть с ними; он любил чувствовать себя частью группы, чувство, которое пронёс сквозь долгую историю Led Zeppelin. Даже в те трудные времена, молва о Бонзо распространилась далеко: «Он лучший барабанщик в Англии»… «Он играет так громко, что вы даже думать в это время не сможете»… «Он ломает больше палочек за неделю, чем большинство за всю жизнь».

Со временем Бонзо развил больше мастерства и меньше агрессивности в своей игре. И хотя он оставался командным игроком, он стремился к равному вниманию к собственной персоне, особенно, когда видел, что другие барабанщики становятся очень известными. Он восторгался и одновременно завидовал Джинджеру Бейкеру из Graham Bond Organisation, потому что Бейкер никогда не позволял затмевать остальным себя, несмотря на присутствие таких сильных музыкантов, как Бонд и Джек Брюс. «Вот так я хочу, чтобы было, — говорил себе Бонзо. — равноправный член группы, а не просто задающий ритм для впереди стоящих». Когда альбом Cream «Fresh Cream» появился в начале 1967 года, соло Джинджера Бейкера в «Toad» превратилось в бенефис Бейкера. Джон устремил взор к славе. Менее, чем через два года он станет участником Led Zeppelin.

5. Джон Пол

Даже для тех, кто хорошо знал Джона Пола Джонса, он оставался загадкой. В музыке его отличала методичность и холодная уверенность, которую невозможно пошатнуть. Насколько я его знал, не важно, сколько чувств он привносил в свою музыку, он это делал последовательно и надёжно. Он знал, на что способен — и делал это.

Настоящее имя Джона Пола — Джон Болдуин. Он вырос в семье, которая поощряла интерес в музыке. Он родился в 1946 году в Сидкапе, графство Кент. Его отец играл на фортепиано и руководил оркестром. В детстве Джон Пол играл на фортепиано вместе с папашей на свадьбах, бар-мицвах и на различных вечерниках. Джон Пол понимал, что играет не в Мэдисон Сквер Гардене или лондонском Палладиуме, но это были отличные учебные полигоны для будущих свершений.

Впервые Джон Пол взял в руки бас в подростковом возрасте. Он взял всего один урок игры, но этого оказалось достаточно. Он просто дал волю своим музыкальным инстинктам и чувствительным пальцам. Но на него также оказали влияние такие музыканты, как Чарли Мингус, Скотт Ла Фаро и Рэй Браун.

Первым басом была модель Dallas («гриф у него был, как ствол дерева»). Однако, несмотря на поощрения занятиями музыкой, отец Джона Пола не видел будущего в бас-гитаре. Он убеждал сына сконцентрироваться на тенор-саксофоне, утверждая, что дни бас-гитары сочтены.

Но несмотря на угрозы, судьба баса не повторила путь аккордеона или арфы. На самом деле, когда Джон Пол доказал отцу, что может заработать на жизнь игрой на басе, старик немедленно изменил точку зрения.

В семнадцать Джон Пол сменил несколько групп, игравших на гитарах Burns и исполнявших песни Джерри Ли Льюиса и Литтл Ричарда. Они носили пурпурные куртки и белые башмаки, годы спустя Джон Пол будет вспоминать это со смущением. Самой известной из этих групп была Harris/Meehan Group, возглавляемая Джетом Харрисом и Тони Миэном, который пел с The Shadows во времена хита «Diamonds». Из-за своего юного возраста и неопытности Джон Пол прилично нервничал, но его внутренняя уверенность помогала играть на высоком уровне.

Вскоре Джон Пол нашел более прибыльный способ играть музыку, в частности, работая сессионным музыкантом. С самого начала он подошёл к делу серьёзно и методично, и ему начали предлагать столько работы, сколько он мог сделать физически.

Он аккомпанировал всем от Дасти Спрингфилд до Тома Джонса и Джеффа Бека. Он играл на стоунзовской «She's a Rainbow» и «Sunshine Superman» Донована. Он аранжировал песни группе Herman's Hermits и в разгар сессионной работы умудрился выпустить сольный сингл «Baja», на обратной стороне которого была записана композиция со странным названием «A Foggy Day in Vietnam» (Туманный день во Вьетнаме). К несчастью, популярность сингла не превысила популярность вьетнамской войны.

Несмотря на успехи в сессионной работе, для Джона Пола этого было недостаточно. Он начал искать варианты расширения горизонтов за пределами стен студии. Для большой публики имя Джона Пола оставалось неизвестным, но он никогда не чувствовал, что ему нужна слава. Более важным он считал возможность развиваться музыкально.

В то время Джон Пол вёл домашний образ жизни; работа в студии приносила доход достаточный для того, чтобы проводить много времени с женой Мо и двумя дочерьми. И поэтому он часто задавал себе вопрос, действительно он хочет играть в группе, ведь концерты, гастроли и необходимость быть вдалеке от дома были частью сделки.

К конечном счёте ему выпало предложение, от которого сложно было отказаться. Оно поступила от молодого гитариста Джимми Пейджа, с которым Джон Пол встречался в студии. Джимми нравилась работа Джона Пола, в частности аранжировки, которые тот сделал для нескольких песен Yardbirds. Джимми запомнил имя Джона Пола и подумал, что в будущем они могут снова пересечься.

6. Джимми

Джимми Пейдж родился в 1944 году в Хестоне, графство Миддлсекс, но детство провёл в Фелтхэме, пригороде Лондона, который находился так близко к аэропорту Хитроу, что можно физически почувствовать, как приземляются самолёты. Ему нравилась рыбалка и коллекционирование марок, но в двенадцать его жизнь изменилась, когда он услышал песню Элвиса «Baby, Let's Play House». Но не особенный голос Элвиса привлёк внимание Джимми. То были инструменты аккомпанирующего состава — электро-гитара, акустическая гитара, контрабас — они заставили его снова и снова проигрывать пластинку, до отвращения, даже игла проигрывателя стачивалась.

С Элвисом в голове, Джимми взял в руки испанскую гитару со стальными струнами и пытался копировать звуки на пластинке. Первые попытки были, понятное дело, неумелыми. Но это не имело значения, он был сражён. Он чувствовал, как растёт внутри него возбуждение. Он не мог отпустить гитару, даже если хотел этого.

В школе Джимми делал успехи в беге с барьерами, но музыка затмила всё. Он попросил школьного друга показать несколько аккордов. Он также купил самоучитель в магазине. Он изучал обложки пластинок в поиске знакомых имён — Скотти Мура, который играл на записях Элвиса, Джеймса Бёртона, гитариста Рики Нельсона, и Клиффа Гэллапа, аккомпанировавшего Джину Винсенту. Ему нравились хиты из топ-40: «Stagger Lee», «Jailhouse Rock» и «Save the Last Dance for Me», но он предпочитал слушать игру музыкантов, а не пение вокалистов.

Отец Джимми работал менеджером по производственному персоналу и — практически по умолчанию — начал поощрять таланты сына. Другой любовью Джимма была живопись, которая его отцу казалась более бессмысленной. Так что после окончания школы отец немного возражал, когда на танцах в Эпсоме Джимми заметил Нил Кристиан, вокалист, который пригласил Джимми в группу Neil Christian and the Crusaders. Кристиан, очень воспитанный человек, даже спросил разрешение у родителей Джимми. «Я присмотрю за ним», — пообещал он.

«Крестоносцы» к сожалению так и не смогли завоевать большую аудиторию. И хотя у них постепенно появлялись поклонники, они предпочитали играть старые вещи Бо Диддли, Чака Берри и Джина Винсента, в то время как толпа требовала хитов из десятки. Что ещё хуже, передвигалась группа в

развалюхе, которая ломалась чаще, чем происходили нервные срывы у пациентов психиатрической клиники. Несмотря на таланты, они были обречены с самого начала: им не суждено было стать новыми Биллом Хейли и его Кометами.

Тем не менее, они не прошли незамеченными. Джефф Бек, чья сестра познакомила его с Джимми, побывал на концерте группы и был поражён видом Джимми на сцене. Гитара была больше самого Джимми, говорил он друзьям, который «был тощеньким пареньком с руками и ногами, как спички».

Тем не менее, Джимми одевался со вкусом и со временем выработал свой стиль игры с мелодическими фразами, от которых иногда вокалист переставал петь и позволял юному гитаристу завладеть вниманием.

Джимми зарабатывал двадцать фунтов в неделю, но стремительная жизнь от концерта концерту в итоге сказалась на здоровье Джимми. Он был чемпионом в беге в школе, но его тело не подходило для жизни на гастролях. Физическое истощение привело к хроническому кашлю, в итоге превратившегося в жуткую ангину.

Одним вечером Джимми стоял возле клуба в Шеффилде и вдруг упал в обморок. Доктора осмотрели его в тот вечер, а затем на следующий день и вынесли суровый вердикт: «Притормозить». Джимми, истощенный и больной, не собирался заигрывать со здоровьем и поэтому ушел из Crusaders.

Джимми поступил в колледж искусств в Саттоне. Но как бы ни любил он живопись, кисти и мольберт не делали его счастливым. Он не мог забыть о музыке и постоянно упражнялся на гитаре. Он размышлял какое-то время, чтобы забросить суровую жизнь в музыке в обмен на менее стрессовое поприще художника. «Может быть, искусство — моё призвание, — иногда казалось ему. — Всё, что я делаю в музыке, должно быть всего лишь хобби». Однако, он начал ходить в клубы Вест-Энда, например, Марки или Кродэдди, где играл джемы с любым, кто хотел с ним играть. Иногда он играл часами старые хиты Чака Берри, до волдырей на пальцах. Он был без ума от музыки.

Как и Джон Пол, Джимми влился в сессионную работу, на целых шесть лет, отложив на будущее кисти и краски. Предложения следовали одно за другим, не только потому, что он был хорош, но в дополнению ко всему, он был надёжным парнем, способным играть в любом стиле — и рок, и блюз, и джаз. Сначала сессионная деятельность ему очень нравилась. Бывало, он впадал в благоговейный трепет перед артистами, для которых он должен был записываться: Rolling Stones, Herman's Hermits, Kinks и даже Петула Кларк и Бёрт Бакарак. Он играл на «Hurdy

Gurdy Man» Донована, на «I Can't Explain» группы The Who. Его даже как-то наняли для записи музыки для супермаркетов, а число коммерческих джинглов просто не счесть.

В самом начале, из-за отсутствия музыкального образования, Джимми сомневался в способности успешно работать в студии. Никто не мог «чувствовать» музыку лучше, чем он, но его часто просили играть в соответствии с чьим-то видением, а не его. А это означало играть с листа, такт за тактом.

Джимми пришлось освоить нотную грамоту; но иногда возникали ужасные моменты, когда Джимми допускал досаднейшие ошибки из-за слабого чтения с нотного листа. Он часто говорил, что в начале ноты казались ему стаей ворон, сидящей на телефонных проводах. Тем не менее, работая в студии, он неплохо начал зарабатывать.

Неудивительно, что возможности Джимми пугали некоторых его коллег. Продюсер Шел Талми однажды сказал ему: «The Kinks записывают новый альбом под названием «You Really Got Me». Я хочу, чтобы ты был неподалёку».

Шел пояснил, что Джимми сможет внести неоценимый вклад в запись — но сама группа не была в этом уверена. «Зачем он нам нужен? — нервно спросил Питер Куэйф. — Дэйв Дэвис отлично сыграет соло. Это смешно, Шел!»

Шел подождал, пока гнев музыкантов приутихнет. Когда эмоции улеглись, он привёл Джимми. Вскоре Kinks изменили своё мнение. Когда они услышали игру Джимми, никто не сомневался в решении Шела.

Шли годы, одна сессия переходила в другую, и Джимми почувствовал скуку и пустоту. Он говорил друзьям, что сессионная работа крадёт у него творческую жилу. «Ты приходишь, тебе говорят, что надо делать. А ты, чтобы порадовать их, стараешься не импровизировать. Чисто механическая работа».

В какой-то момент растерянность Джимми достигла пика, и тут он встретил Эндрю Олдэма, менеджера Rolling Stones, который рассказал ему о создании нового рекорд-лейбла. «Ты нам бы очень пригодился. Не только для сессионной работы, но и для продюсирования».

Здесь можно было раздвинуть собственные музыкальные горизонты. И Джимми ухватился за новую возможность — стать штатным продюсером новой компании, Immediate Records, — где он работал над записями Джона Мейолла и Нико. Энтузиазм вспыхнул с новой силой, именно в этом он так нуждался.

В это время Джимми столкнулся Эриком Клэптоном, буквально в холле студии звукозаписи. По контракту с Immediate Джимми спродюсировал несколько блюзовых вещей с Эриком —

«Double Crossing Time» и «Telephone Blues». Эти двое почувствовали некую химию, возникшую между ними, и когда позволяло время, часто джемовали друг с другом. Однажды они играли несколько часов подряд в доме Джимми, подпитываясь энергией друг друга, восхищаясь возникшей синергией между ними. Джимми даже записал кое-какие вещи на простой двухдорожечный магнитофон.

В дни тех сессий Джимми понял, что ему есть что предложить миру, больше, чем студийная работа. Он оглядывался по сторонам, он хотел делать музыку так, как ему это виделось. Когда он присоединился к The Yardbirds, а позднее сформировал Led Zeppelin — он требовал, чтобы контроль принадлежал полностью ему.

Часть 3

7. Председательствуя на рок-похоронах

— Что с вами, уроды? У вас осталась хоть капля профессионализма?

У Джимми Пейджа лопнуло терпение. Он нервно расхаживал по комнате и отчитывал вокалиста Yardbirds Кита Релфа сразу по окончании концерта в Чикаго, во время которого пьянство Кита вышло за всевозможные рамки. Джимми в сердцах пнул близлежащий гитарный кейс. Он сложил руки на груди. Весь его вид: нахмуренные брови и дрожащий голос, выдавали в нём состояние крайнего раздражения.

— Ты выходишь на сцену, Кит, и ведёшь себя так, словно бухаешь в пабе, — кричал Джимми. — Что с тобой стряслось, твою мать?

В тот вечер Релф притащил несколько бутылок прямо на сцену — скотч, бренди, бурбон и пиво. В то время, пока раздавался последний аккорд «Heart Full of Soul», он нагнулся, взял бутылку скотча и отхлебнул прямо из бутылки. То же самое проделал после «For Your Love» — практически после каждой песни. Всё это время Джимми гневно поглядывал на него и орал, чтобы тот «притормозил», но тщетно. Кит так надрался, что остальные музыканты унесли его со сцены под руки.

Yardbirds распадались, и Джимми это понимал. Из-за этого он не мог сомкнуть глаз ночами. Для музыканта с талантом такого масштаба и столь глубокого профессионализма, Пейджи вряд ли подходил для председательствования на кончине одной из лучших рок-групп шестидесятых. Но ещё когда я только начал работать с Джимми и Yardbirds в начале 1968-го, всё шло именно к этому. Yardbirds разваливались прямо на глазах.

К тому моменту Джимми проработал с группой около двух лет, присоединившись в качестве басиста в июне 1966 года. Когда он стал участником группы, то увидел в этом выход… спасительный путь от рутины студийной работы. В дальнейшем группа станет для него своего рода плацдармом для двенадцатилетней карьеры в Led Zeppelin.

Но сперва Джимми должен был справить похороны Yardbirds, на которых мне пришлось нести гроб. Я работал дорожным менеджером в последнем турне, начавшемся в марте 1968 года.

Питер Грант, менеджер Yardbirds, нанял меня на этот тур после моей работы с другой командой Гранта, New Vaudeville Band. Мик Уилшир, барабанщик, которого я встретил два года назад во время отпуска в Испании, был одним из New Vaudeville Band. Он же организовал мне встречу с Питером. Когда я впервые

вошёл в офис Гранта, он восседал за огромным столом. Офис был внушительным, под стать такому человеку, как Питер, который был одним из самых больших парней, что я когда-либо встречал. Когда он встал поприветствовать меня, я невольно сглотнул слюну. Он был просто огромен! Рост метр девяносто; он выглядел внушительно. Позже, когда я узнал, что он в своё время был вышибалой в ночном клубе, борцом и дублёром таких тяжеловесных английских актёров, как Роберт Морли, то не сильно удивился. Но стал более осмотрительным, если стоял рядом.

Питера воспитывала мать, и они жили в бедном районе Лондона. Он бросил школу, перебивался случайными заработками и в конце концов оказался в музыкальном бизнесе. Он работал тур-менеджером на британских гастролях таких американских исполнителей, как Everly Brothers и Литтл Ричард, во время которых выработал беспощадное отношение к тем, кто перебегал ему дорогу. Я слышал историю, как однажды он избил промоутера, который попытался обсчитать Литтл Ричарда на несколько фунтов. Бедняга оказался в больнице из-за гнева Питера, но пострадали также несколько копов, вызванных навести порядок. Для Питера это всё равно, что вернутся на борцовский ринг.

Меня всегда знали как крутого парня, но Питер Грант, я вскоре это понял, был из другой лиги. На той первой встрече я рассказал Питеру немного о себе и группах, с которыми работал.

— Что ж, Коул, — сказал он наконец. — Вакансия тур-менеджера New Vaudeville Band открыта. Я плачу двадцать фунтов в неделю. Идёт?

— Не совсем, — ответил я мгновенно. — Тридцать фунтов в неделю — столько я хочу. И ни фунтом меньше.

Питер был изумлён моим ответом. Честно говоря, я и сам был в шоке, потому что нервничал, сидя перед огромным человеком. Позже Питер сказал мне: «Я не привык, чтобы со мной так разговаривали. Но с другой стороны, я подумал, что это хороший знак. Я ведь сомневался, сможешь ли ты позволить другим орать на себя».

Питер согласился на тридцать фунтов. Мы пожали руки, а когда я направился к двери, он проревел: «И ещё, Коул, — Я оглянулся. Он тряс в мою сторону указательным пальцем. — Я не хочу знать, что ты повторяешь всё, что говорится в этом долбанном офисе. Если будешь трепаться, отрежу тебе уши! Возьму и отрежу!

В тот момент я не сомневался, что он на это способен.

— Позвони мне в конце недели, Коул. Я к тому моменту

пойму, где тебе начинать.

Вот так я познакомился с Питером Грантом. И это был мой первый шаг в организации Гранта, который привёл меня к Yardbirds.

Моё сотрудничество оказалось трудным как для меня, так и для Пейджи. В допейджевской эпохе Yardbirds достигли уровня невероятной популярности, начиная с 1963 года. В середине шестидесятых одно только имя заставило рок-фанатов обратить внимание на них, во многом благодаря выдающимся гитаристам, игравшим в группе. До Джимми Yardbirds дали дорогу двум лучшим представителям своей эпохи — Эрику Клэптону и Джеффу Беку. Мало кто мог заменить их, Джимми был одним из таких.

Когда Пол Сэмуэлл-Смит ушел из Yardbirds в 1966-ом, Пейджи поступил на его место. Следующие два года он занимал важное место в группе. Но к 1968 году, когда я начал работать тур-менеджером с ними, они уже находились на последнем издыхании. И все в группе это прекрасно понимали. Если рок-музыкант перегорает, то дотла и моментально. Из оригинального состава из пяти человек 1963 года, трое — Кит Релф, Крис Дрежа и Джим МакКарти — до сих пор играли в группе, правда, без ощутимого энтузиазма.

С момента присоединения к команде, Джимми руководил группой как мог. В частности, во время последнего тура Релф выступал чисто автоматически. «У нас есть контрактные обязательства, и я должен выполнить их, — сказал мне однажды Кит, потягивая пиво в номере отеля. — Но я уже от всего этого устал. Я выжат, как лимон».

Во время того тура Кит напоминал тень самого себя — он погряз в алкоголе и кокаине. Он принимал и кислоту, чаще всего в номере, не без угрозы сжечь всё вокруг себя. Джимми и я иногда нюхали кокаин вместе, но Кит не знал меры. «Всё нормально! — огрызался он, когда я проявлял озабоченность в отношении него. — Какого хрена? Ты наш тур-менеджер, а не моя мама!»

В турне мы передвигались на автобусе, в котором большая часть сидений была удалена. Вместо них были полотняные кровати, прикреплённые к полу, в них мы спали — по крайней мере пытались. В дальнем конце автобуса была маленькая уборная, но никакого стерео, кухни или розеток. Короче, третьесортная невесёлая работа изо дня в день.

Джимми взял на себя бремя лидерства на опрокинутой лодке. В то время, как остальные музыканты задыхались в депрессии и унынии, рассматривая последнее турне как похоронный марш, Джимми пинал их в зад и старался вызвать в них радость от

музыки. «Давайте воздадим фанам должное за их деньги», — просил он остальных. Но как бы он ни был настроен позитивно, остальные игнорировали его порыв.

Когда Кит Релф был пьян, он играл на гармошке, словно брал её в руки впервые в жизни. Он также забывал слова. Иногда он выкрикивал непристойности аудитории и даже другим участникам коллектива. И моя работа состояла в том, чтобы Кит пел в течение часа. Я также собирал деньги у промоутера и разбирался с жалобами после концерта.

Основное недовольство исходило от самого Пейджи. «Ты что, творишь, мать твою? — Джимми негодовал после провального концерта в Чикаго. — Эти фэны заплатили деньги, чтобы услышать нас, Кит, а не видеть, как ты напиваешься».

Его слова пропускались мимо ушей. «Я никому плохо не делаю, Джимми, — отвечал Кит. — Я не слышал, чтобы кто-то попросил вернуть деньги».

Несмотря на очевидное стрессовое состояние, я видел, как Джимми превратился в высококлассного профессионала, качество, которое он демонстрировал на протяжении царствования Led Zeppelin. Даже в последние часы Yardbirds Пейджи много времени тратил на причёску и стильную одежду — кружевные рубашки, тиснённые шарфы и вельветовые пиджаки. Остальные музыканты носили джинсы, бусы и кафтаны, а Джимми выглядел как английский джентльмен восемнадцатого века. Он чувствовал, что фанаты заслуживают нечто особенное, даже если он был одним, кто так думал.

Был ещё один фактор в работе, кроме профессиональной гордости Джимми. Он надеялся сделать что-нибудь с названием Yardbirds. Он всё ещё верил, что Yardbirds окружает ореол славы, и в какой-то момент подошёл к Релфу и МакКарти.

— Если вы не собираетесь работать дальше, я бы предпочёл продолжить. Я думаю собрать новую группу и мне нужны права на название.

Релф засмеялся. «Неужели осталось что-нибудь стоящее? — и не колеблясь добавил, — Оно твоё. Я не хочу ничего общего иметь с этим чёртовым именем»!

Они подписали нужные юридические документы, и Джимми официально получил права на использование имени «Yardbirds».

Последний концерт в Америке состоялся 5 июня 1968 года, на автостраде неподалёку от города Монтгомери, штат Алабама. Тем утром мы сидели у бассейна, по радио передавали последние новости.

— Сенатор Роберт Кеннеди, в которого стреляли прошлой ночью в отеле Ambassador в Лос-Анджелесе, находится при

смерти в больнице.

Я был подавлен. Будто целая страна рушилась на моих глазах.

Последний концерт Yardbirds отыграли на импровизированной сцене, состоявшей из двух тридцатипятифутовых безбортовых трейлеров. Фэны забили грязную автостраду до самых краёв сцены и ожидали концерт с энтузиазмом. Перед выходом на сцену Джимми обратился ко мне: «Очень грустно, так ведь? Эта группа могла играть долгие годы, если бы не растеряла вдохновение. Не могу видеть, как великая команда умирает».

Но в ту ночь это произошло. Когда одинокий прожектор осветил Релфа, затем Пейджа, потом Дрежу и за ним МакКарти, все они сыграли как Yardbirds в последний раз в Америке. «Heart Full of Soul»… «Over Under Sideways Down»… «Shape of Things». Когда раздался последний аккорд «For Your Love», ностальгия заменило чувство облегчения, что всё кончилось. С Джимми легко работалось, но трения внутри группы иногда были невыносимы.

8. Новый старт

По следам распада Yardbirds Джимми Пейдж начал планировать будущее. Эмоционально он был истощён от смертельной агонии группы и какое-то время подумывал сделать перерыв.

— Мне стоит отдохнуть, — говорил он друзьям. — Я не уверен, что мне хватит сил прямо сейчас собирать новую группу.

Но сидеть без дела было не в природе Джимми. Он любил музыку слишком сильно. Он тащился от звуков, которые воспроизводил на гитаре. Даже когда Джимми принимал наркотики, ни пилюли, ни другие вещества не могли его так опьянить и возбудить, как музыка. Несмотря ни на какой мощный наркотик, он всегда возвращался к любимому инструменту за очередной дозой, новым уколом неотразимого стимулятора.

Но в то же время над ним довлели и более практичные факторы — в частности, контрактные обязательства, которые необходимо исполнить. Хотя Yardbirds развалились, после них остались некоторые запланированные концерты, самые ближайшие — тур по Скандинавии. Нужно было собирать новый бэнд, название The New Yardbirds вертелось у Джимми в голове. С ним можно ехать в турне и сыграть оставшиеся даты.

В конце лета 1968 года, в самом разгаре эры супергрупп, перед Джимми встала перспектива формирования нового состава. И чем больше он думал об этом, тем более интригующими представлялись возможности. Конечно, он знал обо всех преградах и минных полях — раздутых эго и огромном давлении, разрушивших не одну супергруппу. «Меня не прельщает пережить кончину ещё одной команды. Я до сих пор не отошёл от Yardbirds», — говорил он.

Cream — супергруппа, которая недавно канула в лету. В ней состояли трое самых талантливых рок-музыкантов всех времён — Эрик Клэптон, Джек Брюс и Джинджер Бейкер. Они играли с такой мощью и влиянием на дебютном альбоме, вышедшем в 1967 году. Как их имя и предполагает, они действительно были сливками рок-н-ролльной культуры; в их музыке смешался белый блюз и тяжелый неистовый рок. Но в конце 1968 года Cream распались, они сыграли прощальные концерты в нью-йоркском Мэдисон Сквер Гардене и лондонском Альберт-холле.

С уходом Cream критики начали дискутировать, кто — если вообще кто-либо способен — заполнит блюз-роковую пустоту. Некоторые говорили о Ten Years After. Другие смотрели в сторону Pink Floyd. Но когда Джимми принял решение о новой группе,

которые превратятся в Led Zeppelin, спорить будет не о чем.

Джимми провёл немало тревожных ночей в своём доме в Пэнгбурне, обдумывая, кого можно пригласить в новую команду. Он составлял список, вносил и вычеркивал имена, представлял, во что группа может превратиться в различных комбинациях. Он очень серьёзно отнёсся к процессу. Джон Энтуисл, Кит Мун, Джефф Бек… БиДжей Уилсон и Ники Хопкинс… все они входили в первый список. Там же оказались Стив Марриотт и Стив Уинвуд, главные претенденты на место вокалиста. В первые недели ни Роберт Плант, ни Джон Бонэм не были в списке претендентов. Джимми вообще не подозревал об их существовании.

— Я пытался связаться со Стивом Марриоттом, — часто вспоминал Джимми. — Меня притягивала перспектива играть с ним в одной группе. Я думал, что у нас здорово получится. Но его менеджеры ответили, что Стив предан своей группе Small Faces. Он не был заинтересован.

Джимми продолжил поиски, и список кандидатов сузился. Вскоре имя Терри Рида возникло в числе главных конкурсантов на роль вокалиста. Джимми видел его выступление и был очарован мощным резким голосом. Но в который раз планы Джимми были разрушены.

— Звучит здорово, — ответил Рид ему по телефону. — Но, боюсь, я должен взять самоотвод. У меня контракт с Мики Мостом, и это снимает меня с дистанции.

Временами Джимми становилось скучно от бесконечного процесса поиска. Он снова позвонил Терри и спросил: «А ты можешь кого-нибудь порекомендовать на место вокалиста?» Он не ожидал услышать что-нибудь новое. У него даже мелькнула мысль, что дело безнадёжное.

— Ну, есть парень, на которого стоит посмотреть, — ответил Терри. — Его зовут Роберт Плант. Он поёт в группе Hobbstweedle.

Имя певца ничего не говорило Пейджу, а название Hobbstweedle так же легко произносимо, насколько известно. По крайней мере, из круга знакомых Джимми о них никто не слышал. Но он поверил Терри и навёл справки. И даже поехал на их концерт в педагогический колледж в Бирмингеме. Народу в зале было разве, чтобы заполнить микроавтобус.

Честно говоря, репертуар Джимми не впечатлил, например, вещи Moby Grape. Но голос — у Джимми мурашки по коже пробежали, слушая Роберта — сильный, сексуальный, эмоциональный, скорбный, словно крик заблудшей души.

— Почему этот парень до сих пор не стал звездой? — подумал Джимми. — Что-то с ним не так. Может быть, у него

характер несносный, что никто не хочет связываться с ним.

Джимми решил узнать Роберта получше, прежде чем предложить тому место в группе. Между тем, Роберт прочно засел у него в голове. Он мгновенно забыл о других — Риде, Марриотте, Уинвуде. Не считая того, что Роберт как бы выбивался из социального слоя Джимми, он был тем самым вокалистом, который был нужен.

Роберт же со своей стороны был обрадован и возбуждён от встречи с Джимми. Для пробивающегося рок-певца Джимми Пейдж был звездой в рок-стратосфере, которыми восхищался Роберт. Когда Джимми рассказал ему, что ищет певца в новую группу, Роберт сообразил, что ему наконец может выпасть счастливый билет на пути к славе. Когда Джимми пригласил его домой, Роберт поклялся себе: «Я не упущу свой шанс. Такая возможность может больше не выпасть».

По дороге в Пэнгбурн Роберт, и так на нервах, подвергся нападкам от пожилой женщины, оскорблённой длинными волосами певца. «Подстригись! Подстриги волосы! — кричала она. — У тебя осталась хоть капля приличия?»

Роберт не успел ответить, как получил пощёчину.

Роберт был потрясён. Может, это знак, подумал он, стараясь прийти в себя. А может, и нет. Возможно, мне стоит развернуться и пойти домой.

Однако, зайдя в дом к Джимми, Роберт успокоился. Встреча Пейджа/Планта прошла великолепно. Он говорили о своих музыкальных предпочтениях, рассказывали истории из жизни, много смеялись. И вдруг Джимми сказал: «Хочу, чтобы ты кое-что послушал». Он подошёл к проигрывателю и поставил пластинку Джоан Баэз, на которой она пела «Babe, I'm Gonna Leave You».

— Что думаешь? — спросил Пейдж. — Можем мы её сыграть?

Роберт слушал. На середине песни он согласно кивнул. По окончании он взял акустическую гитару Джимми и начал бренчать аккорды песни. «Должно получиться», — ответил Плант.

Между ними возникла химия. Роберт был принят. Молодой певец был так счастлив, что готов был завопить от радости, но удержался, по крайней мере, пока не отойдёт подальше от дома Джимми.

Перед тем, как отправиться домой, Роберт замолвил словечко за Бонэма, старого приятеля. Плант и Бонэм жили неподалёку друг от друга, и до сих пор время от времени общались. Но вместе не выступали со времён распада Band of Joy. Пусть так, но Роберт видел Бонзо в качестве члена группы, и эта идея приводила его в восторг. «Не принимай никаких решений по поводу барабанщика, пока не увидишь его игру, — скала Плант

Пейджу. — Её трудно описать, но я не думаю, что кто-нибудь может играть, как он. Не знаю никого лучше него».

Тем временем Бонзо гастролировал с певцом Тимом Роузом и был доволен жизнью. В конце концов, он зарабатывал сорок фунтов в неделю, больше ещё никогда не получал. Нелегко было бы лишиться стабильного дохода.

— Когда дела идут хорошо, не нужно выбрасывать их на ветер, — ответил Бонзо Джимми по телефону. — Меня всё устраивает. Дела идут превосходно.

Тем не менее, после восторженных слов Роберта Джимми сам захотел услышать Бонэма. Он поехал в клуб Кантри в Вест-Хэмпстеде, где Бонзо играл с Роузом. Шоу началось вполне обычно, но спустя двадцать пять минут Бонэм оказался в центре внимания. У Джимми глаза на лоб полезли, когда Бонзо атаковал барабаны, как камикадзе. Он метал громы и молнии, бомбил и уничтожал. Он даже отложил палочки и молотил по барабанам руками. Он делал всё, что угодно, но установку не сломал.

— Я должен заполучить этого парня, — решил Джимми. — Нужно заставить его передумать.

И Джимми начал обрабатывать барабанщика. «Эта группа совершит прорыв, Джон… У нас прекрасный менеджмент… Я думаю, это невероятная возможность для всех нас… Подумай и давай снова поговорим».

Чтобы убедить Бонэма, Джимми подключил Питера Гранта, который должен был стать менеджером новой группы. Они пригласили Бонзо на обед. Он отправили ему дюжину телеграмм. Они попросили надавить на него Планта. «Мы не принимаем ответ «нет»», — резюмировал Джимми. Он не шутил.

В конце концов сопротивление Бонэма ослабло. Конечно же, он знал о звёздном статусе Пейджа, он работал с Плантом. Быть может, эта новая группа стоит внимания. В конце концов он сдался и сказа Джимми: «Ты победил! Давайте сделаем это!»

Пейдж был в восторге. «Ты не пожалеешь», — сказал он Бонэму. Но ещё долго Бонзо не сомкнул глаз ночью в сомнениях о правильности выбора. Он обменял стабильный заработок — сорок фунтов в неделю — на предприятие, казавшееся ему рискованным. «Надеюсь, я не испортил ничего», — говорил он себе.

Тем временем, Джон Пол прослышал о предпринимаемых усилиях Джимми собрать новый бэнд. Он искал способы отойти от студийной работы, хотя бы на какое-то время. И позвонил Джимми, чтобы потихоньку выяснить, как идут дела с новой группой. Они проговорили пятнадцать минут, и в конце разговора Джон Пол бросил старому сессионному приятелю: «Позвони мне,

если понадобится басист». Пару дней спустя Джимми набрал его номер.

Наконец, группа была в полном составе. Всё, что требовалось — это выяснить, подходят ли они друг другу музыкально. «Нам нужно собраться и поиграть, — сказал Джимми Джону Полу. — Я планирую репетицию на следующей неделе».

Они согласились встретиться в маленькой сырой студии на Джеррард-стрит. Джимми не спал всю ночь перед репетицией; он беспокоился, оправдаются ли его надежды в отношении группы. У Роберта колени дрожали, когда он приехал в студию. Каждый хотел, чтобы всё получилось, но никто не знал, что может случиться. На всякий случай Бонзо оставил телефон Тима Роуза в бумажнике.

На той первой сессии Джонси впервые встретился с Плантом и Бонэмом. Плант был немного удивлён внешним видом Джонси. В конце концов, Пейдж описал Джона Пола как «ветерана студий звукозаписи», и Плант с Бонэмом решили, что будут работать с человеком, годящимся им в отцы. Джон Пол никак не вписывался в этот образ.

Ничего конкретного запланировано не было в тот день, но когда все взяли в руки инструменты и неловко посмотрели друг на друга, Джимми предложил сыграть «Train Kept A-Rollin'», любимую вещь со времён Yardbirds. Начали неровно, но вскоре всё очень быстро встало на свои места. Они продолжили с «As Long As I Have You», песней Гарнета Миммса, а затем с «I Can't Quit You, Babe». Музыка грохотала, и Джимми заулыбался. Когда они взялись за «Dazed and Confused», Джимми не скрывал своего восторга.

— Думаю, у нас получилось нечто, — объявил Джимми.

Никто не возразил. Четыре парня, которые не представляли себе жизни без музыки, осознали, что всё-таки нашли своё средство самовыражения.

Когда джем-сейшн закончился, Роберт спросил: «А что дальше»?

Джимми не был уверен. «Пока не знаю, но далеко не уезжайте. Я хочу запустить дело как можно быстрее».

Два дня спустя Джимми сидел перед Питером. Пейджи не скрывал своего энтузиазма.

— Жаль, что тебя там не было, — говорил он. — Ты бы нас слышал — полное волшебство. Всё подошло друг к другу как нельзя лучше.

— Хорошо, как скоро вы сможете выступать? — Питер почувствовал возбуждение Джимми.

— Питер, это не займет много времени. К концу репетиции

мы почувствовали, что вышли на полные обороты. Я бы хотел, чтобы мы сыграли несколько концертов.

Грант вытащил оставшиеся контракты Yardbirds и сделал несколько звонков. Меньше, чем за неделю был организован первый минитур группы в середине сентября, со стартом в Копенгагене и Стокгольме. На первые концерты группа взяла название The New Yardbirds.

Группа репетировала всего лишь несколько дней перед туром по Скандинавии. В то время я находился в США с группой Джеффа Бека, другими подопечными Питера Гранта. Но я часто звонил в офис Питера и постоянно слышал о New Yardbirds. Когда Питер упоминал их в разговоре, в его голосе чувствовалось предвкушение чего-то большого: «Ричард, Пейджи считает, что группа просто невероятная. Кажется, что у них дела пойдут быстро. Вскоре они прославятся».

В Копенгагене на первом концерте прозвучали «Communication Breakdown», «Dazed and Confused», «How Many More Times», «Babe, I'm Gonna Leave You» и «White Summer». Бонзо позже мне рассказывал, что они иногда лажали, да и проблемы с аппаратурой случались. Порой они вступали нестройно, по большей части из-за нервов, чем по какой-либо другой причине. Но аудиторию потрясли. Как же мне хотелось быть там.

Вернувшись в Лондон, Джимми не скрывал своего счастья. «Питер, я хочу пойти в студию прямо сейчас. Нужно положить нашу музыку на плёнку. Мы звучим настолько крепко, что можно идти записываться».

Конечно, у группы не было контракта на запись. Но Питер доверился инстинкту Джимми: «Если вы так хороши, давайте сделаем это».

В октябре они зарезервировали студию Olympic в Южном Лондоне и отправились работать. Без поддержки рекорд-лейбла Питер и Джимми договорились поделить расходы на двоих. Счётчик начал тикать, времени терять нельзя ни минуты.

Целый альбом, Led Zeppelin, был записан всего за тридцать часов. Джимми и Джон Пол, которые буквально жили в студии годами, спешно доводили дело до ума, таща за собой Роберта и Бонзо. Пейджи дирижировал происходящим, заставляя коллег проявить себя наилучшим образом. Он запланировал каждую песню. Он свёл наложения к минимуму, полностью полагаясь на живой саунд группы. Джимми аккуратно расставлял микрофоны, некоторые в сантиметрах от инструментов, остальные в противоположных углах студии. Результат потрясал.

Особо ничего не осложняло работу, — говорил он. Группа живьём звучала так здорово во время Скандинавского тура, что

могла спокойно повторить это и в студии. Он был уверен, но не самонадеян. Песни не претерпели больших изменений после концертов, кроме «Babe, I'm Gonna Leave You», которую заново переаранжировали прямо на месте.

Роберту понравилось то, что он услышал, когда они собрались прослушать записанное. Он был вдохновлён и возбуждён. Когда за спиной играют такие музыканты, это только подстёгивает. Опыт записи, как он потом рассказывал, был просто очаровательным.

Никто не сдерживал страсть и фразировку Планта. И в «Babe, I'm Gonna Leave You», когда он проникновенно пел «Baby, baby, baby» с чувством и силой, эти слова мгновенно превратились в фирменный знак Планта на протяжении всей истории группы.

Пейджи говорил, что чувствовал свободным во время тех сессий, позволяя гитаре вести себя, а иногда и наоборот. Он пригладил стил-гитару Fender 800 на «Your Time Is Gonna Come» и позаимствовал акустическую гитару Gibson для «Black Mountain Side». Он принес в студию смычок, которым неистово водил по струнам в «Dazed and Confused» и «How Many More Times». Он даже спел бэк-вокал на «Communication Breakdown» — большую редкость в двенадцатилетней карьере Zeppelin.

Джон Пол делал свою работу методично, позволяя остальным выдвинуться на первый план, но в то же время создав для себя момент славы посредством драматических звуков церковного органа на «Your Time Is Gonna Come». Он добавлял электричества группе, которая могла часами держать вас завороженными.

А ещё у них был Бонэм. Его время пришло на таких вещах, как «Good Times, Bad Times», где он растерзал одну бочку Ludwig так, что другим пришлось бы использовать дюжину. Джимми тщательно изучал игру и зачарованно следил за тем, что Джон вытворял со своими барабанами.

Расходы на альбом оказались необыкновенно низкими — менее 1800 фунтов, включая работу над обложкой, с памятной сценой падения дирижабля Гинденбург в огне и пламени. В конечном счёте альбом принесёт доход в ошеломляющие 3,5 миллиона фунтов, огромная сумма по тем временам.

По окончании сессий звукозаписи группа чувствовала себя настолько позитивно от полученного результата, что парни коллективно решили не полагаться на старое название New Yardbirds, чтобы привлечь внимание, которое они действительно заслуживали. «Давайте сделаем это, — сказал Джимми, — Музыка говорит сама за себя».

Так они сменили название на Led Zeppelin. Имечко всплыло во время разговора, который состоялся у меня с Китом Муном и

Джоном Энтуислом в Нью-Йорке несколько месяцев назад во время гастролей с Yardbirds. Мун и Энтуисл утомились от The Who и шутили на тему новой группы с Джимми Пейджем. Мун прикололся: «У меня есть хорошее название для неё. Давайте назовёмся Lead Zeppelin (Свинцовый дирижабль), потому что он полетит как свинцовый шар».

Мы заржали. На следующий день я рассказал об этом Джимми, от чего он тоже рассмеялся. Имя засело у него в голове. В итоге Джимми изменил написание с «lead» на «led», во избежание неправильного произношения.

Часть 4

9. Добро пожаловать в Америку

Как бы ни была позитивно настроена группа, как бы ни были они сильны в музыкальном плане, это не привело к моментальному вселенскому принятию. Питер Грант организовал серию клубных концертов по Англии, в Марки и нескольких колледжах, включая Университет в Суррее и Ливерпульский Университет. Та редкая аудитория, которая присутствовала в клубах, вела себя вяловато, и в то время, как группа создавала на сцене буйное действо, их встречали редкими вежливыми апплодисментами. Никаких бурных оваций, воплей восторженной толпы, которые вскоре составят неотъемлемую часть цеппелиновского антуража. Весьма отрезвляющий опыт для группы.

Джимми качал головой. «Не понимаю. Их приём не производит впечатление. Почему они не принимают нас всерьёз? Что за прикол!»

Бонзо — а он был уязвлён равнодушием, — создал на этот счёт собственную теорию: «Может быть, мы для них слишком круты, и они не знают как на нас реагировать». По его мнению, их музыка настолько яркая и мощная, что публика была потрясена ею на восемь баллов по шкале Рихтера, и толпа едва стояла на ногах, сдерживая конвульсии и стараясь не расплескать пиво в руках.

И тогда Питер обратил взор на Америку — турне и контракт на запись, широко освещавшийся в прессе. Он только что вернулся из Штатов, где он провёл жёсткие переговоры с Atlantic Records на счёт беспрецедентного договора для новой группы. Atlantic — тот же лейбл, который помог Cream превратиться в большой, но краткий, феномен — искали следующую супергруппу, и Питер убедил их, что Led Zeppelin — это то, что надо. Даже до того, как Ахмет Эртегюн услышал результат звукозаписывающих сессий, он решил, что не хочет упускать этот бэнд. В конце концов он вытащил чековую книжку и выписал аванс в двести тысяч долларов — на такую сумму могли рассчитывать только Элвис и ему подобные. Но что более важно, особенно для Пейджи, Питер настоял, что группа будет осуществлять полный контроль над музыкой. Без исключения.

Atlantic сразу издали пресс-релиз, положивший начало массированной рекламе, которую атаковали критики. В первом заявлении говорилось, что «ведущие английские и американские рок-музыканты, которые слышали (первый альбом) треки, сравнили пластинку с лучшими записями Cream и Джими

Хендрикса, и назвали Led Zeppelin следующими, кто достигнет их вершин».

После разочарования английских клубов, контракт с Atlantic оказался сладкой пилюлей. Группа пребывала в восторге от сделки — Бонзо на свою долю помчался покупать Jaguar XK150. Но когда новость просочилась в рок-прессу, первоначальный отклик оказался негативным. В какой-то степени этому способствовала шумиха, раздутая рекорд-лейблом, и колумнисты отнеслись к Zeppelin как к коммерческому, капиталистическому, чрезмерно продвигаемому продукту, которому необходимо доказать это своей музыкой. То были деморализующие статьи, и Zeppelin старались игнорировать их — они собирались в Штаты на первый тур.

Моё первое знакомство с цеппелинами случилось в Америке в декабре 1968 года. Дебютный альбом даже не был издан в поддержку тех концертов в США, но Питер Грант считал, что стоит рискнуть и посмотреть, смогут ли они найти свою нишу в Америке. «Англия что-то не спешит покупать на вас билеты, — сказал он Джимми. — Давай посмотрим, как получится по ту сторону Атлантики».

Питер нарисовал благоприятный сценарий того, что может произойти в Америке. Если группа сможет порадовать фанатов, их энтузиазм лавиной пройдется не только по Северной Америке, но и возвратится бумерангом в Англию и Европу.

Питер понимал, что поступает необычно, даже немного глупо. В конце концов, команда была менее известна в США, чем в Англии. Первый альбом не увидит свет до самого января. Но Питер убеждался, что ждать чего-либо в Англии равносильно самоубийству.

Новая группа может сидеть без дела месяцами в Великобритании и никто этого не заметит. У нас не так много мест, где можно выступать, — обратился Питер к Джимми.

Америка, в отличии от Англии, была золотой жилой, если не сейчас, то в будущем. Питер пять лет работал со Штатами с группами типа Yardbirds, Animals, Herman's Hermits и New Vaudeville Band. Он был крепким парнем, не боявшимся рисковать, даже с такими непроверенными активами, как Led Zeppelin.

Питер считал, что знает Америку досконально — какие города, какие клубы, какие амфитеатры включить в первый тур. Взяв пример с Джимми, который проделал такую же работу несколько месяцев назад при подборе музыкантов для группы, Питер составил собственный список американских городов, которые так важны для продвижения команды. Залы Fillmore в

Нью-Йорке и Сан-Франциско, Boston Tea Party и Grande Ballroom в Детройте.

Список разрастался. К тому времени, когда маршрут был полностью составлен, в него вошло больше двадцати городов. «Давайте рискнём», — сказал он секретарше.

Но сразу возникли некоторые трудности. Питер запланировал первый концерт в Денвере на 26 декабря. Он понимал, что должен отправить музыкантов из Англии перед самым Рождеством. «У меня полные штаны от мысли, что нужно сказать парням, что им придётся уехать из дома на Рождество, — говорил он помощнику. — Это может превратиться в кошмар».

Трое из участников группы — Джон Пол, Роберт и Бонзо — были женаты и по-настоящему преданы семьям, и вряд ли обрадовались бы тому, что им придётся находиться вдалеке от семей в Рождество. Джимми, единственный холостяк, встречался с американкой по имени Линн, с которой познакомился в Бостоне во время гастролей с Yardbirds. Он перевёз её в Англию и жил вместе с ней. Питер понял, что вытащить Джимми из дома тоже будет нелегко. И поэтому Питер откладывал разговор об американском туре до последнего.

Наконец, он справился с нервами. Он собрал группу у себя в офисе и рассказал им о главных деталях предстоящих гастролей. «В основном вы будете открывать концерты Vanilla Fudge. Ах да, и вы начинаете в день рождественских подарков, на следующий день после Рождества. Это означает, что вам нужно уехать из Англии 23 декабря», — сказал им Питер, и также добавил, что с ними не поедет, а останется на Рождество дома.

Питер ожидал гром и молнии. К его изумлению, никто даже не дёрнулся, по крайней мере внешне. «Ну что ж, сделаем то, что должны, — ответил Роберт. — Когда вылетает самолёт?»

Позже каждый член группы поклянется, что никогда так больше не поступит. Но в тот момент они нацелились стать суперзвёздами и доверились мнению Питера.

Питер был уверен в том, что ждёт команду по ту сторону Атлантики. «Почему что-то должно пойти не так?» — спрашивал он себя. И не мог найти причины.

Led Zeppelin паковали чемоданы, чтобы взять на пробу американские воды.

— Будь завтра в четыре утра в аэропорту Лос-Анджелеса, — Питер позвонил мне в Штаты. — В это время прибывает рейс с группой на борту. И ещё, Ричард, не дай им попасть в неприятности.

Я уже неделю находился в Лос-Анджелесе, завершая работу с Терри Ридом по Америке. Но мне не терпелось начать новую

работу с Led Zeppelin. Конечно же, я знал Джимми Пейджа по Yardbirds в начале года и знал, что всё, к чему он прикасается, будет по определению высшего класса. Мои ожидания подтвердились во время телефонных разговоров с Питером: его энтузиазм и оптимизм росли раз от разу.

— Сконцентрируйся, Ричард, — сказал мне Питер. — Ты просто представить себе не можешь, какой у них саунд. Это сенсация.

Джимми вышел первым из самолёта, за ним — Роберт и Джон Бонэм. С ними находился роуди Кенни Пикетт. Джон Пол должен был встретиться с нами в Денвере, он прилетит из Ньюарка, штат Нью-Джерси, где они с женой встречали Рождество вместе с певицей Маделайн Белл.

Мне было знакомо лицо не только одного Джимми. Я знал Джона Пола со времен первых шагов музыкальном бизнесе. Ещё в октябре, когда цеппелины начали только-только формироваться, я сталкивался с Робертом и Бонзо в офисе Питера на Оксфорд-стрит во время короткого отдыха после гастролей с другими подопечными Питера. Поскольку Led Zeppelin были клиентами Питера, я понял, что рано или поздно наши дороги пересекутся. И мы обменялись любезностями. Но в тот момент значимость группы мало кто предвидел. По правде, меня больше интересовали пабы, чем возможность познакомиться с Плантом и Бонэмом.

Но в течение первых дней в Америке мне сразу понравился Бонзо. Мы были близки по духу его прекрасное чувство юмора и заразительный смех. «Это твоя идея с Рождеством, Коул? — воскликнул он, когда мы ехали по бульвару Сансет Стрип по тридцатиградусной жаре. — Я не взял с собой ни одной майки или купальника. Тебе лучше поменять погоду, прежде чем она меня достанет!»

С другой стороны, с Робертом мне пришлось намного сложнее. С самого начала его окружала аура высокомерия, помноженная на нервозность. Это создало панцирь, сквозь который трудно пробиться. Они с Бонзо впервые приехали в Америку, и Роберт особенно нервничал перед тем, что его ожидает. «Со мной будет всё в порядке после первого концерта», — сказал он мне. А пока он был угрюмым, раздражительным и напряжённым. Если Бонэм шутил над Америкой, то Роберт искренне был расстроен необходимостью быть здесь. Были видно, как сильно он переживает.

В течение трёх дней в Лос-Анджелесе, перед тем, как вылететь в Денвер, группе предстояло дать несколько интервью, но они отказались от репетиции. «Мы звучим отточено, — сказал

Джон Пол. — У нас было время набрать форму в Англии».

Мы ужинали в Рождество — пищу готовил Бонзо — в номерах отеля Шато Мармон недалеко от бульвара Сансет. Мы больше молчали, чувствуя себя одинокими и тоскуя по дому в Рождественский день. «Не хочу заострять на этом внимании, но так дерьмово находится вдалеке от жена в Рождество, — жаловался Роберт. — Полное дерьмо».

Джимми согласился, но попросил не унывать. «Это наша жертва, но всё скоро окупится. У нас для этого всё есть, нужно только постараться», — ответил он.

На следующее утро мы отправились в аэропорт и вылетели в Денвер. В тот вечер мы встретились Джоном Полом и собрались все вместе в служебном помещении в денверском Колизее, за несколько минут до концерта.

Группа пыталась оставаться невозмутимой, но тщетно. Особенно сильно беспокоились Роберт и Бонзо. «Давайте сделаем их и поскорее покончим с этим», — сказал Роберт. Кто-то нервно мерил шагами комнату, кто-то кусал ногти.

Шоу открывала группа Zephyr во главе с привлекательной клавишницей и вокалисткой Кэнди Гивенс. Пока они играли, за сценой росло напряжение. Бонзо нервно барабанил по картонным коробкам, нагромождённым в гримёрке. Джон Пол безмолвно прислонился к стене и скрестил руки на груди. Он молча смотрел пол, погрузившись в собственные мысли.

Через сорок пять минут Zephyr покинули сцену, и были объявлены Led Zeppelin. «Леди и джентльмены, впервые в Америке, прямо из Лондона, встречайте Led Zeppelin!»

Джимми, Джон Пол, Роберт и Джон посмотрели друг на друга, сделали глубокий вдох и строем проследовали друг за другом по бетонной лестнице на сцену. Их встретили аплодисментами, но вовсе не шквалом оваций.

Группа играла на вращающейся платформе. Джимми испытывал благоговейный страх от одной мысли, что ему придётся выступать на двигающейся сцене; пару раз он сталкивался с этим, когда играл с Yardbirds, и относился к таким сценам с презрением. Для остальных это было в новинку. «Это, блин, как карусель, которая вышла из-под контроля, — рассказывал он остальным перед началом сета. — Сцена движется медленно, но никогда не останавливается. И ты дезориентируешься. Когда механизм наконец останавливается, ты можешь глядеть в любом направлении».

Чтобы немного снять напряжение, я в качестве шутки предложил остальным «Драмамин» (противорвотное средство — прим. пер.). Никто даже не улыбнулся. Все были напряжены.

Большая часть публики пришла посмотреть на Vanilla Fudge. Однако, никто не был против Led Zeppelin в качестве разогревающего состава. Роберт, его светлые кудри пламенели под малиновыми прожекторами, рубашка наполовину расстёгнута, двигался босиком по сцене, позируя в стиле Мика Джеггера, его мощный голос взмывал в небеса.

«Good Times, Bad Times», «Dazed and Confused», «Communication Breakdown». Я видел, как группа постепенно расслабляется. По окончании первых вещей, Бонзо ухмыльнулся, словно говоря: «Неплохо, неплохо!»

Джимми, словно фокусник, вытаскивающий чудеса из цилиндра, становился более агрессивным, выдавая сырые и непредсказуемые звуки из Фендера и педали wah-wah. Его пальцы танцевали от лада к ладу, он тянул струны на раскрашенной гитаре, подаренной Джеффом Беком.

«I Can't Quit You, Baby», «You Shook Me», «Your Time Is Gonna Come». С каждой песней толпа заводилась.

Если Джон Пол был оплотом спокойствия, то его выверенные басовые линии постепенно позволили остальным устроить полную анархию. И ещё был Бонзо. Где-то на середине сета он предпринял неистовую и страстную атаку на барабаны, беспощадную, но не выходившую из-под контроля. Если бы он был пилотом бомбардировщика, я бы не советовал вам оказаться у него на пути.

В какой-то момент музыка была точной и нежной, а следом становилась страстной и безрассудной. Это такая музыка, от которой из ушей может потечь кровь. В конце сета, всего лишь через час после объявления, цеппелины объявили миру о своём прибытии.

Когда команда выбегала со сцены, их лица были мокрыми от пота. Но адреналин бушевал. «Мне понравилось, — сказал Роберт, забираясь в коробку со свиными рёбрышками из местной забегаловки. — Хорошо получилось, так ведь? Здорово!»

Все были согласны.

Денвер был только началом. Для меня самым памятным остался концерт в Портленде, Орегон на той же неделе. Где-то на середине цеппелиновского сета Бонзо зарядил сумасшедший барабанный марафон, его соло разносилось раскатами грома. Десять минут остальные члены группы смотрели на него из-за кулис в восхищении от ослепляющей энергичной игры.

Я повернулся в Джону Полу, стоявшему рядом: «Господи Иисусе, Бонзо невероятен. Вся группа просто невероятна!»

Лицо Джона Пола озарила хитрая улыбка. Он подмигнул мне, кивнул и ушел на сцену. Он тоже это знал. Мы все почувствовали,

что Led Zeppelin станут гигантами.

Через две недели после концерта в Денвере Питер прилетел из Лондона в Сан-Франциско, чтобы впервые взглянуть на команду, которая должна была отыграть три вечера в Филлмор Уэст. По дороге в аэропорт я размышлял о собственном будущем и решил, что если Led Zeppelin — новая супергруппа, то я хочу участвовать в коронации.

Пока мы ехали в отель, я собрался с духом и сказал Питеру: «Я затрахался от этих групп, с которыми ты меня посылаешь. Я хочу остаться с цеппелинами. Они должны прославиться».

Питер молчал. Я подумал, что он обдумывает, как лучше меня уволить.

Наконец он произнёс: «Окей, Коул. Когда они на гастролях, ты всегда будешь рядом с ними».

Я был так счастлив. «Блин, спасибо, Питер!» — и следующие двенадцать лет Zeppelin и я были практически неразлучными.

В Филморе группа открывала выступления Тадж Махала и группы Country Joe and the Fish. Не самый лучший выбор для разогрева. Country Joe были группой, чья музыка была наполнена политическими темами и чёрным юмором, начиная от вьетнамской войны и заканчивая наркотиками. Их протестные песни типа «Feel-Like-I'm-Fixing-to-Die-Rag» превратились в гимн для миллионов молодых людей в шестидесятые. Но в Филморе они должны были выходить следом за Led Zeppelin, что может заставить нервничать любого музыканта, оказавшегося в подобном положении. Когда Led Zeppelin ушли со сцены, оставив аудитории в истощении, то спокойная и более интеллектуальная музыка Country Joe подходила к аудитории с таким же успехом, как и час с Митчем Миллером или Мантовани.

Цеппелины не разочаровали никого — включая и себя. После второго концерта в Сан-Франциско по пути в отель Джимми повернулся ко мне и сказал: «Когда разогревающая группа затмевает хедлайнера, что-то реально происходит. Готовься к самому захватывающему путешествию».

Даже в самом первом туре я увидел, что невозможно сидеть во время цеппелиновского сета и не чувствовать эмоциональный подъём, не быть взволнованным и не понимать, что я являюсь частью какого-то особенного, уникального события. Я сказал Кенни Пикетту: «Если эта группа сможет проработать вместе и не позволит собственным эго взять верх над музыкой, они будут одними из долгожителей в шоу-бизнесе».

В большой степени те концерты в Филморе стали своего рода топливом для цеппелиновской машины, взбудоражив общественность не только в Северной Калифорнии, но и в других

частях страны. Диск-жокей в Нью-Йорке на одной из андрегграундных FM-радиостанций говорил о команде как «новой инкарнации Beatles». Фанаты атаковали магазины, требуя альбом, который ещё не был выпущен. На Atlantic Records обрушился шквал заказов до того, как винил попал на конвейер. Движение началось.

Пару раз на первом туре по США — в Детройте и в Майами — Джон Пол вышел со сцены во время соло Бонзо с выражением ужаса на лице. «Что случилось с этим чёртовым оборудованием? — крикнул он мне. — Я не слышу свой инструмент».

На самом деле музыка должна была соперничать с оглушающим шумом толпы. И нередко толпа выигрывала.

Если кто-либо сомневался в мощи Led Zeppelin, последние сомнения рассеялись в январе в Бостоне. Зал Tea Party был переделан из синагоги в место для рок-концертов. К тому времени, за тридцать три дня и двадцать восемь концертов, команда сплотилась как коллектив. Группы во время туров или становятся ближе или между ними начинаются пролегать трещины. В случае с цеппелинами четыре музыканта узнали друг друга лучше и здорово проводили время вместе. Их музыка становилась более чёткой и временами казалось, что им не терпится поскорее выйти на сцену.

Остальные двадцать три часа суток ничего не значат — сказал Роберт. — Я думаю только об одном часе музыки.

Места в зале были распроданы. Вообще-то руководство распродало слишком много билетов для помещения на четыреста мест. Когда команда начала играть свой часовой сет, и музыканты и публика пришли в неистовство. Джимми подошёл к краю сцены и направил гриф гитары в сторону фэнов, в то врем как его пальцы бегали по ладам, а затем вытянул ногу, словно собирался прыгнуть в толпу. Он довёл толпу до истерии.

По окончании часа никто не хотел уходить. И еще пятьдесят пять минут звучала оглушающая музыка. Группе устраивали овации иногда прямо на середине песни. Фанаты ринулись к сцене. Полное безумие. Вызов на бис раз за разом. Двенадцать раз подряд.

На тот момент группа существовала всего три месяца. И когда вызовы на бис последовали один за другим, у них кончились песни. Они выбегали со сцены после каждого выхода со странным выражением на лице, в котором смешались возбуждение и паника. «Какие песни вы знаете? — Джимми взволнованно спрашивал остальных. — Что ещё мы можем сыграть?»

После того, как они исполнили полный репертуар — кое-что не один раз, — то сыграли «Good Golly Miss Molly», «Long Tall Sally», старые вещи Элвиса, песни Чака Берри… всё, что можно было сымпровизировать.

Когда затихали последние звуки, и толпа смогла наконец перевести дыхание и постепенно начать расходиться, Джон Пол облегченно вздохнул: «Это был незабываемый вечер!»

По дороге в отель Бонзо вытирал лицо полотенцем и завывал от радости: «Шоу получилось отпадным, мы их сразили наповал». Той ночью на Tea Party обрушился проливной ливень.

Часть 5

10. Жизнь в дороге

Несмотря на быстрый успех, ничего сногсшибательного в первом туре не было.

Помимо личной охраны группы и отслеживания, чтобы аппаратура была отправлена к следующему местоположению, в мою ответственность входили авиабилеты и размещение в отеле — и не все были первого класса. Мы летали эконом-классом и считали каждый пенни на перелётах, а также пользовались бонусной программой авиакомпании TWA, которая позволяла сохранять 50 % при покупке билетов на рейсы по США. Расходы на дорогу таким образом сокращались на тысячи долларов. В большинстве городов мы останавливались в сети Holiday Inn и других недорогих отелях. В аэропортах нас не встречали лимузины, но мы арендовали машины, обычно Форды ЛТД от компаний Hertz или Avis. Так как никто из нас не имел кредитной карты, аренда автомобиля постоянно создавала проблему.

В офисе при аэропорте Сан-Франциско служащая просто отказала мне в машине. «Такова политика компании, — сухо ответила она. — Нет кредитки, нет машины».

Мы спорили десять минут. Я объяснил ей, что мы можем взять автомобиль в аренду в другом месте. Я предложил бесплатные билеты на концерт Led Zeppelin. Ничего не сработало. Наконец, я потерял терпение. Я вытащил из кармана шесть тысяч долларов наличными, бросил на конторку и заорал: «Я покупаю эту грёбаную машину! Дайте мне ключи, блять! Сейчас же!»

Она задрожала и попятилась назад, быстренько заполнила все документы и кинула мне ключи. «Вы чокнутые!» — ответила она, сдерживая слёзы. Может и так, но мы получили тачку.

Члены группы ездили со мной, вещи заталкивали в багажник. Кенни Пикетт управлял трёхтонным грузовиком с нашей аппаратурой, включая Телекастер Пейджа 1958 года, бас, усилители Vox AC-30, барабанную установку Ludwig, и кое-какие дополнительные вещи. Они так усердно работали во время первого американского тура, что по возвращении домой большая часть оборудования сломалась.

Один ужасный переезд из Спокана в Сиэтл едва не поставил крест на туре, и на самих Led Zeppelin — несколько дней спустя после приезда в Штаты. Мы только что закончили концерт в зале Gonzaga Gym в Спокане и собирались выезжать в аэропорт, из которого должны были вылетать в Лос-Анджелес. Но арктическая буря накрыла регион и только усиливалась. Все рейсы — в том числе и наш — были отменены.

Мы застряли и к тому же замёрзли. Штат Вашингтон очень красивый, но встречать Новый год в почти сибирской погоде на снеге толщиной в двадцать сантиметров в наши планы не входило. У нас был назначен концерт на 2 января в клубе Whisky a Go Go в Лос-Анджелесе.

— Вытащи нас из этого чёртового мороза, — орал на меня Роберт. — Устрой чартерный рейс, если нужно!

— Чартерный рейс? — огрызнулся я в ответ. — А кто будет платить? Может, вычтем из ваших гонораров?

После пары сумасшедших звонков я узнал, что мы можем успеть на рейс из Сиэтла в Лос-Анджелес, если сможем пробраться сквозь буран до аэропорта Сиэтла. Как уроженец Лондона, мне не приходилось водить машину в снежной буре, но убраться из штата — этой мысли было достаточно, чтобы отбросить сомнения.

Группа забралась в машину, а я сел за руль и приготовился ехать триста километров. Кенни Пикетт был один в грузовике. Дорожные условия не задались сразу — слякоть и сугробы, и они только ухудшались. Мы ползли и скользили по дороге, и видимость только ухудшалась. Я больше и больше нервничал.

— Парни, вы написали завещание? — нервно пошутил я.

Никто не засмеялся.

Чтобы успокоиться, я потянулся к заднему сиденью и схватил бутылку виски. Передал её Бонзо и попросил: «Открывай! Быстро! Мне нужно расслабиться». Мы передавали бутылку по кругу и каждый делал приличный глоток.

Где-то на полпути дорога стала просто невозможной. Впереди сквозь буран я увидел несколько полицейских машин со включёнными мигалками. Они выставили заставу. «Чёрт! — подумал я. — Лучше этим козлам не заставлять нас разворачиваться».

Когда мы подъехали, полицейский подошёл к нашей машине. Я приоткрыл окно, и он крикнул: «Дорога Сноквалми непроездная. Слишком сильный снег. Съезжайте с шоссе и возвращайтесь».

Перспектива провести ещё одну ночь в Спокане нас не устраивала. Я подумал о других группах — The Beatles, The Rolling Stones. Я сомневался, что им когда-либо приходилось попадать в подобную передрягу. И я засомневался, получится ли у меня вытащить нас отсюда.

Пока я съезжал с шоссе, я всё же решил ехать до Сиэтла. Может быть, виски придало мне храбрости, но когда мы добрались до вершины съезда, я заявил: «Мы возвращаемся на шоссе. Плевать, что говорят копы. Они нас не смогут ни увидеть,

ни поймать».

Я проехал по «клеверному листу» (развязка на автомагистрали, по конфигурации напоминающая четырехлистый клевер — прим. пер.) и, въехав на дорогу, мы продолжили путь до Сиэтла. Я чувствовал себя победителем, словно одолел всю полицию штата. Но спустя несколько минут я понял, что полицейские были не так уж и неправы.

Снег шёл вперемешку с дождём и градом. Ветер дул беспощадно. Мы были единственными на шоссе. Некоторые фрагменты дороги были покрыты льдом, и машина с скользила с полосы на полосу. Если условия ухудшатся, можно выключить зажигание и катится по льду до самого Сиэтла.

Я был сильно напуган. Но я не смел показать это остальным. Мы с Джимми работали вместе в прошлом, и он верил в меня и считал — возможно ошибочно — что я знаю, что делаю. К тому же он заболел гонконгским гриппом и у него просто не было сил жаловаться.

Другие парни, тем не менее, были шокированы моим вождением, особенно на крутых поворотах. И имели все основания. Мы добрались до длинного узкого висячего моста, который болтался из стороны в сторону под порывами ветра. Если бы мы устроили голосование в машине, то дальше бы не поехали. Да я сам практически был готов развернуться.

И вот мы въехали на мост. Я чувствовал колебания под нами, сердце бешено колотилось. Мы были так близко к краю на высоте около тридцати метров, что Роберт и Бонзо чуть с ума не сошли.

— Ричард, ты мудак! Мы же убьемся, — заорал Роберт, выхватив из рук Джона Пола бутылку виски.

— О Боже мой! — завопил Бонзо. — Ты не мог подождать, пока буря не прекратится?

— Заткнитесь, придурки, и пейте свой виски, — крикнул я в ответ. Со страхом и в замешательстве я нажал на педаль газа до упора, и тачка рванула вперёд. Через минуту мы находились на другом берегу, целые и невредимые.

Милю спустя я остановил машину. Мне нужно было протереть лобовое стекло и освободиться от выпитого алкоголя. Было очень холодно, и я работал быстро, но видимо недостаточно. Пока я отливал в ближайших кустах, машина покатилась назад по ледяной корке. Ручник был включен, но тачка скользила прямо к пятнадцатиметровому обрыву.

Парни кричали. Наверно, перед ними прошла вся их жизнь. Моя точно.

Кое-как, застегивая на ходу ширинку, я нырнул внутрь и вывернул руль. Роберт залез на переднее сиденье лихорадочно

жал руками на тормоз. Чудесным образом машина остановилась перед полётом в вечность.

Роберт был вне себя от ярости.

— Я сделаю, чтоб тебя уволили, Коул, — орал он на меня. — Или убью.

В конце концов нам удалось доехать до аэропорта. Я вернул машину в пункт приёма, и мы пошли в бар отогреваться глотком-другим. Нам срочно требовалась выпивка, чтобы прийти в себя от поездки.

— Налейте нам скотча, — попросил я бармена.

Когда он взял бутылку в руки, то бесстрастно спросил:

— Покажите свои документы.

Я глянул на Бонзо: у того челюсть упала.

— Вы шутите, — пожаловался он. Роберту и Бонзо не было двадцати одного.

— Помягче, пожалуйста. Мы только что выбрались из ада на шоссе, — ответил я бармену.

Плант и Бонэм заказали кофе и украдкой глотали наш скотч.

Тем временем Кенни Пикетт доехал до аэропорта. Он тоже поехал по той же дороге через полицейский кордон, но не без происшествий. Его грузовик съехал с дороги и врезался в чей-то забор. Привычное дело.

Когда наш самолёт приземлился в Лос-Анджелесе, от вида солнечных лучей мы воспрянули духом. Три вечера в «Whisky a Go Go» прошли восхитительно. Столь же великолепной оказалась ночная жизнь ЛА.

Группа осталась в восторге от клуба, который располагался на острие изменений бульвара Сансет Стрип. Старые клубы типа «Крещендо» или «У Сиро» закрывались, им на смену пришли рок-клубы, которые привлекали подростков и даже детей — готовых расстаться с невинностью и присоединиться к модному движению рок-революционеров, даже если для этого приходилось часами простаивать в очередях, чтобы попасть внутрь.

Клуб располагался в здании, когда-то являвшемся филиалом «Банка Америки». Он был выкрашен в зелёный цвет, сейфы и столы были заменены на огроменные концертные усилители и защищенные стеклом клетки, в которых танцевали девушки — вы можете зачарованно наблюдать за ними часами. Клуб вскоре получит международное признание, и даже иранский шах посетит его, и несомненно подивится, почему подобного нет в Тегеране.

Даже если мы не играли в «Whisky», то предпочитали тусоваться там и напиваться до чёртиков — нам это очень хорошо удавалось. Долгие годы я полагался на выпивку, как на верное средство для расслабления и забытья, чтобы я в тот момент ни

чувствовал. Джону Полу нравился джин с тоником. Роберт предпочитал вино, иногда скотч. Джимми увлекался «Джеком Дэниелзом». А Бонзо и я не были такими привередливыми. «Драмбьюи» (фирменное название шотландского ликёра из виски, мёда и трав — прим. пер.), пиво и шампанское — мы могли пить, что угодно.

Злоупотребление алкоголем и наркотиками со временем превратится в часть легенды группы, и признаки этого проявились на первом турне. Честно говоря, пьянство частенько было частью игры в рок-музыку, даже слишком часто. Стресс от создания новой группы — и от гастролей в целом — алкоголь занимал прочное место в жизни музыкантов. Также у нас всегда было вдоволь марихуаны, а иногда доза-другая кокаина. Но алкоголь был частью ежедневного рациона. Он помогал коротать время. Он унимал дрожь. Он облегчал давление в самых разных жизненных ситуациях.

Всего за пять дней в ЛА группа осознала, что может устраивать весёлые выходки, в частности так случилось в «Шато Мармон» — старом отеле с необычной историей. Там случился роман у Джин Харлоу с Кларком Гейблом. Пол Ньюмен встретился с Джоан Вудворд. Джон Белуши умер здесь в 1982 году.

Рок-музыканты питали особую любовь к отелю. Грэм Нэш жил там пять месяцев. Роуди Элиса Купера играли в футбол голыми в бельэтаже. Джим Моррисон вывалился из окна второго этажа, травмировав спину и ноги.

Джимми и я останавливались здесь во времена Yardbirds, и я возвращался сюда, когда гастролировал с Терри Ридом в начале 1969 г. Led Zeppelin заселились в отель. Я решил, что мы снимем бунгало, чтобы сэкономить деньги. Роберт и Бонзо взяли комнату внизу, Джимми и я — наверху, третья комната досталась Джону Полу и Кенни.

Бонзо говорил, что невозможно возвращаться в отель после концерта и просто выпить кофе или чай и смотреть телик. После атомной бомбежки барабанов, Бонзо требовалось несколько часов, чтобы остыть и расслабиться. «Слишком много энергии во мне, — жаловался он, постукивая ногами и почёсывая руки. — Мне нужно выпустить пар».

Вот так и начались легендарные забавы группы. Они не собирались создавать хаос, но им приходилось унимать чрезмерную энергию и бороться со скукой в тысячах километрах от дома.

В «Мармоне» всё началось весьма невинно. Однажды вечером после концерта Джимми и я решили немного развлечься. Мы

приготовили вёдра с водой и яйцами и стали дожидаться Роберта с Бонзо.

Наше терпение было вознаграждено. Когда они вошли в дверь, мы атаковали их. Вёдра опрокинулись, и на них вылилась липкая жидкость. Они промокли насквозь. Детские шалости, для школьников — мы вроде бы выросли из этого возраста, но успешная выходка доставила нам много радости и смеха.

Из Лос-Анджелеса мы вылетели в Сан-Франциско, где продолжили баловство. Мы остановились в отеле «Альта Мира» напротив Золотых Ворот в Сосалито. Чтобы сэкономить немного денег и удовлетворить вегетарианские пристрастия Джимми, я решил снять номера, в которых есть кухня — и это нам предоставило больше возможностей для «пищевых» войн. Наши номера находились друг напротив друга и как-то в полдень Бонзо предложил: «Почему бы не не подать остальным обед через авиапочту?»

Он взял несколько сырых яиц и начал бросать их из своей комнаты в другую. Яиц надолго не хватило, но мы нашли другие боеприпасы: помидоры, апельсины, картошку, сыр, пончики, печенье, орехи. Хаос продолжался минут пятнадцать, пища летала по коридору. Когда всё закончилось, на стенах и окнах осталось достаточно холестерина, чтобы забить артерии половины Сан-Франциско.

Иногда Питера беспокоили наши выходки, ему казалось, что я потерял контроль над группой. Но моя философия состояла в том, что если мы прибываем на концерт вовремя, играем на должном уровне, нет никаких причин вне сцены жить как монахи или библиотекари. Я рассматривал наши проделки как невинные шалости, хотя возможно это был трамплин для чего-то худшего — разрушения собственности или, что более точно, разрушения самих себя.

Во время первого тура один друг из Сан-Франциско дал мне амилнитрат, который я предложил попробовать Бонзо. В тот момент, когда мы нюхали порошок, позвонил Питер из Лондона. Он говорил со всеми членами группы и спрашивал, как им живется.

Когда дошла очередь до Бонзо, он сказал Питеру: «Здесь здорово, Питер. Ричард дал мне траты Эми!»

Бонзо не расслышал название наркотика, а Питер не знал, что и подумать.

— Траты Эми! — взревел Питер. — Дай сюда этого мудака Коула!

Я взял трубку и обратился к Питеру самым невинным тоном.

— Да, Питер! Как дела?

— Ты что там делаешь с Бонзо, мать твою? Траты Эми!

Возможно, Питер подумал, что мы расплатились за групи по имени Эми. Но вряд ли можно сравнить оба удовольствия между собой.

Вскоре Питер понял, что наши проделки носят невинный характер и временами принимал участие в них.

Но так весело было далеко не всегда. В середине января наметились первые трещины в группе. Произошло это из-за шутки, которую Роберт не так понял, и это создало напряжение между ним и мной на долгое время.

Мы прибыли в Майами Бич и поселились в отеле Ньюпорт на Коллинз Авеню. Вскоре Джимми и я направились к бассейну, где встретили парочку девушек, с которыми мило поболтали. Пару минут спустя к нам подошёл Роберт в уличной одежде.

— Я хочу прогуляться по магазинам. Увидимся через час или два.

— Перед тем как вернёшься, купи сандвичей для нас. Я люблю тунец на ржаном хлебе, — ответил я полушутя.

Может быть тон был слишком снисходительным на взгляд Роберта, ведь я вроде как работал на него, а не наоборот.

— Бля, сам себе возьми, сандвичей, — вскипел он. Роберт недовольно помотал головой и ушёл.

Я понял, что даже в дни, когда Led Zeppelin ещё не взобрались на Олимп, у Роберта было завышено самолюбие, и с ним лучше не связываться.

Долгое время мы с Робертом были на ножах. Он изводил меня, временами вплоть до полного унижения, давая понять, кто тут босс, а кто подчинённый. Когда мы останавливались в отелях, он мог позвонить мне в номер и потребовать, например, что-то типа: «Ричард, попроси, чтобы мне привезли чай и завтрак». Мне хотелось сказать, чтобы он сам звонил и заказывал еду. Но ему нравилось выводить меня из себя. Я всегда звонил за Роберта, чтобы он отстал. Но это меня бесило. Я почувствовал, что мои отношения с ним в дальнейшем будут тяжёлыми.

Первый тур группы закончился в Нью-Йорке, в зале Филмор Ист. Мы остановились в отеле «Горэм» на Западной 55 стрит. Это прекрасное место открыл Крис Стэмп, который был менеджером The Who. Отель полюбили рок-группы, экономившие деньги, благодаря недорогим номерам с кухнями. К тому времени Нью-Йорк нетерпеливо ожидал дебюта цеппелинов. Слух о невероятной мощи группы распространился мгновенно… хэдлайнерам невероятно трудно было превзойти их наэлектризованные выступления.

В Филморе Led Zeppelin — вместе Делейни и Бонни —

должны были открывать Iron Butterfly, популярнейшую группу в Штатах. Их второй альбом «In-a-Gadda-Da-Vida» был большим хитом и оставался в чартах 140 недель, а третий альбом должен был выйти совсем скоро. Их музыка потрясала аудиторию, словно удары дюжины Майков Тайсонов. И тем не менее, Iron Butterfly нервничали от того, что будут играть после Led Zeppelin, и Питер понимал это.

Питер был из тех парней, которые любили поиграть корпоративными мускулами. Эти парни никого не пощадят, если выпадет такой шанс.

— Led Zeppelin кого хочешь поставят на место, — говаривал он. И ему нравилось смотреть, как они делают это. И хотя цеппелины должны были выходить первыми, а за ними Делейни и Бонни, и только потом Iron Butterfly, Питер подошёл к импресарио Биллу Грэму и попросил сделать одолжение.

— Билл, ты должен позволить выступить Led Zeppelin вторыми. Сделай это для старого друга. Я хочу, чтобы Zeppelin и Iron Butterfly выступали след в след.

— Ладно, почему бы и нет, — пожал плечами Грэм.

Питер получил желаемое. И мы слышали, что когда члены Iron Butterfly узнали об этом, то буквально взбесились. Они знали про крышесносящие истории о Led Zeppelin. Даг Ингл и Эрик Бронн из Butterfly, по словам работников зала, даже угрожали не выйти на сцену. Они требовали, чтобы Led Zeppelin исключили из списка.

— Это смешно, — ответил им Билл Грэм. — Мы подписали контракт. Черта с два вы откажетесь только из-за того, что вам не нравится разогревающий коллектив. Только я решаю, кто за кем выступает, а не вы.

До самого выхода на сцены, Питер едва контролировал себя. В гримёрке он собрал группу и рассказал, что происходит с Iron Butterfly.

— Выйдете и дайте им хорошего пинка!

Ничего себе приказ! Но они его выполнили. Последующие вечера сеты цеппелинов были абсолютно невероятными. Когда они покидали сцену под отзвуки последних аккордов «How Many More Times», толпа скандировала «Zeppelin… Zeppelin… Zeppelin». Ингл, Бронн и Ли Дорман были в не себя от гнева. Публика требовала цеппелинов уже когда Iron Butterfly начали свой сет. Ничего более деморализующего для хедлайнера быть не может. А вот для новой команды типа Led Zeppelin нет ничего более приятного.

— Iron Butterfly — хорошая группа, — сказал Питер, не скрывая самодовольства. — Но они не ровня Led Zeppelin. Никто

им не ровня.

Часть 6

11. Назад в реальность

Джимми Пейдж был сильно зол. Первый американский тур закончился на невероятно высокой ноте. Группа в эйфории возвращалась в Англию. Но в офисе Питера Джимми прочёл некоторые рецензии на концерты и был обескуражен. Можно подумать, что Led Zeppelin изобрели лекарство от рака или от сердечной болезни.

— Какой-то абсурд, — бормотал Джимми. — Эти критики ни хрена не знают музыку. Они вообще не в теме. Ни разу.

Питер оказался прав насчёт тура. Фанаты в Штатах были готовы к таким новаторским группам как Led Zeppelin. По иронии судьбы критики оказались не готовы.

Джимми считал, что Led Zeppelin — его группа. А злобные критичные замечания словно пытки твоего ребёнка. С отвращением он смял пару рецензий в комок и бросил их в корзину.

Питер старался успокоить Джимми. Он гневался не меньше, но понимал, что не стоит позволять каким-то запутавшимся критикам подрывать уверенность членов группы.

Давайте взглянем на вещи в перспективе, — сказал Питер. — Большая часть прессы до сих пор злится на раздутую Atlantic шумиху по поводу подписания Led Zeppelin. А теперь мы расплачиваемся.

Пресса объявила команду жадной до денег группой, которую настырно пропихивают доверчивой публике. Они проигнорировали тот факт, что на первом американском туре нам платили всего лишь двести долларов за концерт, изредка чуть больше полутора тысяч. А критики ополчились на нас до того, как услышали хоть одну ноту.

Масс-медиа направили самые безжалостные атаки на Роберта, впрочем, неудивительно. Вокалист любой группы всегда должен открывать свою душу чуть больше, чем остальные участники. И пресса недоумевала, кто этот молодой неопытный певец. Он никогда не выступал перед большой аудиторией на крупных площадках. И вдруг оказался под сводом прожекторов, в центре рекламы… и мишенью для критиков.

Питер и я запаниковали, мы пытались спрятать критические атаки от глаз Роберта. Когда мы покупали газеты или если нам присылали вырезки прямо в офис, мы избавлялись от тех рецензий, которые могли задеть. Мы не хотели расстраивать его. Но кое-что просачивалось, и эффект был деморализующий.

Сначала Роберт злился. Потом защищался. А потом

храбрился. Я думаю, он был напуган. За его бахвальством скрывалась боль, и он делал вид, что ему всё равно. Но это было не так. Позже Роберт признается, что в самый разгар травли прессой группа решила, что «лучшее, что можно сделать — это заткнуться и просто играть». Тем не менее нападки прессы доставляли ему много хлопот. Это было видно из того, как он говорил о репортёрах, которые хотели взять интервью. «Скажи им, что никаких интервью не будет, пока они не послушают нашу музыку, — говорил он мне. — А многие из них просто невоспитанные люди».

Но когда дебютный альбом, Led Zeppelin, увидел свет в Штатах в начале 1969 года, ситуация ничуть не улучшилась. Фактически, главные FM-радиостанции по всей Америке получили свои промо-экземпляры и во всю их крутили. Atlantic выпустила также и семидюймовые диски с самыми длинными треками альбома — «Babe, I'm Gonna Leave You» и «Dazed and Confused».

И хотя диск-жокеям понравилось то, что они услышали — они много говорили о вибрациях, оригинальности и сырой энергии альбома — пресса была беспощадна. Некоторые критики настаивали, что Led Zeppelin были не больше, чем копией группы Джеффа Бека, которые также вышли из Yardbirds, но с Беком и Стюартом во главе.

В журнале Rolling Stone Джон Мендельсон разделал альбом под орех, песню за песней: «Популярная формула новой эры таких успешных британских блюзменов как Cream и Джон Мейолл на мой взгляд такова: добавьте к отличному гитаристу, который после ухода из Yardbirds или от Джона Мейолла, превратился в мелкого музыкального божка компетентную ритм-секцию и симпатичного вокалиста, имитирующего манеру чёрных. Последняя из подобных английских групп предлагает не больше, чем их брат-близнец, Jeff Beck Group, но уже нет так хороша, чем три месяца назад».

Опа!

Несмотря на подобные атаки, на продажах альбома это никак не сказалось. Пластинка поднималась в чартах быстро, и когда это произошло, та же враждебная пресса начала гоняться за группой для интервью. Им вдруг приспичило поместить цеппелинов на первые полосы, создавая шум по самому мелкому поводу. Но в группе никто не горел желанием высиживать до конца все интервью.

— Это глупо, — заметил Джимми, — Если они собираются махать шашками в нашу сторону, какое нам тогда до них дело? Скажи им, что мы заняты. Скажи что-нибудь.

Питер старался быть выше и не парился по этому поводу. Пока группа зализывала раны от когтей прессы, он просчитывал следующие шаги группы. Несмотря на вопли о коммерциализации, несмотря на энтузиазм публики, первый тур по США смог только окупить расходы. Когда мы прилетели домой и посчитали цифры, я был весьма удивлён.

Питер сидел и просматривал счета:

— Самолёты… аренда авто… отели… еда… обслуживание аппаратуры… зарплата. Всё, что мы заработали, ушло до того, как мы вернулись домой.

Но Питер не был расстроен. По реакции групп типа Iron Butterfly он понимал, что карьера Zeppelin развивается стремительно. И не беспокоился о деньгах. Вскоре всё изменится до неузнаваемости, говорил он мне.

Никто из нас не зарабатывал больших денег в те дни. Мне платили всего лишь сто долларов в неделю. Роберт с Бонзо получали столько же — чистая зарплата, которую они отсылали домой жёнам и детям в дополнение к авансу от звукозаписывающей компании. Чек от Atlantic явился своеобразной финансовой подушкой безопасности, то, к чему они ещё не привыкли. Когда группа только-только образовалась, Бонзо так нуждался в деньгах, что попросил Питера: «Давай я поведу грузовик с аппаратурой за дополнительную плату… например, пятьдесят фунтов в неделю?»

Джимми и Джон Пол не получили ничего за первый тур. Группа была их инвестицией, и они предвидели колоссальные дивиденды в будущем. Как и Питер они хорошо знали бизнес и понимали, что команда взлетит подобно космическому кораблю — по крайней мере, если не у критиков, то у фанатов.

Джимми был нацелен сохранить доходы там, где им было место — внутри группы. Он рассказывал множество страшных историй — байки, которые приводили его в гнев только при воспоминании о них — о том, как его обдирали в прошлом, даже в Yardbirds.

— Как-то раз Yardbirds гастролировали со Стоунз по США, сразу после того, как мы появились в фильме Антониони «Blow-Up». Мы находились на самом пике популярности. Но после пяти недель гастролей, знаешь сколько получал каждый участник Yardbirds? Сто двадцать фунтов! И всё, бля!

— А кто забирал остальные деньги, которые вы зарабатывали? — спросил я.

— Чёрт его знает? Но точно не мы!

Обычная история среди рок-музыкантов. Команды могут привлекать платежеспособных покупателей, на их стенах висят

золотые диски, но счета их пусты.

У Питера и Джимми возникли особые отношения, в которых, судя по всему, подобных проблем не предвиделось. Когда Питер стал менеджером Yardbirds в непростые для тех времена, Джимми увидел, что тот действительно заботится о музыкантах, а не о себе. Питер был честным человеком, что в музыкальном бизнесе дело неслыханное. В Led Zeppelin Питер был пятым членом группы. Если я решал вопросы на гастролях, Питер неусыпно следил за деловой частью жизни команда. Его философия была проста: так как группа привлекает фэнов в концертные залы, необходимо получить финансовое вознаграждение. Весьма редкое и необычное отношение.

Джимми так привык к тому, что деньги быстро исчезают из поля зрения, что даже в счастливые дни существования группы не мог преодолеть своей бережливости. Как-то мы попали в один пабов Лондона и пили с группой Liverpool Scene. Они прикалывались над его отношением к деньгам. Кто-то из них придумал Джимми кличку «Свинцовый бумажник», и она к нему пристала.

После тура по Штатам телефон в офисе Питера разрывался бесконечно. Американские промоутеры забросали предложениями о концертах — резкий контраст к тому, что происходило в Англии. Дома к группе проявляли очень вялый интерес. Первый альбом будет выпущен только в марте, и ажиотажа совсем не наблюдалось.

Промоутеры из США страстно желали нас видеть, а их крупнейшие английские коллеги — нет. Один промоутер из Лондона прямо так и сказал по телефону: «Питер, в Англии новая группа появляется каждую секунду. Так что, зачем нам ещё одна?»

Такие замечания были болезненными. Но на каком-то уровне Джимми и остальные понимали, что происходит. После того, как дебютный альбом появился в Англии, группа собралась в офисе Питера, где Джимми так прокомментировал происходящее:

— В США FM-станции хотят играть длинные композиции в нашем стиле. Но английское радио до сих пор привержено синглам, поэтому нам труднее получить место в эфире. И с этим фактором нам придётся мириться.

И тем не менее им очень хотелось признания дома. Хотя они об этом особо не говорили, их обижал холодный приём в Англии.

Чтобы привлечь слушателей, группа предприняла британский тур в марте 1969-го, ограничившись единичными выступлениями в маленьких клубах — Marquee и Fishmonger's Hall в Лондоне, Mother's в Бирмингеме, Cook's Ferry Inn в Манчестере и Klook's

Kleek в Эдмонтоне. Маленькие клубы стесняли, в них вмещалось не больше трехсот-четырёхсот человек. В некоторых не было даже гримёрок. Гонорары тоже были маленькими — шестьдесят фунтов, что приблизительно составляло шестьдесят процентов от общей суммы доходов. Иногда им удавалось получить аж сто сорок фунтов.

Удивительно, но благодаря сарафанному радио билеты на концерты оказались быстро раскупленными. Однако, несмотря на полные залы, никто много не заработал. Питер был в замешательстве, но не сдавался.

— Ситуация в Англии скоро изменится. А пока стоит вернуться в США.

Вполне возможно, Led Zeppelin действительно принадлежали Америке.

12. Свинцовый бумажник

Джимми сидел в одиночестве в доме лодочника рядом с главным домом и внимательно осматривал пылящиеся инструменты и аппаратуру. Многое относилось ко временам Yardbirds, а кое-что было намного старее.

Двух месяцев не прошло после американского тура, во время которого старое оборудование времён Yardbirds основательно поизносилось и фактически пришло в негодность. В отличии от Пита Таунсенда, который уничтожал инструменты под одобрительный рёв толпы, цеппелины заиграли своё до полной непригодности. Но Пейджи, будучи бережливым человеком, не склонялся тратить много денег, если не сказать больше, на новое оборудование для следующего тура по Америке, который должен стартовать через две недели в конце апреля 1969 года. Как можно реанимировать аппаратуру, спрашивал он себя, без ущерба для отчёта о прибылях и убытках?

Несколько сгоревших усилителей «Фендер» из имущества Yardbirds хранились в доме лодочника. Рядом стояли «Рикенбекеры» от первого тура цеппелинов, их ещё можно было использовать. Но они не соответствовали стандартам Джимми. Фэны не заметят, но не он.

Дилемма для такого перфекциониста, как Пейдж. Он хотел, чтобы всё было чётким и точным. В то же время сама мысль о расходах в тысячи долларов на новую аппаратуру доставляла страдания. Свинцовый бумажник столкнулся лоб в лоб со Свинцовым дирижаблем, и на какое-то время ситуация казалась патовой.

Тем вечером Джимми усиленно искал решение. Он поднял трубку и позвонил Клайву Кулсону, роуди в новом турне.

— Клайв, я хочу заполучить «Маршаллы» перед отъездом, — сказал ему Джимми.

— Дороговато выйдет. Сколько мы сможем потратить? — ответил Клайв.

— Мы не потратим ни пенни, — пояснил Джимми. — Немного фантазии плюс пара инструментов — это нам не будет стоить ничего.

Мы с Клайвом приехали к Джимми на следующий день, и Пейджи объяснил свою задумку. Он велел Клайву снять задние крышки и с «Фендеров», и с «Рикенбекеров», вытащить динамики и поменять местами. Затем попросил отвезти усилители «Фендер» с рикенбекеровскими динамиками в магазин Sound City, что на площади Пиккадилли, и обменять на новое оборудование

«Маршалл».

— Из-за пошлин на импорт «Фендеры» — самые дорогие усилители, — говорил он. — никто не узнает, что внутри стоят динамики от «Рикенбекеров».

Это сработало. Клайв вернулся в двумя наборами новых «Маршаллов», не потратив ни фунта. Свинцовый бумажник вышел победителем.

Когда перед отлётом в США оставались считанные дни, Zeppelin охватил мандраж. За годы работы я усвоил: не важно, сколько туров и концертов отыграла группа, не важно, сколь здорово они сыграли и как громко их приветствовала толпа, перед стартом каждого нового турне команду охватывало мрачное предчувствие. Пройдет ли всё так же гладко, как и в прошлый раз? Будут ли заполнены залы? Захотят ли фанаты после окончания концерта, покидая клуб, вновь пойти на них?

Но как только тур начался, опасения оказались безосновательными. Вечер за вечером, город за городом, аудитория уходила зачарованной. Сан-Франциско, Детройт, Чикаго, Бостон, Нью-Йорк, тридцать выступлений в девятнадцати городах с музыкой такой мощи, которая затмит любого, кому случится оказаться на сцене Филморов, театра Гатри в Миннеаполисе, Кинетик Серкус в Чикаго или Бостон Гарден.

Второй тур начался в Сан-Франциско с неожиданного инцидента. Билл Грэм, владелец и управляющий зала Филмор Уэст был ярким, трудолюбивым бизнесменом, с крутым характером и прямолинейным. Он всегда был честен с Yardbirds и Led Zeppelin. Он позаботился о мельчайших деталях, предоставив нам всё, что мы попросили и даже больше.

Но когда мы приехали в Филмор в майский полдень вторника за несколько часов до первого концерта, нас встретил вовсе не сердечный приём. Клайв подошёл к Грэму, игравшему в баскетбол с сотрудниками во дворе позади клуба.

— Мистер Грэм, — сказал Клайв. — Мы приехали, чтобы настроить аппаратуру Led Zeppelin. Мы можем начинать?

Грэм глянул в нашу сторону и ткнул в Клайва указательным пальцем.

— Ты с кем говоришь, приятель? — заорал Билл, на шее вздулась вена. — Когда я захочу поговорить с тобой, я поговорю. Ты что, не видишь, что я занят?

Бедный Клайв. Он повернулся ко мне, словно говоря: «Когда следующий рейс в Лондон?» Он понял, что когда Грэм хотел нагнать ужас, это будет достойно премии Оскар. Мы так и не поняли, зачем он так сделал, но договорились больше не мешать ему, когда тот играет в баскетбол. Я также должен был усвоить,

что несмотря на то, что мы, из команды Led Zeppelin, ценили группу, другие еще не были готовы стелить перед ними ковровую дорожку.

Во второй тур, так же как и в первый, Led Zeppelin поехали вместе с Vanilla Fudge, которые не всегда выступали как хэдлайнеры. В каждом конкретном городе закрывала концерт та группа, альбом которой получал большую долю эфира на радио, основываясь на исследованиях Atlantic Records. Нас не волновало, какими по очереди мы будем выступать; реакция аудитории всегда была одинаковой — полный дурдом.

В начале тура команда играла часовые сеты. Но публика так реагировала, что длительность увеличивалась… час пятнадцать… полтора часа… и ещё больше. Когда кончались песни, они импровизировали на темы Отиса Реддинга и группы Love. Роберт временами пытался спеть старую вещь Moby Grape, но остальные не поддерживали его, в основном, чтобы подколоть.

Шоу не должно повторяться, — обычно говорил Джимми. Несмотря на то, что собственные вещи цеппелинов становились стандартами, они всегда импровизировали, начиная от изобретательных риффов Джимми и заканчивая соло Бонэма, да так, что фэны с последних рядов превращались в истовых верующих в группу. Иногда они сами себя удивляли творческими прорывами и тем, на какие высоты выводили свои инструменты.

К середине тура уверенность группы взлетела в небеса. Они буквально приводили аудиторию в неистовство. Их это никогда не пресыщало, но каждый раз приятно удивляло, когда к концу шоу толпа с ума сходила. Репутация команды опережала их движение, и аудитория находилась на краю истерии сразу после объявления выхода команды. Как только они начинали играть, зал превращался в сумасшедший дом.

— Круто быть там и играть музыку, — поделился Бонэм со мной своими ощущениями перед выходом на сцену. — Как только толпа заводится, начинается полное безумие. Энергия фэнов заводит меня в неизведанные дали.

Но группа не могла позволить себе насладиться в полной мере успехом. На них постоянно давила рекорд-компания по поводу второго альбома, Led Zeppelin II. Первый альбом попал в чарты на 99 место, а затем взлетел в десятку. В конце концов, он продержался в хит-параде, включая повторное вхождение в конце 1979 года — десять лет.

— Что им не нравится? Пусть подсчитывают прибыль от первого альбома! — жаловался Роберт. — Ненавижу, когда мне к виску приставляют дуло пистолета. Это нечестно!

— Давайте им прямо так и скажем, — предложил Бонзо. —

Путь отвалят!

Несмотря на злость на рекорд-компанию, которая заставляла работать над вторым альбомом, музыканты были профессионалами до мозга костей. Они понимали, что у них контрактные обязательства, к которым нужно отнестись серьёзно. Джимми и Роберт спешно сочиняли песни в номерах отелей (Whole Lotta Love, Ramble On), иногда тексты песен писались на бланках отелей. Роберт впервые полностью самостоятельно написал текст к песне Thank You, которую посвятил жене. Бывало, как только песню сочиняли, её тут же репетировали и записывали.

Где бы мы ни были, когда бы нам ни выдавался свободный день, Джимми изыскивал свободную студию — Ardent Studio в Мемфисе, Gold Star Studio в Лос-Анджелесе, — и команда запиралась в ней до поздней ночи, чтобы записать новые треки для альбома. Иногда Роберт приезжал самостоятельно, чтобы наложить вокальные партии. Он записал вокал для Whole Lotta Love за один дубль («Мне хватало денег на один раз, лучше сделать возможности не было»).

«Whole Lotta Love» потребовала большого внимания со стороны Джимми. Вокал Роберта был записан, но тем не менее, он провёл множество часов в студии, оттачивая каждую мелочь. Для нисходящей прогрессии он использовал слайд и обратный эффект эхо. Такую же технику он взял на вооружение в Ramble On.

Множество эффектов в «Whole Lotta Love», да и для всего альбома, появились из чистого экспериментирования. Джимми сидел в аппаратной комнате с инженером, и они буквально играли с ручками регуляторов, поворачивая то в одну сторону, потом в другую, и слушали, какие звуки получаются. Для «Whole Lotta Love» они создали ошеломительный каскад обрывков разговоров, воплей и визгов.

Джимми без устали работал над микшированием «Bring It On Home», «What Is and What Should Never Be». Он также добавил двенадцатиструнную гитару к «Thank You» и целую обойму гитарных наложений к «Ramble On».

Иногда я даже нервничал при виде Пейджи в студии. Он становился более одержимым, больше чем на сцене. Не важно, как хорошо он был подготовлен, он редко был полностью удовлетворен. И всегда хотел чего-то добавить, чтобы приблизиться к совершенству. От этого его уверенность ослабевала, он терял веру в себя. Проводя долгие часы над микшированием, он мог уткнуться лицом в ладони, чтобы спрятаться от реальности, от бесконечных сессий, от работы над

альбомом, которой конца края не видно. Это была долгая, изматывающая работа, и хотя он очень любил творческий процесс, иногда Джимми перегибал палку.

Бывало так, что Джимми и я летели в Нью-Йорк после концерта в Миннеаполисе или Чикаго. Я брал с собой незаконченные плёнки, завёрнутые в фольгу. Мы ловили такси до студии A&R, торчали там полдня, а затем вылетали на следующий концерт. Ужасно, изнурительно, тяжело. Но Пейдж должен был это сделать.

По плану мы летели в Балтимор на концерт в Мерриуэзер Павильоне. Фрэнк Барсалона и Барбара Скайдел из Premier Talent работали с нами на этом туре, их агентство также представляло The Who.

— Почему бы нам не поставить The Who и Led Zeppelin на одну сцену? — предложил Фрэнк Питеру.

Питер сел и обдумал идею.

— Ладно, давай!

Он знал, что The Who будут главными звёздами, но был уверен, что его парни смогут противопоставить себя более популярной группе.

Обе команды очень нервничали от перспективы играть друг с другом. После открытия шоу — выступал поющий комик Дядя Грязнуля — на сцену вышли цеппелины и выдали мощный полуторачасовой сет. А затем The Who по полной отыграли свою программу в течение полутора часов, апофеозом которой стал побивший все рекорды акт разрушения инструментов.

Ближе к концу шоу я вместе с Джоном «Вигги» Вулфом, моим коллегой, работавшим на The Who, отправился собирать деньги.

— Надеюсь, вы заработали кучу денег, — сказал я Вигги. — Вам нужно немало денег, чтобы заменить все инструменты, с которыми расправляется Таунсенд.

Вигги сказал, что они получают 6750 долларов за концерт.

— Серьёзно? — удивился я. — Нам платят почти столько же — шесть тысяч.

— Не могу поверить, что вы получаете всего на семьсот пятьдесят долларов меньше, — Вигги был в шоке.

— Если учитывать, что покупка новых инструментов стоит десять тысяч долларов, в этом плане мы вас обогнали.

Во время тура, да еще в напряжении от работы над новым альбомом, Zeppelin в дополнение к этому продолжали пребывать в ссоре с прессой. Несмотря на то, что аудитория на наших концертах росла, равнодушие СМИ — и даже антипатия — только усиливались. Рецензия журнала Variety на второй тур была типичной в беспощадности, с которой нас размазывали:

«Одержимость этого квартета мощностью, громкостью и мелодраматическими позами не имеет ничего общего с утончённостью других англичан. Зато достаточно динамики и выдержанности в ультратяжёлом роке Led Zeppelin. Но команда предпочла чистую энергию музыкальному вкусу, и это привлекает в основном юную аудиторию».

Когда Джимми читал подобные рецензии, он совсем расклеивался.

— Эти критики пишут в вакууме? — жаловался он, сидя в номере отеля в Чикаго. — Разве они не слышат, как толпа требует нас раз за разом? Он с отвращением расшвыривал рецензии по комнате. — И они пишут с таким высокомерием, как будто их мнение имеет значение больше остальных. То, что они пишут, не значит, что они разбираются в музыке!

Джон Пол относился к происходящему более прагматично:

— Есть в этом одно преимущество. Они не вьются вокруг нас толпами, поэтому нам не приходится тратить много времени, отвечая на их вопросы, иногда настолько идиотские.

Пейджи предложил вообще не давать никаких интервью прессе, которая доставала представителей по связям с общественностью Atlantic Records. И самом деле, как только группа приняла столь непопулярное решение, Джимми безоговорочно отказал всем в интервью — эта политика держалась в течение нескольких туров.

— Как только пресса начнёт писать более объективно, тогда я буду с ними разговаривать, — сказал он.

Вражда между группой и прессой достигла пика во время последних трёх недель тура, когда репортёр журнала Life Эллен Сандер присоединилась к нам в турне. Никто не был в восторге от этого. Сандер предложила редакторам, что напишет об американском туре The Who, но когда не получилось, она обратилась к нам в качестве замены.

Led Zeppelin были новой группой, и мы по идее должны были быть очень внимательными с представителем такого влиятельного журнала, как Life. И в правду, Питер собрал нас и сказал следующее:

— Пожалуйста, будьте с ней вежливыми. Она из большого американского журнала. То, что она напишет, прочтут миллионы людей.

И мы очень старались. Мы по очереди общались с Сандер, но никто из нас не смог найти в ней ничего привлекательного. С ней не так приятно было общаться. Ей не нравилась наша музыка, и она презирала наш образ жизни.

Позиция Сандер отображала типичное отношение прессы к

цеппелинам. Когда статья о нашем туре была издана, оказалось, что написала она весьма нелестно, и с нашей точки зрения, неаккуратно. Основная претензия Сандер состояла в том, что якобы, когда она покидала нас и пожелала счастливого пути, на неё напали двое членов группы (она не назвала, кто конкретно). Как она писала, они схватили её одежду и порезали на клочки платье. Питер Грант, как она утверждала, спас её от монстров-музыкантов, которые были готовы разорвать её на куски.

— Что за фигня? — сказал мне Бонзо. — Мы немного над ней поприкалывались, может быть её обидело, что мы были немного в подпитии. Но если ей показалось, что мы хотим изнасиловать её, то у неё больная фантазия.

Обзор Сандер оказался суров.

«Если вы войдёте в клетку в зоопарке, чтобы поближе увидеть животных, погладить по пленённой коже и почувствовать таинственную энергию, — писала она. — В первую очередь вам в нос ударит запах дерьма».

Питер попросил меня помочь команде пережить напряжение, которое обрушилось на музыкантов.

— Это пытка. — сказал Пейджи в самолёте на пути в студию в Нью-Йорке. — Группа только появилась, а я уже хочу сделать перерыв.

Часть 7

13. Вкус декаданса

Ко второму туру вокруг наших номеров и за кулисами сцены всегда вилось множество девушек. Их в основном интересовали Плант и Пейдж, но многие не были столь разборчивыми. И группа делегировала мне полномочия в организации ночных развлечений, и с девчонками было меньше всего проблем.

Уже в этом раннем периоде истории Led Zeppelin я увидел зарождение определённых пристрастий в отдыхе, которые будут преобладать в течение всей жизнедеятельности группы. Рядом с нами всегда находились девушки, с которыми мы тусовались, иногда заходя слишком далеко. А бутылки с алкоголем никогда не кончались. Они помогали справиться со стрессом гастролей и с давлением звукозаписывающей компании, висевшим над нами. И мы переусердствовали. Алкоголь, а позднее наркотики, в конце концов дали о себе знать. И в 1969-ом сигналы будущих бедствий появились на горизонте.

Когда речь заходила о девушках, Джимми говорил: «Чем моложе, тем лучше». Больше остальных его возбуждали девчонки, чьи лица казались детскими и невинными, а тела ещё не сформировались. Но он был не единственным, кто любил помоложе. Наверно, это был признак нашей незрелости, но ведь нам было всего двадцать-двадцать один, поэтому четырнадцати-пятнадцатилетние не казались чем-то безумным, по крайне мере в то время. Что касается женатых членов группы, большинство из них закрывали глаза на то, что в Англии их ждут супруги. Если у них и возникали приступы вины, я этого никогда не видел.

— Я мечтаю, — откровенничал Пейдж, — найти молоденькую, похожую на Джони Митчелл девушку… тоненькую, угловатую, с длинными светлыми волосами и с голосом, который убаюкивает тебя.

Я искал во все глаза, но так и не смог найти что-нибудь похожее. Я даже думаю, что ему никто не понравится, кроме самой Джони Митчелл.

— Ричард, я скажу тебе, что я хотел бы видеть, — сказал Джимми. — Чтобы Джони Митчелл сидела на краешке кровати, играла на гитаре и пела для меня.

Дальше он не углублялся, но уверен, что он хотел от Джони нечто большее, чем игра на гитаре.

Нередко я прогуливался по холлу отелей, где собирались молодые девушки, и приглашал их в наши номера. Led Zeppelin и другие рок-группы часто обвиняли в использовании девчонок, и я считаю — беспочвенно. Мы редко охотились за ними, они сами

предлагали себя. Мы никогда не заставляли делать их что-либо, чего они не хотели. Они хотели поразвлечься, и мы тоже. Об особой эмоциональной вовлечённости говорить не приходится. Как сказала мне одна блондинка из Бостона:

— Я всего лишь хочу отлично провести время. И если вы парни тоже этого хотите, я к вашим услугам.

Она носила униформу чирлидера.

Некоторые девушки следовали за нами со времён Yardbirds. Они были фанатками Джимми и не предавали его. У них там даже образовалась своеобразная иерархия: все стремились попасть в основную команду, а не сидеть на скамейке запасных. Некоторые весьма ревновали, когда Джимми не уделял им достаточного внимания. И друг с другом они обходились недружелюбно (Джимми всегда относился ко мне, как к леди, что не скажешь про тебя!). Периодически их перебранки перерастали в свару с таскaнием за волосы и выцарапыванием глаз.

Девчонки и бухло следовали всегда рядом. Но иногда было достаточно ликёра. Изредка нам приходилось играть по два концерта за день, в 10 вечера и в полночь. Во время перерыва между концертами, мы открывали шампанское, иногда сразу несколько бутылок.

Бухло успокаивает мои нервы, — говорил Бонзо. — Я чувствую себя лучше, когда немного выпью.

На самом деле, бывало, что и много.

После второго шоу в Канзас Сити в клубе к югу от Миссури, я вёз музыкантов в отель Мюельбах, одну из лучших гостиниц города. Мы зашли в бар отеля и, промочив горло — скотч, шампанское, джин с тоником — Джон Пол, Роберт и Джимми — сели в лифт и поехали к себе. Мы с Бонзо решили, что время для выпивки не закончилось и составили бармену компанию.

Мы так надрались, что я не был уверен, что мы найдём дорогу в номера. Но мы решились и поплелись по холлу как пара алкашей — мы ими и были. Бонзо не держался на ногах, свалился в огромное кресло, и замер.

— Иди без меня, Коул, — промычал он мне. — Мне и здесь хорошо. Со мной всё нормально.

Я был не в состоянии спорить. Мне хотелось спать. В номере я принял пару таблеток снотворного и завалился на боковую, намереваясь мирно вздремнуть до утра. Но у Бонзо были другие планы. В три утра зазвонил телефон.

— Ричард!

— Кто это? — пробурчал я.

— Эй, Ричард. Вытащи меня отсюда!

Я узнал голос Бонэма, но не мог сориентироваться.

— Это я, Ричард, спустись и вытащи меня.

— Вот сука! Ты где?

— А ты как думаешь? Я в тюрьме. Внеси за меня залог.

Бонэм передал трубку копам, которые объяснили мне, что его арестовали за появление в нетрезвом виде в общественном месте — конкретно, в холле отеля. Мне дали адрес тюрьмы, в трех километрах от отеля.

Я разозлился, по большей части из-за того, что меня разбудили, а не из-за Бонэма. Извергая проклятия, я оделся, взял с собой пять тысяч долларов, и десять минут спустя был в полицейском участке.

— Я пришёл забрать Джона Бонэма, — сказал я сержанту за стойкой. — Я его менеджер.

Просто менеджер звучало убедительнее, чем тур-менеджер.

— Сколько надо внести за него?

— Сколько! — заржал сержант. — Этот сукин сын никуда не пойдет. Пусть проспится. Заберёшь его утром, когда протрезвеет.

И в девять утра я вернулся за ним. Бонзо шёл с самым смиренным выражением лица, его привели в зону ожидания участка. Лицо украшала пара фингалов, один под левым глазом, другой рядом на щеке.

— Мне кажется, копы меня слегка помяли, — шепнул он мне. — Я ничего не помню.

Этот урок на пользу нам не пошёл. Случаев по пьяни тогда было немало, особенно когда с нами не было Питера, и я был единственным, кто присматривал за ними. А я по этому делу мог всем дать фору!

В мае, незадолго до двадцать первого дня рождения Бонэма, цеппелины давали два концерта в Пасадене. Барри Имхофф, промоутер мероприятия, прекрасно знал о нашем образе жизни. И он выбрал подарок, который Джон не мог не оценить — полутораметровую бутылку шампанского!

Между первым и вторым шоу Бонзо в одиночку выдул почти треть бутылки. Когда настало время выходить на второй концерт, он потащил бутылку на сцену. Для трезвого зрителя, зрелище скорее всего было жутким: словно штангист, выжимающий большой вес, он поднимал бутылку над головой между песнями и заливался шампанским. Бонзо так напился, что дважды падал со стульчика. Когда концерт закончился, бутылка опустела.

Имхофф припас нам ещё один подарок: четыре живых осьминога.

— И что нам с ними делать? — спросил я его.

— С ними прикольно принимать ванну, — ответил он. — Веселее, чем с резиновыми утятами.

Уже в отеле Барри пригласил пару девушек, и я прикинул, что с ними осьминогов можно использовать поинтереснее.

— Девчонки, кажется, вам нужно помыться. Снимайте одежду и забирайтесь в ванну, — велел я им.

Они согласились и после того, как они залезли в ванну, мы с Джимми принесли осьминогов и бросили их в воду.

— Кажется, вам не хватает общества, — хихикнул Джимми.

Девчонки остались невозмутимыми, несмотря на то, что вокруг них плавали какие-то создания. Мы заметили, что осьминоги инстинктивно почуяли, где нужно собираться и куда можно засунуть щупальца. Одна из девушек, маленькая брюнетка, от которой Джимми не мог отвести глаз, аж замерла от того, как один из осьминогов исследовал её гениталии.

— Боже мой, — взвизгнула она. — Я возьму себе одного. Это похоже на восьмирукий вибратор!

— Может нам стоит заняться продвижением на рынок, — сказал я Джимми. — Успеха добьёмся большего, чем музыкой.

Мы находились в Лос-Анджелесе почти неделю, в отеле мы постоянно донимали обслуживающий персонал, требуя без конца выпивку.

— Лос-Анджелес — это что-то особое, — любил повторять Бонзо. — Он необыкновенный. Он — декадентский.

Дома в Англии цеппелины жили нормальной прозаичной семейной жизнью. Но гастроли — особенно Лос-Анджелес — становились местом излишеств. Конечно, мы проводили больше времени в американских аэропортах, где смотрели телевизор или говорили о музыке. Больше времени мы торчали в студиях, и ещё больше — на сцене. Но до сих пор в моей памяти живо вплывают некоторые самые дикие, безумные эпизоды. По ночам мы оказывались в положении, когда делать можно было всё, что угодно. А Лос-Анджелес был Меккой для свободомыслящих девушек, отзывчивых и покладистых. Для группы из рабочего класса Лос-Анджелес казался Землёй Обетованной.

Я сидел в бунгало Джона Бонэма как-то вечером, с нами были девушки. И хотя мы отнюдь не были Казановами, но тоже могли оставить несколько зарубок на видавших виды кроватях отеля. К тому времени мы опустошили несколько бутылок, и заняли свои места. Одежда в беспорядке валялась на полу.

Пока я кувыркался с подругой по имени Робин из Санта-Моники, Бонзо решил перевести дух и сходить на кухню выпить воды. Там он обнаружил две большие банки запечённых бобов, в нём моментально проснулся повар.

Бонзо открыл банки и поскакал с ними в спальню.

— Ужин! — объявил он. — Идите кушать!

Мы с Робин с ужасом подняли глаза, и увидели Бонзо, державшего банки над нашими головами. Он опрокинул холодное содержимое банок на наши обнажённые тела.

— Ах ты мудак! — вскрикнул я, тщетно попытаясь спрятаться от линии огня.

Через пару секунд мы с Робин плавали в липком озере из бобов, забрызганные с ног до головы. Прямо-таки сцена из «Тома Джонса».

Не успели мы перевести дух, как в номер вошёл Питер и уставился на пейзаж. Обычно он негативно реагировал на подобные инциденты, но не в этот раз.

— Питер, — взревел Бонзо. — Бери ложку и угощайся!

Питер засмеялся и решил принять участие в озорстве.

— Коул, презренный червяк, тебя хоть чему-нибудь учили? Дай-ка я тебе преподам урок утончённости.

Он вытащил из буфета полную бутылку шампанского, встряхнул её, снял пробку и окатил нас с Робин содержимым.

У Бонзо на глаза слёзы наворачивались, когда нам пришлось выезжать из отеля. В последнюю ночь он изрядно выпил и решил поиграть в доктора. Он позаимствовал белый халат и тележку у портье и посадил в неё девушку по имени Кэнди, симпатичную юную блондинку из Майами, с которой мы познакомились в первом туре. Она тайком пробралась в отель и не прочь была позабавиться с цеппелинами. Они её не разочаровали.

Бонэм раздел её в тележке, пока он стаскивал с неё одежду, глупо хихикал. Когда она осталась в чём мать родила, Бонзо объявил:

— А теперь, дорогая, займёмся хирургией.

Он заскочил в ванную и вернулся с помазком, кремом для бритья и бритвой.

— Милая, больно не будет, — сказал он Кэнди, которая покорно лежала в тележке, пока он наносил на её интимные места крем.

Следующие десять минут мы по очереди брили её вагину: Роберт энергично и большими мазками… Джимми со страстью Родена или Микеланджело. Кэнди не могла остановиться от смеха.

Когда мы закончили и любовались полученным результатом, Роберт неожиданно издал душераздирающий вопль, прервав наш праздник.

— Блядь! Бонэм, как ты мог? Как?

Роберт схватил кисточку и помахал ею в воздухе.

— Это мой. Сука, это мой помазок.

Все, кто находился в номере, взорвались от смеха. Джон Пол

хлопнул Роберта по плечу:

— Приятного бритья.

Но не все девушки, с которыми мы тусовались, были такими же красотками, как Кэнди. И мы могли выбирать. О непривлекательных девицах — на которых смотреть страшно, Бонэм говорил:

— Если ты позволишь этим крокодилам пролезть в номера, ты уволен!

Пластер Кастерз были из тех назойливых девиц, которые нагло злоупотребляли нашим гостеприимством, несмотря на все просьбы уйти. Они хотели сделать гипсовые слепки с эрегированных членов участников группы, возможно, чтобы выставить их в зале славы рок-н-ролла. Однажды Синтия Кастер рассказала нам, как они делают эти слепки.

— Сначала мы возбуждаем музыкантов, любым способом. Затем моя ассистентка делает слепок, а я самоотверженно ублажаю музыканта. Она очень талантливая. Вы, парни, должны попробовать. Это ведь форма искусства.

Может и так. Но Роберт пошутил по этому поводу:

— Мой член не встанет на эти толстух.

Я знал Пластер Кастерз со времён Yardbirds. Они не изменились: здоровенные и недалёкие бабы. Думаю, цеппелины предпочли бы воздержание, если бы кроме них не было никакой альтернативы. Я бы точно воздержался.

Как-то днём мы грели кости у бассейна. Кастерз сидели рядом и совсем достали нас. Они хотели сделать слепки, нас такая идея не прельщала. Они хотели поболтать, мы хотели, чтобы они заткнулись.

Наконец, Бонэму они надоели.

— Единственный способ заставить этих сучек заткнуться — это набрать им в рот воды.

Он поднялся из шезлонга, подошёл к Синтии и подтолкнул к краю бассейна. Когда до воды оставался один шаг, он со всей силы швырнул её в воду. Синтия взлетела в воздух и плюхнулась в бассейн, словно беременная самка кита. Образовавшийся цунами залил половину двора.

Мы думали, она пойдёт ко дну как топор, но многочисленные одежды, включая чёрное вельветовое платье с отвратительными безвкусными украшениями, сыграли роль спасательного круга. Воздух остался в одежде, и она удержалась на поверхности воды, не без труда конечно, и отчаянно плескаясь.

— Вытащите меня, козлы, — булькала она, достаточно громко, чтобы перекричать наш смех.

Я нагнулся к воде и потащил её к лестнице. Вышла она

совсем даже не изящно.

Несмотря на сумасбродства, мы никогда не забывали, зачем приехали в Америку.

— Мы здесь из-за музыки, в первую очередь, — заявлял Бонзо, нередко полупьяный.

Из-за алкоголя возникали неприятные ситуации, по очереди с каждым музыкантом.

Если мы пили в самолёте, для остальных пассажиров начинался кошмар в самолёте, особенно если стюарды не ограничивали нас алкоголем. Мы летели из Атенс, штат Огайо, в Миннеаполис. Роберт набрался, и настроение у него было слишком весёлое, чтобы усидеть в кресле. Он поднялся и принялся скакать по проходу; в тот момент он был похож на смесь Гамельнского крысолова и испанского матадора. Ему было хорошо, но нужно было выпустить пар от трудностей гастролей. Он посмотрел в одну сторону, потом другую, замахал руками и пропел странный рефрен:

— Туалет! Туалет! Туалет для Роберта!

Он пел так громко, что остальные семьдесят пассажиров услышали его и ошарашенно смотрели на странного парня, болтающегося по самолёту, словно сомнамбула.

— Где туалет? Роберту нужен туалет! Туалет!

Многие пассажиры заметно нервничали в ожидании, что произойдёт следом. Я тоже ждал, но меня больше интересовало, когда мне принесут выпивку, чем довести Роберта до туалета. К счастью, подошла бортпроводница и отвела за руку Роберта в туалет. После того, как он стукнулся о дверь и кое-как втиснулся внутрь, «концерт» так же внезапно закончился.

В какой-то момент, когда подобные инциденты начали повторяться чаще и чаще, я понял, что нам нужен отпуск. Я предложил развеяться пару дней в Гонолулу, где у нас был запланирован концерт. Выбор одобрили единогласно.

У подножья Даймонд-Хэд (вулкан на Гавайях — прим. пер.) стояло два элегантных особняка с умопомрачительным видом на пляж и Тихий океан. Многие группы время от времени снимали эти особняки. Питеру удалось снять один из них, дорогущую испанскую виллу, при виде которой Уильям Рэндольф Хёрст задохнётся от зависти. За четыре дня мы обгорели, как головёшки под тропическим солнцем, а также планировали поездку по океану и луау (традиционный гавайский пир — прим. пер.). Помню, я лежал на пляже и слушал «Lay, Lady, Lay» Боба Дилана, которая взобралась на вершину чартов. Под впечатлением от Дилана мы провели часть гавайского отпуска в окружении цветов и женских тел.

В некоторой степени мы оказались в безвыигрышной ситуации. Когда наш график был настолько плотным, нам захотелось в отпуск, но во время остановки на Гавайях, когда мы заслуженно могли отдохнуть, мы практически сразу заскучали.

— Тяжело понять, — поделился своими соображениями Бонзо, открывая бутылку пива. — Или мы бежим так быстро, что вот-вот сдохнем, или от безделья сходим с ума.

Пусть так, но никто не мог лучше Бонзо придумывать развлечения. И мишенью для розыгрышей чаще всего оказывался Плант. Бонэм пару раз разыгрывал Джона Пола, например, он залил комнату Джонси на Гавайях водой из садового шланга, который протащил через стеклянную раздвижную дверь. Но Джон Пол был таким добродушным малым, что когда проснулся и увидел, что комната превратилась в аквариум, то просто никак не отреагировал. Такая равнодушная реакция делала из Джонси не самого лучшего кандидата в подопытные кролики для наших дурачеств, которые мы устраивали. Гораздо прикольнее было разыгрывать таких, как Роберт, он нередко устраивал истерики в отношении наших шуток.

Из Гавайев мы полетели в Детройт. Мы должны были выступать в Grande Ballroom, бывшем здании завода по производству матрацев, который превратился в лучший рок-клуб города. Наш самолёт приземлился в предрассветный час; едва рассвело, когда мы заселились в отель в день концерта. Мы летели всю ночь и постоянно пили. Мы смертельно устали, были раздражены, и хотели поскорее заехать в номера и немного поспать.

Но когда мы вползли с багажом в холл отеля, то на время позабыли о сне.

— Смотрите, кровь на ковре, — сказал Джон Пол, указывая на ещё мокрые пятна крови.

— Да ладно тебе, Джонси, — ответил я. — Америка — крутая страна, не смеши нас.

Но потом я пригляделся. Джонси не шутил.

За полчаса до нашего появления отель пытались ограбить. Коридорный оказал сопротивление нападавшему с помощью зараженного револьвера, и холл превратился в нечто напоминающее финальную сцену в фильме «Ровно в полдень».

— Эта сволочь хотела нас ограбить, — коридорный рассказал нам, его голос и руки до сих пор дрожали. — Я пристрелил урода, и он умер прямо у моих ног. Тело только что унесли.

Роберт глянул на ковёр. Клянусь, мы видели пар, поднимавшийся от свежих кровавых пятен.

— Меня сейчас, кажется, вырвет, — простонал Роберт.

— Держись, Роберт, — ответил я. — Такое случается.

— Господи Боже мой, — взорвался Роберт. — Почему мы должны останавливаться здесь, Ричард? Мы работаем, как маньяки, а ты селишь нас отель, в котором война разыгралась.

— Ты что, думаешь это случилось по моей вине? — заорал я. — Не я пристрелил эту сволочь!

— Иногда я сомневаюсь, — пробормотал Роберт.

Ко времени концерта ситуация не улучшилась. Пока группа играла на сцене, то пробки вылетали, то электричество гасло. И каждый раз им приходилось останавливаться — в первый раз прямо по середине «I Can't Quit You, Babe», а затем прямо во вступлении «Black Mountain Side» — набитый битком зал всё больше и больше возбуждался, едва не устроив бунт. И только сладкий аромат марихуаны, плававший над публикой, предотвратил толпу от бесчинства.

Что за хреновая ночь, — пожаловался Бонзо по дороге в отель. — Скажи Детройту, что мы не вернёмся.

Сомневаюсь, что этот хаос стоил такого отношения.

По мере приближения окончания тура, бешеный темп сказался на всех. Группа больше спала и всё меньше веселилась. В самолётах нам хотелось покоя, мы даже не гоняли стюардесс за очередной порцией выпивки. Хотя музыка придавала сил, и у нас периодически открывалось второе дыхание для попоек.

Несмотря на то, что уровень истощения достиг пика, клуб Стива Пола Scene обойти вниманием было нельзя. Он расположен в самом центре Манхэттэна, на пересечении Западной Сорок Шестой Стрит и Восьмой Авеню. Здесь Young Rascals и другие поп-группы нашли тёплый приём в середине и конце шестидесятых. Джими Хендрикс устраивал импровизационные джемы с любым, у кого хватало смелости выйти на сцену.

Цеппелины зачастили в Scene, Пейдж и Бонэм заказали батарею порч-клаймеров, убойной выпивки, которая и быка свалит с ног. Бармен так и не раскололся, какие ингредиенты он смешивает. Если вас не интересует алкоголь, там всегда достаточно девушек, чтобы весело скоротать ночь.

Как-то вечером к Роберту подошла высокая рыжая девушка и минуту просидела у него на коленях. Пока Роберт понимал что к чему, она уже делала французский поцелуй — очень неожиданный бонус. Пока они целовались, она изо рта в рот передала секонал (снотворное средство — прим. пер.).

— Что это за фигня? — спросил он.

— Проглоти, а потом я тебе скажу, — он глупо подчинился её требованию.

Каждый раз, когда мы приходили в Scene, Роберт спрашивал

про ту рыжую.

Многие годы, если мы оказывались в зоне досягаемости Нью-Йорка, Роберт, Джимми и я всегда настаивали, чтобы сходить в Scene — даже если приходилось в последнюю минуту переносить концерт. Нами двигало желание реализовать самые безумные желания и выпустить пар. Однажды в субботу у нас был запланирован концерт в Филадельфии, вместе с Jethro Tull, которые должны были выходить перед нами. Я прикинул в уме, и результат мне не понравился.

— Когда мы закончим, нужно проехать сто шестьдесят километров до Нью-Йорка, выпить нормально до закрытия бара не удастся, — пожаловался я Роберту.

— А ты придумай что-нибудь, — настаивал он.

Несколько раз в истории группы бывало так, когда жажда веселья преобладала над музыкой. Я немного в этом виновен, но остальные хотели попасть в нью-йоркские бары не меньше меня. И я подошёл к Ларри Спиваку, промоутеру зала Spectrum с историей, гарантировавшей тронуть его до глубины души.

— Ларри, у нас серьёзная проблема, — сказал я ему; Jethro Tull вот-вот должны выйти на сцену. — Джимми Пейдж сильно заболел, что-то с кишечником. Мне кажется, мы не дотянем до конца. Я позвонил доктору, поговорил с группой, и мы решили, что нам лучше выйти перед Jethro Tull, ради здоровья Джимми, чтобы он пораньше лёг спать.

— Ты что такое несёшь? — Ларри был в шоке. — Туча людей пришла посмотреть на Led Zeppelin. Мы не можем изменить расписание.

Я не сдавался.

— Ларри, сходи в гримёрку и сам посмотри на Джимми. Бедная сволочь так плоха, что может свалиться в любой момент. Мы должны идти первыми. Это даже не обсуждается.

Спивак впал в ярость, хотя, вроде, поверил, что выбора у него нет. В восемь вечера мы открывали шоу.

Тем временем Иэн Андерсон из Jethro Tull был очень расстроен, что его передвинули на более позднее время. Он знал о том, что переиграть Led Zeppelin невозможно. После случая с Iron Butterfly в начале года никто и не пытался. Это было равносильно самоубийству.

Джимми не испытывал симпатии к Андерсону.

— Jethro Tull — переоценённая группа. Они не стоят того внимания, — говорил он.

На следующий год, когда мы были в Лос-Анджелесе по радио передавали рекламу концерта Tull, и Джимми придумал пародию на рекламу.

— Леди и джентльмены, — объявил он. — Сегодня вечером вас будут донимать ДжетСтрадал.

А после концерта в Спектруме к девяти тридцати мы уже сидели в машине и на всех парах мчались в Нью-Йорк. Мы остановились перед Scene в начале двенадцатого и в течение трёх незабываемых часов пили и флиртовали с девчонками.

Второй американский тур закончился двумя бурными вечерами в Филмор Ист. Музыканты пришли к тому, что каждый из них обрёл своё место в группе. Когда Led Zeppelin только образовались год назад, они были группой Джимми Пейджа. Но к 1 июня, когда команда возвращалась в Лондон, менее, чем через пять месяцев после американского дебюта, рок-фэны воспринимали Планта наравне с Пейджем, как мощную самодостаточную силу в группе. Бонэм и Джонс тоже почувствовали себя увереннее и спокойнее.

По дороге домой Джон Пол сказал мне:

— Эта группа станет одной из лучших в истории. У нас всё здорово получается. Надеюсь, мы не облажаемся.

Часть 8

14. Полный вперёд

Вернувшись в Лондон, Led Zeppelin темпов не снизили. Мы толком чемоданы не распаковали, а Питер заговорил о третьем туре.

— Нельзя упускать момент, — сказал мне Питер в офисе в начале июня 1969-го, три дня спустя после нашего возвращения. — Мы можем гастролировать круглый год и постоянно собирать полные залы.

Затем он добавил: «Сейчас самое время воспользоваться созданным спросом».

Тем не менее, я был обеспокоен и предупредил Питера о факторе усталости.

— Группа начала терять присутствие духа к концу тура, — сказал я. — Если мы не будем внимательными, команда погибнет не от конфликтов личностного характера, как другие группы; они просто помрут от истощения.

Даже в Англии они продолжали работать на супер-скоростях. Второй альбом, Led Zeppellin II, до сих пор не был закончен, и казалось, что в отличие от первого альбома, который был записан за сутки, мы никогда его не закончим.

Джимми не помешало бы отдохнуть пару недель и отложить проект до лучших времён. Он так набегался в Штатах, из одной студии в другую в перерывах между концертами, с красными от усталости глазами. То в одной студии, то в другой он проводил ночи напролёт. Ему отчаянно требовалось время, чтобы тщательнее спланировать альбом.

В Лондоне на меня навалилась куча бумажной работы в офисе, и у меня было мало времени проводить время с группой в студии Olympic. Но когда мне удавалось заскочить туда на полчасика, я видел, как сильно сдал Джимми. Его лицо осунулось, под глазами появились чёрные круги, и курить он начал больше обычного.

Как-то вечером Джимми предстояло потратить несколько часов на «Living Loving Maid (She's Just a Woman)». Песня никому не нравилась — она никогда не исполнялась на концертах. Работа над нею так никого и не порадовала. В какой-то момент разочарование достигла такого уровня, что Джимми простонал: «Когда-нибудь мы сможем насладиться успехом? У нас когда-нибудь будет время отдохнуть?» Он мерил комнату шагами, закуривал одну сигарету за другой и старался уговорить себя вернуться к работе.

В дополнение ко всему прочему, у нас было запланировано

шестнадцать концертов в Англии в июле, в местах типа Free Trade Hall в Манчестере, Colston Hall в Бристоле, Guildhall в Плимуте, Town Hall в Бирмингеме, ньюкаслском City Hall. С другой стороны, группа могла порадоваться возросшему интересу в Великобритании. В феврале мы вернулись из Штатов в совершенно апатичную Британию. Но в этот раз, после окончания второго американского тура, реакция в Англии была диаметрально противоположной. Led Zeppelin попали на вершину домашних чартов. Питер даже отклонил больше предложений, чем принял.

В общем, Питер считал, что мечты должны сбываться не в Лондоне, а в городах типа Чикаго, Нью-Йорк и Лос-Анджелес.

— Я хочу вернуться в Штаты как можно быстрее, — сказал он. — Нужно сделать это сейчас.

К тому времени, когда команда приземлилась в Атланте 5 июля, где начинался новый тур, я видел, что цеппелины превратились в общество равных. Возможно, Пейджи и Джон Пол были старшими партнёрами в плане музыкального опыта, но они никогда не давили авторитетом. Каждый уважал таланты других. На словах они редко высказывали восхищение друг другом, но можно было видеть благодарные взгляды на сцене, или бессознательные кивки в знак уважения тому, что каждый из них вкладывал в музыку.

И в то же время Led Zeppelin настолько сблизились, что могли шутить и разыгрывать друг друга без риска серьёзно пощипать чьи-либо перья. Одним вечером они пили вино и смеялись над каким-то скучным английским телешоу.

— Как насчёт того малого, Перси Трауэра? — спросил Джон Пол. — Тот парень, что ведёт садовое шоу. Целую программу смотришь на растущие плантации. И что там интересного?

— Ха! — заметил Джимми. — Мы занимаемся тем же самым. У нас свои Плантации растут!

— Идеальное имя! — засмеялся Джон Пол. — Перси!

С того дня мы редко звали его Робертом, с тех пор он был Перси. Роберт никогда не жаловался.

С другими кличками мы выказывали большую осторожность. Питер и я звали Джимми «старой девочкой» — но никогда в лицо. Прозвище появилось из шутки, которая родилась, когда мы смотрели на него перед началом концерта. Во время того летнего тура в Лос-Анджелесе, Джимми любовался собой перед зеркалом, как участница конкурса красоты перед выходом на подиум. Он был одет в жакет из вельвета и велюра, прямо как сказочный принц. На голове накручены бигуди, и когда он из снял, то провёл еще пятнадцать минут, расчесывая локоны. То ещё

зрелище!

И хотя Джимми заслуживал насмешек за суету перед зеркалом, подходящую больше девчушке перед баллом, мы с Питером не осмеливались высмеивать его открыто. В определённый день Джимми мог быть чувствительным к определённым вещам, и не имело смысла рисковать, чтобы вызвать извержение вулкана.

Но между собой мы с Питером любили пошутить. Мы обычно говорили что-то типа: «Скажи старой девочке, что лимузины ожидают… Настало время старой девочке одеться на концерт!» По сути, кличка была безобидной, но я думаю, узнай Джимми об этом, он бы впал в ярость, если бы не был в слишком хорошем расположении духа.

Во время летнего тура цеппелины выступили на девяти фестивалях под открытым небом, начиная от поп-фестиваля в Ньюпорте и заканчивая фестивалем Вудинвилль в Сиэтле и мероприятием в Сентрал Парке в Нью-Йорке. Эти фестивали с большим составом участником предоставили группе возможность сравнить себя с другими, некоторые из которых — The Doors и The Byrds — стояли выше по рангу.

— Это всего лишь вопрос времени, мы возглавим списки и сделаем всех, — пару раз говорил об этом Бонзо.

Как-то в начале тура мы проводили выходной на фестивале в Сингер Боул, на территории Всемирной выставки в Нью-Йорке в районе Флашинг Медоуз. Vanilla Fudge, Джефф Бек и Ten Years After были в числе главных звёзд. Мы смотрели концерт из-за кулис, не уходя далеко от буфетного столика, ломящегося от пива, вина и чипсов. Там можно было пообщаться с целым зверинцем друзей-музыкантов.

Элвин Ли, гитарист Ten Years After, блестящий исполнитель. Я помню, какое впечатление он произвёл на нас своими сверхскоростными пальцами. Он баюкал и нянчил свою гитару от песни к песне, на аудиторию вылился целый шквал тяжёлых рок-звуков, которые сделали Ли одним из самых уважаемых музыкантов конца шестидесятых.

— Он просто великолепен, — сказал Джимми, завороженно наблюдая за пальцами Ли. Не так много музыкантов могли покорить его. И наблюдать за реакцией Джимми на Ли было не менее интересным, чем смотреть на самого Элвина.

Пока Ten Years After играли, Бонэм терял терпение. Он пил довольно долго и жаждал свалить.

— Потерпи, Бонзо, — сказал я ему. — Мы уйдем где-то через час.

Бонэм места себе не находил, он слонялся из угла в угол,

осушая пиво за пивом.

А затем, в мгновение ока, он превратился в мистера Хайда. В глазах появился дьявольский блеск, который открывал в нём непослушную часть. На горизонте замаячили проблемы.

— О нет, Бонзо, — пробормотал я. И хотя я понятия не имел, что у него на уме, я знал, что это не добавит ему очков в рейтинге.

— Я, блядь, починю его! — заорал Бонэм, указывая на Ли. — Смотри!

Бонэм схватил коробку с соком с буфетного стола и подошёл близко к сцене, достаточно для нанесения удара.

— Время выпить сок! — крикнул он. — Элвин, хочешь сока?

И не дождавшись ответа, Бонэм вылил содержимое коробки на Ли. Сок забрызгал гитариста и его инструмент.

Толпа взревела, Ли раскрыл рот от неожиданности.

— Что тут происходит, чёрт возьми? — заорал он, глядя на Бонэма. — Ты, хрен моржовый!

Ли сверкал глазами от гнева, но продолжал играть, глядя на Бонэма. Может быть из-за алкоголя, но Бонзо не казался испуганным. Он покачал пальцем, словно предупреждая Ли, чтобы тот остыл.

— Не позволяй мелочам донимать тебя, — подколол он его. — Апельсиновый сок полезен. Там есть витамин С.

Ли продолжал играть, направляя гитару в сторону Бонэма, словно меч или даже пулемёт. Я почувствовал, что их противостояние будет иметь продолжение, если случайно не затухнет.

На самом деле, при почти сорокаградусной жаре, ситуация ухудшилась только для Ли. Сок высох, а руки и гитара стали липкими. Пальцы не могли уже легко маневрировать по грифу. Он был вынужден притормозить. С трудом он доиграл оставшиеся песни.

Ли в ярости покинул сцену и рванул в свою гримёрку.

— Ты говнюк, Бонэм. Настоящий говнюк, — пробурчал он.

А Бонзо был рад-радёшенек созданному хаосу.

— Бонзо быстро освоился, — сказал мне Джимми. Его беспокоило, что Бонэм и алкоголь в сочетании друг с другом создавали постоянные проблемы. — Он сам себе худший враг. Возможно, он наш худший враг.

— Да он просто выпускает пар, — ответил я. — Если он не сможет делать это таким способом, то обязательно ввяжется в драку.

Оказалось, Бонэм не собирался останавливаться на достигнутом. Он терпеливо дожидался Джеффа Бека, который

вышел на сцену час спустя. Бек был одним из самых потрясающих блюзовых гитаристов, которых я когда-либо встречал. Он мог за минуту ввести толпу в лихорадку. В тот день он вверг в транс Бонэма.

Под конец сета Джеффа в конец пьяный Бонэм ввалился на сцену. Я отчаянно рванулся за ним, схватил за плечо, но он вырвался.

— Не волнуйся, я сразу вернусь, Ричард. Уже иду!

Бек глянул на Бонэма, но тот был без апельсинового сока, и продолжил играть «Rice Pudding», по-видимому необъявленный выход Бонзо его не побеспокоил.

Бонэм потоптался пару минут, а затем сказал Мики Уоллеру, чтобы тот освободил место за барабанами. Бек прекратил играть, когда Бонэм начал устраиваться на стульчике Уоллера. Бонзо взял палочки и начал колотить по барабанам.

— О нет, — подумал я. — Ситуация выходит из-под контроля.

Барабаны гремели, тарелки вибрировали. Толпа захлопала в такт ритму. Уровень возбуждения Бонэма рос, он подбадривал толпу, чтобы она ещё больше шумела. И её не надо было упрашивать.

Мы с Плантом за сценой хихикали, словно школьники.

— Он сумасшедший, его нужно изолировать, — сказал я.

Толпа ревела громче и громче, Бонзо вскочил из-за установки и выбежал на центр сцены. Он принялся сдирать с себя одежду. Слой за слоем. Исполняя эротический танец.

Сначала слетела майка. Затем штаны. К этому времени мы с Плантом горячо поддерживали его стриптиз.

Бонэм нас не разочаровал. В мгновение ока он остался в одних трусах.

— Ещё? — выпалил он в ближайший микрофон.

— Ещё! — радостно ответила толпа.

Бонэм стянул трусы. Толпа впадала в безумие по мере того, как сбрасывалась каждая часть одежды и окончательно сошла с ума, когда Бонэм предстал пред ними, в чём мать родила. Его инструмент впечатлял.

В этот момент Питер ворвался на сцену словно олимпийский бегун, сорвавшийся со стартовой линии.

— Ах ты сукин сын! — орал он Бонэму.

В то же время пол-дюжины полицейских забирались на сцену, чтобы произвести арест.

Питер добрался до Бонэма до полиции, схватил обнажённого барабанщика и побежал обратно. Они нырнули в гримёрку, хлопнули дверью и заперлись внутри.

— Ты, вшивый ублюдок! — ревел Питер. — Если ты не

оденешься, пока полиция не выломает дверь, вылетишь из группы!

Бонэм вполне адекватно воспринял ситуацию и покорно подчинился приказу. Он схватил лежавшие рядом штаны и рубашку, которые даже ему не принадлежали. Одежда была ему мала на два размера, но Питера это не волновало.

— Ты понимаешь, что творишь? — не унимался Питер. — Тебе не приходит в голову, что своим поведением ты подвергаешь опасности будущее всей группы? Что с тобой, Джон? Ты хочешь испортить жизнь всем вокруг?

Бонэм не ответил. Когда он оделся, они с Питером открыли дверь и деликатно проследовали мимо полицейских, не издав ни слова. Остальные члены группы присоединились к ним у служебного входа на сцену. Мы направились к ожидавшей нас машине и поспешно уехали. Хотелось, чтобы про инцидент забыли ко времени, когда Бонэм протрезвеет. К счастью, так оно и случилось.

На фестивале Вудинвиль Бонэм вёл себя поприличнее. Он знал, что такое Питер в гневе, если продолжит повторять свои дикие выходки. К тому же, он, как и остальные, поджал хвост, потому что в тот день выступал Чак Берри, прямо перед нами. Афиша не вмещала весь список артистов — Vanilla Fudge, The Byrds, The Chicago Transit Authority, The Doors. Но больше всего нас интересовал Берри. Он начал точно срок в срок и, а ушел со сцены быстрее быстрого.

— Удивительно, как мало времени Берри тратит на шоу, — наставлял нас Питер. — Он появляется за несколько минут перед началом концерта и уходит до того, как стихнут аплодисменты.

Берри приехал в розовом кадиллаке за двадцать минут до своего сета. Он выглядел худее, чем я представлял, но знаменитые усики лежали волос к волоску. Он привёз с собой гитару, а группу взял местную, из Сиэтла — состав из трёх человек, которые самостоятельно репетировали вещи Берри в течение трёх дней.

Я играю «Sweet Little Sixteen» с семи лет, — рассказал мне клавишник. — Не могу поверить, что сегодня буду играть с самим Чаком Берри. Этот день я никогда не забуду.

Цеппелины работали совершенно не так. И хотя группа появлялась за тридцать минут до поднятия кулис, техперсонал приезжал на место в восемь или девять утра, за полдня до начала концерта. Они работали без остановки почти до пяти вечера — настраивали гитары Джимми, готовили Бонэмовские барабаны для его брутальных атак, доводили до ума бас Джона Пола. Они тестировали стойку с эффектами и проверяли звук, пока не

чувствовали, что голос Роберта передаётся с той же интенсивностью, как и в студийной записи. Бригада была сама по себе художниками высшего класса, а именно такие требовались группе. Конечно, они иногда устраивали перерыв во время восьмичасовой работы, прихватывая виски или вино из гримёрки. И тем не менее, никакой небрежности и в помине не было, как в случае с Чаком Берри.

Три года спустя я находился в Бирмингеме с Бонэмом и Плантом. У нас был перерыв между турами, и мы шатались по барам, пили пиво и флиртовали с девчонками. Случилось так, что Чак Берри играл в клубе «Барбарелла», и мы пошли его послушать.

На середине «Johnny B. Goode» Бонэма одолел очередной приступ нервной неугомонности.

— Что за барабанщик? — простонал он. — Чак Берри — легенда рок-н-ролла, а с ним играет самый никудышный барабанщик. Ричард, мне нужно что-нибудь сделать. Этот парень ни черта не умеет играть!

— Ну и что ты можешь? — спросил я его. — Сиди спокойно. Мы скоро уйдём.

Но чем дальше, тем больше усиливалась нервозность Бонэма. В конце концов он не выдержал.

— Не могу больше терпеть. Чёртов барабанщик не стоит гроша ломаного. Надо его вытурить оттуда!

И Бонэм запрыгнул на сцену, схватил барабанщика за рубашку и произнёс:

— Чак хочет, чтобы я сыграл!

Берри обалдел, но не сказал ни слова. Бонэм уселся за установку, улыбнулся Берри и показал, как ему не терпится сыграть. Я полагаю, Берри знал, кто его новый барабанщик, но до конца не уверен. Когда Берри заиграл аккорды «Roll Over Bethoven», Бонэм выдал такой убойный аккомпанемент, что Бетховен перевернулся в гробу. Бонэм сыграл три песни и помахал ликующей толпе, перед тем, как покинуть сцену. Берри ему подмигнул словно говоря: «Да, вот это я понимаю — барабанщик!»

Многие люди разделяли это чувство. Иной раз все мы беспокоились, что Бонзо действует на грани. Он часто вёл себя, словно сбежал из дурдома. Но когда ты играешь на барабанах так, как он, люди готовы мириться с любым дерьмом, которое не потерпели бы от кого-нибудь менее талантливого. В результате эксцентричное поведение Бонэма никто почти никогда не препятствовал.

15. Истории с рыбой

— Коул, я знаю, что сейчас четыре утра, но неужели все акулы в Пьюджет-Саунд (залив в шт. Вашингтон, на берегу которого расположен г. Сиэттл) уснули?

Джон Бонэм потерял терпение.

— Даю им ещё десять минут, Коул. Только десять минут. А потом я нырну за ними сам.

Бонэм говорил без остановки: бестолковая болтовня такого рода сводила меня с ума. Я старался не сорваться и молчал. Я думал, что если ничего не скажу, Бонэм сам заткнётся.

— Мне совсем скучно, Коул. Если нужно, я прыгну в воду и вытащу руками на берег этих маленьких чертей. Я это сделаю!

И мне надоело.

— Твою мать, Бонэм, заткнись! Если не будешь говорить тише, то перебудишь половину Сиэттла! Да ты этих чёртовых акул пугаешь.

Мы сидели на балконе в номере Бонэма на втором этаже в отеле Edgewater Inn, стоявшем на Пирсе 67. В руках у нас были удочки, закинутые в тёмные спокойные воды залива. Edgewater был необычный отель — на самом деле, мотель — и он никогда не надоедал Led Zeppelin. В нём не было ничего элегантного, но четырёхэтажное здание возвышалось прямо над бухтой Эллиот, и там можно было замечательно порыбачить. В сувенирном магазине можно было купить удилища. Если клевали акулы, то рыбалка превращалась в нечто более восхитительное, чем сафари в Африке.

На самом деле ни Бонэм, ни я, ничего толком не знали о рыбалке. Нужно нацепить наживку на конец крючка и ждать, что произойдёт. Мы слышали много рыбацких терминов, чтобы поддержать разговор хотя бы ненадолго, но и половины из них не понимали.

— Что мы делаем не так, Коул? Может, нам стоило взять другую удочку? Или закинуть с другого угла?

— Откуда я знаю? У нас же не было таких проблем в Темзе.

Но даже шутки не могли отвлечь нас надолго, возможно потому, что были не очень смешными.

— Эти акулы свалили из города, мать их? — задал я вопрос и притащил лампы из номера и с помощью удлинителя дотянул их до балкона, чтобы осветить воду под нами. — Что-то не видно ни одной из этих сукиных детей!

До нас в тот вечер Джимми Пейдж рыбачил с соседнего балкона, но к ночи бросил.

— Наверно, у него нет в крови духа рыбака, — сострил Бонэм.

Скорее всего, Джимми упился так, что сомлел и вырубился. Мы принимали кокаин чуть больше, чем в предыдущем туре, но я также побеспокоился, чтобы выпивки было в достатке, и никто не оставался подолгу трезвым.

Бонэм взял бутылку шампанского — третью за вечер.

— Давай выльем немного для клёва, — сказал он. — Пусть напьются и станут немного сговорчивей.

Бонэм сам к тому моменту прилично надрался. Вообще-то мы оба были в изрядном подпитии — настолько, что удивительно, как не свалились с балкона в семиградусную воду. У нас полностью отсутствовали тормоза, и, честно говоря, мы никогда не задумывались, сколько можем выпить, чтобы хоть немного на ногах держаться. На летнем туре Бонзо и другие старались умерить потребление алкоголя перед началом концерта. Но после — слово «лимит» исчезало из питейного словаря.

Возможно, музыка привела нас в Америку, но рыбалка (и выпивка) в Edgewater Inn представлялись нам одним из самых приятных времяпрепровождений во время долгих ожиданий между концертами. На этом этапе истории Zeppelin — в третьем американском туре — мы могли позволить себе останавливаться в любом отеле города. Но в Сиэтле к отелю Edgewater Inn, несмотря на скромные номера и устоявшийся рыбный запах, который казалось навечно впитался в каждое полотенце и простыню, мы питали самые тёплые чувства.

— Если ты поселишь нас в любое другое место, Ричард, будешь искать себе другую работу, — сказал Роберт, ткнув мне в грудь указательным пальцем. И он шутил только наполовину.

Моё личное знакомство с отелем относится к 1968 году, когда я гастролировал с Терри Ридом. Он открывал концерты Moody Blues в Сиэттле, и перед началом шоу я болтал с Рэем Томасом, флейтистом Moody Blues, и Питом Джексоном, их тур-менеджером.

— Где вы собираетесь останавливаться? — спросил Пит. — В следующий раз, когда приедете в Сиэттл, вы должны поселиться в Edgewater Inn. Там невероятно. Можно рыбачить прямо из номера отеля.

— Рыбачить из номера отеля! Не могу поверить, Пит, — я был настроен скептично.

— Он говорит правду, — вмешался Рэй. — The Beatles останавливались там. Именно они рассказали нам об отеле. Когда приедете туда, отправляйтесь в сувенирный магазин. Увидите фотографию битлов за рыбалкой.

И когда Led Zeppelin начали третий американский тур, рыбалка была у нас в планах. Только на третьей неделе мы добрались до Западного побережья, проехав по пути через Атланту, Филадельфию, Нью-Йорк, Чикаго, Милуоки и Сент-Пол. Но ребята с нетерпением ждали Сиэттла.

— Сколько дней осталось до Edgewater? — спрашивал меня Джимми.

— Хочу рыбалку, хочу рыбалку, — в пьяном угаре ревел Бонзо, в клубе Стива Пола Scene.

Все простонали. Рифмы Бонэма вряд ли испугали бы самого Коула Портера.

— Хорошо, что Джимми и Роберт, а не ты, пишут песни в группе, — сказал я ему.

И когда мы добрались до Сиэттла, я позвонил на местный рынок и заказал четыре фунта свежей лососи и пять фунтов стейка. Это для наживки на предстоящие два дня.

В первую ночь, мы с Бонэмом сидели с удочками третий час и собирались заканчивать. И вдруг у него клюнуло.

— Боже, Коул, наконец-то! — издал вопль Бонэм. — У меня клюёт!

Он вскочил со стула и бешено начал сматывать леску.

— Она огромная, Коул! Я чувствую! Готовь камеру! Там наверно целый Моби Дик!

— Помощь нужна? Давай, тащи этого гада! — подгонял я его.

Мы так громко кричали, что разбудили весь отель. Во многих номерах включался свет, в одном за другим.

— Возьми гарпун! — орал Бонзо. — Во попёрло!

Пока Бонзо боролся с леской, я поднял одну из ламп и посветил на воду, чтобы лучше увидеть, какого монстра мы подсекли.

— Держись Бонзо! Не позволь этому гаду улизнуть!

Я был так возбуждён, что выронил лампу из рук. Она свалилась в воду и пошла ко дну быстрее камня.

— Хрен с лампой! Что ты поймал? Может, это акула?

Но когда рыба появилась из воды, я понял, что страсть к театральности полностью поглотила Бонзо. Это не был Моби Дик. И не лохнесское чудовище. Бонзо поймал тщедушного красного окунька, который перестал трепыхаться до того, как появился из воды.

А Бонзо ни разу не расстроился.

— Ричард, это только начало, — воскликнул он, танцуя от возбуждения. — Можно рыбачить до рассвета. К утру мы наловим дюжину здоровяков.

И он оказался прав. В течение последующих трёх часов

клевало так, что мы забыли обо всём на свете. Мы ловили в основном окуньков, но пару раз попались пятнистые акулы. И с каждой новой добычей мы издавали ещё больше шума, особенно когда резали пальцы о леску. Бедный народ, который хотел поспать!

На следующий день мы хвастались успехами прошлой ночи перед своими товарищами, включая Пейджи и Планта, а также пару роуди.

— Сам Чарльз Атлас не смог бы вытащить парочку этих засранцев, — хвастался Бонэм. — Хорошо их откармливают в Америке.

— И что вы собираетесь с ними делать? — спросил Плант, зажимая нос и глядя в полное воды и дохлой рыбы ведро. — Бьюсь об заклад — от них провоняют все вещи.

— А мы что-нибудь придумаем, — ответил я.

И мы придумали. И это превратилось в самый печально известный инцидент, ассоциирующийся с Led Zeppelin. Его знают, как Эпизод с акулами, предмет слухов и домыслов в рок-клубах и концертных залах во всём мире. И как с любым слухом, история перевиралась и искажалась всякий раз, когда её пересказывали. А вот как было всё на самом деле.

У нас в номерах торчало несколько девчонок. Одна из них была особенно игривой. Её звали Джеки, высокая рыжеволосая семнадцатилетняя девушка из Портленда. Он была из тех редких кисок, которые могли перепить нас. Она тянула шампанское из бутылки, открыто говорила о сексе, сдабривая язык солёными выражениями. И провоцировала нас на нечто более смелое.

— Парни, вы пробовали бондаж? — спросила она. — Мне очень нравится, когда меня связывают.

Я посмотрел на Джимми, и мы улыбнулись друг другу.

— Ну, так дадим девушке того, что она хочет, — ответил я. — Порадуем её немного.

И я позвонил на ресепшн:

— Простите, звонит Ричард Коул. Нам нужна верёвка в номер 242 как можно скорее. У вас нет случайно?

— Для чего вам верёвка? — голос у клерка за стойкой был испуганным.

Я как раз опасался, что он будет спрашивать, зачем нам верёвка. Я ответил первое попавшееся в голову:

— Понимаете, кое-какой багаж у нас разваливается. И если мы его не перевяжем, он развалится в самолёте.

Десять минут спустя нам принесли верёвку.

— Не слишком туго, — Джеки хихикала, пока снимала одежду и располагалась на кровати. Мы связали ей руки, затем

ноги.

— Расслабься. Я думаю тебе понравится, — сказал я.

И я взял одного из окуньков и аккуратно вставил во влагалище Джеки.

— Что это за фигня? — завопила она.

Я был слишком занят, чтобы ответить.

— Я кладу окунька в твоего окунька, — взревел я.

А потом я засунул рыбу в её задницу. Она замерла от неожиданности.

Процедуру снимал Марк Стейн из Vanilla Fudge, которые играли с нами на фестивале Вудинвиль. У Марка была с собой ручная кинокамера.

— Улыбочку! — смеялся Марк, продолжая снимать. — Все посмотрели в камеру и сказали «Сыыыр».

О произошедшем я давно мечтал, и до этого никогда не делал. Возможно, это был дешёвый трюк. Я знал, что нам это сойдёт с рук, как и большинство других вещей. И никто не сказал «Хватит!» или «Дай девочке отдохнуть!».

А Джеки особенно и не жаловалась. Она только издавала отдельные звуки в ответ на физические ощущения. «О, Боже! — кричала она, — Чёрт, это, блядь, чудесно!». Она просила меня не останавливаться. И когда я наконец, прекратил, то потому, что мне это надоело. Даже самый извращенный секс теряет через какое-то время свою привлекательность.

Молва о нашей эскападе разошлась быстро. Говорили, что девушку изнасиловали… что она истерично плакала… что она умоляла меня остановиться… что она хотела убежать… что её пытались трахнуть акулой. Ни одна из этих историй не правдива. Но многие годы, когда люди хотели критиковать Led Zeppelin, они обращались к этому инциденту в качестве метафоры худшего проявления рок-вандализма. Получасовой эпизод использовали как характерный пример «распущенности» и «порочности», цветущих в рок-мире. И Led Zeppelin были худшим примером.

Такое поведение на самом деле было исключением, чем правилом. Когда подобное случалось, зачинщиками выступали мы с Бонэмом, а если другие участвовали, то их приходилось уговаривать, и они рассматривали это в качестве отдушины среди скуки и безумной гастрольной гонки.

Часть 9

16. Королевский дог

Когда летний тур добрался до Лос-Анджелеса, мы, как обычно, остановились в «Шато Мармоне», на целых шесть дней. В отеле витал такой дух, что настраивал нас на нарушение общественного порядка. В Лос-Анджелесе всегда много девушек, готовых на что угодно.

Ко мне приехал друг с королевским догом — огромным кобелём весом килограмм под пятьдесят с тёмно-серой шерстью. Собака оказалась вполне дружелюбной, и я подумал, что с ней можно придумать много чего — по крайней мере, стоило попробовать.

Я подошёл к девушке по имени Джейми, сидевшей у бассейна в течение двух дней в ожидании знаков внимания от нас.

— Ты когда-нибудь занималась любовью с собакой? — спросил я.

На её личике отразилось выражение крайнего удивления, впрочем, я её не виню.

— Пока нет, — ответила она.

— Что ж, Джон Бонэм и я заключили пари, что наш королевский дог найдёт тебя привлекательной — и так возбудится, что захочет съесть.

Джейми испугалась.

— Знаю, звучит безумно, — продолжил я. — Но ради прикола почему бы не попробовать?

Джейми подумала немного. Видимо, ей вспомнились все воскресные дни, проведённые в церкви, да и вообще то, чему её учили в детстве на бойскаутских сборищах. И она пожала плечами, словно говоря: «А, какого чёрта?».

— Ладно, можно. Но я могу отказаться в любой момент, о'кей?

— Конечно, — ответил я и вернулся в номер Бонэма.

Джейми и пёс оценили друг друга, и девушка начала раздеваться, при этом глупо хихикая: — «Это безумие».

Когда она осталась голой, то села на пол и раздвинула ноги. Мой друг направил собаку в её сторону.

— Давай, — сказал он, опускаясь на колени рядом с девушкой, уговаривая пса подойти в влагалищу. — Давай, мальчик.

Сцена напоминала неудавшийся дубль из очень плохого порнофильма. Собака не шевелилась.

— У меня есть идея, — воскликнул Бонэм. — У нас на кухне остались полоски бекона после завтрака. Собака ест бекон?

Бонэм пошёл на кухню и вернулся с беконом, который положил на вагину.

— Давай, псинка, — соблазнял он дога едой.

Пёс завыл, развернулся и убежал. Игра закончилась.

Как и Эпизод с акулами, этот инцидент был из той же неизведанной области. Немного поколебавшись, девушка согласилась. Позже Бонэм нашёл объяснение произошедшему:

— Девушка не была достаточно красивой. У собаки вкус будет получше нашего.

Для рок-группы со стремительно растущей популярностью, мы знали, что обладаем властью, для большинства людей недоступной. Иногда мы угрозами заставляли девушек делать то, чего они сами бы никогда не сделали. Но мы были молодыми и сумасшедшими и пользовались своим положением — и в сексуальном, и в несексуальном плане.

Жены цеппелинов приехали к нам на несколько дней, когда мы давали шоу в Лас-Вегасе и на Западном побережье. Их присутствие выбивало всех из привычного распорядка жизни, потому что они обычно предпочитали оставаться дома, вдали от лихорадки гастролей. Когда они были рядом, поведение ребят менялось драматически, групи мгновенно исчезали с поля зрения.

Будучи в туре, я выяснил, что переговорив с нужными людьми, смогу достать билеты в первые ряды на шоу Элвиса Пресли в отеле «Интернациональ». Элвис был одним из тех немногих исполнителей, которых группа уважала.

— Нет никого лучше, — сказал Джимми. — Никого.

И я позвонил Биллу Миллеру, директору по развлекательной части отеля «Интернациональ». Его сын Джимми продюсировал пластинки Rolling Stones, Traffic и Spenser Davis Group.

— Меня зовут Ричард Коул, — сказал я ему. — Я близкий друг Вашего сына.

На самом деле я не был, но Пейджи знал Джимми Миллера, и я подумал, что этого достаточно.

— Джимми сказал нам, что если мы будем в городе, Вы сможете помочь нам посмотреть Элвиса.

Билл не сомневался в правдивости моих слов.

— Без проблем, — ответил он. — Джимми высоко отзывался о Вас, Ричард.

Я едва не заржал.

— Сколько мест вам нужно? — спросил он.

И в тот же вечер мы сидели за столиками в первом ряду. Мы впервые в жизни видели Элвиса живьём. И не были разочарованы.

Вероятно, единственным недовольным человеком был Джон Пол, но это было доброе отчаяние. Перед входом в зал он провёл

несколько минут в лаундж-зале отеля, где увидел выступление Айка и Тины Тёрнер. Тина пела «River Deep, Mountain High» и «Come Together» так чувствительно и соблазнительно, дразня аудиторию сексуальными телодвижениями, что Джон Пол сразу влюбился.

Он повернулся к своей жене.

— Мо, — сказал он. — Что мне тебе купить, чтобы я переспал с Тиной Тёрнер? Я всегда хотел трахнуть её. Пожалуйста, Мо. Назови цену! Любую!

Мо решила, что такая сделка её не интересует.

Когда жены уехали, вокруг было столько возможностей для исполнения любых наших желаний. В Лос-Анджелесе мы часами бухали в «Виски» и в новом клубе, «Зии Экспириенс». Джимми и я встретили Маршала Бревица, владельца нового клуба, год назад в его клубе в Майами. Он был хорошим парнем, немного полноватым и слегка лысеющим. Джимми понравился Маршал, и когда новый клуб открылся на бульваре Сансет, Пейджи предложил сделать рекламу ему, побывав там.

Хотя очередь в клуб терялась где-то в темноте, когда Led Zeppelin были в городе, успеха он не снискал, по сравнению с более знаменитыми рок-заведениями Лос-Анджелеса. Маршал совершил ошибку, открыв клуб на углу Сансет и Гарднер, в нескольких кварталах от Ла Бри, но слишком далеко от ночной жизни Западного Голливуда. Клубы «Виски», «Рокси», «Рэйнбоу» и «Газзари» всегда были заполнены, потому что располагались рядом друг с другом, и люди часто ходили во все четыре клуба за одну ночь. «Зии Экспириенс» просто был слишком изолирован.

И мы хотели помочь.

— Сделай нам бесплатную выпивку, и можешь сказать миру, что тебя собираются посетить Led Zeppelin! — сказал я Маршалу.

После ночи пьянства не оставалось ничего, чего нам не хотелось попробовать, даже в общественном месте типа «Зии Экспириенс». С течением дней и недель мы становились еще более сумасшедшими, более раскованными и ненормальными. Казалось, мы хотели попробовать всё, и знали, что при необходимости имя Led Zeppelin сделает своё дело, и нам удастся выкрутиться из любой ситуации.

Как-то раз я флиртовал в клубе с юной блондиночкой и решил, что с ней можно вернуться в отель. Мы целовались и трогали друг друга, всё шло прекрасно, и я подумал, что незачем ждать возвращения в отель.

— Давай сдвинем столы и сделаем это прямо здесь! — предложил я.

Сначала она подумала — или понадеялась — что я шучу. А

когда поняла, что я настроен серьёзно, нервно рассмеялась:

— О'кей, но давай найдём столы в углу.

Она помогла мне переставить мебель, а затем мы стянули с себя достаточно одежды, чтобы трахаться прямо на столе, на виду у половины клуба. Может, это и не одобрили, но ни один человек не пожаловался. Однако, представление вышло далеко не на двойку.

На следующий вечер, когда мы ехали в клуб, Роберт пошутил:

— Я не знаю, как нам затмить твоё вчерашнее шоу.

Но нам почти удалось. Пока мы ждали третью порцию выпивки, две девушки вызвались залезть под стол и сделать оральный секс группе. Они уложились в рекордное время.

Застёгивая ширинку, Бонзо сказал:

— Маршал, я думаю мы нашли тебе заманухy. У этих девчонок особый талант, который привлечёт новых клиентов каждую ночь. Когда молва распространится, у тебя будет самый популярный клуб в ЛА.

В те дни женщины не были робкими и застенчивыми. А мы не видели причин для сдерживания себя. Плоть была так рядом, что её можно было брать голыми руками, таким образом легко став гедонистом. Почему бы и нет?

17. Призрачное выступление

Летний тур 1969 года по Америке закончился в последний день августа на Техасском Международном Фестивале в Далласе. Питер Грант договорился о гонораре в четырнадцать тысяч фунтов за часовой сет, что было больше, чем мы получали за обычный концерт. Мы рассчитывали на второй альбом, который наконец должен был выйти в конце октября, ожидая, что после него наша цена повысится.

По возвращении в Лондон нас ожидал долгожданный, но короткий отпуск. Шесть недель спустя после закрытия занавеса в Штатах, группа с неохотой собралась в Париже для промоушна второго альбома. Отношения с прессой, конечно, имели ужасную историю, и всё, что могло привлечь СМИ, считалось большим достижением.

— Полагаю, это часть игры — заметил Роберт. Тем не менее, он презирал этот аспект бизнеса — сидеть и прилежно отвечать на вопросы людей, чьи знания о музыке вызывали лишь умиление.

Эдди Баркли, его фирма Barclay Records распространяла пластинки Led Zeppelin во Франции, уговорил Питера отправить группу через Ла-Манш и сыграть часовой концерт на частной вечеринке в честь выхода Led Zeppelin II.

— Пусть группа скажет своё слово с помощью музыки, — сказал Эдди. — Они сыграют несколько песен, а промоутеры и люди из СМИ полюбят их.

Звучало заманчиво. Но даже самые хитроумные планы могут пойти не так.

Мы заехали в «Вестминстер», дорогой отель из ста номеров, с мраморными каминами и паркетными полами. Отель располагался на Рю де ла Пэ. Когда мы заселялись в номера, зазвонил телефон. Это был Клайв Кулсон.

— Ричард, мы тут настраиваем аппаратуру для шоу. Я не думаю, что группа захочет услышать это, но наша сцена — боксёрский ринг. Они же никогда не играли на таком раньше. Думаешь, они захотят играть на ринге?

Я знал ответ, даже не спрашивая музыкантов.

— Это абсурд, — ответил я. — Убирай аппаратуру, Клайв. Команда не будет играть сегодня. Если они хотят услышать кого-то на боксёрском ринге, пусть предложат контракт на запись Мохаммеду Али!

И хотя в тот вечер не было живой музыки, мы сами на вечеринке появились.

— Ведите себя как можно дружелюбнее, — советовал Питер перед выходом из отеля. — Я знаю, как ужасно всё это терпеть. Мне тоже придётся несладко проводить время. Давайте сомкнём зубы и сделаем это.

Мы продержались на вечеринке, делая вид, что отлично проводим время, общаясь с прессой. Мы также узнали, насколько влиятелен Эдди Баркли в кругах французской прессы. И хотя группа не выступала живьём, рецензии на наше «шоу» появились в газетах на следующий день. «Zeppelin раз за разом вызывали на бис, — писал один критик. — Даже капризные менеджеры звукозаписывающих компаний хотели ещё и ещё. Не важно, что играла группа — Good Times, Bad Times или Ramble On — толпа жаждала большего.

— О, брат — проворчал Джон Пол, прочитав отзывы в парижских газетах. По поводу острых отношений группы с прессой он пошутил, что французские статьи — лучшее, что про них написали. В то время так оно и было.

Может быть, так нужно привлекать прессу на нашу сторону, — сострил Джимми. — Просто не будем приезжать на концерты! Наши призрачные выступления критикам нравятся больше.

Когда вечеринка в Париже окончилась, наши пути разошлись. Мы по отдельности поехали развлекаться дальше по клубам, взяв нескольких роскошных подруг, работавших на Баркли.

— Держитесь подальше от неприятностей, — предупредил Питер, зная, что его вялый совет никто не примет во внимание. Но он всё же посчитал своим долгом предупредить нас. — Я хочу уехать завтра из Парижа без лишних шрамов.

На следующее утро я проснулся в одиннадцать утра и позвонил в номер Бонэма, чтобы узнать, не хочет ли он позавтракать. Тот не ответил; не услышал я никакого шума, когда постучал в дверь.

— Гад дрыхнет без ног, я знаю, — подумал я. — Нужно всё равно его разбудить.

Я вылез из окна собственного номера на третьем этаже, решив, что смогу дойти до Бонэма по уступу, и залезть в его окно. Перед началом путешествия длиной в двадцать метров я посмотрел вниз на улицу и сразу понял, что если подскользнусь или чихну, то могу потерять равновесие с серьёзным риском для жизни. И вояж показался куда более опасным, мне нужно быть более осмотрительным. Шаг за шагом.

— Иди медленнее, Ричард, — сказал я себе. — Не торопись, у тебя впереди целый день.

На полпути я услышал крики с улицы. «Эй вы там, лучше

заткнитесь», — думал я. Отвлекать меня нужно в последнюю очередь.

Разговор на улице, в основном, был на французском, я почти ничего не понял. Я не решался смотреть вниз, а вместо этого фокусировался на достижении цели без травм. Когда я всё же глянул вниз, то увидел внизу постепенно растущую толпу, наблюдавшую за моим походом. Когда я им помахал в ответ, появились два жандарма.

Наконец до меня начал доходить смысл слов на французском.

— Спускайтесь и как можно скорее, — кричали мне. — Если вы идёте в Картье, то знайте — магазин под охраной. Не делайте глупостей, мы хотим вас допросить.

Картье! О чём они говорят?

А потом я понял, что магазин «Картье» находится рядом с отелем. Видимо, жандармы решили, что имеют дело с парижским воришкой, намеревающимся спереть драгоценностей на несколько тысяч франков.

Я вдруг занервничал, что не рекомендуется делать на уровне третьего этажа. «Если они выстрелят и зададут вопросы потом, — подумал я, — то у меня проблема». Я сменил направление и попятился к себе в номер. По пути я улыбнулся им и помахал рукой, надеясь, что они передумают стрелять.

Пару минут спустя, когда я залез в свой номер, то наконец смог выдохнуть с облегчением. Жандармы ожидали меня, и мне пришлось объяснять, что я всего лишь хотел разбудить друга. Они, кажется, не поверили и посмотрели на меня, словно говоря: «Ты не мог придумать что-нибудь получше?». Но когда меня обыскали и обнаружили, что в моих карманах нет камней и драгоценностей, арестовать меня было не за что. После получасового допроса меня отпустили.

По иронии судьбы, я старался зря. Бонэма вообще не было в номере в то время. Три часа спустя такси высадило его перед входом в отель.

В номере Джимми Джон попытался вспомнить, что произошло с ним в ту ночь.

— Не понимаю, — сказал он с озадаченным выражением лица. — Прошлой ночью, я кажется, слишком много выпил и оказался на ферме в двадцати километрах от Парижа. Понятия не имею, как я туда попал и с кем был. Когда я проснулся, я был один и спал на диване. Коровы мычали где-то недалеко. Я взял телефон, вызвал такси и убрался оттуда.

Ещё один случай по пьяни!

Даже вернувшись в Англию, Питер никак не мог позабыть Америку. Не было более толкового менеджера, чем Питер. Он мог

распознать новые возможности за милю, взвесить «за» и «против» и мгновенно решить, насколько они реальны, обычно всегда в точку. И когда бы группа ни находилась дома, он всегда хотел отправить их снова в Штаты.

— Это вопрос долларов и центов, — разоткровенничался он как-то осенним днём 1969 года. — Команда может заработать много денег и привлечь огромное внимание, проводя как можно больше времени в Америке. В то время нам вряд ли стоило беспокоиться о возможности перегнуть палку. А с выходом нового альбома настало идеальное время для очередного тура.

Питер потратил остаток дня, созваниваясь с участниками группы. Он приводил им аргументы в пользу возвращения на гастроли. Он не должен был наседать слишком агрессивно.

— Команде предложили два вечера в Карнеги-холле, — сказал он Джимми. — Весьма престижно и заманчиво, чтобы отказаться. Стоунз играли в Карнеги-холле в середине шестидесятых, с тех пор ни одна рок-группа там не выступала. Я думаю, нам это нужно сделать.

Звучало неплохо, но в группе новость вызвала смешанные чувства.

— Только не Америка! — взвыл Бонзо. — Мы устали. Дайте нам немного отдохнуть.

Они все хотели провести время с женами и подружками. И даже Роберт повторил жалобу, прозвучавшую прежде:

— Теперь мы зарабатываем столько денег, а разве деньги не должны давать немного времени, чтобы расслабиться?

Как бы то ни было, это был Карнеги-холл. Чем больше Питер говорил о нём, тем более заманчиво звучало предложение. «Ладно, сделаем это», — наконец сказал Джимми. И мы с Питером провисели неделю на телефоне, согласовывая детали трехнедельного тура по семнадцати городам. Мы проедемся от Восточного побережья через Средний Запад до западных штатов, и дадим несколько концертов в Канаде.

Поскольку новый альбом в Штатах должен был выйти в разгар тура, команда сконцентрировалась на вещах с «Led Zeppelin II»: Whole Lotta Love… Bring It On Home… What Is And What Should Never Be. Thank You построена вокруг соло на клавишных Джона Пола. Moby Dick стал неотъемлемой частью действа, а барабанное соло Бонзо с годами развернулось до двадцати минут, затем до тридцати, иногда и дольше. Когда группа играла песни с первого альбома, то часто это делала по-новому, например, в вариациях Dazed and Confused Джимми уводил песню в самые неожиданные направления — вставляя в неё куски других песен: Джони Митчелл или Eagles; а группа

следовала за ним. «У неё должна быть свободная форма, — говорил Джимми группе. — Не нужно никакой структуры».

Каждый в группе имел свободу в выборе песни и сотворить из неё всё, что захочется. Они выработали уверенность в музыкальных талантах друг друга. И в результате часто отыскивали золотую жилу.

В середине тура цеппелины играли в Бостон Гарден перед толпой фэнов — около двадцати тысяч платежеспособных клиентов. В зале было душно, система кондиционирования сдохла через полчаса. Но это не имело значения. Фанаты посходили с ума уже в начале шоу.

— Лично для меня это выступление ставит Zeppelin выше всех, — сказал Питер, глядя на них из-за кулис. — Группа станет такой же великой как Beatles или Stones, а может ещё лучше.

К мнению Питера стоило прислушаться. Я решил сконцентрироваться на Led Zeppelin, когда они взлетят на рок-вершины.

В ту ночь после бостонского концерта фэны остановили Питера в отеле и рассказали ему, что «мощь» Led Zeppelin до сих пор раздаётся в их головах.

На этом витке их карьеры, даже если я захочу придержать и замедлить движение — ничего не получится. Их нельзя остановить.

Когда Led Zeppelin II был выпущен в свет, его спрашивали во всех магазинах. Несколько других альбомов были изданы примерно в то же время — Let It Bleed группы Rolling Stones, битловская Abbey Road, The Best of Cream и Crosby, Stills and Nash. Но истинных фанатов цеппелинов это не волновало. Как только Led Zeppelin II попал на полки магазинов, в первый день продаж народ в некоторых городах выстроился в очереди в несколько кварталов. Реализация началась в третью неделю октября, а к десятому ноября цифры были такими исполинскими — два дня спустя окончания осеннего американского тура — что Звукозаписывающая Индустрия наградила нас золотым диском. Как заявил диск-жокей из Денвера: «Сегодня сотни из тысячи иголок стерео-проигрывателей отданы в жертву, проигрывая, переигрывая, и снова заигрывая до дыр Led Zeppelin II».

Гигантские продажи нового альбома сильно подняли настроение группе во время четвёртого тура. Это помогло пережить периодически появлявшуюся усталость, причём непонятно когда. Это помогало поднять дух, когда тот падал после прочтения нелицеприятных рецензий. Это дало нам повод провести вечеринку.

В Сан-Франциско мы сняли номер в «Вилла Роме»,

элегантном отеле, со встроенным внутри милым двориком, чтобы отпраздновать успех альбома, пригласив человек двадцать пять, в основном местных. Пришла парочка невероятно роскошных девочек — высокие, длинноволосые, с хриплыми голосами, соблазнительными телами, в общем, все женские качества, будоражившие наши либидо. Члены группы чуть не затоптали друг друга, чтобы познакомиться с леди.

Одна из девушек принесла в клетке трёх серых голубей и сразу выпустила их на свободу, позволив летать по комнате. Один из голубей вёл себя как камикадзе: он врезался в стены, словно хотел совершить самоубийство. Вскоре ошарашенная птица обрела силу и равновесие и вновь полетела нормально. Птицы нас развлекали, мы уничтожали алкоголь, как только его вносили в номер. Праздник закончился около трёх утра. К тому времени я был так пьян, что почти ничего не помню, включая то, кто остался с девушками.

Мы провели ночь в своих номерах в «Вилла Роме», а на следующее утро я, Джимми и Джон Пол шагали по двору отеля завтракать. По ходу наше внимание привлекли звуки воды — на самом деле, водопада — льющегося с балкона второго этажа, поток разбивался о цементный пол.

— Боже, — неожиданно воскликнул Джон Пол. — Это из комнаты, где была вечеринка.

Я сразу представил счёт за порчу имущества. Не сговариваясь, мы развернулись и рванули к лестнице. Я лихорадочно шарил по карманам штанов в поисках ключей от номера. Обнаружив их, поспешно вставил в замок, толкнул дверь и ворвался внутрь. Ноги по щиколотку оказались в воде.

— О, чёрт, тут целый бассейн, мать его! — воскликнул я.

Я прошлёпал в ванную, чтобы обнаружить источник сан-францисского потопа. Виновной оказалась ванна, переполненная водой, фонтанировавшей часов семь или восемь. Я выключил кран, осмотрел местопроисшествие и покачал головой в недоумении: «Какой урод оставил включённый кран?»

Джимми заглянул в ванную и увидел причину проблемы.

— Посмотри сюда, — ахнул он. — Один из этих грёбаных голубей застрял в сливе и получилась запруда.

Я достал останки птички. Он всё-таки выполнил свою самоубийственную миссию. Вода начала уходить из ванны.

— Ковровый настил полностью испорчен, — заметил Джимми шлёпая по воде. — Как думаешь, у отеля есть страховка от голубей?

— Это нам обойдётся в копеечку, — вступил в разговор Джон Пол. — Придётся отписать авторские от нового альбома, чтобы

возместить убытки.

— Я бы не беспокоился об этом, — ответил я. Я был уверен, что нам не о чем волноваться. В конце концов, когда мы вселились в отель, я зарегистрировал группу под чужими именами, руководствовавшись следующим: необходимо избежать назойливых фэнов и внимания прессы, если придётся заплатить сверх нормы.

Пару дней спустя я рассказал историю Бонэму, который истерически смеялся над моими действиями.

— Впечатляет, — ответил он. — Не могу поверить, что ты мог додуматься до такого.

А затем спросил:

— Так под чьим именем ты зарегистрировал номер?

— Фрэнка Барсалоны, — ответил я. Фрэнк был агентом из компании Premier Talent, которые организовывали продажу билетов по США. — В любой момент он может получить счет. Надеюсь, у него есть чувство юмора.

— А если нет, — сказал Бонзо, — То, может, он умеет хорошо стелить ковры.

В то время, как продажи нового альбома достигли астрономических чисел, а популярность неудержимо росла, члены группы время от времени разговаривали с Питером в свободное время о том, как защитить свои заработки. Они также получали советы из офиса в Лондоне, где бухгалтера давали рекомендации, чтобы музыканты быстро смогли хорошо разбираться в налогообложении.

Когда наступил короткий перерыв в турне, все музыканты быстро свалили с американского материка по совету консультантов по налогам, которые прикинули, сколько заработает группа в 1969 году, и получился примерно миллион долларов. Группа отработала в Штатах в целом почти шесть месяцев, и получалось так, что мы могли попасть под налогообложение как США, так и Великобритании. Не самая лучшая идея для команды, зарабатывающей семизначный доход.

Джонси, Бонзо и Питер полетели в Лондон к семьям. Остальные собрались в Сан-Хуан, столицу Пуэрто Рико. С точки зрения налогов Пуэрто Рико не рассматривался как часть США, хотя находился совсем рядом с материком.

Джимми, Роберт и я остановились в отеле «Карибе Хилтон» в Сан-Хуане. Мы выжали из отдыха максимум: загорали, пили пино-коладу рано вечером и отрывались по полной всю ночь.

Как-то вечером я уговорил Роберта и Джимми составить мне компанию и съездить с старый город, район из семи кварталов, исторический центр, в котором располагались здания,

датируемые шестнадцатым и семнадцатым веками. Коридорный в отеле предупредил нас: «Сеньоры, в старом Сан-Хуане хорошо днём. Но вечером туда не ходите, слишком опасно для туристов. Высокая преступность».

Я всё равно потащил туда Роберта и Джимми, хотя они испугались. Это было заметно по их поджатым губам и наморщенным лбам. Я искал бар, где подавали хорошее мексиканское пиво и где можно немного успокоиться. Мы зашли в первый попавшийся клуб по улице Салье Сан-Себастьян — но это было не то, что я ожидал. На самом деле, мне показалось, что мы попали в Сумеречную зону. В баре было так темно, что я с трудом видел компаньонов, не говоря о тех, кто там мог находиться. Когда мы пробирались мимо барной стойки, я почувствовал на себе дюжину взглядов. Но пару секунд спустя кто-то включил свет в клубе.

Наш внешний вид сильно отличался от облика остальных клиентов бара. Они выглядели так, словно только сошли с пиратского корабля после целого дня грабежей и пыток. Мы носили украшенные цветами рубашки, в ушах серьги, у нас были длинные волосы — слишком женоподобно для такой толпы.

— Мы уходим отсюда, — заявил Роберт, поворачиваясь к двери.

— Нет, Перси — я схватил Роберта за руку. — Давайте закажем выпивку.

— Ты псих, Коул — ответил Джимми. — Не думаю, что они захотят стать нашими друзьями.

Он начал дрожать.

— Да всё в порядке. — сказал я. Желание выпить пересиливало страх. — Они нас не тронут.

Но сам я не был уверен в своих словах.

Клуб был таким низкопробным, я такие нечасто видел — неудивительно, что мне захотелось остаться. Мы уселись за стол без ножки и заказали три пива. Несколько минут спустя, когда Джимми отошел в туалет, роскошная брюнетка с пудом макияжа на лице — скорее всего шлюха — подошла к нашему столику, села на стул Пейджи между Плантом и мной и попыталась установить контакт.

Разговор не успел перейти с Como estas? как она потянулась ко мне и положила руку на промежность.

— Ууу, — воскликнула она. — Гранде!

Я улыбнулся и посмотрел на Планта. Место мне начало нравиться.

Потом она положила руку на ширинку Планта.

— Уууууу, — простонала она. — Мучо гранде!

В первый раз за вечер Роберт засмеялся.

— Очень восприимчивая молодая леди, — сказал он. — Очень восприимчивая.

Когда Пейджи вернулся, то отказался от оценки «ниже пояса».

— Давайте уберёмся отсюда, пока нас не убили! — предложил он.

Роберт и я уже удовлетворили своё эго, поэтому согласились свалить оттуда.

По окончании американского тура, по дороге в Лондон, мы разговаривали о том, каким удивительным был 1969 год. Группа появилась из ниоткуда и находилась на пороге суперзвёздности. Мы гастролировали на безжалостных скоростях — 160 концертов с самого первого концерта в Копенгагене четырнадцать месяцев назад. Группа зарабатывала столько денег, что в середине тура нам пришлось оценивать налоговый статус. Иногда мы даже думать боялись, как далеко зашли.

Часть 10

18. «Назовите вашу цену»

— Сколько ты сказал?

— Ты слышал меня, Коул. Они предложили нам один миллион долларов!

— И ты отказался?

— Тут что-то не то. Мы могли совершить ошибку.

Питер Грант объяснял, почему он отклонил одно из дюжины концертных предложений, завалivших офис Led Zeppelin. Продажи альбома Led Zeppelin II достигли сумасшедшего уровня, и промоутеры фактически говорили: «Назовите свою цену». Так сильно они хотели получить группу.

Одно из самых заманчивых предложений поступило от группы американских промоутеров, которые собирались устроить концерт Zeppelin в Западной Германии в канун Нового года и транслировать его по спутниковой связи в кинотеатры США и Европы.

— Мы заплатим группе полмиллиона долларов, — сказали они в первичном предложении. — 1970 год выстрелит!

Не такой уж и большой выстрел для Питера, несмотря на феноменальную сумму для работы за один вечер. Как и Джимми, Питер был перфекционистом. Он вздрагивал от одной мысли о спутниковой телетрансляции концерта его группы.

— Я слышал качество звука на этих закрытых системах связи, — ответил он американским бизнесменам. — Меня не впечатлило, до наших стандартов не дотягивает.

Сначала американцы подумали, что он шутит. В конце концов, за пятьсот тысяч долларов можно уговорить группу предстать в чуть более статичном виде, ну и что, что изображение слегка троится. Но чем больше они говорили с Питером, тем больше убеждались, что он настроен серьёзно.

— Телевидение — не самый лучший медиа-канал для команды, которая помешана на качестве, — отвечал Питер. — Поэтому эта группа никогда не выступала на ТВ. Когда вы говорите о спутниковой трансляции на тысячи миль, она не может быть высокого качества.

Но американцы верили, что если они назначат правильную цену, Питер передумает. Они перезвонили пару дней спустя и подняли цену до одного миллиона!

А Питер ни разу не сомневался:

— Ответ — «нет». Можете повышать цену сколько угодно, я не изменю своего решения. Качество для группы — превыше всего.

За такие действия я страшно уважал Питера. Ведь один миллион долларов за единственный вечер не получала ни одна группа. Но он не собирался поступаться своими творческими принципами.

Я также думаю, что Питеру нравилось наблюдать за реакцией американцев, когда он сухо отказался от их предложения, как будто миллион не является серьёзной суммой денег. Самомнение каждого в организации выросло — возможно чрезмерно — и отклонив предложение в один миллион, можно заявить миру о том, насколько ты крут и значителен.

Как бы то ни было, движущей силой его решения были нерушимые принципы относительно качества музыки группы.

— В жизни есть и другие вещи, кроме денег, — сказал Питер мне однажды. Он знал, что появятся другие возможности, которые устроят его. Поэтому на новый год мы остались дома.

Тем не менее, несколько дней спустя Led Zeppelin устроили себе праздник. Мы с нетерпением ждали 9 января, когда группа должна была выступить в королевском Альберт-холле.

— Англия наконец принадлежит нам, — сказал Бонзо. — После сегодняшнего вечера, никто не должен сомневаться в этом.

В этот день Джимми Пейджу исполнилось двадцать шесть. Толпа собралась в Альберт-холле, кое-кто приехал за четыре-пять часов до шоу, многие принесли плакаты с поздравлениями для Пейджи, однако, были и такие: «Мы любим тебя, Джимми»… «Zeppelin навсегда».

Роберт чувствовал себя королём мира. Невероятные цифры продаж казались ему абстракцией; трудно было оценить числа в шесть или семь цифр. Но когда он посмотрел на аудиторию, взглянул в их лица, затем довёл до оргазмического экстаза, числа перестали иметь значение. Мы знали, что критики ошибались. Если пресса не любила Led Zeppelin, это их проблема. Да, негативные рецензии до сих пор преобладали над позитивными, и это злило Роберта. Но он знал, что группа влияет на жизни людей. Он видел это оттуда, откуда не каждому дано видеть.

Королевский Альберт-холл был третьим пунктом в коротком, из семи концертов, туре по Великобритании. Группу ничего не сдерживало. Они запланировали двухчасовой концерт, но на самом деле он продлился минут на тридцать дольше. Они добавили песни типа «Since I've Been Loving You» и «Thank You», но что важнее, реакция аудитории была такой ошеломительной, что группа на ходу спонтанно меняла программу шоу несколько раз. Во время «Bring It On Home» Пейджи и Бонэм устроили дуэль на своих инструментах — раз, потом ещё один; их будоражащее сознание противостояние никто не хотел останавливать — ни

группа, ни аудитория. Некоторые песни встречали такими восторженными аплодисментами, что когда группа собиралась завершить композицию, реакция толпы заставляла их продолжать играть дальше и дальше. Например, когда «How Many More Times» близилась к завершению, истерия в зале накалилась до такой степени, что команда не могла перейти к другой вещи, «The Lemon Song». И вместо этого им пришлось играть рифф «How Many More Times» ещё целых восемь минут.

Вспоминаются также ироничные моменты. Насколько популярным был оригинальный материал, попурри старых рок-н-ролльных стандартов, вот что раскачало зал: «Long Tall Sally» и «Whole Lotta Shakin' Going On».

За сценой присутствовал Роджер Долтри из The Who, он наблюдал за шоу с выпивкой в руке. Его лицо выражало полное изумление:

— Понятно, почему никто не хочет играть с этими парнями. Они слишком хороши.

Долтри пришёл с подружкой, Хитер, которая притащила для Джимми весьма уникальный подарок ко дню рождения — известную французскую модель по имени Шарлотта Мартен. Хитер была уверена, что Джимми и Шарлотта подойдут друг другу.

Я встречал Шарлотту на юге Франции в 1966 году и столкнулся с ней вновь два года спустя, когда она встречалась с Эриком Клэптоном. Шарлотта была из тех девушек, на которых хочется смотреть вечно. Высокая, стройная блондинка с совершенными формами. Одного взгляда явно недостаточно.

Но я знал и другую сторону Шарлотты. По крайней мере, в отношениях со мной она была надменной, враждебной и равнодушной. Мне казалось, что пока вы ей не понравитесь, она будет к вам относиться по типу «нравлюсь я вам или нет, мне всё равно». Честно говоря, на меня впечатление она не произвела.

Тем не менее, Джимми и Шарлотта сразу сошлись. После концерта Джимми поговорил с ней несколько минут и отвёл меня в сторону: «Ты можешь отвезти нас в её квартиру? Это недалеко от твоего маршрута». Я их отвёз, и это положило начало длительным отношениям.

И всё это время мы с Шарлоттой не ладили. Он очень холодно вела себя со мной, как будто мы не были знакомы с тех дней во Франции. Однако, я полагаю, она всё-таки поняла, что я составлял неотъемлемую часть Led Zeppelin, и она решила, что если ей хочется быть с Джимми, то придётся относиться более дружелюбно по отношению ко мне. И наши взаимоотношения перешли в фазу взаимной вежливости. Даже при этом я никогда

не чувствовал себя легко рядом с ней.

Когда Шарлотта уезжала на гастроли с группой, это часто превращалось в кошмар. По сравнению с женами других членов группы — Морин Плант, Пэт Бонэм и Мо Джонс, которые всегда готовы прийти на помощь, Шарлотта постоянно создавала мне проблемы, которые только усиливали трения между нами. Будучи тур-менеджером, в мои обязанности входило обеспечение безопасности музыкантам, а когда концерты посещали жены и подруги, это означало, что нужно присматривать за восьмерыми, а не четырьмя.

Я изо всех сил старался вести дела ровно. Когда группа выходила на бис, я говорил девчонкам: «Садитесь в лимузины, мы скоро выезжаем». И все они послушно следовали в указанном направлении, кроме Шарлотты.

— Я хочу остаться и досмотреть шоу до конца, — жаловалась Шарлотта.

— Хрен тебе! — орал я ей.

— Ты не смеешь указывать мне, что делать, — отвечала она мне.

— Конечно могу, твою мать! А ну шуруй в лимузин!

Нехотя, она подчинялась, но делала это, пока мы не вцепимся друг другу в глотки.

Я так радовался, когда в Лондоне узнал, что Шарлотта не примет участие в европейском туре, стартующем в конце февраля с остановками в Копенгагене, Хельсинки, Стокгольме, Амстердаме, Кёльне, Вене, Гамбурге и Монтрё. Для гастролей по семи странам я арендовал пятитонный грузовик. Он был нужен не только для перевозки оборудования группы из одного города в другой, но я подозревал, что цеппелины накупят много вещей. Деньги ведь нужны для этого.

Я нанял парня по имени Манфред Лурх в качестве одного из водителей; он говорил на нескольких языках, и я подумал, что он мог бы общаться с таможней в любой стране. Как и ожидалось, и Манфред, и грузовик доказали свою необходимость. Мы загружали машину трофеями после набегов на магазины: блюзовые альбомы, картины Эрнста Фукса, литографии Эшера, а также мебель.

Но даже самое тщательное планирование не могло предположить то, с чем нам пришлось столкнуться в Копенгагене. Выступление должно было быть полным приятных и сентиментальных впечатлений. Ведь полтора года назад первым городом, где Zeppelin дали первый концерт, был Копенгаген. На самом деле, мы приземлились в аэропорту Каструп 19 февраля с невероятным возбуждением.

— Здесь всё началось, — сказал Джимми Пейдж. — Мы словно вернулись домой.

Но вместо триумфального возвращения группа была втянута в странный конфликт с одной из самых известных европейских семей. Эва фон Цеппелин не желала, чтобы команда «пользовалась именем моей семьи». В один момент музыку Led Zeppelin затмил раздутый прессой скандал.

— Пусть это будет предупреждением тем людям, которые мнят себя музыкантами. Им лучше не стоит использовать имя Цеппелин, играя отвратительную музыку в Дании, — объявила Эва фон Цеппелин прессе. — Если они не послушают, я подам на них в суд.

Фон Цеппелин не шутила. Она утверждала, что является прямым наследником графа Фердинанда фон Цеппелина, легенды воздухоплавания. На заре века граф Фердинанд изобрел воздухоплавательный аппарат, получивший его имя. И Эва не разрешает группе, «укравшей» имя Цеппелин, выступить в Дании. Сдаваться она не намерена.

Группа пришла в ярость от подобных заявлений. На том этапе их карьеры Led Zeppelin почувствовали свою важность и не привыкли к такому возмутительному отношению к себе.

— Кто такая эта Эва фон Цеппелин? — спрашивал Роберт Плант. — Никто даже не слышал об этой женщине! Туча людей слышала о нас!

— Может и так. Но Эва делала свои нелепые публичные заявления, в которых обозвала Led Zeppelin кучкой «вопящих обезьян». Нападки продолжались, и Джимми понимал, что им необходимо сделать что-то, чтобы унять страсти.

— Давайте пригласим её к себе, — предложил он. — Может быть, она поймёт, что мы вовсе не буйные маньяки.

И в самом деле, Эва приняла приглашение встретиться с «вопящими обезьянами» в репетиционной студии в Копенгагене, за день до запланированного концерта. Перед приездом Эвы Питер наставлял нас:

— Держите себя в руках и постарайтесь ничем не обидеть её, она и так на взводе. Возможно, нам удастся её умилостивить, и она забудет об инциденте.

Встреча прошла относительно мило.

— Мы не делаем ничего такого, чтобы опорочить имя вашей семьи, — защищался Джимми. — Мы всего лишь играем музыку, которую любят миллионы людей.

Но Эва настаивала на своём:

— Всё, что я хочу, это защитить репутацию моей семьи!

— Миллионы людей знают нас под именем Led Zeppelin, —

продолжал Джимми. — И я не думаю, что кто-либо из них находит это оскорбительным для вашей семьи.

Переговоры зашли в тупик. Но группа считала, что им удалось смягчить сердце старой леди. Однако, они ошибались. На выходе из студии взгляд Евы упал на обложку первого альбома, там, где дирижабль падает на землю, объятый адским пламенем.

Эва фон Цеппелин от гнева ловила ртом воздух, её ярость не знала границ. Мы услышали столько эпитетов в свой адрес, нам угрожали немедленно вызвать в суд. Эва вылетела из студии в гневе.

Питер тоже негодовал. Он толком не знал, что предпринять, но до суда дело доводить точно не хотел.

— Ничего более бессмысленного я не слышал, — недоумевал он. — Но эта женщина готова подать на нас в суд.

Правда, он успокоился и произнёс:

— Вот, что я рекомендую: давайте выйдем завтра на сцену под другим именем.

Сперва группа отказалась.

— Пусть она сменит чёртово имя, — огрызнулся Бонзо. — У нас столько же прав, сколько и у неё.

Но вскоре Питеру смог переубедить парней. Обычно ему удавалось. На концерте в Копенгагене Led Zeppelin выступали под именем Nobs (Шишки) — в некоторых лондонских кругах так обычно называли мужской половой орган. К счастью, Эва фон Цеппелин не претендовала на исключительное право пользования этим названием.

Страсти не улеглись и после окончания концерта.

— Почему мы уступили? — спрашивал Роберт. — Кто дал ей право?

— Всё кончилось, Перси, — ответил я. — Забудь об этом. Давайте займем свои мозги чем-нибудь иным.

Водитель лимузина, дружелюбный малый по имени Янн, поинтересовался, не желаем ли мы посмотреть достопримечательности Копенгагена. Как насчет замка Кристиансборг или торгового центра Строгет?

После того, что с нами произошло за последние два дня, нас не интересовали типичные туристические маршруты. Сады Тиволи и статуя Русалочки подождут. Вечер приближался к полуночи; женщины занимали наши умы.

— Я скажу тебе, что нас интересует, — ответил я Янну. — Мы хотим посетить копенгагенские секс-клубы!

Янн сразу как-то притих. «Секс-клубы»? — он никак не мог в это поверить. Взглянув на своих пассажиров — Джимми, Роберта, Джона Пола, Бонзо, Питера и меня, — мы не были похожи на

членов королевской семьи, весь облик Янна словно говорил: «Как меня угораздило оказаться рядом с этими шестью клоунами?».

Так мы проехали целых десять минут, и Янн притормозил перед одним из самых популярных городских секс-клубов. «Приехали», — объявил он. Нам следовало живо выбираться из лимузина, а Янн скорее всего с места рванет из этого района, чтобы его никто не заметил. Но вдруг его как будто подменили.

— Я проведу вас внутрь, — сказал он. — Менеджер клуба — мой друг. Я скажу ему, что вы мои почетные гости.

Почетные гости! Наверное, Янн совсем не был ханжой.

— Располагайтесь! — пригласил нас менеджер. — Однако, помните: публика только смотрит, никакого участия.

Мы вошли в тускло освещенную комнату, натыкаясь друг на друга, пока глаза не привыкли к темноте.

— Мне померещилось, — пошутил Джимми. — Или мы здесь единственные, на ком одежда?

В следующие два часа мы совершенно позабыли о Эве фон Цеппелин. Шоу полностью захватило нас. Вокруг ходило столько красивых женщин, как минимум пару дюжин. Некоторые подносили напитки, остальные участвовали в представлении — и они играли вовсе не Шекспира. Мы сидели на расстоянии вытянутой руки от сцены, на которой одна из обнажённых девиц ласкала себя перед публикой: со стоном, крича, извиваясь, возбуждаясь.

— Я кажется, влюбился, — шепнул Бонзо.

— Я думаю, она тоже, — ответил Плант. — Жаль, но она любит только себя.

Вскоре к девушке присоединилась подруга, и парочка занялась любовью. Третья девушка не заставила долго ждать. Потом четвёртая. Дальше в дело пошли вибраторы. Они были похожи на одну большую счастливую семью.

— Простите, — заорал Бонзо. — Девчонки, вам правда платят? Я готов за просто так сделать это! Я не вру!

Бонэм пошел на сцену, схватил вибратор у одной из девушек, потеребил его какое-то время, пока не удалил батарейки. Затем вернул обратно.

— Подруги, вы должны отрабатывать свои деньги, — старался он перекричать громкую музыку. — Не позволяйте современным технологиям делать всё за вас.

Остальные мужчины в зале сидели робко, они явно обалдели от нашего нахальства.

— Одна из этих девушек — моя сестра, — пояснил Бонэм испуганному клиенту. — Мама попросила присмотреть за ней, чтобы она не впуталась в неприятности.

В Лондоне мы никогда не видели ничего подобного. Мы пробыли там еще час, но ничего нового не увидели — тот же грубый секс, которым лучше заниматься, чем наблюдать, но жаловаться было не на что. По дороге в отель Роберт обратился ко мне: «Ричард, когда мы снова приедем в Копенгаген, позаботься о том, чтобы клуб попал в нашу развлекательную программу».

Через четыре месяца, перед приездом в Данию, я позвонил в тот же клуб.

— Мы хотим зарезервировать клуб только для нас в субботу вечером. Какова типичная выручка в этот день? Мы вам полностью возместим.

Во второй наш визит в клубе были только девочки и мы. На словах кажется, что ситуация идеальная, но весело, как в первый раз, уже не было. Возможно, из-за того, что мы видели шоу, или же потому, что мы сами устраивали подобные представления в номерах отелей. А там публике разрешалось участвовать! К тому же, в клубе кроме нас больше никто присутствовал, шокировать поведением было некого. Будь то Карнеги-холл, или секс-клуб Копенгагена, нам нравилось находиться в центре внимания. Только в секс-клубе бывали конкурирующие организации.

Во время нашего посещения Копенгагена у нас были и другие интересы, а не одни секс-клубы. Мы много времени проводили в художественных галереях. Особенно Джимми усердно покупал произведения искусства. Но вообще, мы по-разному занимали своё время.

По предложению Питера, мы согласились устроить пресс-конференцию в расположенной недалеко от Строгета арт-галереи. Репортёры, критики, руководители музыкальных компаний заполнили помещение. Шампанского и закуски было вдоволь. Какой-то музыкальный критик достал меня и Бонэма своими напыщенными разглагольствованиями то об одном, то о другом, ни одна тема нас не интересовала.

— Когда рок-группа достигает успеха, я уверен, что она теряет что-то, — вещал он. — Я думаю, они теряют голод, придающий интенсивность их музыке. Вы, парни, должны быть осторожными. Не хотел бы, чтобы подобное приключилось с вами.

Затем его внимание привлекла картина в стиле поп-арт. Он начал анализировать её, испытывая наше и без того почти лопнувшее терпение.

— Она напоминает мне Лихтенштейна, а местами Раушенберга, — говорил он. — Она такая волнующая, удивительно просто.

Бонзо повернулся ко мне и прошептал:

— Что за херня!

— Когда я гляжу на картину, — продолжал критик, — я вижу такое сильное заявление против абстрактного экспрессионизма.

Бонзо не мог больше терпеть:

— Хотите узнать, что я думаю об этой картине?

— Конечно, хочу, — ответил критик робко.

Бонзо подошёл к картине, снял её со стены и заорал:

— Вот, что я думаю о ней!

Он поднял картину вверх и опустил её на голову бедного критика. Рама треснула. Полотно лопнуло прямо по середине. Критик упал в нокаут. Он схватился за голову и закричал от боли.

Толпа затихла.

— Не желаете, чтобы я оценил другие картины? — спросил Бонзо, подходя к двери.

Остальные парни решили, что сейчас самое время покинуть зал. Мы оставили Питера улаживать скандал. Перед отъездом галерея выставила нам счёт в пять тысяч долларов за разрушенную Бонзо картину.

В последний раз мы устраиваем пресс-вечеринку в художественной галерее, — сказал Джон Пол по дороге в отель.

— Теперь будем приглашать их в стрип-клубы, — заметил я. — Им там самое место.

19. «Эти цеппелиновские ублюдки»

Хенри Смит, один из наших дорожных менеджеров, собирал оборудование в аэропорту Виннипега. Мы только что прилетели в этот канадский город во время пятого американского тура, стартовавшего в марте 1970-го. Осматривая аппаратуру, он увидел, что не хватает одной гитары.

— Чёрт! — подумал он. — Джимми точно не обрадуется.

Когда Хенри позвонил мне рассказать о случившемся, я с группой находился в отеле.

— Это черная старая гитара, — доложил Хенри. — Лес Пол, который подарил Кит Ричард.

Я был уверен, что Джимми расстроится. Я пошёл в его номер и рассказал, что произошло. Джимми был сам не свой.

— Потерять гитару! — орал он. — Как вообще такое могло случиться?

Он в сердцах пнул диван.

— Ричард, это невообразимо! Ты знаешь, как я люблю эту гитару?

Не могу вспомнить, когда Джимми был так разозлён. Я предпочёл дать ему выговориться.

— Как кто-то мог просто так выйти с ней? — кричал Джимми. — В аэропорту делают что-нибудь для обеспечения сохранности багажа?

Целый час Джимми выпускал пар.

— Где были дорожные менеджеры, Ричард? Мы разве платим им не за то, чтобы они следили за оборудованием? Мне так и хочется уволить всех до последнего!

Когда я наконец вышел из его номера, то подумал:

— Если таким макаром пройдёт весь тур, я поеду домой.

Служба безопасности аэропорта не обнаружила ни одного признака гитары. Видимо, кто-то украл её с багажного грузовика или с ленты выдачи багажа. Шансы найти инструмент были равны нулю.

Джимми был безутешен. Он разместил объявление в журнале Rolling Stone с просьбой помочь найти гитару. Он надеялся, что кто-нибудь свяжется с ним, но никто так и не откликнулся. Гитара так никогда и не всплыла на поверхность. Кто-то, где-то заполучил замечательную реликвию из цеппелиновского арсенала.

Весь тур Джимми оплакивал потерю. Двадцать девять концертов прошли без явного прогресса в его игре. Иногда он выглядел подавленным, и я уверен, что из-за гитары. Не имело

значения, что каждое шоу собирало полный зал, что мы гарантировано получим миллион. Потеря гитары испортила Джимми впечатление от всего тура.

На этапе планирования гастролей 1970-го Питер решил, что Led Zeppelin будут выступать без разогревающего состава. Вечер за вечером, в течение двух с половиной часов только Zeppelin.

— Когда у нас есть разогревающий состав, нам добавляется много ненужной мороки, — объяснял Питер. — Необходимо менять аппаратуру, беспокоиться о перемещении оборудования и следить, чтобы оно не сломалось. Если мы будем одни, то можем настроить всё сами и оставить там же. я не сомневаюсь, что группа вытянет шоу в одиночку.

Питер знал, что фэны приходят на концерты Led Zeppelin, не для того, чтобы послушать других. Он считал, что фэнам нужно дать то, что они хотят — целую ночь цеппелиномании.

Решение Питера словно освободило команду. В качестве единственных артистов на вечер, они могли полностью контролировать шоу. Идея очень обрадовала их. Иногда они чувствовали, что готовы играть до утра.

Как бы дерзко ни вела себя группа вне сцены — репутация людей, эксплуатирующих молоденьких групи, постоянно вьющихся вокруг, росла неуклонно — они никогда не считали фэнов чем-то самим собой разумеющимся. Они отлично знали, кто купил их пластинки, кто заплатил за билеты.

— Если шоу идёт отлично, просто будем играть, — отметил Джон Пол. — Пока будут наши фанаты, будем и мы.

В зените тура большинство концертов переваливало за три часа, иногда и дольше. Отдельные песни растягивались на десять, пятнадцать или двадцать минут. «Dazed and Confused» регулярно игралась по сорок минут. Толпа устраивала аплодисменты прямо посредине песни.

Антрактов мы никогда не устраивали. Бонэм выскакивал со сцены, пока Джимми и Джон Пол пускались в продолжительные музыкальные экспедиции. А затем сам Бонэм отвечал двадцати-, а то и тридцатиминутными соло на барабанах — он стаскивал рубашку, бросал палочки в аудиторию, и шпарил по барабанам руками, натирая трудовые мозоли. Номера Бонэма так захватывали, что никто из нас не уходил далеко от сцены. Проще говоря, команда показывала класс каждый вечер, весь вечер.

Джимми терпеть не мог, когда слышал, что какая-нибудь большая группа играет сорокаминутный концерт — а иногда ещё короче, если вибрации не были правильными.

— Они здесь, и вдруг их уже нет — публика моргнуть не успеет, — ворчал он. — Это просто нечестно по отношению к

фэнам.

Джимми решил, что этим группам просто нечего сказать. По контрасту, цеппелины выражали такую огромную палитру чувств за один вечер, которую невозможно охватить за пятьдесят минут.

Когда гастроли добрались до юга — Мемфис, Роли, Атланта, — мы ожидали осложнений, не имевших ничего общего с реакцией фэнов. В южных штатах люди в аэропортах таращились на нас, свистели, смеялись над нашими длинными волосами. Вроде бы ничего особенного, но после просмотра фильма «Беспечный ездок» мы серьёзнее отнеслись к тому, как люди реагируют на наши волосы.

— Если увидишь реднеков в пикапе со стойкой для ружей на заднем стекле, прикрой нас, — нервно пошутил Джон Пол.

В Роли оскорбления достигли пика. Хенри Смит находился в служебном туалете перед самым началом концерта и услышал через кабинку, как два копа говорили о том, как «подбросить травки этим цеппелиновским ублюдкам, потому что по ним тюрьма плачет».

Хенри запаниковал и, застёгивая на ходу штаны, выскочил из туалета и бросился через аудиторию в поисках меня.

— Они хотят нас спалить! — верещал он. — Копы готовы арестовать нас.

Я не был таким параноиком, как Хенри, но тоже насторожился. Я толком не знал, что делать, но нашёл платный телефон и позвонил в местные офисы агентств Пинкертона и Бринка, чтобы нанять охрану для группы.

— Я тур-менеджер рок-группы Led Zeppelin, — ответил я человеку, взявшему трубку в агентстве Бринка. Вероятно, я был не из числа привычных клиентов, так как он скептически отнёсся к моему заявлению, что люди в форме имеют злой умысел.

— Прости, друг, — ответил голос в трубке. — Твоя история не звучит правдоподобно, мы защищаем президентов банков, а не гитаристов.

К этому моменту я начал изрядно нервничать. Я представлял, как вся группа попадает в тюрьму после концерта, и я не хотел этого допустить. В качестве последнего средства я позвонил Стиву Вайссу, нашему адвокату в Нью-Йорке. Я пересказал ему услышанный Хенри разговор и поведал о возникших проблемах с наймом охраны.

— Вы юрист, — сказал я ему. — Может быть, Вы сможете воздействовать на них, чтобы мы смогли обеспечить себя охраной. Здесь небезопасно, и я думаю, нам нужно быстро организовать защиту.

— У группы много активов, включая репутацию, —

согласился Стив. — И их нужно защищать. Посмотрим, что я могу сделать.

Стив сделал несколько звонков из Нью-Йорка, и через сорок пять минут два сотрудника службы безопасности — в галстуках, плащах и с короткими волосами — появились за кулисами. Они вели себя деловито, и если чувствовали себя не в своей тарелке среди волосатых музыкантов, то не показывали вида.

— Мы здесь для того, чтобы вы оставались в Роли без проблем, — пояснил один из них.

И в самом деле, никаких проблем не возникло. Один из них расположился на входе в гримёрку, другой стоял возле кулис, наблюдая, как бы ничего подозрительного не возникло рядом с музыкантами. Вечер прошёл без происшествий. Дополнительная охрана, вполне возможно, остудила пыл полицейских в плане доставления неприятностей Led Zeppelin.

Когда я рассказал группе о происшедшем, они онемели от неожиданности.

— Это, блять, удивительно! — воскликнул Бонзо. — Копам заняться нечем, кроме как наезжать на рок-музыкантов? Людей убивают на улицах, а они подбрасывают марихуану. Какой абсурд!

С тех пор я тщательно следил за незаконными веществами, которые водились у нас. У нас обычно был кокаин и таблетки. Иногда жажда приёма наркотиков — и сам процесс их добычи застилали мне глаза на возможные риски. Но когда я думал с ясной головой, когда тревога превышала тягу к наркотикам, мысль об аресте не уходила из головы. Таков один из источников стресса в моей работе.

Часть 11

20. Наручники

— Мы вернулись!

Пожилая женщина в сувенирном магазине отеля Edgewater Inn в Сиэтле посмотрела на Бонзо.

— А вы кто? — спросила она.

— Мы были здесь в прошлом году, — ответил он. — Вы не помните? Мы — одни из ваших лучших рыболовов.

Мы спустились в магазин, чтобы прикупить удочек на вечер. Я немного напрягался из-за того, что слухи об акулах распространились по всему миру и могли дойти до самого отеля. Но эта женщина, видимо, имела другие интересы в жизни. Её внимание привлекла покосившаяся стойка для свечей рядом с кассовым аппаратом.

Через несколько минут мы сидели с закинутыми в воды Пьюджет Саунда удочками.

— Как хорошо быть дома, — сказал Роберт.

По странному совпадению, мы поселились там же, где и в прошлом году. Бонзо поймал пару пятнистых акул в первые полчаса. Джимми тоже поймал одну. Далее мы только успевали цеплять наживку, как старые профи.

— Кто-то пополнил запасы в океане, — предположил Бонзо.

Наступила ночь, но наша рыбацкая экспедиция продолжалась. Около трёх утра в дверь постучали три довольные милые девчушки — две блондинки и брюнетка. Они носили мини-юбки, груди выпадали из блузок, а на лице так и написано «Трахни меня». Кажется, было воскресенье, но собирались они вовсе не в церковь.

Однако, мы с Бонэмом сосредоточились на рыбалке. Посмотрев друг на друга, мы покачали головами.

— Извините, — ответил я им. — Сегодня мы ловим рыбу. Приходите завтра!

Звучит странно, но иногда групи нам докучали. С ростом славы и благосостояния, позволявших удовлетворять любые наши фантазии, мы постоянно искали новые способы развлечений. На тот момент нам нужна была только рыбалка. Те девушки выглядели соблазнительно, они, очевидно, очень хотели развлечься, но в других городах тоже были женщины, а рыбалка была «здесь и сейчас».

Ко времени данного посещения Сиэтла мы уже знали, что вонь от пойманных акул становится невыносимой через день-другой торчания в отеле.

— Невозможно пить в этом зловонии, рыбный запах

повсюду, — пожаловался Бонэм.

— Может, и так, — ответил я. — Тебе потребуется дезодорант размером с город Шайенн, штат Вайоминг, чтобы освежить помещение.

И мы решили снять дополнительную «рыбацкую» комнату, куда складывали добычу. В тот приезд мы наловили около тридцати акул за две ночи и свалили их в кучу посредине комнаты.

— И что мы будем делать с этим добром? — спросил Бонзо.

— Не знаю, — сказал я. — Давай сложим их в туалет. Если мы закроем дверь, может, пахнуть будет не так сильно.

Очень даже аккуратно мы начали складывать одну акулу на другую в шкафу туалета, прерываясь каждую минуту на глоток спиртного. Когда мы закончили, то тихо закрыли дверь и пошли спать.

Утром нас разбудили вопли. Горничная в истерике бежала по коридору, видимо после посещения «рыбацкого» номера. Она убирала комнату, и её привлекло амбрэ из туалета. Когда она открыла дверь, на неё свалилась гора из тридцати акул, да так, что она упала на пол и ей пришлось бороться за жизнь. Может быть, ей показалось, что на неё напали пришельцы-монстры.

Потом в номер влетел менеджер отеля и осмотрел помещение. Глядя на бойню, он обхватил лысую голову руками, видимо, таким образом выражая своё отвращение. Если бы у него росли волосы, он их, наверное, вырвал одним махом.

— Парни, у вас есть чувство приличия? — негодовал он. — Вас учили уважать чужую собственность?

Я глянул на Джона Пола и прошептал:

— Думаю, мы ответим «нет» на оба вопроса.

Мы с Джоном Полом вернулись в свои номера, чтобы поспать.

— В Америке все потеряли чувство юмора? — бормотал Джон Пол.

В тот день мы выехали из отеля и нам выставили счёт в двести пятьдесят долларов за чистку ковров и уборку рыбных остатков из туалета.

Наша реакция на происшествие являлась классическим примером того, как группа чувствует свою власть и показывает превосходство, которое сопутствует успеху и богатству. Легко начать думать, что можно избежать ответственности за те вещи (особенно если ты их обычно и делаешь), о которых обычный человек даже побоится подумать. Двести пятьдесят долларов ничего не значили для нас. Всего лишь небольшая цена за маленькое веселье.

Как однажды сказал Бонзо: «Мы в том положении, когда не

потерпим никакого дерьма от кого бы то ни было». Это означало прессовать людей, перебегающих нам дорожку. В туре семидесятого слова Бонзо подразумевали борьбу с бутлеггерами, особенно если нам удавалось их поймать за руку.

По мере роста популярности группы, рос спрос и на пиратские кассеты и пластинки с живых выступлений. Двух альбомов в магазинах было недостаточно. Множество поклонников хотели больше Led Zeppelin, чем мы им давали.

На каждом концерте североамериканского тура Питер и я всегда высматривали магнитофоны в толпе.

— Это деньги из нашего кармана, — жаловался Питер. — Ублюдки не уйдут просто так.

В начале концерта в Ванкувере Питер увидел человека недалеко от сцены, склонившегося над профессиональным магнитофоном и державшим микрофон над головой.

— Посмотри на этого урода с микрофоном и магнитофоном! — проревел Питер. — Он прямо на видном месте. Вот дурак!

Несколько членов техперсонала и я подбежали к нему, схватили парня за ворот рубашки, подняли над землёй и заорали:

— Ты не можешь этого делать, козёл! Если хочешь послушать, иди в магазин и купи пластинку, как все остальные люди!

Мужика мы бросили на пол, а магнитофон разбили об ограждение на тысячу мелких кусочков.

— Наслаждайся концертом! — скомандовал я ему, и мы проследовали в служебное помещение.

К сожалению, человек не записывал концерт на плёнку. И он не был ярым фанатом.

— Рабочий сцены мне сказал, что тот парень, которого мы побили — чиновник, — сказал я Питеру. — Он работает на власти города и замеряет уровень шума на концертах.

До окончания шоу приехала полиция и допрашивала нас целый час. К счастью, копы не желали заводить дело, которое могло потом просочиться в газеты. Мы согласились заплатить за магнитофон, и инцидент был исчерпан.

Покинув северо-запад, мы направились в Лос-Анджелес через Денвер. Как нам ни хотелось вернуться в «Шато Мармон», Питер настаивал, чтобы мы поселились в отеле «Континенталь Хайятт Хауз» на бульваре Сансет. Из-за убийства Шэрон Тейт и четырёх её друзей бандой Чарльза Мэнсона в 1969-м Питер превратился в параноика на почве безопасности. «Мармон» с его изолированными бунгало, разбросанными по участку земли, казался лёгкой мишенью для задумавших преступление. Питер считал, что самодостаточный многоэтажный отель предоставит

нам большую защиту.

Плант и Бонэм прозвали отель «Хаос Хауз», по вполне определённым причинам. Девушки на цеппелиновском сафари толпились в холле и заполняли лифты, которые отвозили их до девятого этажа, где обитали мы. В отсутствие рыбалки было бы глупо отказываться от их предложений. Девушки были повсюду — в холле, в коридорах, и неизбежно в наших постелях. Иногда мы собирали девушек и усаживали в конец нашего неприлично длинного лимузина, который так нагружался, что цеплял днищем землю на выезде из отеля и его приходилось выталкивать на улицу. Чистое безумие целую неделю.

Однажды днём в холле ко мне подошла семнадцатилетняя девчонка.

— Мы слышали про хлысты Джимми, — сказала она. — Он на самом деле их использует?

— Тебе нравятся хлысты? — спросил я.

— Обожаю!

Я слышал про страсть Джимми к кнутам, но сам их никогда не видел. Он носил с собой маленький черный ящик, может быть, там он их хранил. Мисс Памела, одна из подружек Джимми в США в начале семидесятых, говорила, что другие девушки утверждали, что время от времени Джимми использовал хлысты, но не с ней.

Я так и не узнал, питал ли на самом деле слабость к хлыстам Джимми. Но мы брали и другие необычные атрибуты — чаще всего наручники!

Когда мы выезжали из отеля в лос-анджелесский Форум, Бонэм и я приковали наручниками двух девушек — маленькую хорошенькую брюнетку и высокую блондинку — к кроватям в номере. Мы хотели удостовериться, что они останутся там, когда мы вернёмся.

— Мы должны куда-нибудь нырнуть после дня тяжёлого труда! Эти девушки идеально годятся для работы, — сказал Бонзо.

Когда мы застегнули наручники, можно было ожидать истерическую реакцию девушек, они могли сопротивляться, молить о пощаде. Но этого не произошло. Они вообще не жаловались на временное заключение.

— Я уже позвонил в сервис, — сказал я девчонкам, покидая номер. — Служащий принесёт вам поесть в восемь вечера. Там лежат несколько косяков, если захочется. Если вам что-нибудь понадобится, позвоните в сервис! Приятного вечера!

Когда мы вернулись с концерта, девушки ожидали нас в номере. Они поужинали. Кроме небольшого раздражения на

запястьях, других признаков нездоровья не наблюдалось.

— А теперь у нас будет вечеринка? — спросила одна из них.

— Почему бы и нет, — ответил Джимми, открывая бутылку шампанского.

Девчонки пробыли с нами целые сутки, наручников не потребовалось, чтобы удержать их с нами.

21. Друзья

К концу весеннего тура по Америке 1970-го мы изрядно подустали. Слишком много переездов, слишком мало сна, в избытке алкоголя и наркоты.

Больше других на грани срыва находился Роберт. Его замучила простуда, и голос сел. Он хрипел и свистел, едва мог говорить, не говоря уже о пении. Профессиональная гордость гнала его на сцену каждый вечер, он старался извлечь максимум из своего голоса.

— Так продолжаться не может, — проскрипел он на концерте в Солт-Лейк-Сити, на лице было написано разочарование. — Я теряю голос, не знаю, насколько его хватит.

Мы постоянно увлажняли номер Роберта, чтобы смягчить боль в горле. Но ничего не помогало. Каждый вечер ему приходилось тяжелее, чем в предыдущий.

В середине апреля мы приехали в Финикс и остановились в отеле «Балтимор».

— Может быть, если я немного расслаблюсь — выйду из отеля на пару часов — мне будет легче, — предположил он. Он попросил меня после обеда организовать прогулку на лошадях.

Через час Роберт и агент из Atlantic Records по имени Марио проезжали по ближайшей тропинке на паре арендованных лошадей. Роберт чувствовал себя прекрасно на свежем воздухе. Десять минут прогулки окончились, однако, внезапно. Марио свалился с лошади на кактус. Полчаса потребовалось доктору, чтобы вытащить все иголки.

Позже Роберт пошутил:

— Я даже почувствовал себя ещё лучше, из-за того, что не я, а Марио пришлось пройти через мучительную процедуру.

Физиотерапевт из Финикса осмотрел Роберта: ему не понравилось увиденное. Его беспокоили длительные поражения горла, и он настаивал, чтобы мы отменили последний концерт тура, запланированный в Лас-Вегасе в Конвеншн Центре. Но Роберт упрямился:

— Давайте я рискну. Всего один концерт. Стыдно подвести поклонников.

Как и остальные, Роберта передёргивало от мысли разочаровать аудиторию. Еле слышным голосом он произнёс:

— Я буду пить много чаю сегодня, мой голос, может быть, улучшится к последнему концерту.

На утро улучшений не наблюдалось. Вмешался Питер и взял ситуацию под контроль.

— Всё, Роберт, — сказал он. — Сегодня никакого шоу не будет. Ты пел двадцать девять концертов в течение месяца. Доктор говорит, если ты не дашь отдохнуть голосу достаточно долгое время, то рискуешь потерять его навсегда. Из-за одного концерта ты можешь разрушить карьеру. Я принял решение: мы едем домой.

Из Финикса мы полетели в Нью-Йорк, потом в Лондон. Следуя рекомендациям доктора, Роберт едва ли ни слова не произнёс по дороге домой.

Вернувшись в Англию, Роберт не смог долго сидеть без дела. Для парня, который часто жаловался, что группа мало отдыхает, через неделю пребывания дома он места себе не находил.

Роберт рассказал нам, что ссорится с Морин. Да, жизнь на гастролях сумасшедшая, но дома его ожидал ад, по крайней мере, на тот момент. Он решил, что им с Морин нужно куда-нибудь съездить, и взять с собой Джимми, чтобы поработать. Возможно, поездка сгладит острые углы.

Менее, чем через неделю после возвращения в Великобританию, Роберт позвонил Джимми:

— Я готов поработать. Давай напишем новые песни.

Через полтора года после создания Led Zeppelin, талант Роберта расцвёл до неузнаваемости, по сравнению с другими. Он не только пел более уверенно, но также поверил в себя в качестве автора. Нет, он не ставил себя на один уровень с Джимми, но у него был свой стиль. Он точно не чувствовал себя запуганным или беззащитным, хотя сочинял песни с одним из лучших в мире музыки.

Джимми с Робертом провели ревизию, что у них имелось на то момент. Вместе с семьёй Роберта и Шарлоттой, они поехали в Южный Уэльс и остановились в горном коттедже под названием Bron-Yr-Aur, что по-валлийски означает «Золотая грудь» («Привезите мне парочку золотых грудей», — попросил я их).

Коттедж располагался недалеко от реки Дови, удобств в нём практически не было: вместо электрического освещения пользовались газом. Роберт и Джимми смогли немного расслабиться: например, они гоняли на джипах по холмам. Но основной целью было написание новых песен для третьего альбома: «Out of the Tiles»… «Celebration Day»… «Bron-Yr-Aur Stomp». На прогулки они иногда брали с собой переносной магнитофон и гитару и возвращались с готовыми словами и мелодией. На одной из таких вылазок они устроились в маленькой долине, Джимми наиграл тему, а Роберт моментально набросал слова для куплета. Хорошо, что магнитофон работал. Песня быстро превратилась в «That's the Way».

Роберт взял инициативу на себя в некоторых песнях. Увлечение кельтскими легендами дало жизнь «Immigrant Song». Его собака по кличке Страйдер вдохновила на создание «Bron-Yr-Aur Stomp». Песни рождались быстро.

К середине мая Led Zeppelin были готовы к записи. Но никто не был заинтересован в работе на обычной студии звукозаписи.

— Какие варианты у нас есть? — спросил Бонзо.

— Давайте снимем какой-нибудь уединённый дом и притащим туда мобильную студию, — предложил Джимми. Никто не стал с ним спорить.

Кэрол Браун, наша секретарша, сделала несколько звонков и нашла большой деревенский дом под названием «Хэдли Грейндж» (что-то типа «Главная ферма» — прим. пер.), находившийся в шестидесяти километрах от Лондона. Я помог ребятам обосноваться там, открыл счёт в местном универмаге и привёз первичные запасы продовольствия и напитков. Пока группа записывалась, я иногда брал с собой пару роуди — Мика Хинтона и Клайва Кулсона в местный бар, где выпивку подавали бесконечно.

Третий альбом показал многогранность Led Zeppelin — та же знакомая цеппелиновская энергия, которая покорила Европу и Америку, — но более романтическая и нежная. Джимми впервые сыграл на банджо на «Gallows Pole», старой народной песне, аранжированной Пейджем и Плантом. Банджо принадлежало Джону Полу. Джимми увидел его в каком-то углу, поднял и начал дурачиться. «Мне нравится звук», — сказал он Джону Полу и в каждый перерыв играл на нём. В конце концов он начал подыскивать песню, чтобы сыграть на банджо. «Gallows Pole» подошла идеально.

На «That's the Way» первые дубли были записаны в электрическом варианте.

— Что-то не то, — повторял Джимми. — Не звучит.

И он предложил попробовать акустическую гитару. В яблочко! Песня получилась.

«Tangerine» датируется временами Yardbirds. Роберт вокальную партию записал дважды и наложил друг на друга. Пейджи добавил удивительную партию стил-гитары. Песня начала получаться с самого начала. На «Bron-Yr-Aur Stomp» Джимми продемонстрировал своё лучшее мастерство. В то же время, Бонзо также искал новые способы выражения своих идей и старался использовать в качестве музыкальных инструментов всё, что попадалось под руку, даже ложки.

«Friends» с добавлением струнных существенно изменилась. Джон Пол расширял собственные горизонты в студии и

предложил написать аранжировку для струнных, которая получилась сказочной. Вдохновила ли Роберта перспектива сопровождения струнными или нет, но он брал такие высокие ноты, что разбивались стеклянные стаканы. С каждым дублем горизонты его голоса отодвигались чуть дальше. Возникли споры, как начать и закончить «Friends». В конце концов, обрывок разговора вставили во вступление, а в концовке использовали синтезатор Moog.

Каждый в группе чувствовал, что альбомы нужно записывать так, как третий: он был менее напряжённым предприятием, в отличие от второго альбома, написанного и записанного во время гастролей под давлением, которое не всегда подразумевает творческую обстановку.

С этих пор именно так мы будем работать, — настаивал Джимми как-то вечером, когда мы сидели у камина. — В таком ритме меня переполняет энергия.

Его беспокоило, что если группа не работала бы в более расслабленном окружении, они бы давно взорвались.

22. Водный жук

— Как ты думаешь, эта машина умеет плавать?

Я задал вопрос Джону Бонэму, напомнив ему про рекламу Фольксвагена, в которой утверждалось, что их жуки воздухонепроницаемые и могут плыть по воде не хуже самого Марка Спитца (семикратный олимпийский чемпион по плаванию — прим. мер.). Бонэм, Джон Пол, роуди Джим Добсон и я осматривали достопримечательности Исландии. Осушая бутылку шампанского за другой, мы пришли к заключению, что даже сам Ральф Нейдер (американский адвокат и политический активист — прим. пер.) не смог бы лучше нас протестировать возможности Фольксвагена.

— Я готов попробовать, — сказал Бонэм, он всегда был первым готов во что-либо ринуться, особенно под воздействием алкоголя. — Давайте найдём озеро или реку и сделаем это!

Мы приехали в Исландию в июне 1970-го по просьбе британского правительства. Джаспер Парротт, агент по работе со знаменитостями, больше привык работать с танцорами из балета, чем с рок-звёздами. Но его привлекли к организации фестиваля британской культуры в Исландии. Он попросил Led Zeppelin представить английскую поп-музыку на фестивале. Питер рассматривал выступление в качестве хорошего разогрева перед более важным фестивалем в Бате в Англии, который должен был состояться через неделю. Мы все сознавали престижность быть выбранными в качестве представителя родины за рубежом.

На второй день в Рейкьявике мы решили побыть в качестве туристов и, чтобы посмотреть достопримечательности, захотели взять в аренду Ленд Роверы. Однако, агентство Hertz оказалось не столь отзывчивым.

— Извините, — сказали нам в агентстве. — Я не думаю, что в стране вы найдете хоть один Ленд-Ровер. Как насчёт других машин?

Мы согласились на Фольксвагены — зелёный и белый. Добсон и я забрались в один из жуков, а Джон Пол и Бонзо уселись в другой.

Объезжая окрестности, мы подогревались парой бутылок «Дом Периньона». Через три часа осмотра ледников, гейзеров, горячих источников и вулканов, наступила скука. И тогда мы решили узнать, действительно ли Фольксвагены умеют плавать.

— Я поведу свой в воду, — вызвался Бонэм. — Давайте найдём озеро где-нибудь.

Нам по дороге попалась река, мы с Добсоном вылезли из

своей тачки, чтобы посмотреть на шоу.

— Мы наблюдаем исторический момент, — сказал я Добсону. — Поплывёт или утонет?

Мы проверили, чтобы окна белой машины Бонэма были плотно задраены. Он сидел на месте водителя, а Джон Пол — на штурманском. Бонэм подъехал к краю воды и остановился, посмотрел на реку словно Ивел Канивел (известный гонщик — прим. пер.), концентрируясь на смертельном трюке, который должен был выполнить. Затем он дал задний ход и проехал метров пятнадцать. Напряжение нарастало. Наконец, он выжал первую скорость, дал газу и устремился к воде.

Фольксваген оторвался от земли и глухо шлёпнулся о воду. Он подпрыгивал и болтался на поверхности воды минуты две, а затем, мирно покачиваясь, впал в дрейф. Двигатель Бонзо выключил.

— Чёртова штука не тонет, — заорал Добсон. — Не могу поверить!

Добсону стоило повременить с выводами. Уровень воды достиг дверных уплотнителей, и вода просочилась внутрь. Мне вдруг стало страшно, по позвоночнику пробежал жуткий холодок. Перед глазами появились заголовки в газетах: «Рок-музыканты утонули, в то время как их тур-менеджер наблюдал со стороны».

Блин, нам стоит вытащить парней оттуда, — крикнул я Добсону. Мы оба кинулись в жутко холодную воду. Когда мы достигли машины, было неглубоко.

Добсон и я стояли по разные стороны машины. Невероятно, но Бонэм от души веселился, а лицо Джона Пола было мертвенно бледным. По какой-то причине Джонси решил на прогулку одеть костюм. Я подумал, что бедняга беспокоился больше о костюме, чем о чём-либо другом.

Добсон и я изо всех сил начали толкать тачку к берегу.

— Не забудь напомнить мне, чтобы я не сиганул на жуке с моста Золотые ворота! — прошипел я, стараясь не обращать внимание, что ноги начали неметь.

Через три минуты, благодаря нашим манёврам, машина добралась до берега. Бонзо повернул ключ зажигания, и двигатель завёлся мгновенно.

— Я бы сделал классный рекламный ролик, — сказал я Добсону по дороге в отель. — Нужно было снять на камеру. «От группы, написавшей «Dazed and Confused» и «Whole Lotta Love»… настало время плыть вместе со Свинцовым цеппелином!»

Позже Джон Пол объяснил, почему он так напрягся, когда Фольксваген начал тонуть.

— Дело вовсе не в костюме, — сказал он мне. — Прошлым

вечером кто-то дал мне травы, которую я засунул в носки. Я просто не хотел её намочить.

Случай с Фольксвагенами был из ряда легкомысленных детских выходок. Но участников группы до сих пор привлекали подобного рода проделки, так они избавлялись от давления, или просто рассматривали их в качестве средства от скуки. Исландские приключения относились ко второй категории.

Несколько дней в Рейкьявике прошли, мы обрадовались, что фестиваль закончился и можно было лететь домой. Питер не уставал напоминать, что впереди нас ждёт фестиваль в Бате — поворотный пункт в карьере группы. Как обычно, его планы на счет группы были тщательно продуманы.

Если в Бате всё пройдёт хорошо, — говорил он, — дома мы будем не менее значимыми, чем в Штатах. Поэтому этот концерт стоит того, чтобы чем-то пожертвовать.

Чем пожертвовать? Питер отклонил несколько предложений из Штатов, включая двести тысяч долларов за два концерта в Йейл Боул и в Бостоне. Вместо этого всего за шестьдесят тысяч мы сыграем в Бате 28 июля. Питеру решение далось проще, чем может показаться. Фредди Баннистер, организатор концерта на открытом воздухе, пообещал Питеру толпу в двести тысяч человек. Вы не можете собрать столько людей, только если вы не Папа Римский.

Led Zeppelin были не единственной большой группой, заявленной на фестиваль. The Byrds, Jefferson Airplane, Доктор Джон, Country Joe and the Fish, Santana, The Flock, Frank Zappa and the Mothers of Invention также должны были выступать. Moody Blues тоже присутствовали в списке, но из-за неожиданного ливня в середине дня им пришлось покинуть сцену.

Как бы страстно ни желал Питер увидеть группу в Бате, тем не менее, он выставил несколько жёстких требований. Он беспокоился о мелочах больше, чем о крупных деталях. Это для него было важнее денег и прочих обещаний. Разговаривая с Баннистером, Питер сказал:

— Led Zeppelin должны закрыть фестиваль в воскресенье вечером. Всё, что я хочу — это выйти на сцену во время заката. Если быть точным — в восемь часов. Не позднее.

— Почему в восемь? — Баннистер был озадачен.

— Именно в этом время солнце заходит, — объяснил Питер. — Если группа выйдет на сцену в восемь, мы можем включить освещение, чтобы создать создать особую ауру группе, когда солнце будет исчезать за их спинами.

Баннистер согласился на условия Питера, и мы начали готовиться к мероприятию. Джимми настаивал на том, чтобы в

сет-лист включить песни из нового альбома, не только, чтобы разрекламировать планируемую пластинку, но и сыграть песни в первый раз перед британской аудиторией. Группа заперлась на пару дней для репетиций. К 28 июня, в день фестиваля, они были во всеоружии.

The Flock предшествовали Led Zeppelin в тот вечер. Восемь вечера приближались, но Flock и не собирались оставлять сцену. Они сыграли раз на бис. Потом ещё. Минуты бежали. Нетерпение Питера переросло в ярость.

— Убери этих засранцев со сцены, — проревел он Баннистеру.

Фредди очень хотел угодить всем. Он оправдывался перед Питером:

— Они почти закончили. Я уверен, они вот-вот уйдут.

Но Питер не мог себя контролировать. Без десяти восемь он сказал:

— Позаботься об этих ублюдках, Коул! Ты же можешь?

Роль крутого парня я играл здорово. Я позвал с собой Хенри Смита и другого роуди, Сэнди МакГрегора. Втроём мы выглядели как головорезы, затеявшие серьёзно покалечить кого бы то ни было. У нас была репутация парней, с которыми не стоит связываться — мы её справедливо заработали.

Мы вышли на сцену и начали методично выключать аппаратуру The Flock. «Вечеринка окончилась», — крикнул я опешившей группе. Хенри и я стали вытаскивать со сцены барабаны, затем последовало другое оборудование. The Flock орали нам, чтобы мы остановились. Орал нам и Баннистер из-за кулис. Десять минут на сцене творился ад, но мы выполнили миссию. «Бекинс» (агентство по перевозкам — прим. пер.) вряд ли смогли бы сделать лучше.

Zeppelin начали свой сет с опозданием в менее, чем пять минут. Джимми надел пальто и дурацкую деревенскую шляпу. Роберт вырядился в толстовку с длинными рукавами и джинсы. Он отпустил бороду и теперь выглядел более неопрятно, чем обычно. Джон Пол был в кожаной куртке, как будто бы собирался вступить в группу Ангелов Ада. На Бонэме была обычная футболка, которую он стащил с себя ещё до окончания концерта, хотя ближе к ночи похолодало. Никто из них не обратил внимания на дурдом, творившийся на сцене перед их выходом.

Цеппелины начали сет с «Immigrant Song» и назад не оглядывались. «Immigrant Song» появится на альбоме «Led Zeppelin III», который должен был попасть в магазины позднее в этом году. С первой вещи до самого конца толпа реагировала необыкновенно. Когда группа играла новые песни, публика

разрывалась между попыткой внимательно послушать тексты нового материала и возможностью хлопать и кричать в такт музыке.

Led Zeppelin сыграли «Since I've Been Loving You», потом «Celebration Day», затем более знакомые вещи с ранних альбомов — «Bring It On Home» и «Whole Lotta Love».

— Мы любим Led Zeppelin, — кто-то крикнул Роберту в перерыве между песнями.

— Мы тоже вас любим! — ответил Роберт в микрофон. — Мы здесь, чтобы помочь вам здорово провести время! Если так, дайте нам знать!

Led Zeppelin могли играть до рассвета. В последние минуты своего шоу они довели толпу до безумия. Последний выход на бис состоял из «Communication Breakdown», за которой последовало попурри из «Johnny B. Goode» и «Long Tall Sally». Когда они наконец закончили, ведущий и диск-жокей Мик Рейвен самозабвенно орал в микрофон:

— Невероятно… Led Zeppelin… Вы — просто фантассстика… Led Zeppelin… Англия боготворит вас!

Так и было на самом деле. Когда группа ушла со сцены, через три часа и пять вызовов на бис, они сами были не в себе. Роберт был убеждён, что они взяли большой шлем для соотечественников. На самом деле, им больше нечего было доказывать, и Led Zeppelin не будут выступать на родине целых девять месяцев.

Часть 12

23. Отказ от веры

Через неделю после фестиваля в Бате, а за это время группа смогла перевести дух, мы отправились в короткий тур по Германии. Во Франкфурте команда играла перед одиннадцатью тысячами фанатов в Фестхалле, крупнейшей аудитории, когда-либо собираемой в Германии. В Кёльне около тысячи поклонников бесновались вокруг здания Спортхалле, они кидали камни и разбивали окна, когда не смогли попасть на концерт.

Несмотря на весь энтузиазм немецких фанатов, цеппелины испытывали эмоциональный спад после фестиваля в Бате. Тяжело переплюнуть двести тысяч людей, пришедших посмотреть на группу. Команда играла чисто автоматически. Еще было свежо в памяти выступление в Бате.

— Это неизбежно, — отметил Джимми. — Мы не можем зажигать каждое шоу, мы тоже люди.

После концерта во Франкфурте мы нашли бар, удобно расположенный на углу, и пили без остановки до самого закрытия заведения. По ходу действия наша неумеренность в потреблении алкоголя не прошла незамеченной для других посетителей бара. Мы шестеро — Джон Пол, Джимми, Роберт, Джон, Питер и я — были не промах по части выпивки, и вскоре маленький столик, за которым мы сидели, ломился от бутылок и стаканов. Только бармен точно знал, сколько мы выпили.

Когда я попросил счёт, то был шокирован:

— Вы уверены, что посчитали правильно? Нас всего шестеро.

— Я знаю, что вас шестеро, — ответил бармен. — Но вы, парни, подчистили почти все мои запасы. Я никогда не видел, чтобы кто-нибудь пил, как вы!

За четыре часа мы заказали и употребили 120 порций сливовицы, плюс около 160 бокалов пива — всего 280 порций на шестерых!

На это Бонзо воскликнул:

— Давай уделаем этого хренова бармена! Пусть козёл затрахается выгонять нас, когда нужно будет закрываться!

Как бы ни было безмерно потребление алкоголя, я не мог никому читать нотаций, так как сам злоупотреблял выпивкой, как и другие. И я не думаю, что алкоголь негативно влиял на музыку группы или на мои способности перевозить их из города в город. «С нами всё в порядке, — сказал я себе. — Нам повезло, что мы так хорошо переносим пьянство».

Короткий тур по Германии был прелюдией перед возвращением в Штаты в августе на шестое турне. Тридцать шесть

концертов за семь недель. На каждом концерте — аншлаг, группа никогда не получала меньше двадцати пяти тысяч долларов за вечер.

Пресса в основном была настроена враждебно.

— У нас к этому нет иммунитета, — согласился Бонзо. — Но негативные статьи уже не ранят так сильно, как раньше.

Всем, кроме прессы, было мало Led Zeppelin, даже местным высшим должностным лицам. Некоторые чиновники на местах, возможно, никогда не слышали о Led Zeppelin, но мы привозили в их города крупнейших рок-исполнителей. Видимо, они чувствовали, что необходимо развернуть красную дорожку перед нами, особенно в маленьких городах типа Талса или Альбукерке, которые рок-банды не часто жалуют своим присутствием.

В Мемфисе нас ждал типичный первоклассный приём. Мы играли там в прошлом апреле, и отцы города с радостью встретили нас вновь. В полдень перед концертом мэр Мемфиса презентовал группе ключи от города в городском зале.

— Мемфис — дом Элвиса, — хвастался мэр. — Но вам, мальчики, всегда будут здесь рады.

Led Zeppelin всегда вели себя прилично на подобных мероприятиях. Но никто из нас толком не понимал, зачем нужно торчать там. Да, нам льстило, что нас ставят в один ряд с Элвисом и Карлом Перкинсом, когда вручали ключи от города. Питер сказал нам: «Я думаю, в этом есть ценность в плане пиара», но говорил неубедительно.

Джимми больше всех считал, что мы зря теряем время. Когда мы покинули офис мэра и направлялись к лимузинам, он бормотал:

— Эти городские тузы — скорее всего, те же люди, которые кричат на нас в аэропорту, чтобы мы постриглись. Вот дерьмо!

В тот вечер воздух раскалился до невозможности. Как и на других концертах, группа довела аудиторию до безумия. Но где-то в середине концерта несколько фэнов в десятитысячной толпе начали вести себя буйно. Они кидали стаканы пива в воздух, поджигали шутихи. В темноте распространялся сладкий запах марихуаны. Когда концерт достиг двухчасовой отметки, чувак, ответственный за аудиторию, назовём его Билл, вдруг резко возбудился.

Иногда мы сталкивались с непредсказуемым, а иногда и грубым отношением со стороны менеджмента концертных залов. Но в тот вечер даже я удивился тому, что произошло.

— Эй, друг! — Билл крикнул мне. — Сейчас здесь начнётся форменное безумие. Давайте прямо сейчас закончим концерт!

Я недоуменно глянул на Билла, не совсем понимая, шутит ли

он. Никто никогда не просил нас сократить концерт. Но Билл, судя по всему, был настроен серьёзно.

— Ты должен поговорить с тем большим парнем, — сказал я, указав на Питера.

Мы подошли к нему, и Билл повторил своё требование:

— Ваша группа должна покинуть сцену после этой песни! Концерт окончен!

Питер смерил его холодным взглядом.

— Мы этого не сделаем, — спокойно ответил он.

— У вас нет выбора. Шоу окончено. Если придётся, я вырублю электричество.

— Черта с два ты это сделаешь! — взревел Питер. — Какого хрена ты продаешь алкоголь на концерте, мудак? Вот что вызывает проблемы!

Билл подошел вплотную к Питеру и сунул руку в карман пальто.

— У меня есть кое-что, что заставит, блядь, тебя передумать, здоровяк.

Он не блефовал. Билл вытащил пистолет и ткнул им в рёбра Питера.

— Теперь ты мне веришь? — орал он.

Сцена казалась сюрреалистической. Власти города сидели в первом ряду, наслаждаясь музыкой почётных гостей Мемфиса. А Питер находился на грани смерти. Мы словно смотрели плохой второсортный фильм. Но я был напуган, и никто не смел пошевелиться.

Но Питер не запаниковал.

— Что за хуйня? — воскликнул он. — Мемфис дал нам ключи от вашего чёртова города, а теперь ты нас собираешься застрелить? Завтра вся американская пресса напишет об этом!

Билл призадумался. Он отступил, и тут парочка наших охранников схватили его и обезоружили, а потом швырнули об стену. Он без чувств сполз на пол. Цеппелины отыграли ещё один час безо всяких проблем.

Работая на том туре, я осознал растущую необходимость в более серьёзной охране. Группа ощущала приступы клаустрофобии, будучи запертой в номерах отелей, и настаивала на походах в бары и клубы. Им нравилось внимание, и они готовы были терпеть назойливых фанатов, слишком громких и навязчивых. Но я дико нервничал по поводу безопасности группы. В конце концов, мы находились в США, где оружие и насилие являлись образом жизни. Бывало, что я был напуган, бывало, я слишком остро реагировал.

После выступления в Мэдисон Сквер Гардене наши лимузины

отправились в клуб «Nobody's» на Бликер-стрит. Выпив пива, мы с Бонэмом пошли в туалет, где я заметил малого с трёхдневной щетиной, одетого в чёрную кожаную куртку. Не хватало только эмблемы «Ангелов ада» и мотоцикла.

Когда я подошёл к раковине, чтобы помыть руки, то встретился с ним взглядом. Он стоял совсем рядом справа от меня, его глаза смотрели в пустоту. Он был похож на оставшегося на свободе из банды Чарли Мэнсона.

Несколько секунд спустя он расстегнул куртку. Не говоря ни слова, он быстро вытащил нож из внутреннего кармана. Лезвие у ножа было сантиметров пятнадцать, им точно можно было нанести увечья.

Я не задал ни одного вопроса, а просто поднял правую руку, сжал мыльный кулак и нанёс удар по его подбородку. Он повалился назад, нож взлетел в воздух. Головой он ударился о кафель и осел на пол. Парень отрубился.

Бонэм, который только что вышел из туалетной кабинки, даже не подозревал о том, что здесь только что произошло и почему.

— Срань Господня! Это твой друг, Ричард? — спросил Бонзо, его взгляд привлекла кровь, сочившаяся изо рта бедняги; неподалёку лежал нож.

Я не ответил. Выйдя из туалета, мы вернулись за столик, бросив без сознания смутьяна и даже не попытавшись выяснить степень повреждений моего спарринг-партнёра перед отъездом в отель.

Возможно, я зашёл слишком далеко, а может, и нет. Но я слишком болезненно воспринимал творящееся вокруг нас. Иногда я делал ошибки. Но я не мог рисковать.

Концерт в Мэдисон Сквер Гардене установил рекорд — впервые группа собрала больше ста тысяч долларов за один вечер. На самом деле, они отыграли два вечера подряд.

В самолёте по дороге домой я сидел рядом с Джоном Полом, потягивал четвёртую порцию алкоголя и размышлял, какие меры безопасности нужно предпринять для следующего тура. Джон Пол сидел на соседнем месте. Для цеппелинов он был мысом Гибралтар. Он сделал свою работу. В этом туре больше, чем раньше, он избегал общества остальных. Наверное, он пытался отстраниться от наших безумств. А может, ему было достаточно собственного общества. И хотя Джонси не брезговал бухлом, но контролировал ситуацию больше других.

24. Лестница в небеса

Две недели спустя возвращения в Лондон альбом «Led Zeppelin III» ворвался в музыкальные магазины. Американский тур подогрел аппетит публики, и новый альбом пронёсся словно ураган. Предварительные заказы в США приблизились к 750 000 экземпляров, в Великобритании они превысили 60 000. В первый же день продаж альбом стал золотым.

Тем временем «Led Zeppelin II» не покидал сотню Биллборда. По результатам опроса читателей 1970-го года журналом Melody Maker группа Led Zeppelin была признана лучшей рок-группой, затмив The Beatles. Журнал объяснил успех группы таким образом:

«Высшие позиции Led Zeppelin феноменальны, но не совсем неожиданны. Вне всякого сомнения Zeppelin заслуживают всяческих похвал. В них есть магия, возможности и правильное отношение к делу создания музыки… Они сочетают подход формата традиционной поп-группы с возбуждением, драйвом и убеждающей весомостью современного рока».

Неплохо для группы, привыкшей к уколам враждебно настроенных критиков. Когда «Led Zeppelin III» вышел в свет, команда надеялась на более позитивный отклик от прессы, но Джимми не был настроен оптимистично.

Я еще не махнул на них рукой, но близок к этому.

— Как и ожидалось, одна за другой, рецензии выходили разгромными. Лестер Бэнгз, писавший для Rolling Stone, являл пример типичной реакции. Он писал о двояких чувствах относительно Zeppelin, «от неподдельного интереса и в основном непростительных надежд, частично из-за убеждения, что не может всё быть таким топорным».

Бэнгз продолжал: «Большая часть акустических вещей звучат как стандартный набор вещей «цеппов» минус децибелы, а тяжёлые бомбардировщики, скорее всего не вошли в Zeppelin III. В общем, когда я в первый раз услышал альбом, первым впечатлением явилось полная безликость песен».

Но ещё более безжалостно прокомментировала «Los Angeles Times» о том, что популярность цеппелинов может быть отнесена к пристрастию к наркотикам среди фанатов группы. «Частично их успех можно приписать возрастающей популярности барбитуратов и амфетамина среди подростковой рок-аудитории — наркотиков, которые приводят употребляющих их в состояние, восприимчивое к сокрушительному звуку и диким театральным представлениям, присущим только этой группе».

Бывало, рецензии пролетали мимо, не нанеся ни малейшего вреда. В другое время они подавляли. «Критики — это кучка мерзких журналюг, — с отвращением в голосе жаловался Роберт, сидя в офисе Питера, — Они критикуют, потому что у них нет таланта к созданию музыки».

Сразу после выхода «Led Zeppelin III» группа единогласно решила вернуться в студию, что можно было рассматривать в качестве защитного механизма: «Если критикам не нравится этот альбом, подождите следующего!»

Роберт и Джимми вернулись в Bron-Yr-Aur и начали писать песни для новой пластинки. Вдали от газет и телефонов они могли забыть о разочаровавшем приёме у критиков третьего альбома и вернуться к работе. Тем не менее, коттедж не выполнил роли творческой мекки, коей он был в прошлый раз. Песни для нового альбома будут сочинены позже прямо в студии.

Часть четвёртого альбома они записали в студии Island в Лондоне в декабре, но после Рождества Zeppelin перебрались в Хэдли Грейндж, снова положившись на мобильную студию. Дом располагал к работе, группа могла там расслабиться и позволить творческой энергии выплеснуться. В самом начале Бонзо бродил по дому, изучая комнату за комнатой. Наконец, он пожаловался: «Дом кажется более запущенным, чем в прошлый раз». Я ему напомнил, что тогда мы принесли в жертву богам перила, когда понадобилось разжечь огонь. «Владельцам дома лучше помолиться о хорошей погоде, или останутся одни опилки к концу недели», — сказал я.

«Misty Mountain Hop» написали в Грейндж, как и «The Battle of Evermore» и три других. А потом была «Stairway to Heaven». Роберт сочинил стихи во время репетиции, сидя перед шумным камином, пытаясь подобрать, как он выразился, описание духовного совершенства. Джимми послушал и был сражён наповал. С самого начала он чувствовал, что эта песня — нечто особенное, и Роберт затмил всё, что написал до этого.

Той же ночью Пейджи доработал песню до единого целого, используя «Телекастер», накладывая одну гитарную дорожку на другую, пока не достиг желаемой инструментальной гармонии. Он записал три разных не похожих друг на друга соло и выбрал в конце концов одно, лучшее, после ночи страданий над выбором.

Мелодия стала несомненно одной из самых популярных песен группы, хотя романтические баллады так сильно отличались от стандартного репертуара Led Zeppelin. И в то же время, песня сочетала в себе другие элементы, присущие группе — от приджазованных моментов до тяжёлого саунда в конце.

— Если какой-либо песне этой группы суждено выдержать

испытание временем, я думаю — это Stairway to Heaven, — сказал Джимми, сияя, словно гордящийся отец, после прослушивания получившегося результата в студии.

Он был прав. Песня станет одной из самых запрашиваемых на радио по обе стороны Атлантики.

Джимми настолько впечатлил текст Роберта для «Stairway to Heaven», что он решил не писать тексты.

— Не так уж и трудно принять решение, — решил он. — Роберт сильно вырос как сочинитель.

Пейджи сказал Роберту, что у группы появился новый превосходный автор лирики:

— Теперь я полагаюсь на твой талант.

Чем больше Джимми проводил времени в студии, тем более помешанным на каждой песне нового альбома и как можно её улучшить, он становился. Он слушал определённые куски отдельных песен, а затем прослушивал продукт целиком. Сводя «The Battle of Evermore», вещь с влиянием фолка, они с Робертом спорили о том, как ей придать более характерный звук. Роберт считал, что нужен другой голос, чтобы добавить красок. Наконец, он предложил пригласить Сэнди Дэнни спеть дуэтом. Дэнни, сопрано из группы Fairport Convention, решила, что Роберт шутит, когда получила SOS от Планта. Zeppelin имели репутацию «закрытого клуба», куда редко приглашают других музыкантов для участия или в сессиях звукозаписи, или для живых выступлений. Но Роберт убедил её, что всё — на самом деле. Сэнди спела контрапунктом к партии Роберта, словно глашатай, представляющий глас народа, поддерживаемый богатой текстурой акустической гитары и мандолины.

Запись четвёртого альбома закончилась в феврале 1971-го. При подготовке к изданию были разговоры назвать альбом «Led Zeppelin IV». Но Джимми был против. Он всё ещё был зол на критиков, и чтобы как-то им отомстить или смутить их, не хотел вообще никак не называть пластинку. Он даже не хотел видеть название группы на пластинке, и даже номер по каталогу.

— Всё, что имеет значение — это музыка, — приводил доводы Джимми. — Пусть люди покупают пластинку потому, что им нравится музыка. Не хочу никаких надписей на конверте! Точка!

Руководство Atlantic Records возмутилось требованием Джимми.

— Альбом без названия, — восклицали они. — Альбом без имени артиста! Вы сами себе подписываете смертный приговор!

Но команда не сдавалась. В отчаянной попытке Atlantic попытались убедить их хотя бы написать Led Zeppelin на ребре

конверта. Цеппелины отказались.

Отношения между рекорд-лейблом и группой были натянутыми ещё до споров касательно названия альбома. Питер так разочаровался рекорд-компанией, что не разговаривал с некоторыми директорами. Проблемы возникли из-за просьб выпустить синглы с альбома. Питер, в свою очередь, последовательно и твёрдо отказывался. Когда Atlantic предложила «Whole Lotta Love» в качестве идеального выбора для сингла, Питер просто посмеялся. То же случилось и с «Immigrant Song». Список разрастался.

Один из вице-президентов компании позвонил в наш офис и пытался урезонить меня, видимо полагая, что я смогу повлиять на Питера.

Эти песни и так играют по радио, как будто они вышли на синглах, — убеждал он меня. — Почему бы не облегчить им жизнь, да и поклонникам, и выпустить синглы?

У Питера было своё мнение:

— Если мы не выпускаем сингл, люди купят альбом, если хотят услышать одну из песен. Вещи типа «Whole Lotta Love» в любом случае слишком длинные для синглов. И чёрта с два мы обрежем их до двух с половиной минут, чтобы ублажить программных директоров радиостанций.

Видимо Питер говорил на иностранном языке. Боссы Atlantic постоянно указывали на то, что благодаря синглам группа получает больше времени на радио, но и создают дополнительные каналы продаж пластинок. Но Питера убедить не могли.

Короче, у компании были свои планы. Они приняли беспрецедентное, одностороннее решение издать сингл с «Whole Lotta Love» в Штатах. Меньше, чем за месяц сингл разошелся тиражом более миллиона экземпляров. Но Led Zeppelin цифры не волновали.

— Они всадили нам нож в спину! — ревел Питер. — Мы сказали им не делать этого, а они, блядь, всё равно поступили по-своему.

Если бы группа ещё не подписала контракт, они могли в 1970-м покинуть судно.

По словам Фила Карсона, который только приступил к руководству лондонским офисом Atlantic, на него легла основная тяжесть переговоров с Led Zeppelin. Фил рассказывал, что они с Питером чуть до насилия не дошли. Питер едва контролировал себя на одной из встреч, он в ярости колошматил по столам и конторкам. Фил, который до этого играл на басе в Springfields (группе Дасти Спрингфилд), видимо задавался вопросом, зачем

ему захотелось стать руководителем звукозаписывающей компании и иметь дело с непредсказуемым темпераментом музыкантов и их менеджеров.

В какой-то момент, когда Питер вспыхнул, а Фил попятился к окну, он решил, что его дни сочтены. Фил знал про профессиональную борцовскую карьеру Питера, который поднимал противников над канатами и выбрасывал тех с ринга. Фил представил, как он вылетает из окна и вниз головой стремится к земле, словно отключённая ракета. В тот момент он предпочёл бы прыгнуть в бочке с Ниагарского водопада.

Фил убедил Питера, что он использует всё своё влияние, чтобы ни один сингл больше не был издан. В Великобритании ему это удалось.

Проблемы только усилили решимость группы. В борьбе за безымянный четвёртый альбом группа не собиралась уступать ни на йоту. «Или — или», — заявил Джимми компании. Он был достаточно зол для того, чтобы задержать выпуск альбома из-за затянувшихся споров.

Последовала серия задержек выхода альбомов, до октября 1971 года. Джимми слетал в Лос-Анджелес для микширования треков в студии Сансет Саунд. Но никому, даже самому Пейджи, не понравился результат. В Лос-Анджелесе звучало великолепно, но в Лондоне качество плёнок не впечатлило.

— Каким-то образом я получил неправильный звук, — пожаловался Джимми. — Ты летишь девять тысяч километров, потому что оборудование там высококлассное, а вышло так, что я мог получить лучший звук здесь в студии в Лондоне, проехав всего десять минут. Странно.

В довершение к трудностям с Atlantic, стресса добавили проблемы со звуком.

В общем, Atlantic согласились с условиями группы. Альбом издадут без названия и без единой надписи на конверте. На передней стороне будет фотография старого отшельника, нагруженного хворостом, в окружении тростника.

Многие месяцы и даже годы фэны и критики до хрипоты спорили, что символизирует фотография; для Джимми, который глубже погружался в метафизическое чтение, отшельник символизировал мудрость, уверенность в своих силах и гармонию с природой.

Джимми собрал большую коллекцию книг по оккультизму и сверхъестественным силам. Он никогда не распространялся о своих увлечениях и не пытался заинтересовать нас какой-либо метафизической концепцией. Но нам это казалось, тем не менее, немного странным. Никого из нас не волновало, на какой волне

находится Джимми в данный момент.

Для нового альбома Джимми предложил каждому члену группы выбрать метафизический символ для обложки. Они были позаимствованы в основном из рунической книги, которую Джимми показал остальным. Роберт выбрал перо в окружности, знак мира. Бонзо согласился на рисунок из трёх колец, знак единства. (Позже, в группе шутили, что знак Бонзо поразительно походил на эмблему пива «Баллантайн».) Символ Джона Пола — три овала, сходящиеся с кругом — представляют знание и уверенность в себе. Джимми нарисовал собственный символ, который можно было прочитать как «zoso». Он отрицал, что это слово и никогда не говорил никому из нас, что он значило, если вообще что-то значило.

Поклонники придумали альбому разные названия — «Четыре символа» и Zoso были самыми популярными. Но он был безымянным, как группа и хотела.

Пока новый альбом не был отгружен в магазины, группа испытывала тревогу. Вдруг Atlantic изменит своему слову издать альбом в безымянном конверте?

— Я не доверяю этих сволочам, — говорил Бонэм. — Мы — артисты. Они должны слушать нас, а не маркетологов.

25. Работа с носом

— Не стоит из-за этого попадать в тюрьму, Бонзо. Поехали отсюда.

Я держал правую руку на плече Джона Бонэма, стараясь вытолкнуть его из кухни гостиничного ресторана в Дублине. Его руки упёрлись мне в грудь, он хотел оттолкнуть меня и кинуться на повара, размахивавшего ножом для разделки мяса и готового к схватке, словно фехтовальщик в ожидании поединка.

— Эй ты, говнюк, — обратился к нему Бонэм. — Всё, что я хотел, просто пожрать, чёрт тебя возьми. А ты что устроил?

После концерта на стадионе Боксинг в Дублине, мы вернулись в отель, и Бонэм отправился на кухню. Наступила полночь, и ресторан тридцать минут, как закрылся. Бонзо хотел перекусить и не принимал отказа. Бонзо был самым своевольным, самым дерзким членом группы, хотя у него была и нежная, любящая сторона характера.

В марте 1971-го группа отправилась на гастроли. Прошло почти полгода после последнего концерта, и Питер посоветовал им вернуться на сцену, чем вызвал смешанную реакцию. Они уже не нуждались в деньгах от выступлений. И жгучего энтузиазма тоже не было, дабы разжечь возбуждение, которое неизбежно приходит с живым шоу. Группа сыграла около 250 раз за первые два года, и чувства, что «мы сделали это», уже не ощущалось.

Но Питер заводил одну и ту же пластинку о необходимости обратить взор на Америку. Он надеялся, что группа проведёт там как минимум месяц летом, но не хотел, чтобы они были не в форме перед началом тура. Питер не держал их в ежовых рукавицах, и они до сих пор полностью доверяли ему и следовали по тому пути, который менеджер предлагал. Когда наступила весна, Питер убедил цеппелинов подписаться на серию концертов в Ирландии и Великобритании, с возможностью сыграть несколько шоу в Европе.

— Вы поддержите свой тонус, — отметил он. — И налогами обложат не сильно.

В каком-то смысле два концерта в Ирландии были уникальными. Английские группы обычно избегали Ирландию с конца шестидесятых, когда возник конфликт между протестантами и католиками. На улицах творился хаос. Но Led Zeppelin согласились сыграть два концерта, хотя нас предупредили о бомбах, похищениях и прочих террористических актах, которые случались чуть ли не каждый день в различных частях Ирландии и Северной Ирландии.

Джимми не сильно волновался:

— Не вижу причин, чтобы Led Zeppelin стали мишенью. Если уж на то пошло, может нам удастся заставить людей забыть о безумии, творящемся вокруг них.

За несколько часов до концерта в Белфасте возникло противостояние между полицией и демонстрантами в миле от Ольстер Холла, где должна была сыграть группа. Один человек погиб. Двоих полицейских госпитализировали. Четыре машины взорвали. Когда вести о насилии достигли нас, я сильно забеспокоился. Самая нервная часть моей работы заключалась в обеспечении безопасностью членов группы, и поездка в Ирландию напоминала прогулку в логово льва. Я поделился опасениями с Питером, но тот посчитал, что дополнительных мер безопасности не нужно. Но я не на шутку испугался, но не обсуждал это с группой из соображений, что нет смысла распространять вокруг себя излишнюю нервозность.

После концерта нас ожидали лимузины, чтобы мы могли быстро смыться и отправиться в Дублин для следующего концерта. Мне требовалось нечто для успокоения нервов, и никто не возражал против пополнения запасов. Я заранее съездил в винный магазин, и в лимузине каждого ожидала бутылка ирландского виски Jameson.

— Удивительно, как быстро пролетает поездка с товаром, — заметил Роберт. — Ричард, ты должен купить виски про запас.

Я предусмотрел это. Багажник был заполнен бутылками.

Мы проезжали через бедные кварталы по дороге в Дублин. На дорогах стояли танки. По тротуарам гуляли солдаты, с ружьями через плечо. Окна в домах были заколочены, в них зияли дыры от камней, брошенных мятежниками. Несколько зданий были полностью разрушены бомбёжкой. Отрезвляющее зрелище.

По достижению Дублина мы прикончили по паре бутылок виски. И даже после концерта несколько бокалов не помогли Бонзо удержать себя в руках, когда он отправился в поисках еды.

Наш шофёр сопровождал Бонэма на кухню, и когда ссора перешла в стычку, он кинулся звонить мне в номер:

— Тебе лучше спуститься, пока Джон не убил кого-нибудь, или наоборот.

Я рванул по лестнице вниз и ворвался в кухню, когда Бонэм и повар стояли друг против друга вокруг стола.

— Я сказал тебе, что мы закрылись, придурок! — орал шеф-повар. — Мы не подаём еду после половины двенадцатого!

— Я не прошу пять смен блюд, — ответил Бонзо. — Мне хватит сандвича, твою мать. Я даже сам его себе сделаю, если тебе лень!

Повар угрожающе размахивал ножом; таким можно нацарапать инициале на коже бронтозавра.

— Я тебя сейчас разделаю как хлеб в хлеборезке!

Бонэм не испугался. Он двинулся вокруг стола в направлении врага. Я не мог поверить своим глазам. Когда Питер поставил в план Ирландию, я опасался гражданской войны, но не ожидал, что настоящая опасность будет исходить от повара в кухне ресторана!

Я быстро встал на пути Бонзо и толкнул его назад. Он упрямо лез вперёд. И тогда я врезал правой рукой, целясь в нос.

Попал! Бонэм пошатнулся, сделал несколько шагов, споткнулся об стул и упал на одно колено. Из носа била кровь — столько, что если бы мы бились за деньги, ему засчитали технический нокаут.

— Блядь! — завопил Бонзо, осторожно потирая нос тыльной стороной ладони. — Коул, ты на чьей стороне, сука?

— Когда протрезвеешь, то ещё поблагодаришь меня, — был мой ответ. Я понимал, что у него не было шанса. Схватив его за рубашку, я вытащил его из кухни. — Парень готов тебя порвать, как Тузик грелку!

Возможно, я избавил Бонэма от шрамов и швов, но нам всё равно требовалась медицинская помощь. Я сломал Бонэму нос, а мой кулак был изуродован, как у самого Джо Фрейзера.

Пока мы ждали доктора, Бонэм сказал:

— Как я могу благодарить тебя?

Его слова источали сарказм, затем на смену пришёл гнев.

— Я лучше скажу Питеру, чтобы он вышвырнул твою задницу! Если мне удастся, Питер уволит тебя!

На следующий день Питер был не в настроении что-либо делать. По возвращении из больницы я зашёл к Питеру в номер, чтобы объяснить происшедшее. В номере лежали бутылки шампанского, никто не считал — сколько. Мы прикончили их за три часа. Позже мы осушили тридцать чашек ирландского кофе, который не сильно помог.

Мы в последний раз лечили похмелье с помощью кофе!

Часть 13

26. Второй разряд

Вернувшись в Англию Zeppelin не перестали выступать: в этот раз их ждал тур «Назад в клубы». Идея принадлежала Питеру. Несмотря на огромный успех, Питер не забывал о ранних днях, когда группа боролась за внимание у себя дома. В тесных клубах им приходилось играть в те времена, их поддерживали немногочисленные, но верные последователи. И Питер хотел отблагодарить их.

— Новым туром мы как бы скажем «спасибо» тем фанатам, которые были с нами с шестьдесят восьмого и шестьдесят девятого, — так описал свою идею Питер. В конце марта мы сыграли в дюжине клубов, включая Марки в Лондоне, Мэйфэйр Болрум в Ньюкасле, Боут Клаб в Ноттингеме и Степмазерс в Бирмингеме. Эти концерты с аудиторией в 300–400 людей являли собой полный контраст к фестивалю в Бате.

Сама концепция тура оказалась привлекательнее, чем реальность. Никому он не понравился. Клубы маленькие, спрос на группу, естественно, был выше, чем прежде. Они были популярнейшим коллективом в мире, и буквально тысячи людей толклись у дверей. Разочарованные фанаты иногда выплескивали свой гнев и разочарование на всё, что попадалось на пути — будь то вышибалы клуба или уличные фонари. Пару раз пришлось вызывать полицию для предотвращения беспорядков.

После ужасов Ирландии я настоял на двух телохранителях, и Питер согласился. Два крепыша, Пэтси Коллинз и Джим Каллахан, немного успокоили меня во время британского тура. Тем не менее, турне «Назад в клубы» не обошлось без инцидентов. В Ноттингеме некто лет двадцати пяти с дьявольским выражением лица подобрался к сцене и застыл на пару минут, в то время как исполнялась «Whole Lotta Love». У него за поясом висел нож. И хотя он его не вынимал, я решил не испытывать судьбу. Поспешив к кромке сцены, я накрыл парня собой, припечатав урода к земле. А потом с помощью Пэтси мы утащили его за сцену, где конфисковали нож. Мы его помяли слегка, разбили лицо и порвали рубашку.

— Зачем тебя нож, мать твою? — я стоял над ним, готовый нанести очередной удар.

— Моя подружка любит Роберта Планта, — бубнил он. — Меня бесит, что она без ума от него. Иногда мне хочется убить их обоих.

— Смешно, — ответил я. — А мне хочется прикончить тебя!

Открытой ладонью я ударил по его лицу, на щеке остался

след.

— Если хочешь дожить до завтра, лучше не подходи близко к сцене до конца вечера, — я вытолкал паря обратно в толпу.

Когда мы играли в Мэйфэйр, перед выходом на сцену Джимми жаловался по поводу всего тура.

— После больших залов, эти маленькие клубы — сплошное убийство. Приятно находиться рядом с аудиторией, но мы забыли, что гримёрки такие маленькие. В это трудно поверить. На этом этапе карьеры мы имеем право на большую роскошь, чем могут предложить клубы.

На больших площадках цеппелины испортились быстро. Они привыкли к большим гримёркам и хорошему обслуживанию. Они ожидали отличную аппаратуру, а не кустарные усилки и перегруженные фузз-боксы, которые сдыхают к середине концерта. Коллективу не терпелось показать поклонникам песни с нового альбома — вещи типа «Stairway to Heaven», «Rock and Roll» и «Black Dog» — я видел, как их раздражает скрип, визг и вой аппаратуры.

Особой финансовой прибыли тоже не было. Группа получала процент от кассы, но когда в зал набивается триста пятьдесят, доли музыкантов хватало только на бензин и, возможно, на несколько бутылок виски.

— Это не Мэдисон Сквер Гарден, — сдержанно согласился Питер.

Но он всё равно считал, что эксперимент стоил того, по крайней мере в отношении пиара. Но повторить «Возврат в клубы» не предлагал. Да и никто не хотел.

Для меня самый памятный случай произошёл в новом отеле в Манчестере. Цеппелины отыграли концерт в Престоне, но поскольку мы не смогли снять номера в самом городе, пришлось ехать в Манчестер, чтобы на следующий день сесть на поезд до Лондона. Отель являл собой парочку галактик, отдалённых от пятизвёздочной гостиницы, но это было единственное приличное место, которое промоутер Тони Смит смог найти за короткий срок.

— Вам понравится, — шутил Тони. — Крысам предоставляют отдельные номера, так что они не беспокоят гостей, разве что во время приёма пищи.

По какой-то причине на концерте в Престоне Пэтси Коллинз и Джим Каллахан решили, что если порвать мои джинсы, получится отличная шутка. Они набросились на меня, а потом ушли исполнять свои обязанности. Пока группа играла «You Shook Me» в нескольких метрах от нас, с меня сняли джинсы и разодрали в клочья. У меня самого странное чувство юмора,

шутку я оценил, но ехать до Манчестера в исподнем не совсем комфортно. Насколько я помню, отмораживать задницу изначально не входило в обязанности тур-менеджера Led Zeppelin.

При въезде в отель я прокрался внутрь через боковую дверь, чтобы не беспокоить людей в холле. В шкафу номера к моей радости висела одежда официанта — почти моего размера. Мы собирались посетить клуб «У мистера Смита» в Манчестере, и я вырядился в форму официанта. Бонэм посчитал, что мой внешний вид вызовет смешки, я же думал, что в трусах будет не так весело.

«Мистер Смит» оказался высококлассным клубом — обслуживание за столом и девушки повсюду. Сервис, правда, был не на высоте. Zeppelin не были той группой, которая любила ждать долго, пока принесут выпивку. Мы заказали вино, но через десять минут его ещё не подали.

— Коул, за работу! — наконец сказал Бонзо.

— В смысле?

— На тебе форма официанта! Принеси нам бухло!

— Что за фигня, подумал я, но разгладил лацканы и пошёл в бар. Я прикинулся, что работаю здесь, и разжился бутылками Мускаде и французского бургундского.

В клубе находилось столько людей, что другие официанты были несколько смущены и озадачены моим присутствием, но никто не двинул и бровью. Должно быть, я показался им новичком.

— О, официант! — притворно закричал Бонзо высоким голосом. — Как насчёт шнапса? Столько, сколько сможешь принести — за десять ходок!

Он истерично заржал.

Два часа я наполнял бокалы пьяниц за столиком цеппов. При каждой возможности я сам принимал на грудь. Выпивка была за счёт заведения в тот вечер.

Перед возвращением в отеле мы уговорили нескольких девушек поехать с нами. Мы так надрались, что не могли отыскать свои номера, и остались в комнате Тони Смита, где продолжили пить из бутылок, которые я спёр из клуба. Джимми утащил одну из девушек в ванную, и мы услышали, что полилась вода.

— Джимми снова извращается, — сказал Плант.

Спустя какое-то время я почуял запах дыма из ванной.

— Что там происходит, — сказал я, врываясь в ванную, и увидел, что Джимми удалось разжечь огонь в раковине с помощью газет и полотенец. Я крикнул о помощи.

Роберт молниеносно побежал в коридор и сломал стекло на

стенде для пожаротушения, которое активировало пожарную тревогу. Полилась вода, и пламя успешно было потушено, как раз перед тем, как менеджер вбежал в номер.

— Блин! — воскликнул он. — Что вы наделали, гады?

Роберт думал быстрее нас.

— Это религиозный обряд, — ответил он спокойно. — Мой друг — очень набожный человек, очень духовный. Он читал молитву, используя древние ритуалы предков. Очень волнительная церемония.

Джимми выглядел смущённым:

— Да, извините за беспокойство. Всё закончилось!

Менеджер был очень зол. Кажется, он не купился на объяснения Роберта. И хотя группа выходила сухими из подобных передряг, в этот раз у нас могли возникнуть проблемы.

— Я думаю, нам нужно быстро отсюда смываться, — прошептал я Джимми. Пока дежурный менеджер подсчитывал убытки в ванной, мы собрали манатки и девчонок и украдкой поспешили вниз к лимузинам. Мы направились прямо в Лондон, минуя вокзал.

Кстати, мы так и не выяснили, зачем Джимми устроил пожар в ванной. Конечно, у него усилилось увлечение оккультизмом. Возможно, огонь имел какое-то отношение. Когда я спросил Джимми об этом, всё что он сказал, было:

— Мне больше нравится версия Перси. Скажем так — это был древний обряд, сгоревший в огне.

27. Фотографии членов группы

В самом имени Копенгаген было что-то распутное. Возможно, из-за воспоминаний о секс-клубах, всплывавших каждый раз, когда Питер упоминал о возможности посещения Дании. А может быть, из-за борделей, баров и прочих ночных приключений.

В июне и июле 1971 года Zeppelin вернулись на большие площадки — глоток свежего воздуха после тесных клубов.

— Тебя, блин, словно в смирительную рубашку засунули, — поделился впечатлениями Роберт о клубном турне.

И когда Питер устроил европейский тур по Дании, Швеции, Германии, Австрии и Италии, мы вернулись на арены цеппелиновского масштаба.

По всей Европе аудитории реагировали почти безумно на «Stairway to Heaven». Когда группа играла в КБ-Халлен в Копенгагене, до выхода четвёртого альбома оставалось ещё несколько месяцев. Но судя по неистовству публики в тот вечер, когда Роберт вёл толпу через неотразимое путешествие по «Stairway to Heaven», можно подумать, что песня находилась на вершине чартов несколько недель. Слухи о композиции подогрели энтузиазм публики. И когда Плант представлял её как «нечто эпическое», а Джимми начинал прославленный перебор на красном двухгрифовом Gibson SG, исполнение этой отдельной вещи стало событием само по себе.

— Бьюсь об заклад, в зале сотня магнитофонов записывает «Stairway to Heaven», — говорил Питер. — Пираты наварятся на ней.

По окончании шоу Джимми только и мог покачать головой.

— У нас в руках настоящий монстр, — отметил он, опьянённый реакцией на «Stairway to Heaven». — Она — одна из тех песен, которые живут своей жизнью.

Пейджи знал, что каждый музыкант ждёт подобную песню. Led Zeppelin удалось создать такую.

После концерта Роберт, Бонзо, Питер и я отправились по барам. Мы шатались от одного к другому, решив прожить ночь, пока хватит адреналина.

Когда мы вошли в довольно шумный кабак, Роберт сказал:

— Интересно, чем мы тут можем поживиться.

Через десять минут мы встретили крутую блондинку, стройную, с пухлыми губами. От такой красотки у меня разыгралось воображение. Она не узнала музыкантов, но когда мы представились, стала намного дружелюбнее. Роберт сказал:

— Нам нужно найти укромное место.

Но каждый угол был занят, так что я взял девушку за руку и повёл всех в мужской туалет.

— Мы скоро выйдем, — сказал я Роберту, и увёл девушку в кабинку, закрыв за собой дверь. Я спустил штаны и сел на унитаз. Не говоря ни слова, подруга встала на колени передо мной и стала делать минет. Одно из преимуществ работы тур-менеджера.

Я слышал, как Роберт мечется в нетерпении по туалету.

— Давай быстрее, Коул. — сказал он так громко, что раздалось эхо.

— Терпение — это добродетель, — ответил я, находясь в возбуждении.

Роберт не унимался.

— Расслабься, Перси, — крикнул я. — Её рот не испортится.

И тогда терпение Роберта лопнуло. Словно чёрный пояс по карате, он поднял правую ноу и ударил по двери кабинки. От удара защёлка не выдержала, дверь рванула с такой силой, что блондинку толкнуло на меня. Меня подбросило назад и вверх, унитаз раскололся, и кусок фарфора впился в мою задницу, из которой хлынула кровь.

— Ты — сука, твою мать! — заорал я на Роберта, схватившись за зад, быстро пытаясь понять, всё ли там цело. — Ты что, не мог подождать немного?

Вообще-то, мне следовало благодарить судьбу, что девушка от удара не сомкнула челюсти, иначе увечье могло быть более серьёзным, чем кровоточащая жопа.

— Это тебя будет наукой, — взревел Роберт. Он посмеивался над дурацким видом тур-менеджера, прикладывающего туалетную бумагу к ране. Испуганная блондинка на карачках поползла к выходу.

— Теперь я буду первым, — сказал Роберт.

Я был недоволен. Не только потому, что девушка так и не закончила свою миссию, но и потому что мне придётся сидеть аккуратно несколько дней.

— Почему бы тебе не пойти с нами в отель? — Роберт хотел уговорить девушку. Но её перепугал произошедший инцидент.

— Нет, спасибо. — ответила она, проверяя, все ли зубы целы. — Я лучше поеду домой. Мой друг ждёт меня в баре. Да, нам точно стоит пойти домой.

Роберт сердито посмотрел на меня, будто я испортил ему вечер. Затем он засмеялся:

— Ты выглядишь как дурак, прикрывая жопу.

И что тут смешного?

Вернувшись в отель, мы притормозили в холле и снова принялись выяснять отношения. С самых ранних дней мы так и не

стали особенно близки. Искра раздора долго тлела, и в конце концов из него разгоралось пламя. И хотя мы в основном очень корректно относились друг к другу, случаи, подобные этому, поднимали на поверхность нашу вражду.

— Жаль, что она не откусила его тебе! — кричал он, вследствие чего несколько голов повернулось в нашу сторону. Мы начали пихать друг друга, толкаться локтями и приправлять язык перчёными выражениями. Служба безопасности отеля подошла, чтобы разнять нас, клерк на стойке вызвал полицию.

— Это — мои сыновья, — объяснил Питер полицейским, появившимся пару минут спустя. — Я присмотрю за ними.

Питера больше всех развеселила данная история. Но по дороге к лифту он притворился, будто собирается отчитать нас.

— Вы можете разобраться наверху, — сказал он, стараясь сохранить строгое выражение лица перед менеджерами отеля.

— Только не шлёпайте по попке, — попросил я.

Честно говоря, я был готов ехать домой. Но к концу европейского тура мы столкнулись с более травматичным инцидентом — настолько, что жизни и здоровью членов группы грозила реальная опасность. В целом, проблем с безопасностью практически не было, но я не мог заснуть, постоянно думая о потенциальных угрозах. На концерте в Милане представление превратилось в сущий кошмар.

Группа должна была выступать на велодроме Вигорелли на фестивале, спонсируемом правительством. С нами выступало восемнадцать других артистов. Тогда Zeppelin обычно требовали — и получали — оплату вперёд, включая билеты на самолёт. Мы делали это в качестве меры предосторожности против непредвиденных случаев, от которых не застрахован даже самый тщательно спланированный концерт, такой, как в Милане. Позже Питер скажет:

— Миланский фестиваль — классический случай, почему мы не должны распаковывать инструменты, пока не чек не будет обналичен.

Почти пятнадцать тысяч человек набилось на итальянский стадион, и, наблюдая за толпой, мне показалось, что она ведёт себя прилично. Но за полчаса до начала сета Led Zeppelin, на галёрке раздалось несколько взрывов, и над стадионом нависли облака дыма.

Я подумал, что полиция возьмёт под контроль аудиторию, но обстановка становилась более хаотичной.

— Я задушу этих мудаков, — сказал я роуди Мику Хинтону, врываясь в толпу. Я быстро смекнул, что мне самому стоит присмотреть за этими хулиганами.

Но, прокладывая путь к месту происшествия, я удивлялся больше и больше. Настоящую анархию устроила полиция, а не поклонники! Полиция распоясалась и усмиряла толпу дубинками и слезоточивым газом. Задыхаясь и кашляя, дети в панике разбегались в разные стороны, в том числе и к сцене. Разгоралось настоящее столпотворение.

По иронии судьбы, при въезде на стадион я был впечатлён видом дюжины полицейских и солдат, патрулировавших ворота и основные проходы. Они были вооружены щитами, готовые подавить любой намёк на беспорядки.

— Если бы все концерты были бы так организованы, я чувствовал бы себя намного спокойнее, — сказал я Питеру. Я ещё не знал, какую ерунду сморозил.

Обстановка ухудшалась, но музыканты решили всё равно выйти на сцену. Сет начался с «Immigrant Song», затем последовали вещи с четвёртого альбома. Но впервые в карьере группы музыку затмило происходящее в толпе. Я вернулся к сцене. В то время, когда команда продолжала играть, поклонники буквально запрыгивали на сцену в отчаянной попытке укрыться от слезоточивого газа и угрозы быть растоптанными набегающими сзади.

— Пожалуйста! — просил Роберт в микрофон между песнями. — Не паникуйте! Мы продолжим играть, если вы успокоитесь!

Питер, который обычно спокойно относился к подобным вещам, был сильно обеспокоен.

— Грёбаные копы сами подстрекают толпу, — воскликнул он. — Вообще нелепо.

Подавленный Роберт повернулся к Джимми и спросил:

— Как по-итальянски сказать «успокойтесь»? Чёрт, это ужасно.

Площадь за сценой быстро наполнилась людьми. Фанаты тёрли глаза, слёзы ручьём текли из их глаз, у многих были синяки. В некоторых случаях они засовывали в карманы всё, что попадалось под руки, или можно было утащить на спине. Истинная анархия.

Через тридцать минут после начала сета, мы с Питером решили, что пора закругляться. Фэны бегали по сцене в поисках безопасного места. Другие просто сидели на сцене, наблюдая за разворачивающимся хаосом на стадионе.

Даже телохранители, выделенные устроителями, были напуганы и убежали со своих позиций, оставив сцену незащищённой. К этому моменту я был в ужасе и сильно переживал за наши жизни. Я понимал, что нам нужно уходить, но

не видел, как.

В конце концов, когда Zeppelin играли «Communication Breakdown», кто-то бросил бутылку пива, которая попала в лоб Мику Хинтону. Он едва не потерял сознание. Рана начала кровоточить. Почти сразу баллон со слезоточивым газом разорвался метрах в десяти от сцены.

— Место превращается в зону военных действий, твою мать! — заорал я. И тогда Питер приказал музыкантам покинуть сцену.

— Выводи мальчиков отсюда, — крикнул мне Питер и побежал к группе. Мы схватили Роберта и Джона Пола за шкирку и повели их сквозь дым. Бонэм и Джимми бежали позади нас. Газ был такой плотный, что нам пришлось идти на ощупь, словно через лондонский туман, прибавьте сюда жжение в глазах. Мы слышали, как разорвалось ещё несколько баллонов, пока мы бежали по туннелю, уже наполненному газом. Я сильнее запаниковал, пока искал выход.

С помощью Гаса, водителя лимузина, мы смогли дойти до комнаты первой помощи, я запер дверь, как только мы вошли. Джимми кашлял и задыхался. Мы все тёрли глаза. Но мы были в безопасности.

Нам пришлось проторчать в комнате около часа, пока снаружи не стихло. Иногда в дверь стучали, вероятно, фэны искали безопасное место.

— Если кто-нибудь откроет дверь, я сам ему сверну шею, — крикнул Питер. — Десять тысяч человек готовы ворваться сюда!

Роуди спасли гитары Джимми и Джона Пола и спрятали их в другой комнате служебного помещения. Но барабаны Бонэма остались на сцене. Он расхаживал по комнате взад и вперёд, но понимал, что ударную установку разобрали на мелкие кусочки.

Led Zeppelin так и не вышли на сцену. От сцены мало что осталось после того, как буяны разобрали её. Десять вооружённых до зубов полицейских сопроводили нас при выходе из стадиона, через час после того, как мы спрятались.

В самолёте преобладало мрачное настроение.

— Не ожидал такого дерьма на рок-концерте, — поделился мыслями подавленный Джон Пол. — Фанаты пришли послушать музыку, а не подставлять головы под удары, а тела под ноги. На чьей стороне копы?

Роберт ерошил волосы и едва не плакал.

— Я пытался успокоить их. Но долбаные копы вышли из-под контроля. Что за кошмар! Какой, мать его, кошмар!

Led Zeppelin никогда больше не играли в Италии. Мы насмотрелись на Италию на несколько жизней вперёд.

Потребовалось некоторое время, чтобы прийти в себя от миланского безобразия. Питер твердил:

— Я просто не понимаю. Ничего подобного никогда не должно произойти.

Длинный перерыв пошёл всем на пользу: можно перевести дух и подумать, в каком направлении двигаться дальше. Но Питер уже наметил даты для летнего тура по Северной Америке со стартом в Ванкувере 19 августа.

На повестке стоял тридцать один концерт, включая три в лос-анджелесском Форуме, два в Бостон Гардене и один Мэдисон Сквер Гардене. Тур принесёт один миллион долларов.

Это был седьмой тур по Америке, и новизна пребывания в Штатах — и гастролей в целом, — истощилась. Каждый концерт — аншлаг, каждая толпа охвачена фанатизмом. Но случай в Милане сказался на нас. Когда мы приехали в Америку, группа вела себя затворниками при переезде из города в город, выходя из отеля только на концерты. Временами Джимми предпринимал вылазки в антикварные магазины в Новом Орлеане и Далласе, но такие прогулки были исключением из правила.

— Я никогда не думал, что гастроли станут такой скукотищей, — сказал Роберт. — Но это так.

В этот раз не было так весело, как обычно.

Мы с Питером много говорили о безопасности и согласились, что чем больше времени проведём в отеле, подальше от безумной толпы, тем лучше. Мы нанимали людей, которые приносили всё, что нам нужно: от самой дорогой еды до девочек. В Монреале мы остановились в отеле «Королева Елизавета», поселившись там за день до концерта. Вечером в наш с Питером номер зашёл Бонзо, и мы начали предаваться воспоминаниям о доме. Позвонив в сервис отеля, мы заказали несколько порций любимого блюда — яйца с картошкой с тёмным соусом. Не важно, сколько стоят деликатесы — мы могли позволить любой, но мы не могли пройти мимо такого простого блюда.

Едва закончив трапезу, мы услышали стук в дверь. Я ответил, и в комнату вошли две молодые девушки — рыжая и брюнетка.

— Привет, — сказала рыженькая. — Мы встречались в Нью-Йорке в прошлом году. Я подумала, что неплохо зайти и поздороваться.

Я пригласил их в номер, через полчаса Питер вышел, а я остался в постели с девушками. Обычно так быстро всё и происходило. Никакого ухаживания или игр, меня интересовал секс. Их, скорее всего, тоже.

Бонзо не обращал внимания на нашу вечеринку и смотрел телевизор в гостиной. Ему не доставляло неудобства наше

занятие любовью в нескольких метрах. Но шум, издаваемый одной из девушек, доставал его. Он поднял одну из её туфель возле входной двери.

— Дам-ка я ей кое-что, из-за чего стоит кричать!

Он снял штаны — и туфля наполнилось говном!

Когда брюнетка вышла за обувью, она обнаружила сувенир от Бонзо. Лицо исказилось от страха, но она не решилась сказать что-либо. Девушка осторожно забрала туфли, и они вместе с подругой вышли.

На следующий день, во время концерта Бонзо ненадолго вышел со сцены и сказал:

— Ты не поверишь, Ричард. Девушка с говняной туфлей сидит в третьем ряду. Надеюсь, она не бросит ею в меня.

После концерта, когда мы залезали в лимузины, вдруг откуда ни возьмись, появилась та брюнетка и побежала к машинам.

— Блин, только этого нам не хватало! — пробормотал я.

Охранник схватил её в нескольких метрах от первого лимузина. Она кричала нам:

— Помнишь меня? Ты вчера насрал мне в туфель! Я хотела поблагодарить тебя за прекрасную ночь!

Никогда не знаешь, что может сделать людей счастливыми.

И хотя мы нечасто рисковали высовывать нос, в этих гастролях по Америке без происшествий не обошлось. Чаще, чем раньше, мы получили шквал с угрозами смерти. Даже в ранние дни иногда нам угрожали, но по наивности мы не обращали внимания. Однако, к 1971 году угрозы поступали каждую неделю. В Чикаго промоутеру позвонили по телефону и сказали:

— Кто-то из аудитории застрелит Джимми сегодня на концерте.

В Детройте на ресепшн подбросили наспех накарябанную записку:

— Двое членов Led Zeppelin не выберутся из Детройта живыми!

Может быть, какие-то чокнутые прикалывались над нами. Но я знал, что не нужно испытывать судьбу, чтобы какой-нибудь возбуждённый идиот реально прицелился в музыканта. Мы всегда сообщали полиции об угрозах, в некоторых городах нанимали дополнительную охрану. Но мы с Питером никогда не были полностью уверены, что этого достаточно. И когда мы выходили из отеля, я становился параноиком, опасаясь, как бы чего не произошло.

К счастью, гастроли прошли без инцидентов. Наверно, такие вещи — это цена славы. Но доставало конкретно.

Сами музыканты относились проще к безопасности, чем я.

Мне они даже выговаривали, если видели меня или охрану, избивающих кого-нибудь в аудитории.

— Чёрт, Ричард, полегче, — сказал мне Роберт, когда я отделал одного фаната в Миннеаполисе.

Но Питер и я решили, что никогда не будем недооценивать этих сумасшедших, мало ли что им придёт в голову.

— Ты делаешь свою работу, а я свою, — ответил я Роберту. — Многие фэны обдолбаны, они непредсказуемы. Нравится тебе или нет, я буду агрессивным, если надо.

К началу семидесятых в наших контрактах с каждым промоутером было указано, что заградительные барьеры должны быть установлены перед сценой. Без них мы никогда не выходили, но временами барьеры не соответствовали нашим требованиям, и фэны могли достать сцену, просто нагнувшись.

Американский тур 1971 года закончился двумя концертами в Гонолулу. Мы сняли то же поместье на Даймонд Хэд, в котором жили в 1969-м. Но в этот раз Джимми настоял, чтобы дом отдали ему. Остальные члены группы решили пригласить жён, а Джимми — единственный неженатый участник, — посчитал, что присутствие жён не должно препятствовать сексуальным утехам.

И остальные заселились в Хилтон. Некоторые члены дорожной бригады были немного расстроены, они слышали о классе дома на вершине горы. Но Хилтон оказался недурён. Мы остановились в номерах многоэтажного здания, с восхитительным видом на Тихий океан. Мы также по полной воспользовались сервисом отеля, и к концу четырёхдневной остановки буквально осушили запасы алкоголя. Это мне помогло немного расслабиться и не так сильно волноваться по поводу безопасности.

Днём Питер, Бонзо и я вернулись с пляжа и сидели на балконе моего номера, планируя, как провести остаток дня. Джонни Ларк, член бригады, в чьи обязанности входило снабжение нас провиантом, вошёл в номер и спросил, не нужно ли нам чего-нибудь.

— Ларк, — сказал Бонэм. — Мы тут торчим почти сутки и ещё ничего не натворили.

Бонзо не изменился, если выдавался шанс создать маленький раздрай или попасть в передрягу, они его не упустит.

— Чем тут можно заняться?

— Ну, экзотические напитки хороши, — ответил Джонни.

— Какие у них есть? — спросил Питер.

Джонни взял меню и передал его Питеру, тот быстро просмотрел и произнёс:

— Долго читать эту хрень. Ларк, пусть нам принесут каждого

по четыре напитка. Можешь к нам присоединиться.

Через двадцать пять минут официанты толкали тележки в наш номер. Алкоголя хватило бы, чтобы нейтрализовать чувства всех загорающих на пляже Вайкики. В тележке были сотни напитков, и мы атаковали их, один за другим. Ни один не пропустили. Остаток дня прошёл в дымке, после дегустации майтая, гавайских хайболлов, зелёных драконов и вайкики вауи. После всего стресса американского тура, я был счастлив погрузиться в объятья тумана.

После этого мы снимали на фотоаппарат Джонси. Осталось несколько кадров на плёнке, выпивка покорёжила наши мыслительные способности. И Бонзо предложил:

— Давайте снимем наши члены. Гавайи должны нам чем-то запомниться.

Сказано — сделано. Джонси, Бонэм, Плант и я по очереди позировали перед камерой. Общий план. Крупный план. Пара панорамных снимков. Было весело, мы смеялись до колик в животе. Бонэм ещё подумал, что мы можем немного заработать, если продадим фотки журналу National Enquirer (крупнейший таблоид США — прим. пер.), но здравый смысл победил.

В том же году у Джона Пола дома проходила вечеринка. Джонси вытащил гавайские слайды, начисто забыв о «фотографиях членов группы». Он показал около дюжины фотографий с пляжа, несколько снимков у бассейна. И вдруг на большом экране показались фотографии членов. Родня Джона Пола замерла, когда по-настоящему взглянула на жизнь Led Zeppelin.

На следующий день Мо Джонс позвонила Морин Плант:

— Да, я видела гавайские фотографии твоего мужа вчера вечером. Такие милые!

Часть 14

28. Покуролесили по Востоку

В начале существования группы Джимми Пейдж и Роберт Плант установили амбициозную цель — выступить в каждой стране мира.

Роберт любил путешествовать и посещать экзотические места. Он хотел увидеть всё и везде. Если не с группой, так самостоятельно. Но Led Zeppelin предоставляли ему идеальную возможность объехать земной шар.

Джимми тоже питал страсть к путешествиям. Но в отличие от Роберта, он не был связан семейными узами, удерживающими человека дома. В частности, Джимми привлекал Дальний Восток, благодаря увеличивающемуся интересу к восточной философии и мистицизму. Он хотел впитать восточную культуру из первых рук и в то же время познакомить эти страны с рок-н-роллом.

Джон Бонэм и Джон Пол Джонс не были в восторге от путешествий. Они комфортнее чувствовали себя дома, проводя время с семьями, вместо болтания по аэропортам и отелям. На самом деле, когда речь заходила о семьях, проявлялась мягкая сторона Бонзо и Джонси. Особенно у Бонзо, что удивляло многих. На гастролях он вёл себя иногда как чокнутый, но его жена Пэт придавала стабильности и была той спокойной гаванью, в которой он мог быть просто Джоном Бонэмом. Многие люди никогда не видели теплоты от Бонзо, думаю, это одна из самых ценных черт характера Бонэма.

В 1971-м Джимми и Роберт насели на своих товарищей с предложением исследовать новые территории. В конце концов, после нескольких недель обсуждений, Джон Пол и Бонзо сдались. В итоге получилось шесть выступлений в Японии за неделю — в Токио, Хиросиме, Осаке и Киото.

В конце сентября мы полетели туда первым классом, и с первого дня я почувствовал, что это будет событием, хоть и коротким. Да мы были там из-за музыки. Но внесценические вещи никогда не выпадали из нашего поля зрения. Случалось необычное, один странный эпизод за другим.

На первом концерте в токийском Будокане Роберт вышел, держась за рассечённую губу. Травмы и болячки никогда особо не мешали ему петь. Но он ни единой ноты не успел спеть, а внимание привлёк к себе моментально. Репортёры забросали его вопросами, но он отказался обсуждать происшедшее.

— Не суйте нос не в своё дело, — ответил Роберт одному журналисту. — Это касается меня и Бонзо.

У Бонэма и Планта были интересные взаимоотношения,

очень двоякие. Они были друзьями долгое время, но иногда бранились, словно супруги, знающие друг друга слишком хорошо. Ссоры возникали из за тривиальных вещей, но вражда длилась недолго.

И за кулисами зала Будокан парочка продолжила выяснять отношения из-за счета за бензин на тридцать семь фунтов, который им выставили во время совместной автомобильной поездки по Шотландии. Бонзо заплатил, но устал просить Роберта возместить часть расходов.

В конце концов, в Японии Бонзо надоело спорить. Он решил, что лучше всего будет высказать свою позицию с помощью кулаков и рассёк Роберту губу до крови, от чего та и распухла.

Роберт обалдел, не столько от боли, сколько от эмоционального потрясения. Он начал материть Бонэма, в то же время зажимать губу платком. Через минуту должен был начаться концерт. Я никогда не слышал, чтобы они обсуждали удар Бонэма.

— Роберт и я знаем друг друга так долго, что в ссорах нет никакой злости, — сказал мне Бонзо. — Мы таким образом иногда выражаем свои эмоции.

К 1971 году Led Zeppelin так прославились и разбогатели, что могли позволить себе заплатить любую цену за качественное шоу. В Японию мы взяли Расти Братша, совладельца компании Showco из Далласа, и его звуковую систему, которая была лучшей в этом бизнесе. Я чувствовал, что лучше потратиться на собственное оборудование, чем полагаться на местную аппаратуру и здешних инженеров. И это было правильным решением. По всей Японии музыку Zeppelin принимали на ура. И хотя рок-музыка было относительно новым явлением в Токио и Японии в целом, детишки знали нашу музыку хорошо. Японцы имеют репутацию более сдержанных и тихих людей по сравнению с западными, но фанаты на наших концертах распахнули свои кимоно и расслабились по полной. С первых нот «Immigrant Song» и до последних тактов выхода на бис, аудитория одобрительно гудела. Шоу отличались друг от друга, но толпа особенно горячо реагировала на старые стандарты, типа «I'm a Man» Бо Диддли, «Maybellene» Чака Берри и «Twist and Shout» группы Isley Brothers. Должно быть, они знали рок-н-ролл лучше, чем мы думали.

Лично для меня музыку перекрыли другие события из повестки дня. Без паранойи, которую я чувствовал в Америке, мы жадно вкушали ночную жизнь Японии. В первый вечер в Токио Татс Нагасима, наш промоутер, привёл нас, по его словам, в самый элегантный ресторан Токио.

— Вы будете поражены, — пообещал он.

Татс оказался прав. Подали сукияки (блюдо из мяса, порезанного тонкими ломтиками и обжаренного с овощами) и темпура (блюдо из рыбы, морепродуктов или овощей; порезанные на кусочки продукты обмакивают в кляр, а затем жарят в кипящем масле). Традиционную японскую музыку исполняли на кото и самисене. Самое главное, саке лилось рекой, а юные дружелюбные гейши были везде.

Девушки подавали саке в маленьких белых напёрстках, как принято пить алкогольные напитки. Но Роберт высказал общее мнение:

— Такими размерами мы не напьёмся до старости!

Бонзо как всегда терял терпение.

— Можно принести большие чашки? Кофейные чашки, пивные кружки, вёдра! — попросил он гейшу.

Мы узнали, что по японской традиции, если ты предлагаешь гейше саке, она должна его выпить. Чтобы быть дружелюбными, группа угощала девушек наравне с собой. Вечер продолжался, а гейши всё больше теряли равновесие.

Конечно, Zeppelin устойчивее, чем другие люди, переносили алкоголь — будь то саке или скотч. Потом начали происходить вещи, которых мы понять не могли.

— Кто-то должен объяснить мне, — Роберт попытался собрать мысли в кучу. — Обычно, когда мы напиваемся, женщины выглядят лучше и лучше. Здесь всё наоборот: гейши становятся старее и уродливее!

— Он прав, — согласился я и перенаправил вопрос Татсу. — Почему эти птички такие старые и страшные?

Возможно, я был слишком прямолинеен. Татс, высокий мужчина, полностью соответствующий стереотипу японца, вежливого и правильного, обалдел. Но он прочистил горло и ответил:

— Девушки, что обслуживают вас сейчас — из кухни, они не гейши. А те так напились, что ресторан отправил всех домой. Они слишком вежливые, чтобы сказать, что много выпили.

После ресторана, несмотря на подпитие, вечеринка продолжилась. Мы зашли в дискотеку под название «Byblos», где пили японское пиво, прямо из банок. Можно было нюхнуть кокаина, если бы смогли его достать. В Японии наркотики были под запретом. Да, алкоголь был нашим главным выбором, но кокаин мы начали использовать чаще, просто потому что он был так доступен. Когда мы хотели получить кайф, мы никогда не были разборчивыми.

Мы смотрели на толпу на танцполе, и Бонзо воскликнул:

— Посмотри на этого хренова диск-жокея! Он играет в

клетке, которая не останавливается.

Диджей стоял на мобильной платформе, которая поднималась и опускалась как вышедший из под контроля лифт.

— Этот чувак не только выглядит как посмешище, но он не сыграл ни одной пластинки Led Zeppelin, — сказал Бонзо, когда мы наблюдали за движущимся под нами лифтом. — Думаю, мы должны дать ему понять, что мы чувствуем.

«О нет, — подумал я. — Кажется, будут проблемы».

Бонзо расстегнул штаны, и не успел я глазом моргнуть, как он помочился на клетку — и на диск-жокея внутри, тот как раз поднимался. Цель была выбрана безошибочно; диск-жокею понадобился бы зонтик, чтобы спастись от телесной жидкости Бонзо. К счастью, в Токио нет закона, запрещающего мочиться на диск-жокеев.

Я быстро вывел Бонэма на улицу, мы запрыгнули в ожидающий нас лимузин. Водитель доставил нас в Хилтон, но когда мы приехали, Бонзо был так пьян, что я еле-еле вытащил его из машины, не говоря уже о том, чтобы дотащить до номера. На ступеньках отеля Бонзо упал на колено, и замер.

— Бонэм, шевели копытами, — сказал я, стараясь тащить его ко входу. Бесполезно. Выдохшись, я оставил его на тротуаре, в метре от канавы, а сам пошёл к себе. Японские прохожие обходили Бонзо, который заснул на тротуаре. До рассвета он как-то добрался до своего номера.

Позже до меня дошло, что Питер мог мне вспороть брюхо, узнай о том, что я бросил Бонэма спать на бордюре.

И хотя мы пробыли в Японии неделю, могло показаться, что мы хотели наверстать упущенное за все предыдущие туры, пускаясь во все тяжкие. Мы с Бонзо, например, решили купить самурайские мечи в сувенирном магазине отеля. Потом в номере мы фехтовали ими друг с другом, как парочка маньяков. Когда мечи сталкивались друг с другом, я шутил:

— У тебя есть номер телефона скорой? Думаю, нужно подготовиться.

Вскоре мы нашли цель своей агрессии — номер отеля. Мы изрубили всё, что можно — шторы, покрывала, матрац, обои, картины. С каждым взмахом мы добавляли сотни долларов к счёту за ущерб.

Джон Пол спал в соседнем номере, и мы решили пригласить его поучаствовать в анархии. Постучав в дверь, мы ударили сильнее, а потом сломали её, чтобы найти мирно спящего под воздействием сверхдозы алкоголя Джона Пола.

— Давай вытащим его в холл, — предложил Бонзо. — Спорим, он не проснётся.

Я взялся за ноги, а Бонэм подмышками. Мы положили Джонси в холле, кинули одеяло и оставили его на всю ночь.

Когда служащие отеля обнаружили Джонси, они из вежливости не стали его будить. Вместо этого они принесли три ширмы и поставили их вокруг него. Он проспал до самого утра.

В Хилтоне не знали, чего ещё ожидать от нас. Когда я выписывал группу из отеля, менеджер пригласил меня в офис. На самом вежливом английском, в извиняющемся тоне он сказал:

— Я знаю, что вы очень хорошие музыканты, но мы не можем терпеть подобное поведение в отеле. В номерах очень много повреждений. Один из ваших людей лежал пьяным в канаве, другой спал в холле. Простите, но я не могу позволить вам оставаться в отеле. В следующий раз поищите другое место.

Сайонара!

Даже лекции менеджера отеля не возымели эффекта на наше поведение, мы вели себя как хотели, и не собирались сдерживать эмоции. Позже, когда мы ехали на сверхскоростном экспрессе в Осаку, задора не убавилось. Я попросил Татса, чтобы в поезде нас ожидали кое-какие вещи.

— Удостоверьтесь, чтобы группа получила двенадцать флаконов саке, шесть бутылок виски «Сантори», а также сандвичи.

— Считайте, что сделано, — он и глазом не моргнул.

В поезде мы недолго упрашивали себя, чтобы начать пить, а потом создавать проблемы. Джимми познакомился с женщиной в Токио — клёвой японкой по имени Кануко, с красивыми карими глазами, которая мало что знала о Led Zeppelin. Джимми пригласил её составить ему компанию до конца тура, я думаю, он хотел, чтобы остальные отнеслись к ней с уважением. У Бонэма, однако, на этот счёт имелись свои планы.

— Она слишком хороша для Джимми, — сказал мне Бонзо. — Я покажу ей, что такое мир рок-н-ролла.

Пока Джимми и Кануко ели в вагоне-ресторане, Бонзо нашёл сумочку на её полке и взял с собой в туалет. Когда он появился, на лице играла садистская улыбка.

— Угадай что! — сказал он. — Я насрал ей в сумку.

Это уже становилось моделью поведения.

Бонзо закрыл сумочку и положил обратно. Полчаса спустя Кануко взяла сумочку с собой и пошла в дамскую комнату. Меньше, чем через минуту он вернулась — бледная, шокированная, в слезах. Бонзо мне шепнул:

— Кажется, говно сделало своё дело.

Кануко подошла к Джимми и показала произведение Бонзо. Джимми мгновенно пришёл в бешенство.

— Какая сука это сделала? — орал он, стремительно проносясь по проходу вагона, чтобы кому-нибудь свернуть шею. Мы бросились врассыпную, чтобы не попасться под горячую руку.

Бонзо нырнул на полку Питера, не зная о том, что Питер уже был там. Он не только плюхнулся на большого и крепкого менеджера, но и разлил на него и на себя выпивку.

— Ах ты говнюк! — заревел Питер. — А ну слазь с меня! Быстро!

Бонзо согнулся пополам, получив удар под дых, прежде чем успел что-либо объяснить и вылезти.

Роберт нашел спасение на моей полке, а мне пришлось искать другое убежище. Тем временем, мокрый Питер поднялся и затопал по поезду, раздавая оплеухи всем знакомым лицам на пути, включая меня. Пассажиры кричали от ужаса, они решили, что террористы напали на поезд.

— Коул, ты уволен! — заорал Питер. — Когда этот хренов поезд остановится, собирай манатки на первый рейс до Англии. Закругляйся!

— Что я сделал? — спросил я равнодушно, не думая, что Питер серьёзно думает уволить меня.

В этот момент Татс Нагасима находился на грани истерики. Он был прекрасным парнем, но когда безумие достигла пика, то запаниковал. Он нашёл в поезде телефон и позвонил Ахмету Эртегюну в Нью-Йорк.

— Ахмет, здесь ужасная, ужасная проблема, — голос Татса дрожал. — Мы на поезде в Осаку, а группа сошла с ума! Мистер Грант ударил мистера Коула и мистера Бонэма. Он также начал увольнять людей. Я не знаю, что делать. Они ведут себя так, будто собираются прибить друг друга.

Ахмет спокойно воспринял новости.

— Ты имеешь дело с Led Zeppelin, — усмехнулся он. — Нормальное поведение для этих парней. Не беспокойся. Когда они протрезвеют и доберутся до места назначения, с ними будет всё нормально.

Именно так и случилось. Мы были как братья, которые ссорятся, но всегда объединяются, когда грядёт буря. На следующий день мы извинились друг перед другом и спокойно доработали до конца тура.

Если кто-то ожидал, что гнев Питера положит конец нашим дурачествам, такого никогда не случалось. Фил Карсон из Atlantic сопровождал нас в турне по Японии и он спросил меня как-то:

— Вы когда-нибудь успокоитесь?

— Нет, — был мой ответ.

Тот тур напоминал безостановочный фильм братьев Маркс.

В Осаке группа спросила Фила, не хочет ли он сыграть на басу на концерте. Он был чертовски хорошим басистом, а Led Zeppelin редко кого просили сыграть с ними. Фил был польщён приглашением. Однако, он не знал про скрытый умысел.

Короче, Фил вбежал на сцену. Джон Пол сел за клавиши, а Фил взял бас. Он здорово вступил, чувствовал себя прекрасно, глазел на толпу и наслаждался моментом. Но четыре минуты спустя он вдруг обнаружил, что слышит только свой бас. Фил быстро огляделся — никого на сцене не было. Группа свалила в середине песни, оставив беднягу наедине с собой. Он смело затеял соло на басу, но сдался, поскольку было понятно, что парни не собираются его спасать. Фил отложил инструмент и убежал со сцены под хохот группы.

Случай получился весёлым. Но кое-что меня беспокоило. Led Zeppelin всегда относились к музыке серьёзно, всегда так было. Но тут впервые они позволили шуткам преобладать над музыкой. Японская публика была сбита с толку произошедшим на сцене: не в характере группы было так себя вести, и это напрягло.

На следующий вечер Фил снова был «цеппелинизирован», на этот раз после второго концерта в Осаке. Мы до утра шатались по клубам и в одном из них мы решили стащить с Фила одежду: сперва общупали рубашку, потом брюки. Фил понял, что сопротивляться бесполезно, и решил содействовать, методично снимая с себя одежду, включая нижнее бельё. В клубе он пробыл голым несколько минут и, уходя, прихватил белую скатерть с одного стола, обернувшись ею.

В лимузине по дороге в отель Роберт и Джон Пол вдруг начали извиняться за своё поведение.

— Прости, что мы так поступили с тобой, — сказал Роберт.

Филу стоило держать ухо востро по поводу их извинений.

Когда лимузин притормозил возле отеля, группа и Фил (одетый в скатерть) вышли и, подойдя к вращающейся двери, Роберт дружески протянул руку Филу:

— Иди вперёд, я за тобой.

Как только Фил вошёл в дверь, которая начала вращаться, Роберт схватил скатерть и стащил её с Фила. Дверь выпихнула его, абсолютно голого, в холл.

И хотя руководство по корпоративной политике не включало подобные ситуации, Фил не потерял самообладания. Он ошарашенно посмотрел на нас, но понял, что силы не равны и скатерть ему не вернуть. И подошёл к стойке и попросил:

— Можно ключи от номера 332?

Обалдевший клерк передал их ему, и Фил прошествовал к лифту, поднялся до номера в костюме Адама.

Когда мы добрались до Киото, я думал, что Фил хочет нас «сделать». Поздно вечером он позвонил мне в номер.

Ричард, подойди ко мне быстро, — сказал он возбуждённо. — У меня здесь одна крошка, и она упала в обморок.

«О, Господи, — подумал тогда я, вот она пришла, месть за наши злодеяния».

Мы с Джимми прошли через холл, но когда вошли в номер Фила, там действительно на полу лежала без сознания японская девушка.

— Что тут случилось, твою мать? — спросил я, и мы все склонились вокруг неё. Я заметил, что брюки Фила были приспущены, а ширинка расстёгнута. И он был жутко расстроен.

— Я целовался с ней, — ответил он. — Затем я вытащил свой член, а она отрубилась!

Джимми бил девушку по щекам, чтобы она очнулась. Наконец, она начала приходить в себя.

— Господи, спасибо, — произнёс Фил. — Я решил, что у неё инфаркт или что-то подобное.

Мы пробыли там ещё немного, пока ей не стало лучше. Наконец она ответила:

— Всё, что я помню, он расстегнул штаны, я посмотрела вниз, а он такой большой.

Она отмерила руками около тридцати сантиметров и снова вырубилась.

С того момента я сделал вывод, что Фил достоин большего уважения, чем мы ему выказали.

Между скандалами и выходками Zeppelin узнали, насколько популярными они были в Японии. На каждом концерте аншлаг. И когда я подвёл баланс, оказалось, мы задолжали Татсу Нагасиме деньги — впервые закончив тур, неважно большой или маленький, в минусе. Мы потратили столько денег Татса на кучу вещей — камеры, антиквариат, электроника, ущерб в гостиницах, и больше всего на японское пиво и прочий алкоголь, — что Питер выписал чек на большую сумму, чем нам хотелось. Я собственноручно передал деньги — две тысячи долларов — и попрощался с Татсом.

Питер философски отнёсся к финансовой реальности.

— Если бы тур так не был важен для нас, тогда можно было считать это трагедией, — сказал он. — Но мы впервые приехали на Дальний Восток.

Да, финансово мы потерпели убытки, но дело было не только в деньгах.

По окончании японских концертов Джон Пол, Бонзо и Питер полетели домой, но Джимми, Роберт и я не были готовы

возвращаться. В нас жила жажда увидеть мир, и мы решили воспользоваться преимуществом пребывания на Дальнем Востоке и полетели в Бангкок.

Сперва мы посетили Храм Изумрудного Будды, несколько менее известных буддийских храмов и музей. Мы также прошлись по магазинам, где Джимми купил фигуру Пегаса почти что в натуральную величину, сделанную из золота, стекла и дерева. Я приобрёл для Питера деревянного Будду, в метр высотой и столько же в ширину. Глядя на круглого Будду, я сказал Джимми:

— Если бы статуе накинуть несколько килограмм, мы не сможем отличить Питера от Будды.

Пейджи посчитал, что лучше не говорить этого Питеру.

Вечером мы без труда отыскали район красных фонарей, с помощью Сэмми, водителя, которого наняли на время пребывания в Бангкоке. Бордели больше напоминали бани, там было много девушек, едва одетых. Сэмми вошёл в один из борделей вместе с нами. Возле входа, выстроившись в ряд, стояло около дюжины девушек. На их неглиже были приколоты номера.

— Красивые девушки, а? — спросил Сэмми. — Мог бы смотреть на них всю ночь.

— Знаешь, мои друзья и я не хотим смотреть на них, — ответил я. — Мы хотим трахнуть их!

— Хорошо, — спокойно отреагировал Сэмми. — Они это тоже делают.

Сэмми поговорил с одной из девушек, которая подошла к нам, улыбнулся и застенчиво сказал:

— Мы дадим вам то, что вы хотите. Выберите девушек по номеру.

Мы сразу почувствовали себя детьми в кондитерской лавке.

— У нас много денег, — сказал Роберт, называя номера. — Я беру одиннадцатую, девятнадцатую и сорок первую.

— Окей, — ответил я. — Но я тоже хочу сорок первую.

И в следующие два часа мы трое получили всё, начиная от массажа и заканчивая старым добрым сексом. Когда мы выбились из сил и ушли, Джимми произнёс:

— Наверно они придумали термин «трахнуть мозг».

Гуляя по улицам Бангкока, мы привлекали огромное внимание, но не из-за музыки, так как в Таиланде, кажется, никто не слышал про Led Zeppelin.

— Я думаю, их прикалывают наши длинные волосы, — предположил Роберт. Мы носили серьги, и здесь это было в новинку.

— Билли-бой! Билли-бой! — кричали дети, завидя нас и тыча в нашу сторону руками.

Позже Сэмми объяснил нам, что в Таиланде «Билли-бой» означает, что ты гомик или бисексуал. А всё из-за длинных волос!

Из Бангкока мы направились на четыре дня в Бомбей. Мы остановились в отеле Тадж Махал, прямо напротив Ворот в Индию (главная достопримечательность Мумбаи — прим. пер.), и пошли гулять по городу. Дюжина таксистов предложила обменять деньги на рупии на чёрном рынке.

— Не стоит, — сказал я им, не решаясь передавать деньги незнакомому лицу.

Роберт всё же велел мне это сделать:

— Какого чёрта! Дай одному несколько купюр, увидишь с чем они придут.

С балкона номера я видел нашего обменщика, говорящего с другим таксистом, в руках мелькала валюта. Второй водитель не был похож на остальных. Он носил такую же униформу цвета «хаки», но его брюки были идеально выглажены, а рубашка — свежевыстирана, волосы идеально уложены, а усы словно пересажены с верхней губы Кларка Гейбла. «Этому парню стоит сниматься в Голливуде», — подумал я.

Получив деньги, мы познакомились с элегантным таксистом и попросили его показать город.

— Наш маратхи (один из языков Индии — прим. пер.) неидеален. Если вы свободны, мы могли бы нанять вас в качестве гида.

Его звали мистер Разарк, и в последующие три дня он стал неотъемлемой частью нашего антуража: водил нас в индийские бордели, на дискотеку, где Джимми поджемовал с обалдевшими местными музыкантами, которые не могли поверить, как можно так играть на японских гитарах. Мы зашли в несколько магазинов, где купили музыкальные инструменты, ароматические масла и набор шахмат из слоновой кости.

Разарк даже пригласил к себе домой на обед. Мы поразились ужасающей бедности, которая царила в районе, где он жил. Всюду ветхие лачуги, которые не выдержат средненького шторма.

— Мой дом очень маленький, — как бы извиняясь сказал Разарк. — Мы с женой живём в одной комнате с четырьмя детьми. Моя мама живёт в другой комнате. Немного, но дом стоил мне семнадцать тысяч фунтов. Бомбей — очень дорогой город.

«Неудивительно, что бедные остаются бедными», — подумал я.

В последний вечер в Бомбее мы попросили Разарка отвезти нас в ресторанчик в его районе.

— Мы хотим поесть там, куда ты ходишь, — сказал Джимми.

— Нет, нет, — ответил он. — Туристам там не место, опасно

для здоровья.

— Не беспокойся за нас, — парировал Джимми. — С нами будет порядок. Мы крепкие.

И Разарк отвёл нас в маленький индийский ресторан, где сидело около двадцати человек; в Лондоне или Нью-Йорке санитарные службы закрыли бы его на раз. По предложению Разарка мы заказали чикен-карри, когда еду подали, мясо с трудом можно было отыскать на костях.

Через час мы сильно пожалели, что не придали должного значения предостережениям Разарка. Нас тошнило, мучили спазмы желудка, из-за чего мы не спали всю ночь. Утром нас прохватил жуткий понос. Меня в пот бросало от одной мысли, что скоро предстоит садиться на самолёт.

В воздухе мы бегали в туалет каждые пять минут. К счастью, у меня оказалась детская присыпка, которой мы втроём пытались унять боль в воспалённых задах. Когда самолёт сделал остановку в Женеве, присыпка кончилась, остаток пути прошёл в мучениях.

По большей части во время полёта, чтобы отвлечься от физических проблем, мы говорили об увиденном в Бомбее. Мы получили дозу суровой реальности — увидев условия, в которых жил Разарк, хороший мужик, со своей семьёй. Мы не чувствовали вины за свой экстравагантный образ жизни, в конце концов, группа много работала, чтобы разбогатеть. Но, живя собственной жизнью, легко смотреть на нищету остального мира. В Бомбее мы получили жестокий урок о том, как живёт большая часть мира. По крайней мере, за несколько дней в Индии мы почувствовали их боль.

Часть 15

29. В Австралию

Вскоре после возвращения в Англию был наконец издан четвёртый альбом Led Zeppelin.

— Выпустить его доставило гораздо больше боли, чем родить ребёнка, — заметил Джимми.

По настоянию группы Atlantic выпустила альбом без названия, что, впрочем, не отпугнуло фэнов от покупки в огромных количествах, они также быстро прозвали пластинку «Четыре символа» или «Zoso». Альбом не поднялся до первого номера в США, но прочно обосновался на втором месте американского хит-парада. Никто не сомневался, что пластинка станет золотой.

Чтобы поддержать продажи, мы отправились в двенадцатиконцертный тур по Англии с двумя концертами на Уэмбли, девятнадцать тысяч мест которого были распроданы моментально. Билеты, чтобы увидеть самую горячую группу мира, стоили доллар семьдесят пять центов.

Но, пока мы разъезжали по Британии, у меня на уме были Австралия и Новая Зеландия. По окончании тура Питер организовал для меня поездку в Южное полушарие, чтобы заложить основу для первых концертов команды, запланированных на февраль 1972 года. И пока Zeppelin покупали подарки на Рождество, я сел на самолёт из Лондона в Мельбурн. В следующие дни я побывал в Перте, Аделаиде, Сиднее, Брисбене и Окленде. Я проводил переговоры с местными промоутерами, осматривал и фотографировал залы, а если требовалось, менял их. Я также зарезервировал для нас отели.

В начале февраля мы вылетели в Австралию самолётом Air India. Решение лететь индийской авиакомпанией далось мне непросто. Благодаря тому, что Atlantic стала частью Warner Brothers, мы могли получить скидку в 50 %, которую согласовали между собой Warner Brothers и Air India. Наши зады ещё не оправились от индийской пищи, и мы не знали, чего ожидать.

— Не уверен, что в Англии хватит присыпки, чтобы долететь до Австралии, — сострил Роберт.

Самолёт совершил остановку в Бомбее, где мы остались на пару дней. Как здорово просто сойти с самолёта. Мы позвонили мистеру Разарку, который отвез нас на пляж, где мы целый день катались на верблюдах — ещё одно индийское приключение, от которого наши пятые точки снова подверглись тяжкому испытанию. Он также свозил нас в музыкальный магазин, где Джон Пол купил прекрасный набор барабанов.

Два дня спустя, когда мы вновь сели в самолёт до Перта, то словно направлялись в Сумеречную зону. Алкоголь в полёте кончился слишком быстро.

— Есть кокаин, Ричард? — спросил Бонэм. — Мне нужно чем-нибудь успокоить мозги.

При таком раскладе мы бы никогда не прошли таможенный контроль в Австралии. Пока мы стояли в очереди, Джону Полу сказали, что его барабаны конфискуют.

— Эти барабаны сделаны из кожи животных, — объяснил служащий. — Боюсь, здесь это нелегально.

Оказавшись в лимузине, Джимми высказал предположение:

— Теперь жизнь станет лучше.

Джимми был вечным оптимистом. Но у меня были сомнения. Время покажет.

— Проверка на наркотики!

В дверь моего номера громко постучали.

— У нас есть ордер на осмотр вашего номера! Открывайте!

Через час после заселения в номер в отеле Перта я пытался немного вздремнуть, когда услышал неожиданный стук в дверь. Полиция прокладывала путь через холл в мою комнату и номера музыкантов.

Я едва открыл дверь, как копы ворвались внутрь. Они осмотрели матрац, шкаф, багаж. Я сидел на кровати и смотрел на поиск «жареного». Я знал, что у меня нет никаких наркотиков. К счастью, ни у кого из нашей команды их тоже не оказалось.

Полицейские жутко расстроились. Ведь поймать знаменитую группу стоило новых звёздочек на погонах. Группа типа Led Zeppelin имела репутацию декадентов и казалась лёгкой мишенью. Хорошо, что они ничего нам не подсунули.

— Возможно, они это сделают позже, — предположил Бонзо.

Полиция свалила так же быстро, как и появилась, даже не извинившись. Похоже, их ничуть не смутило то, что они нас побеспокоили. Привычное для них дело, мне показалось.

Пейджи покачал головой:

— Вот идиоты! Если бы они подождали пару дней, мы бы чем-нибудь разжились!

Цеппелины всё больше и больше вовлекались в потребление наркотиков, в частности кокаина и травы. Но после внезапного появления людей в синем, Питер вынес нам предупреждение:

— Мы должны быть особенно осторожными. Не хочу, чтобы на кого-то из нас надели наручники.

Питер хотел уменьшить вероятность арестов, но это не значило, что мы совсем избегали незаконных субстанций. Мы просто наняли частную охрану, служившую буфером между нами

и полицией. По просьбе Питера я сделал несколько звонков, и на следующее утро местное агентство прислало трёх квадратных отставных полисменов, сопровождавших нас в турне.

Австралийские фэны оказались более гостеприимными, чем полицейские. Каждый из австралийских и новозеландских концертов побил рекорд посещаемости. Они привлекли самую большую толпу на рок-концерты в этих странах. Чтобы привлечь максимум аудитории, мы устроили концерты на открытом воздухе. Согласно данным Питера, во время концертов должен был пройти дождь. Питер категорически отказался выпускать команду играть под дождём, он опасался, что вокруг электрооборудование, провода, розетки, и кто-нибудь мог получить серьёзный удар током. И действительно, шоу в Аделаиде было перенесено на день из-за того, что моросящий дождик перешёл в ливень.

Обычно я приезжал на место концерта за несколько часов до начала, чтобы удостовериться, что сцена и заграждение установлены согласно спецификациям. Периодически заграждения были недостаточно высоки или крепки. Я брал молот, чтобы сделать как надо. Так произошло и в Окленде. Я предложил Бонэму выехать на место пораньше, мы нюхнули чуток и сразу повеселели.

Подлечившись, мы начали искать, чем развлечься, пока не открыли ворота. Сделали набег на запасы бухла, и после нескольких банок пива, Бонзо обнаружил пару мотоциклов Хонда, припаркованных возле сцены.

— Что ж, — сказал он. — Чего они тут просто так стоят? Давай-ка прокатимся.

Мотоциклы принадлежали промоутеру Рему Реймонду, который разрешил нам покататься пару минут.

— Нужно попробовать кое-что еще, — предложил Бонзо. — Я никогда не играл в «кто-первым-струсит». Давай рискнём!

— Забудь, Бонзо, — выдохнул я. — Сегодня мне неохота кончать жизнь самоубийством.

— Ричард, — ответил он. — Сделай это для старого друга. Давай, Ричард!

Бонэм начал ныть, и я набирался смелости. И в момент полного безумия, сдался.

— О’кей, но должен предупредить. Если я в игре, то не мухлюю.

Led Zeppelin часто жили по принципу «полцарства за приключения» — сначала действуй, потом думай. И это был типичный пример тому.

Пока мы ехали до ближайшего поля, я сказал себе: «Всему

виной три пива». Мы расположились на расстоянии 150 метров друг напротив друга.

— Если кто-то из нас умрёт, — пробормотал я. — Надеюсь, это буду я. Если умрёт Бонэм, Питер всё равно меня убьёт.

Я дал полный газ, врубил скорость, и, словно пара идиотов, мы с Бонзо рванули навстречу друг другу. На скорости пятьдесят километров в час мы быстро сблизились. На расстоянии семи метров от Бонзо, несмотря на обещание, я сдрейфил. Мой байк занесло в грязь, и я вылетел из седла.

— Чёрт! — заорал я, глядя вслед Бонэму, который уже находился в метрах пятидесяти от меня. Его порадовало мое неизящное приземление. Я был невредим, если не считать порванных джинсов и поруганной чести. Но мотоциклу повезло меньше — либо после, либо во время аварии, не помню.

— Это всё из-за мотоцикла, — крикнул я Бонэму.

И тут я увидел ось, лежащую возле каких-то деталей в двадцати метрах от меня. Я подошёл, поднял её и примерил к мотоциклу. «Похоже на лошадь со сломанной ногой, — сказал я. — Непонятно, в чем тут загадка».

Размахивая осью, я разобрал мотоцикл по деталям. Пол Буньян позавидовал бы.

Рем Реймонд был подавлен, когда я рассказал о случившемся.

— Конечно, мне следовало быть осторожным, — объяснял я происшествие. — Но здесь должна быть хорошая мастерская. Пришли счёт.

Когда мы отошли достаточно далеко от Рея, Бонзо буркнул:

— Ага, пришли счёт. Не будем платить, но всё равно — давай, присылай!

В Окленде люди проехали тысячи километров из самых отдалённых уголков острова, чтобы увидеть группу. Двадцатипятитысячная толпа заплатила по четыре доллара за билет за возможность лицезреть рок на уровне коллапса. Вестерн Спринг — стадион, предназначенный для автогонок, но никогда здесь не видели столько мощи, сколько сгенерировали Zeppelin.

И хотя Роберт был немного нездоров — небольшое расстройство желудка — то шоу в Окленде было едва ли не лучшим концертом тура. «Stairway to Heaven» предваряла безумие, когда вступила «Whole Lotta Love», удлинённая посредством попурри из старых рок-н-ролльных стандартов и цеппелиновских вещей («Good Times Bad Times», «You Shook Me», «I Can't Quit You Babe»). За шестнадцать минут исполнения «Whole Lotta Love» группа разрушила все границы, и аудитория ответила извержением эмоций, словно пред ними творилась история. Так и было на самом деле.

Такие выступления приводили команду в состояние эйфории. Они ещё помнили первые американские туры, когда фэны впервые увидели цеппелинов. Бонзо выходил с концертов таким заряженным, что провозгласил:

— Я не смогу спать несколько дней.

Иногда казалось, что он не лукавит.

В Аделаиде за день до нас выступали Creedence Clearwater Revival. Они еще находились в городе, когда мы въехали в отель. У барабанщика Creedence Дага Клиффорда была тренировочная ударная установка, и они с Бонэмом по очереди до утра грохотали в номере Клиффорда. Удивительно, что никто не пожаловался.

За исключением самой музыки, в остальном тур был чистой рутиной. Когда мы въехали в отель в Окленде глубоко за полночь, что-то пошло не так. Ночной портье не мог толком определить, в каких номерах мы должны жить, и закончилось это тем, что нам с Питером пришлось делить один номер на двоих. Чтобы быть более точным, он поселил нас и какую-то постороннюю семейную пару в один сьют.

Когда, отперев дверь, мы вошли в номер, парень лежал с женой в постели, по нему было видно, что ночных посетителей он хотел видеть в последнюю очередь. Честно говоря, я его понимаю.

— Какого вы делаете в моём номере? — заорал он, в то время как его жена натянула на себя одеяло.

— Я хотел спросить вас то же самое, — ответил Питер. — Будем признательны, если вы уберётесь отсюда!

Мы спустились к ресепшну, чтобы выяснить, в чём дело. К нашему удивлению, наш роуди Мик Хинтон сидел за коммутатором.

— А ты что тут делаешь? — спросил я.

— Я дал на лапу клерку, чтобы сходил на кухню и принёс чего-нибудь поесть. Он попросил меня присмотреть здесь, пока будет отсутствовать.

Тут в конторке зазвонил телефон.

— Портье, — взяв трубку Мик, словно он всегда этим занимался. На том конце трубки был наш сосед по номеру, который жаловался на внезапное вторжение Питера и меня.

— Послушайте, если вам что-то не нравится, — Мик грозно рявкнул в трубку. — Убейтесь об стену!

Постоялец видимо пытался спорить с Миком, но тщетно.

— Ты, говнюк, — орал в трубку Мик. — У нас так заведено. Советую тебе валить отсюда.

Пятнадцать минут спустя пара выехала из отеля.

В начале марта мы приехали в Сидней. В этот раз мы очень

старались вести себя прилично. Вечером я попросил клерка посоветовать клуб, который бы выдержал набег Led Zeppelin. Вторым на пути оказался клуб Les Girls, который принадлежал американцу по имени Сэмми Ли.

— Там полно транссексуалов, — рассказал нам клерк.

На самом деле Les Girls предложил много больше. Там было шоу транссексуалов, очень талантливых — они отлично пели, ещё лучше танцевали. К тому же они были весьма привлекательными. Глядя на представление, Бонзо задал официанту вопрос, интересовавший нас всех:

— Это мужчины или женщины?

— Ну, у них были члены, ещё им увеличили грудь, — ответил официант. — Насколько я понимаю, теперь они женщины.

— Ага, что-то не убеждает, что они больше не мужики, — с сомнением заметил Роберт.

Мы узнали, что эти «девочки» весьма популярны в Австралии. И когда они услышали, что Led Zeppelin сидят в зале, они вышли поприветствовать нас. Мы пригласили их на наш концерт, а после выпить с нами.

Zeppelin играли перед толпой в двадцать восемь тысяч человек. После концерта мы встретились с «девочками», которые оказались замечательными собутыльниками. Мы пробыли в Сиднее около недели, и всё это время вокруг нас находились транссексуалы.

— Пресса не знает, что с этим делать, — усмехнулся Питер. — Репортёр спросил меня, голубые ли все участники Led Zeppelin.

Вообще, «девчонки» были очень прикольными, мы были такими же. К четырём утра они подрастеряли привлекательность, когда щетина проросла на их лицах. Одним утром они стали ссориться, и вместо женских имён типа Луиза и Мэрилин, вернулись к Бёртам и Барни. То ещё шоу, скажу я вам.

Обратно мы летели британскими BOAC. По настоянию Джона Пола мы собирались остановиться в Таиланде; он слышал про наши истории после Японии. Мы решили побыть в Бангкоке три дня перед возвращением в Англию. Однако, в Бангкоке мы не прошли таможенный контроль.

— Извините, — ответили нам. — Ваши длинные волосы неприемлемы в Таиланде. В таком виде вам нельзя въезжать в нашу страну.

Мы опешили.

— Мы были здесь в прошлом году, — ответил Роберт. — И волосы были длиннее. Какой абсурд!

— Мы приносим извинения, — тайские власти стояли на

своём. — Но теперь у нас такое правило: никаких длинных волос.

Мы не привыкли к такому обращению. Будь то места первого класса в переполненном самолёте или лучший столик в модном ресторане, слава группы помогала всегда получить то, что они хотели.

Но в этот раз не сработало. Мы спорили полчаса со всеми, кто мог нас выслушать. Мы прибегнули ко всему, кроме взятки (за это можно попасть в тюрьму). Ничего не вышло. В конце концов мы поняли, что в этом споре нам не выиграть.

— Вы не понимаете, — злился Роберт — Мы хотим потратить деньги в вашей стране!

Наверно, им не нужна валюта.

Через час мы сидели в самолёте до Лондона.

30. Репортаж из спальни

— Когда ты на вершине, то можешь требовать то, над чем другие люди посмеются при других условиях.

Таким образом Питер объяснил свою стратегию уничтожения противника, когда вёл переговоры по контрактам Led Zeppelin.

Вообще-то, никаких конкретных переговоров не было. Самым суровым и бескомпромиссным тоном Питер просто напросто информировал промоутеров:

— С этого момента Zeppelin получают девяносто процентов от кассы. Точка.

Хотите ешьте, хотите нет. Промоутеры протестовали, а затем с неохотой подписывали бумаги.

В начале семидесятых обычная большая группа, играющая на стадионе, могла получить залог (примерно пятьдесят тысяч долларов) вместо шестидесяти процентов от выручки. Но Led Zeppelin не были обычными. Питер считал, что требования команды должны быть особенными.

— После оплаты зала, охраны, лимузинов, звуковой аппаратуры и освещения мы забираем девяносто процентов, — говорил Питер. — И не нужно париться с залогом.

Неудивительно, что такие разговоры не добавляли желания рок-промоутерам и агентам отправить Питеру карточку на Рождество. Некоторые считали Питера чрезмерно самонадеянным. Другие говорили, что у него и его группы совсем крыша поехала. Большинство думало, что Питер просто поступает нечестно. И все они были разъярены. Но цеппелины получили огромную прибыль от камикадзе-подобного стиля бизнеса.

В начале семидесятых на условиях девяноста процентов команда забирала от восьмидесяти до девяноста тысяч, иногда и больше, за один концерт. В последующие годы они брали большой грузовик для ошеломительных гонораров в пол-миллиона долларов. Поскольку на каждом концерте был аншлаг, это спровоцировало финансовый поток в стиле Рокфеллера. Они делили деньги на пять частей, Питер получал на равных с четырьмя музыкантами.

— Смотрите, — отвечал Питер некоторым промоутерам. — Даже если вы получаете всего десять процентов, вы заработаете больше, чем на средней группе, с которой вы делите доходы пополам. Как по мне, так вы занимаетесь всякими мелочами.

Впервые тем летним туром по Америке в 1972 году Питер применил требование в 90 процентов, без тормозов. Стандарты музыкального бизнеса изменились навсегда.

Перед началом очередного американского тура, пока Питер «радовал» промоутеров в США новыми условиями в 90 %, музыканты собрались в Старгроувз — деревенском доме Мика Джаггера, чтобы записать первые треки следующего альбома. Они использовали передвижную студию Джаггера и могли теперь больше экспериментировать, чем раньше. Джимми принёс с собой несколько песен на бумаге, полностью написанных и аранжированных, например, «Over Hills and Far Away». С остальными вещами много импровизировали. Все ощущали столько творческой энергии и душевного подъёма, что Джимми был уверен, что альбом получится классный, даже без тщательной предварительной подготовки.

По крайней мере, так думал Пейджи в самом начале. Но к окончанию сессий он не был доволен качеством звука. Да, творческий дух был на высоте, но некоторые вещи придётся записать в другом месте.

Но пока запись потихоньку шла в Старгроувз. Бонзо придумал основу для «D'Yer Mak'er», песню, в которую он вставил саунд ду-уоп. В окончательном варианте в ней присутствовал дух регги. Чтобы доделать «D'Yer Mak'er» до конца, группа собиралась на лужайке перед домом, слушала раз за разом фонограмму, двигаясь под неё в стиле, напоминающим нечто среднее между нелепой походкой Чарли Чаплина и Гручо Маркса.

Когда цеппелины собирались вместе, всегда происходило что-нибудь весёлое. Это помогало снимать напряжение и поднимать дух на несколько дней вперёд. С другой стороны, таким способом участники группы выражали чувства к остальным. Они реально заботились друг о друге, хотя никто из них толком не умел выражать эмоции. Но участие в совместных мероприятиях, будь то распитие бутылки шампанского или какой-нибудь розыгрыш, давало им возможность продемонстрировать привязанность друг к другу.

Один из наших техников, назовём его Стив, стал мишенью для приколов. Он с собой привёз подружку, а Бонэм установил микрофон в их спальне. Мы не могли дождаться, когда они пойдут спать.

— Круто! — воскликнул Бонзо, когда раздался шум из спальни. Он так сильно прижал наушники к ушам, что мне показалось, что они сейчас сольются с черепом. — Они занимаются любовью! Что сейчас будет!

По мере того, как вздохи становились всё серьёзнее, Бонзо включил магнитофон. Он покрутил ручки и подключил микрофон к звуковой аппаратуре. В течение следующих тридцати минут весь дом — за исключением комнаты Стива и его подружки,

исполнявших акробатические этюды — наполнился громким, реалистичным репортажем из спальни.

Страсти в спальне накалялись, равно как и веселье в остальном доме.

— Давай, Стив! Дай ей жару! Вперёд, Стив, вперёд!

Утром Стив стал мишенью самых безжалостных насмешек — Стив, эта девчонка может стонать! — хотя, он так и не понял, как мы смогли подслушать их игры.

Джимми старался не расслабляться во время звукозаписывающих сессий и требовал этого от других. Он настаивал, чтобы расходы не завышались, и подход к записи был столь же серьёзным, как у хирурга, готовящегося к операции на мозге. В этот раз никто не торопился, как во время записи первого альбома в 1968-м, который был записан со сверхзвуковой скоростью. Однако, апатии ни у кого не возникло. Джимми требовал, чтобы конечный продукт был завершён с точностью до десятых долей.

По этой причине мы переехали в студию Olympic. В студии Zeppelin сделались более собранными. В «The Crunge» Джимми и Джон Пол пошли вслед за Бонзо и получился фанк в стиле Джеймса Брауна, Джимми для него добавил блюзовый рифф, которому не мог найти применение семь лет — наконец для него нашлось подобающее место. Для «The Song Remains the Same» Роберт набросал стихи на листке бумаги во время творческого порыва, причиной которого стало его собственное видение общего знаменателя для людей и вещей. Джимми же неделями вырисовывал богатые текстуры песни, изначально он намеревался сделать инструментальный номер, и только потом соединил с текстом Роберта.

Пока группа сидела взаперти в студии, мы с Питером начали серьёзно обсуждать возможность привлечь пиарщика, чтобы как-то наладить отношения с прессой, которая до сих пор относилась к группе, как к бубонной чуме. Еще во время полета из Австралии Джимми и Роберт впервые затронули эту тему, понимая, что опытный специалист мог бы протянуть оливковую ветвь в направлении прессы в надежде улучшить ситуацию.

— Если ты ищешь кого-то, кто мог бы связаться с прессой, апеллирующей к молодёжной аудитории, попробуй Би. Пи. «Бип» Фэллона, — посоветовал я Питеру. — Он хорошо поработал над освещением в СМИ группы T. Rex. Он знает, что делает.

Питер послушал меня. Пока группа записывалась, он взял инициативу на себя и нанял Фэллона, который проработал с нами около года. Бип был маленьким парнем, который не был похож на того, кто мог бы разводить дела с прессой. Но из своего офиса в

Лондоне он мог легко открывать двери, особенно английской прессы, и даже расположил тех авторов, которые при упоминании имени Led Zeppelin не скрывали зевоты.

Бип, правда, действовал на нервы своей чрезмерной энергичностью и косноязычностью, но когда пошла позитивная пресса, все согласились, что хлеб свой он ест не зря.

Когда группа вышла из студии, приготовления к американскому туру были завершены. Они очень интенсивно проработали всю весну и времени не передышку не оставалось. Парни даже толком не думали о предстоящих концертах — что им играть вообще, какие новые песни показать публике, но упаковали чемоданы и приготовились лететь на Запад. У них хватало уверенности в том, что эти концерты будут не хуже, и даже лучше, чем все предыдущие.

Часть 16

31. Рискованный бизнес

Для летнего тура 1972 года мы с Питером наняли самолёт Falcon. Расписание было очень плотное и безумное — тридцать четыре концерта за месяц. Я чувствовал, что частный самолёт — это лучший выбор. И первым вылетел в США, чтобы арендовать девятиместный агрегат, и договорился о льготной цене для нас. Вероятно, я слишком много слушал телефонных разговоров Питера с промоутерами, в которых он жёстко договаривался о выгодных для нас условиях. И с представителем авиакомпании я гнул свою линию о более низкой цене. Он вытащил бутылку джина, и мы стали оговаривать детали сделки. Через полтора часа обсуждений — и пития — он уже готов был согласиться на что угодно.

— Я не знаком с вашей музыкой, — сказал он. — Но мы почтём за честь предоставить наш самолёт.

По моему настоянию он дал нам бесплатно четыре тысячи миль, скинул пять тысяч долларов с аренды, хотя за эту цену нам не полагалась стюардесса.

— Отлично, — ответил я. — Пусть будет дополнительное место для нас.

Перед началом гастролей я также много времени посвятил организации безопасности Led Zeppelin.

Угрозы смерти членам группы вошли в обыденность, но привыкнуть к ним было трудно. Иногда мне казалось, что группа на сцене представляла собой лёгкую мишень, если бы какой-нибудь чудик решил пристрелить одного из них, ему это не составило бы труда. Едва услышав хлопок — это мог лопнуть шарик — я съёживался и быстро смотрел на музыкантов, целы ли они. Без сомнения, работа становилась более нервной.

И я искал способы снять напряжение. По приглашению музыкантов я играл на конгах в «Whole Lotta Love», что очень освежало, хотя бы и на несколько минут.

В Мэдисон Сквер Гарден, как раз перед моим выходом на сцену, Джерри Гринберг, вице-президент Atlantic и бывший барабанщик по совместительству, признался мне, как страстно желает сыграть вместе с цеппелинами в этой песне.

— Ладно, — ответил я. — Хочешь сыграть с ними, заплати сто долларов. Я дам тебе палочки и, вперёд!

Джерри не надо было второй раз упрашивать.

— Договорились! — он вышел на сцену во время «Whole Lotta Love», а я прибегнул к другому из немногих известных мне способов расслабиться — понюхать кокаин.

Те концерты в Мэдисоне стали одними из немногих, когда поклонники действительно являли собой угрозу группе. На первом из двух наэлектризованных концертов две дюжины фанатов, явно разгорячённых, прорывались к сцене, а затем повисли на ограждении. Наши телохранители поспешили к ним, чтобы либо их оттащить подальше, либо вырубить хорошим ударом. Люди, сидящие на своих местах, начали паниковать, в то время как хаос у сцены разрастался. Они тоже стали подтягиваться к середине сцены, словно там была спокойная гавань. Телохранителей оттеснили, и дюжина фэнов залезла на сцену. Они не были настроены враждебно, но из-за тяжести, угол сцены начал проседать.

Zeppelin в это время играл «The Battle of Evermore», а Питер не на шутку испугался.

— Забирайте их со сцены! — кричал он, но музыканты сами догадались убраться. Никто не знал, насколько перекосит сцену, и концерт остановился. В зале зажгли свет, и в последующие пятнадцать минут рабочие лихорадочно ремонтировали сцену. В это же время охрана спустилась в аудиторию, чтобы утихомирить особо горячих. Концерт продолжился, инцидентов больше не было. Но из-за таких вещей я иногда не спал всю ночь.

Вопросы безопасности были возложены на Билла Дотрича, бывшего полицейского из Филадельфии. Он рекомендовал перекрыть доступ к группе. Он летал из города в город раньше нас, встречался с полицейским начальством для организации эскортов для наших лимузинов из аэропортов и до концертных залов. Билл работал на компанию Ogden Security в Бостоне, у них были связи с полицией в каждом большом городе Штатов.

— Мы говорим на одном языке, — говорил Билл. — Они делают для нас всё, что мы просим.

На каждый концерт Билл планировал быстрый уход группы после последней песни.

— Если всё сделано правильно, «уход» должен занять меньше минуты, — любил повторять Билл.

Каждый участник группы заранее знал маршрут со сцены до лимузинов, и какая машина кого дожидается. Джимми, Роберт и Питер ныряют в первый, в то же время Бонзо, Джон Пол и я должны залезть во второй. На переднем пассажирском сиденье сидел телохранитель. Третий лимузин предназначался для остальных важных членов «приближённых» — Стива Вайсса, адвоката, а позже — для пиарщика/президента Swan Song Дэнни Голдберга. Обычно через тридцать секунд лимузины снимались с места, и когда они выезжали на магистраль, включались сирены — до самого отеля или аэропорта.

На следующий день после концерта в Виннипеге у нас выдался свободный день. Мы сидели в отеле, и Питер жаловался на то, что нечем заняться.

— А почему бы нам не устроить поездку на лодках? — предложил я. — У них разве нет лодок на реке Ассинибойн?

Питер посмотрел на меня так, словно я потерял последние мозги.

— Ричард, — ответил он. — Ты не устраиваешь прогулку для бойскаутов. Забудь о лодках, пригласи-ка лучше стриптизёрш!

Я открыл справочник и сделал несколько звонков. Через час к нам пожаловала парочка стиптизёрш. К этому времени нам принесли шестьдесят порций «отвёртки», треть которых была осушена до начала шоу.

— Если девчонки страшные, — сказал я Бонзо. — то мы напьёмся и притворимся, что их здесь нет.

Девушки принесли свою музыку и несколько костюмов. Все они были брюнетками, им едва исполнилось двадцать; одна из них была весьма тощая, а другим не помешало бы сбросить килограмм пять.

— Это ваша вечеринка, ребята, — сказала худая. — Скажите нам, что мы можем сделать для вас.

Десять минут спустя мне стало скучно. Девушки старались, но мы сотни раз смотрели стриптиз, ничего экстра возбуждающего в сиськах и попках мы не видели.

Едва не уснув, я попёрся в спальню, разделся и напялил одежду девушек: стринги, бюстгальтер, неглиже, подвязки, чулки. Откровенно говоря, я выглядел потрясающе. Джипси Роза Ли (американская актриса, писательница и королева бурлеска — прим. пер.) позавидовала бы мне.

Я вернулся в гостиную и устроил стриптиз, поощряемый музыкантами.

— Ты просто фантастичен, — кричал Роберт. — Какие движения! Они невероятны!

Девчонки офигели, уселись и начали наблюдать за шоу. Мне потребовалось пять минут вихляний, танцев, скачек и прочих телодвижений, чтобы снять одежду.

— Эти подвязки — полный писец, — признался я.

На следующий день Джимми сказал мне:

— Лучше тебе заниматься турами. Я чуть не сдох от твоего танца в стрингах.

Я воспринял это как комплимент.

Стриптиз — приятное развлечение, но Пейджи нашёл кое-кого, кто быстро заполнил брешь в его жизни. Её звали Лори Мэддокс — она была высокой, стройной, очень привлекательной

темноволосой смуглой девушкой с ангельским лицом, прекрасными карими глазами и вкусными полными губами.

Джимми был связан с Шарлоттой, но Лори свела его с ума. Её знакомство с семьёй Zeppelin можно отнести на счёт Бипа Фэллона. Год назад он работал в Штатах с группой Silverhead, чьим певцом был Майкл Дес Баррес (одно время муж Памелы Дес Баррес). Однажды Бип просматривал журнал и увидел фотографию Лори, юной модели с которой познакомился где-то несколько месяцев назад. Бип нашёл её и показал фотографию Джимми, у которого слюни потекли.

— Она просто великолепна! — воскликнул он. — Дай мне её номер телефона.

Бип хорошо знал Пейджи и решил, что они будут отличной парой, и им не помешает Шарлотта в Лондоне. К тому же, в дополнение к восхитительной внешности, Лори было всего четырнадцать. А Джимми, которому исполнилось двадцать восемь, питал слабость к девочкам, которые только начинали приклеивать ресницы и ходить на высоких каблуках.

Когда мы приехали в Лос-Анджелес, Джимми позвонил Лори. Он едва контролировал себя при встрече в отеле Хайятт. В жизни она выглядела лучше, чем на фото. Он утверждает, что почувствовал какой-то магнетизм, исходивший из её глаз. Когда она улыбнулась ему, он не смог перед ней устоять.

И моментально юная прелестница начала играть огромную роль в жизни Джимми. Его напрягали бесчисленные групи, готовые на всё, что угодно, лишь бы провести время с ним. В клубах Лос-Анджелеса рассказывали много историй о Джимми и Лори, особенно от возмущенных девушек, которых оттеснила Лори. Она воплотила их самые сокровенные фантазии.

— Вы слышали, что Джимми нашёл себе школьницу?

— Мой отец не позволял мне глядеть на мальчиков до семнадцати лет!

— Я бы с удовольствием выцарапала ей глаза!

Ходили слухи, что остальные цеппы разозлились из-за связи Джимми с малолеткой, которая продолжалась почти все семидесятые, особенно когда мы находились в Лос-Анджелесе. Но я лично в этом сомневаюсь. Бонзо как-то съязвил на этот счёт:

— Я фигею, как ему удалось взять её телефон раньше меня.

Вокруг нас вилась туча молоденьких девочек, и Лори была не единственной, кто хотел попасть во власть Led Zeppelin.

Тем не менее, Бонэм добавил, что в Лос-Анджелесе есть и другие вещи, которыми он хотел заняться, кроме флирта с девочками. Его увлечение машинами достигло апогея.

Однажды мы ехали от бульвара Ла Сьенега до бульвара

Сансет. Проезжая мимо салона под названием «Старинные автомобили», Бонзо и Джимми настояли, чтобы мы остановились. Для них винтажные автомобили — Альфа Ромео, Бугатти, Пирс-Эрроу — всё равно, что красивая девочка. Ну, почти так.

Пейджи вышел из лимузина и пошёл прямо к безукоризненному Корду Спортсмену 812 1937-го выпуска, тёмно-синему, с шинами с белым ободом, с фарами утопленными в кузов. Джимми сказал:

— Мы должны его купить.

За него просили семнадцать тысяч, Джимми сторговал её до тринадцати с половиной.

А Питер тем временем увидел чёрно-белый Пирс-Силвер-Эрроу, одну из самых роскошных машин тридцатых. И решил, что она ему необходима, и тоже обсудил цену. Бонзо то влезал, то вылезал на водительское сиденье Дузенберга 1928 года с боковыми подножками и клаксоном, от звука которого у людей со слабыми нервами может инфаркт случиться.

— Хочу его, я его должен заполучить, — вздыхал он.

На ценнике стояла цифра 50 000, для него это было много.

— Если вы снизите до сорока пяти, мы будем разговаривать, — сказал он продавцу.

Но этого не произошло, и Бонзо отступил.

— Через год мы вернёмся. Если у меня не пропадёт желание, я возьму деньги с собой и отвезу тачку в Англию.

За час Питер и Джимми заключили свои сделки. То была самая веселая вылазка за покупками. Питер попросил меня позвонить в Atlantic и отправить курьера с чеком за автомобили. Через неделю машины отправили в Англию.

По окончании тура по Северной Америке в июле месяце, почти все быстро вернулись домой. Но Джимми хотел остаться.

— Если это из-за Лори, — сказал я, — то почему бы тебе не позвать её в Англию?

Джимми не мог поверить своим ушам:

— Лори хорошо и здесь. Я хочу походить по магазинам здесь. Давай побудем немного в Нью-Йорке.

Мы сняли номер в Уолдорф Астория, и Джимми поехал по антикварным лавкам и книжным магазинам. Мне пришлось нанять два дополнительных лимузина, чтобы доставить покупки из отеля в аэропорт.

32. Героин

Питер Грант иногда удивлялся, почему ему так повезло. Он не только был менеджером лучшей группы мира, но и давалось ему это легко. Большинство супергрупп распадалось, не успевая как следует насладиться моментом. Но к концу 1972 года, когда команда справляла четырёхлетие, Питеру казалось, что так будет продолжаться вечно.

— Удивительно, — признался как-то он мне. — Мне не приходится тратить время на урегулирование конфликтов или удержание музыкантов в лодке. Мои основные решения — это куда их отправить в следующий раз.

Два месяца не прошло, как мы вернулись домой из Штатов, а Питер организовал гастроли, на этот раз снова в Японии, семь концертов должны пройти в тех же залах, что и год назад — Будокан в Токио, Кайкан-холл в Киото и Фестиваль-холл в Осаке. В этот раз билеты раскупили мгновенно. Одно объявление, единственное упоминание по радио, и детишки выстраивались в очередь до Фудзиямы.

В коротком перерыве в турне по Японии мы запланировали небольшой отпуск в Гонконге. Эндрю Ю, друг Татса Нагасимы, встретил нас в отеле «Мандарин» и пригласил в пятизвёздочный ресторан. Во время обеда я отвёл в угол молодого парня, с которым нас познакомил Эндрю, и спросил:

— Мои друзья хотели бы получить кокаин. Можешь где-нибудь найти его?

Он кивнул головой. Он почти не говорил по-английски, и я не был уверен, что он понял всё правильно. Через пятнадцать минут он вернулся и позвал меня на кухню. За нами пошла вся группа.

Со временем Zeppelin всё больше увлекались кокаином. Это не значит, что мы отказались от алкоголя. Но люди постоянно предлагали нам кокаин, и было глупо отказываться. Бонзо любил рассказывать о том, что кокаин попадал через нос в мозг быстрее, чем он успевал глазом моргнуть.

— Блядь, это неописуемо, — говорил он со стеклянным взглядом.

Когда мы хотели немедленно получить кайф, выбор падал на кокаин.

Мы вошли на кухню ресторана, и приятель Эндрю спросил:

— Соломинки дать?

И раздал каждому по одной, а затем высыпал белый порошок на стол.

— Угощайтесь, — сказал он, гордо сияя.

Мы по очереди вынюхали наркотик. Но что-то пошло не так. Я макнул пальцем в порошок и попробовал его на вкус.

— Твою мать! — заорал я. — Что это такое? Точно не кокаин!

— Не смог его достать, — ответил наш дилер. — И принёс героин. Нравится?

Несколько лет назад я имел опыт принятия героина, хотя тоже тогда думал, что это кокаин. Как и теперь, простое упоминание слова «героин» рождало образы опустившихся наркош, делающих себе укол в тёмных аллеях. Такую жизнь я не хотел.

В этот раз вскоре мы почувствовали себя ужасно плохо. Вероятно, реакция была чисто психологическая, но все захотели вернуться в отель.

— Мы умрём? — спросил Бонзо. Не думаю, что он шутил.

Я уже пригласил шлюх в гостиницу, но мы потеряли к ним интерес. Нам хотелось лечь в постель.

— Девочки, — сказал я. — Мы наверстаем с вами в следующий раз. А сегодня нам нездоровится.

Я говорил чистую правду.

К счастью, на следующий день мы чувствовали себя нормально. Это был пугающий опыт, но никто не пострадал. Другой друг Эндрю организовал поездку на лодке, что было гораздо полезнее для здоровья, чем приключение прошлым вечером. Я решил, что свежий воздух для нас в самую пору.

Катер покинул гавань Виктория, но через пятнадцать минут капитан страшно занервничал и в конце концов выключил двигатель.

— В катере пробоина, и мы идём ко дну, — объявил он.

Идём ко дну!

Вначале каждый смотрел, кто начнёт паниковать больше других. Мы неистово махали другим катерам, чтобы нас спасли. Пару минут спустя Джимми был на грани истерики.

— Я не умею плавать, — скулил он. — Если нам придётся прыгать за борт, кто-то должен дотащить меня берега.

Наступило молчание.

— Не смотри на меня, — ответил Джон Пол. — Я тоже не умею плавать.

И Питер дал мне задание.

— Ты здесь лучший пловец, Коул. Сплавай до берега и привези с собой спасателей.

— Пошёл ты! — ответил я. — Я не поплыву. А что если там акулы?

К счастью к нам подплыла другая лодка.

— Не радуйся сильно, — сказал капитан Роберту. — Это

обычная китайская джонка — плавучий магазин. Они не хотят нас спасти, они хотят продать нам апельсины.

Через десять минут наш капитан смог запустить трюмный насос и воду начали откачивать с катера, который медленно поплыл к берегу. Никто даже носков не замочил.

На борту находилась блондинка с австралийским акцентом, которая улыбалась мне всю поездку. Кто-то из команды лодки сказал мне, что она — подружка капитана, но её внимание было направлено на меня. Наконец, когда мы приблизились к берегу, она подошла ко мне.

— Ты наверно меня не помнишь? — ответила она, усмехнувшись. — В Сиднее ты подвёз меня. Но когда разозлился, то вышвырнул из машины.

— Боже мой! Это ты?

— Без обид. Нужно было вернуться в город, и мне нужно было пройтись.

Потом она вытащила маленький пластиковый пакет из сумочки:

— Хочешь попробовать?

Было похоже на героин. Я помнил, как чувствовал себя вчера, и первым желанием было схватить пакет и выкинуть за борт. Но было что-то в наркотиках и хорошенькой женщине, что я нашёл соблазнительным. Я решил испытать судьбу снова. Мы пошли на корму и ширнулись.

После обеда цеппелинам предстоял рейс до Японии. И к этому времени я почувствовал всю «прелесть» героина. Я не был знаком с этим наркотиком и не понимал, чего ожидать. И на этот раз я разнервничался как никогда прежде, вплоть до паранойи, когда мы проходили пограничный досмотр в аэропорту.

— Что с тобой, Ричард? — прошептал Джимми. — Ты потеешь, как свинья. У тебя наркотиков нет с собой случайно, так ведь?

— Чёрт, нет конечно, — ответил я. — Ничего нет. Мне просто кажется, что все смотрят на меня. Не могу объяснить.

Я так сильно дышал, когда мы зашли в самолёт, и был абсолютно обезвожен.

— Можно принести чего-нибудь попить? — спросил я стюардессу, когда мы заняли места. Пить хотелось так сильно, что я был согласен и на стакан воды.

— Вам придётся дождаться взлёта, — ответила она.

— Да пошли они, — сказал я Джимми, тяжело дыша, и пошёл к шкафу с алкоголем, запертому на замок. Я поднял пустую тележку и начал бить ею по замку, пока не сломал его. Пассажиры смотрели на меня, они наверно решили, что летят до

какого-нибудь сумасшедшего дома.

Я выпил пару банок пива и сел на своё место.

— Простите, если я кого-то смутил, — сказал я Джимми. — Я просто умирал от жажды и не мог ждать.

Если бы я был умнее, то в тот день должен был завязать с героином.

После Японии мы предприняли новую попытку посетить Таиланд. Волосы наши были так же длинны, как и в прошлый раз, когда нас завернули в аэропорту. Но в этот раз у нас был важный союзник: король Таиланда. Ещё в Гонкоге я пожаловался Эндрю Ю о негостиприимности в Бангкоке.

— Не волнуйся, — сказал он уверенно. — Я знаю короля Таиланда лично. Я сделаю так, чтобы он написал письмо, которое вы покажете на таможне. Они не посмеют отказать.

Хорошо знать людей высокого полёта!

И в отеле в Осаке мы получили сообщение от Эндрю, что при пересадке в Гонконге до Бангкока курьер передаст письмо от короля Таиланда. Как и обещано, письмо дожидалось нас, и когда Роберт, Джимми, роуди Рэй Томас и я приехали в Таиланд, нас провели через таможенный досмотр без вопросов. В следующие три дня мы погрузились в тайский декаданс.

Из Бангкока мы полетели в Бомбей, где Джимми и Роберт договорились об экспериментальных записях. Джимми прихватил с собой квадрофонический полевой магнитофон Stellavox, на несколько классов выше, чем любой в Индии. Магнитофон был сделан по заказу Джимми в Швейцарии с учетом его спецификаций, он производил высококачественный звук, лучший, чем все восьмиканальники Бомбея. Несколько индийских музыкантов предложили купить его, но он не продавался.

Лучшие музыканты Бомбея, включая членов городского симфонического оркестра, были приглашены в звукозаписывающие сессии. Роберт, Джимми и их индийские коллеги записали в стиле рага несколько ранних композиций Led Zeppelin, включая «Friends» и «Four Sticks». Эти вещи никогда не планировалось издать, а общее качество сессий не удовлетворило высокие стандарты Джимми. Поэтому никто не собирался пересматривать это решение.

Приехав домой, Джимми положил плёнки с бомбейскими записями на полку. Он недавно купил дом в сельской местности в Суссексе, феноменальное поместье Пламптон Плейс. Сказав «прощай» Темзе, он перевёз пожитки — включая ценный антиквариат и не менее ценную подружку Шарлотту — в новый дом. В новом доме был ров, террасы, три соединённых между собой озера на площади пятьдесят акров, спроектированных

сэром Эдвином Лаченсом. Но что было важнее для Джимми, в доме была комната для студии. Он со всей экстравагантностью обставил дом, добавив больше антиквариата и предметов, купленных на Дальнем Востоке, включая статуи Будды и летающего коня из Таиланда с размахом крыльев в три метра каждое. Он наверняка бы взлетел, окажись на свежем воздухе тёмной ночью.

Джон Пол проводил свободное время после тура по Дальнему Востоку с женой и тремя дочерьми в частном поместье в Северном Лондоне. Это был милый дом, построенный в двадцатые, очень уютный — идеальный для такого парня, как Джон Пол, который был настоящим семьянином и домоседом. Он переделал дом под собственные нужды и, конечно же, оборудовал студию, в которой проводил много времени. Ему дома было так хорошо, что он редко выходил на улицу, если вообще выходил.

Роберт переехал на ранчо с участком в три акра возле Киддерминстера, его время занимал сын, которому исполнилось шесть месяцев. Когда Роберт только купил ранчо, дом выглядел так, словно вот-вот развалится. Но они с Морин вложили в него душу, перестроили и усовершенствовали, купили старую английскую мебель.

Неподалёку нашёл своё пристанище и Бонзо, купив поместье в Западном Хэгли в графстве Вустершир с землёй в сто акров. Он там заново всё перестроил, уделив внимание комнате для игр, где в самом центре установил стол для бильярда. Он начал разводить белоголовую герефордскую породу коров, которая быстро начала приносить доход и стала предметом гордости Бонзо.

Для парня, зарабатывающего на жизнь барабанными палочками, было несколько странным так привязаться к коровам.

— Естественно, это отличается от музыки, — говорил он. — Но быки мне дают что-то похожее на чувство успеха.

Как-то мы летели с Биллом Уайманом из Rolling Stones и его подружкой Астрид. Билл, Бонзо и я разговаривали о быках Бонзо, которые выиграли местные соревнования.

— Я люблю вставать по утрам и пойти поглядеть на моих быков, — ответил сияющий Джон, словно бы говорил о своих детях. Он был одет в комбинезон, на голове широкополая шляпа, которую носит каждый фермер для защиты от солнца.

Потом Бонзо пошёл в туалет, Астрид же повернулась ко мне и спросила:

— Зачем вы, парни взяли этого фермера с собой? Он только и говорит, что о дурацких коровах! Он работает на одном из ваших поместий?

Она явно не узнала Бонзо.

— Не совсем, — ответил я, стараясь ответить как можно тактичнее. — Это наш барабанщик, Джон Бонэм.

Новость сильно её удивила. И смутила. Led Zeppelin были больше, чем просто музыканты, и многим тяжело представить их вне музыки.

Я всегда считал, что Джимми более остальных был сложной натурой, музыки ему явно не хватало. Я знал, что его увлечение оккультизмом не ослабевало, хотя он не делился ни с кем своим увлечением. Иногда он упоминал имя Алистера Кроули. Кроули был поэтом, магом, альпинистом, он проводил сеансы чёрной магии в «сатанинском замке» на Фулхэм роуд. Кроули остался загадкой для людей.

Я каким-то образом превратился в неофициального водителя Джимми в некоторых его поездах за артефактами, связанными с Кроули. Несмотря на любовь Пейджи к автомобилям — в разные годы у него были Бентли, армейский джип Остин Чемп, Корд Спортсман и старый Мерседес с откидными ступеньками — водить он не умел (не было необходимости в водительских правах, — объяснял он.). И несколько раз он звонил мне и говорил:

— Ричард, у меня есть желание купить что-нибудь из наследия Кроули.

Мы ездили от аукционов до букинистических магазинов, где Джимми покупал рукописи или вещи Кроули (шляпы, картины, одежду).

— Что тебя так привлекает в этом чуваке? — спросил я Джимми.

— Этот парень — выдающаяся личность, — отвечал он. — Как-нибудь поговорим об этом, Ричард.

Но мы так никогда об этом и не разговаривали. Если общественность чувствовала какую-то тайну вокруг Led Zeppelin, то они не были одиноки. Насколько я был близок к ним, и то я видел, что Джимми никого не впускал в определённые сферы своей жизни. Если говорить об увлечении Алистером Кроули, спиритическими сеансами и чёрной магией, у меня было много вопросов без ответа.

Часть 17

33. Дома святых

Работа становилась мучительно монотонной. Не важно, где играли Led Zeppelin, сколь тщательно продуманы мелочи, но вопрос безопасности доминировал над остальными, раздражал и действовал на нервы. В конце 1972-го, в начале 1973-го группа совершила турне по Британии и Европе, концерты проходили в местах типа Ливерпуль Эмпайр и Нью Тиатр в Оксфорде, а также в крупных залах Швеции, Норвегии, Голландии, Бельгии, Германии, Австрии и Франции. В частности, во Франции я едва не растерял остатки ума.

Худший случай произошёл в Лионе, где охрана была просто ужасной. Концерт проходил на баскетбольном стадионе вместимостью в двенадцать тысяч человек. Но за несколько часов до начала шоу дети вломились в помещение и шатались вдоль трибун. Питер предупредил меня:

— Если необходимо, ты и роуди должны взять под контроль происходящее.

Вскоре именно так и произошло. Какие-то фэны начали кидать на сцену пустые бутылки и другие предметы, причём с дальних рядов. Одна из бутылок полетела прямо на музыкантов и разбилась на сцене. Осколки посыпались на Бонзо и его ударную установку.

Для меня этого было достаточно. Я посмотрел на трибуны, вычислил хулиганов и побежал в их сторону. Парочка роуди бросилась за мной следом. Мы схватили негодяев, вытащили в проход и набили им морды. Думаю, я полностью выплеснул на этих парней накопившиеся за годы стресс и фрустрацию из-за безопасности команды. Когда мы вышвырнули их со стадиона, у одного кровь шла из раны на лбу. Я понял, что сила — единственный способ донести до мозгов фанатов, готовых создать нам неприятности, что делать этого не стоит. Гастроли полны стрессов и без напряженного ожидания, пройдет ли очередной концерт спокойно для музыкантов.

После шоу в Нанте мы решили развеяться и выпить, как следует. Группа, роуди и стайка прихлебателей — всего шестнадцать человек — влезли в арендованный Вольво. Мы буквально вываливались из окон и люка; с нами был Бенуа Готье, представитель Atlantic в Париже, он, в основном, сидел за рулём. Мы угодили в яму с водой, было страшно, так как все старательно выбирали удобное положение для себя и постоянно шевелились. Мы сломали приборную доску, порвали обшивку. Бонэм и я подпирали люк, который едва не сорвали с шарниров.

По дороге в бар машину, из всех отверстий которой торчали тела, остановил полицейский. Он недоумённо покачал головой и сказал по-французски:

— Я собираюсь вас всех арестовать. От вас пахнет алкоголем.

— Алкоголь, — заорал Бонзо. — Мы еще не начали веселиться. Если хотите найти стоящую причину для ареста, дайте нам несколько часов, чтобы напиться.

Нас посадили в камеру и по моему предложению все начали петь английские кабацкие песни, изо всех сил стараясь свести с ума копов. В то же время, капитан, поняв, что нас не за что арестовывать, позвонил в отель и спросил клерка, действительно ли мы там зарегистрированы.

— Это точно они, — ответил тот. — Но мы не хотим их обратно. Двери на их этаже изуродованы, кто-то выкинул телевизор из номера.

Полицейский сделал вид, что не расслышал:

— Они нас достали. Мы отправляем их обратно в отель. Удачи!

Нас освободили и отвезли на полицейской машине в гостиницу. Когда копы убрались, мы пошли в бар неподалёку и провели там остаток вечера.

В марте 1973 года пятый альбом наконец-то увидел свет. В связи с бесконечными проблемами с обложкой выход пластинки был сильно задержан. Цеппы оценивали образцы из типографии и последовательно их отклоняли, обычно из-за недопустимых, нереальных или слишком ярких цветов. Джимми беспокоился, что очень броские цвета обложки будут напоминать рекламу косметики в журнале мод.

Альбом был назван «Houses of the Holy» (Дома святых), название недвусмысленно намекало на духовную ауру, воспеваемую группой и парившую в залах и среди публики. И снова название группы не появилось на обложке, на которой были изображены маленькие голые дети, взбирающиеся по валунам в гору. По иронии судьбы, заглавная песня вышла только на следующем альбоме, «Physical Graffiti», в 1975 году.

Группа очень гордилась пластинкой. Пять альбомов за четыре года — им было чем гордиться. Они могли двигаться в любом направлении, куда только может завезти фантазия. Группа прочно закрепилась на вершине рок-музыки, но публика ожидала от них того же, что и раньше. Однако, в «Hoses of the Holy» Led Zeppelin показали всем, что хотят раздвигать собственные границы и развивать новые идеи, пусть и рискованные.

В «The Rain Song» Джон Пол самостоятельно создал пышную аранжировку на меллотроне, звучавшую, как целый

симфонический оркестр. «No Quarter» показала их страсть к тайнам и драматургии. А Джон Бонэм как автор продемонстрировал свои таланты в «The Ocean».

Может, команда и чувствовала, что выросла как музыканты, но критики не изменились. Вскоре после появления альбома на прилавках магазинов журнал Rolling Stone разразился жестокой атакой на него. Гордон Флетчер назвал «Houses of the Holy» «одним из скучнейших и бестолковых альбомов в этом году».

Большой американский тур должен был стартовать в мае, и Zeppelin не хотели наездов враждебно настроенной прессы в каждом городе. Бип Фэллон с нами больше не работал, и Питер подумывал нанять первоклассное пиар-агентство США с контактами в больших СМИ для изменения ситуации.

— Стоунз тоже собираются гастролировать по Штатам в то же время, что и мы, — сказал мне Питер. — Если мы активно не возьмёмся за освещение гастролей, Стоунз уничтожат нас в плане паблисити, хотя мы их сделаем по сборам.

Rolling Stones всегда — и качественнее — освещались в прессе, чем Led Zeppelin, и это действовало парням на нервы. Конечно, Стоунз тусовались совсем с другой публикой, со знаменитостями типа Трумана Капоте, Энди Уорхола и Ли Радзивила. Джаггер и компания были любимцами светской хроники, и, несмотря на дьявольский имидж Мика, он смотрелся мальчиком из хора рядом с образом, создаваемым прессой из Led Zeppelin.

Мы чувствовали себя комфортно относительно быть не узнанными в барах и стрип-клубах, но общественность не привлекали подобные мероприятия. Пресса в основном относилась к нам так, словно мы замышляли Вторую мировую войну.

И Питер начал переговоры с агентством «Солтерс, Роскин и Сейбинсон», одним из самых престижных, влиятельных и дорогостоящих пиар-агентств США. Питер пообщался с Ли Солтерсом, чопорным человеком средних лет, который разбогател на пиаре больших голливудских звёзд.

— Мы заканчиваем тур по Франции, — объяснял Питер. — Я бы хотел, чтобы вы прилетели и познакомились с группой. Несмотря на их имидж, я думаю, вы найдёте их вполне цивилизованными и яркими молодыми людьми.

И Солтерс сел на самолёт для первой встречи с Питером и группой в парижском отеле «Георг Пятый». Он взял с собой Дэнни Голдберга, отвечавшего за подразделение по работе с рок-звёздами, которому предстояло работать на нас.

Голдбергу исполнилось двадцать два. Он был высоким, с

приятными манерами парнем, умеющим ясно излагать мысли. Его волосы обычно были стянуты в конский хвост на затылке. Он носил рубашки навыпуск и стильные синие джинсы в обтяжку. В детстве посещал престижную подготовительную школу в Нью-Йорке, а затем бросил университет в Беркли. По иронии судьбы, ему приходилось писать рецензии для Rolling Stone, заклятого врага группы.

На первой встрече Солтерс предложил сделать, так сказать, «медийную подтяжку лица».

— Ваша музыка отходит на задний план перед негативным освещением вашей закулисной жизни, и такой имидж требует реабилитации, — вещал Солтерс. — Из-за того, что вы так долго уклонялись от интервью, пресса питается слухами о вашем маниакальном поведении. Мы должны ввести вас в поток и сменить злодейский имидж. Мы должны дать понять общественности, что вы классные музыканты, а не дикари.

Они обсудили, как вести себя с прессой, о необходимости давать больше интервью, но только тщательно выбирать издания. Они отказались от идеи благотворительных концертов. К концу встречи стороны ударили по рукам, и пиар-агентство должно было взяться за дело с началом американского тура.

Группе сразу понравился Дэнни Голдберг.

— С ним дела пойдут в нужном направлении, — отметил Джон Пол.

Когда волосы Дэнни не были собраны в хвост, они были длиннее, чем у любого из нас. И группа дала ему прозвище «Златовласка». Он был вегетарианцем, что импонировало Джимми, хотя на него смотрели с любопытством, после того, как он сказал, что держится подальше от наркотиков и даже сигарет.

Zeppelin быстро доверились инстинктам Дэнни и его искусству работы с прессой. Когда он организовывал интервью, группа выполняла его требования без вопросов. Когда он рекомендовал устроить приём с прессой до или после концертов, никто почти никогда не говорил «нет».

Пока Питер и Дэнни доводили до ума стратегию для американского вторжения, группа репетировала в студии Шеппертон, принадлежавшей The Who, в основном отрабатывая номера из «Houses of the Holy». Студия была полностью упакована, так что группа могла протестировать освещение, равно как и отточить исполнение. Я согласовал приезд из Далласа двух лучших инженеров из Showco для финальной проверки звукового и светового оборудования в студии. Группа решила исключить всякую случайность.

Перед отъездом в Штаты Дэнни Голдберг разместил статью в

Rolling Stone, назвав предстоящий тур «крупнейшим и самым доходным рок-н-ролльным туром в истории Соединённых Штатов». Планировалось заработать более пяти миллионов долларов, что превышало доходы Элиса Купера в четыре с половиной миллиона за текущее турне.

— К концу этого тура люди скажут, что Led Zeppelin превзойти невозможно, — пообещал Дэнни.

Мы поверили ему на слово.

34. Лучше быть не может

Солнце цвета мандариновой корки игриво выглядывало из-за низко нависших облаков, накрывших стадион в Атланте, но постепенно уходило за горизонт, а Джимми Пейдж стоял на балконе номера и глядел вдаль. На нём были линялые джинсы и чёрная майка, в руках он держал наполовину осушенный бокал красного вина; и тут он пригнулся к перилам балкона. С высоты его положения было видно тысячи — десятки тысяч людей и машин, растянувшихся на милю по направлению к стадиону.

Для бейсбольного стадиона в мае 1973 года ничего необычного в этом не было. Но в тот день бейсбольного матча не намечалось. Сегодняшним вечером Америка должна была припасть к ногам Led Zeppelin.

Транспорт у стадиона скапливался и скапливался, и даже Джимми подивился. Машины битком забили улицы и шоссе, нетерпеливо прокладывая себе путь к стоянке стадиона. «Мустанги» и «Камаро», «Джипы» и «Фольксвагены», из каждой доносился рёв радио, везде сидели молодые люди, жаждущие громкой музыки.

С 1968 года группа дала более четырёхсот концертов по всему миру. Но в этот раз всё было по-другому. Это был крупнейший концерт, первый из устрашающего турне по тридцати трём городам с тридцатью восемью концертами.

Питер Грант говорил о больших цифрах — доходы за тур могут составить пять миллионов долларов, а в целом казна группы за год пополнится на тридцать миллионов, включая деньги от продажи альбома. Оценивая скорость продажи билетов в Атланте — почти пятьдесят тысяч мест были распроданы за час ещё в апреле — Питер рассчитал всё правильно. В Тампе ожидалось пятьдесят тысяч зрителей, в Сан-Франциско — сорок девять тысяч, сорок семь тысяч в Питтсбурге. Список на этом не заканчивался.

Джона Пола сложно было чем-то удивить, он не был склонен к преувеличениям. Но даже он считал, что эти гастроли будут особенными.

— Этот тур нокаутирует Америку, — предсказал он ещё в самолёте. Если музыка этого не сделает, то своё веское слово скажут лазер, дымовые генераторы, пиротехника и вращающиеся зеркала. Мы наняли бригаду из тридцати трёх техников и рабочих, чтобы спецэффекты и музыка работали в унисон.

Наконец, за час до начала концерта, когда длинноволосая и расклешённая толпа устроила у входа толчею, стало очевидно,

зачем нужно так пахать.

— Вид абсолютно необыкновенный, — Пейджи отхлебнул вина. Джимми давно перестал бояться сцены, но даже он впервые за последнее время почувствовал нервную дрожь. Многое было поставлено на этот тур.

«Houses of the Holy» стремительно взбирался на вершину чартов. Но группе, мечтавшей о признании критиков, хотелось доказать последним — и показать, насколько мощным и популярным музыкальным явлением они являются. И конечно, они подготовились лучше, чем обычно — вооружившись Дэнни Голдбергом и его пиар-машиной.

Я вылетел в Атланту на два дня раньше для встречи с Томом Хьюлеттом, промоутером с Юго-востока. Сидя в его офисе, я вытащил блокнот и набросал спецификацию для пятничного концерта… размер сцены (двадцать пять на одиннадцать метров) … высота заградительных барьеров (три метра), чтобы оградить буйных фанатов от вторжения на сцену… расстояние между сценой и заграждениями (пять метров)… точное расположение четырёх башен с колонками, достаточно мощными, чтобы оглушить уши… место для гигантского прожектора, способного осветить половину штата Джорджия. Все детали были тщательно задокументированы в письменном виде.

Третьего мая, за день до концерта, группа вылетела в Атланту. Я присоединился к ним в Майами и почувствовал царившую нервозность, пока мы готовились к рейсу.

В отеле Атланты мы всю ночь не давали покоя обслуживающему персоналу. Мы заказывали всё, что можно, начиная от шампанского и заканчивая ирландским кофе и закусками. Пока мы не успели соскучиться или совсем известись от нервов, Бонзо взял ситуацию в свои руки. Я рассказал ему, что техники, отвечающие за лазеры, держат оборудование в своих номерах. И Бонэм сгорал от нетерпения:

— Притащи лазеры, сюда, Ричард. Посмотрим, какой хаос можно создать.

Вскоре с помощью техников мы освещали с балкона тротуар красным и зеленым лучами. Редкие ночные пешеходы шарахались от светового обстрела, который как бы исходил с небес.

— Марсиане приземлились! — кричал в ночь Бонэм. — Берегитесь марсиан!

Он так сильно смеялся, будто тур уже с успехом прошел для него. За четыре года истории Led Zeppelin он не растерял ни одно из своих детских качеств.

В первой половине дня бригада уехала на стадион для установки света, проверки звука и настройки инструментов. Мик

Хинтон собирал барабаны Бонэма. Рэй Томас проверял гитары Джимми, а Брайан Кондлифф настраивал меллотрон Джона Пола, инструмент, впервые оказавшийся в арсенале цеппелинов. Бенджи Ле Февр сидел за пультом для спецэффектов.

Несмотря на тщательное планирование, размер сцены не отвечал требованиям. Заградительные решетки перед сценой превышали спецификацию на метр, что хорошо для охраны, но портило вид поклонникам возле сцены. Я решил не рассказывать об этом музыкантам, да и поздно было что-либо менять.

В семь-пятнадцать прибыли лимузины и полицейский эскорт. Я собрал команду, и мы спустились на лифте в подземную парковку, а потом быстро забрались в машины. Как только двери закрылись, процессия двинулась со скоростью шестьдесят километров в час, с сиренами и мигалками. Полиция перекрыла движение по улице, будто проезжал президентский кортеж. Через пять минут мы оказались у входа на стадион и ворвались в раздевалку домашней команды в сопровождении шести охранников.

Даже из-под стадиона ещё до начала концерта было слышно, как громко вопит толпа. Фанаты с нарастающим энтузиазмом хлопали, свистели и топали ногами.

И хотя Zeppelin играли вместе сотни раз, Роберт признался, что на него напал мандраж. Да все, надо признаться, казались напряжёнными. И пока Бонэм не ударил по барабанам, а Роберт взял первые ноты, тревога не покидала территорию.

Наконец свет на стадионе приглушили, и группа проследовала на сцену. Все заняли свои места, Бонзо поднял палочки и обрушил их на барабаны. Прожекторы осветили сцену. Первые такты «Rock and Roll» взорвали ночь.

Как только Led Zeppelin начали играть, они увидели людей всюду, куда падал взгляд. Тысячи фанатов столпились на поле, поближе к сцене. Ещё больше людей находилось на трибунах, на каждом уровне, и в проходах. Никто не сидел, народ кричал, радовался, хлопал в ладоши, смеялся. Шум стоял оглушительный. По всему стадиону лампы внезапно вспыхивали, словно сотни бабочек, появлявшихся и исчезавших в одно мгновение.

Стоя за сценой, Дэнни Голдберг размышлял: «Если это признак предстоящих событий, моя работа окажется гораздо легче, чем я думал».

Три часа ни группа, ни толпа не расслаблялись ни на минуту. Роберт носился по сцене, преследуемый прожекторами, то красными, то оранжевыми, то жёлтыми. Он держал микрофон в миллиметрах ото рта, иногда прижимая к нижней губе. По окончании песни, толпа одобрительно гудела, Роберт целился

микрофоном в зал, словно благословляя людей и воспроизводя их энергию через бесчисленные колонки.

Джимми играл и пританцовывал, перемещая вес тела с одной ноги на другую. Иногда он поднимал правое колено, балансируя «Лес Полом» на бедре. Он лупил по струнам с ослепляющей скоростью, вкладывая в музыку самые сокровенные эмоции, которые способен был вытянуть из себя и своего инструмента.

Джон Пол, со стрижкой пажа, являл полную противоположность своим более активным коллегам. Одетый в пиджак калейдоскопических цветов с вышитыми на рукавах огромными сердцами, большую часть концерта он просидел за клавишными, с удовольствием предоставляя возможность Джимми и Роберту насладиться вниманием аудитории. Бонэм, с другой стороны, мог стать предметом исследования гиперкинетической энергии. Его губы постоянно шевелились, но только он не бормотал стихи песен в усы, а скорее был вовлечен в разговор с самим с собой, заставляя себя найти ещё немного энергии, чтобы сыграть чуть более точно в шквале атак на тарелки и барабаны. В коротких перерывах между песнями он мог перевести дух и вытереть ладони о джинсы.

Во вступлении «No Quarter» сухой лёд густым туманом окружил сцену и с бульканьем пополз в зал. Меллотрон Джона Пола создал божественную атмосферу, и из дымки появился Джимми, вслед за ним Роберт. Он стоял, уперевшись руками, украшенными браслетами, в бёдра, затем вскинул пальцы и направил в небеса свой голос.

Толпа сошла с ума. Зелёный лазер воспарил в вечернем небе.

Затем последовала «Dazed and Confused», во время которой выпустили остаток спецэффектов. Взорвались дымовые бомбы. Пушки выстрелили. Лазеры создали радугу, от вида которой захватывало дух, если у людей вообще что-то осталось.

Слева за сценой стоял Питер и не верил своим глазам:

— Лучше просто быть не может.

Три часа спустя, после четырёх выходов на бис и воплей сыграть ещё, группа ушла со сцены и побежала к ожидавшим их лимузинам. Эйфория накрыла парней. Машины рванули, сопровождающие полицейские на мотоциклах очищали дорогу.

— Мы показали им! — воскликнул Роберт, имея в виду критиков. — Уфф, что за ночь!

Питер тоже не мог сдержать эмоций:

— После «Унесённых ветром» только мы смогли потрясти Атланту!

Спасибо толпе, группа стала богаче на двести пятьдесят тысяч долларов. Но это было только начало. Народ в Тампе на

следующий день — пятьдесят шесть тысяч человек — побил рекорд The Beatles, установленный в 1965-ом году, но тогда перед ними играли и другие исполнители. Тот битловский концерт привлёк пятьдесят пять тысяч и собрал триста тысяч долларов; праздник на открытом воздухе, устроенном цеппелинами, собрал около триста десяти тысяч.

Отметить было что, и для Zeppelin празднование началось в отеле Атланты. Бонэм заказал для начала два бренди, и когда их принесли, сказал служащему:

— Принеси-ка нам ещё четыре.

Первые две бутылки осушили мгновенно. И когда подали новые четыре бутылки, Бонзо предложил:

— Лучше притащите нам две бадьи.

Вскоре и Бонэм, и я пили бренди прямо из бадей. Избыток алкоголя сопровождал нас в туре, как и обычно. Некоторые вещи никогда не менялись.

Часть 18

35. Гей-бары и ранчо для отдыха

Успех первого концерта проложил комфортную колею для всего тура. Больше, чем в предыдущих двух турне, группа выходила в свет, общалась в клубах и напивалась в барах. Хотя вопрос безопасности ничуть не уменьшился. Угрозы смерти поступали с первых часов пребывания в Америке. Но члены группы обсудили тему и решили, что сами позаботятся о себе и будут самостоятельно контролировать свои действия, а не придурки, которые звонили и угрожали. В ночных похождениях нас часто сопровождал телохранитель, поэтому музыканты считали, что предприняли все необходимые шаги для собственной безопасности.

В Новом Орлеане мы посетили полдюжины клубов, в основном во Французском квартале, где провели свой Марди Гра вдоль Бурбон-стрит, лавируя между «Дежа Вю», «Айвенго» и «Фэт Сити». В основном, мы торчали в гей-барах, где нашли похожий декаданс и браваду, что и год назад в Сиднее. Геи Нового Орлеана всегда казались нам прикольней, чем люди в обычных клубах.

Но в не меньшей степени мы ходили в гей-бары потому, что там нас не беспокоили, и мы могли напиваться, сколь угодно. Дэнни Голдберг не был доволен нашим выбором досуга, но мы любили шокировать людей, и лучшего места было не найти!

Одним вечером мы с Бонзо так надрались, что буквально не могли вспомнить, что произошло в тот день. Это напоминало провалы в памяти Кита Муна, когда я с ними работал.

В разгар пьянки Бонзо вдруг занервничал и спросил:

— Коул, сколько мы бухаем? Сегодня мы играем или нет?

— Погоди, — ответил я, собираясь с мыслями. — Не думаю, что сегодня. Завтра.

— А что мы делали вчера?

Я понятия не имел.

— Может быть, мы пили здесь. До завтра у нас нет работы, Бонзо. Я уверен. Давай ещё выпьем.

Когда я был трезвее, меня охватывало похожее состояние дезориентации. Бухло начало сказываться, но я редко когда бывал в состоянии увидеть это.

Как-то вечером Джон Пол болтал в баре с парочкой трансвеститов, которые флиртовали с ним так, будто нашли «добычу» себе на вечер. Одна из «девушек» в конце концов оказалась в номере Джонси. Кажется, они выкурили пару косяков, один из которых вызвал пожар. Мгновенно завыли сирены, а

пожарные разломали дверь топорами.

Позже Джонси настаивал, что не знал о том, что это был мужчина. Он так невинно выглядел при объяснении, но было неважно, правду он говорил или нет — его поймали в щекотливой ситуации.

— Мы не позволим Джонси забыть об этом вечере, — сказал я Роберту.

После Луизианы, приехав в Техас, мы решили остановиться в менее замкнутом пространстве. В короткий срок я снял ранчо для отдыхающих возле Далласа, с частным аэродромом в миле от поместья, так что мы могли летать и возвращаться с концертов в Хьюстон, Даллас, Форт Ворт и Сан-Антонио. Мы пригласили нескольких девушек на ранчо, было весело. Там был бассейн и лошади. Уезжать не хотелось.

Когда мы вылетали в Сан-Антонио, один из телохранителей, Вилл Ваккар, который плохо себя чувствовал, остался на ранчо. Вернувшись рано утром, мы увидели Вилли, ожидающего нас на ступеньках дома, он весь дрожал:

— Парень, владелец ранчо, с ума спятил.

— В смысле? — спросил Питер.

— Он ворвался в дом, размахивая Библией, вопил и бесился по поводу ужасных вещей, что мы тут вытворяем.

Действительно, владелец — пожилой чувак по имени Джим, в огромной стетсоновской шляпе — появился через несколько минут. Он всячески нам угрожал, целясь ружьём в темноте.

Ему явно не хватало душевного спокойствия, так необходимого тому, кто держит палец на курке.

— Я не хочу видеть вас, мальчики, у себя на ранчо, — По-южному растягивая слова, сказал он. — С вами здесь девушки, не так ли?

Я разозлился.

— Конечно, есть. Мы заплатили за дом и можем его использовать, как хотим!

— Простите, но я хочу, чтобы вы выметались!

Он исчез, а пятнадцать минут спусти к нам пожаловали другие посетители. Шериф и его помощник приехали в патрульной машине и не спеша пошли к дому. Шерифу было лет семьдесят. На нём были тапочки, но он был вооружён маленьким серебряным пистолетом с перламутровой рукояткой. А его партнёр был похож на Гомера Пайка. Та ещё парочка.

Шериф повернулся к владельцу ранчо, который тоже вернулся к этому времени.

— Джим, у тебя проблемы с этими господами? — спросил шериф.

Нам пришлось постараться, чтобы рассказать свою версию историю. Шериф не знал, что и предпринять. Наконец, он сказал нам:

— Парни, лучше идите спать. Если ночью от вас будут проблемы, я вернусь и арестую всех. Ситуацию обсудим завтра.

Рано утром Питер позвонил промоутерам из Техаса и сказал, чтобы те придержали чек для Джима. Поскольку Джиму не заплатили, его гнев и непредсказуемое поведение стали более понятными.

— Почему нам не свалить отсюда? — спросил я группу. — Кто знает, что он придумает ещё?

Мы начали готовиться к отправке, когда вернулся Джим и стал нас ждать снаружи.

— Вы не сможете меня наебать! — орал он, бросил пивную банку в воздух и выстрелил в неё. Но промахнулся.

Питер повернулся ко мне и сказал:

— Чёрт! Этот чувак сумасшедший. Он не попал в банку, но в меня попадёт, как два пальца!

Джим побежал к воротам и запер их, чтобы мы не уехали без оплаты. Я пошел за ним и постарался отпереть ворота. Но он поднял ружьё, пригрозил пристрелить меня и велел вернуться в дом.

Всё это время Джон Пол прятался в ванной, испугавшись, что начнут летать пули. Роберт изо всех сил старался урегулировать ситуацию, жалуясь, что ему нужно выпить чашку чая перед отъездом. Он не мог сделать ничего, если не выпьет горячего чая утром.

Наконец, мы собрали девочек и влезли в фургоны. Я сидел за рулем головной машины и выжал газ до упора, целясь в ворота. Я пристегнулся, сердце бешено колотилось. Когда машина врезалась в ворота, те разбились. Мы оказались на свободе.

Далее мы вырвались на шоссе, превышая скорость. Ожидая неприятности, я предупредил пилота двумя часами ранее припарковать нанятый нами частный самолёт не на аэродроме, а в аэропорту Лав Филд в Далласе. Поскольку мы мчались в аэропорт, то заметили шерифа и его отряд с воющими сиренами, ехавшими в противоположном направлении к аэродрому, где по их мнению, они должны были поймать нас. Мы никогда больше не видели ни Джима, ни шерифа, но я предполагаю, что в их лице мы не приобрели поклонников Led Zeppelin.

36. Граница Калифорнии

Когда турне добралось до Лос-Анджелеса в конце мая, «Houses of the Holy» возглавил чарты США. От успеха у музыкантов голова кружилась. Фактически, дела были в полном порядке. Мы чувствовали себя непобедимыми.

Но, едва мы приземлились в международном аэропорту Лос-Анджелеса и спустились с трапа, настроение изменилось. Фанаты выстроились вдоль забора, и Джимми подошёл к ним поздороваться и подписать автографы.

— Дайте мне десять минут, а затем можем ехать, — сказал он мне.

Пейджи подошёл к фэнам и пообщался с ними через забор. И в это время его палец коснулся торчащего там провода. Каким-то образом, он умудрился его вывихнуть.

— О, чёрт! — заорал он, больше от злости, чем от боли. Он развернулся и пошёл к лимузинам, левая руки неестественно искривилась.

— Кажется, у меня проблемы, — сказал он, усевшись в машину. Он откинулся на сиденье, с недовольным выражением лица.

Через час Джимми осмотрел доктор. Оказалось, Джимми не может нормально двигать пальцем по грифу гитары.

— Лучшее лечение подобных травм — отдых, — заключил доктор.

Пейджи выбыл из строя как минимум на два дня. Нам пришлось менять график гастролей. Один из концертов в лос-анджелесском «Форуме» перенесли на четыре дня.

Мы были расстроены, однако, тридцать первого мая — в двадцать пятый день рождения Бонзо, Джимми настоял, что его травма не помешает празднованию. В тот день прошёл первый концерт в «Форуме», после которого генеральный директор одной FM-радиостанции устроил вечеринку для Бонзо в своём доме на голливудских холмах с помощью Тома Мэндича из Atlantic Records и нью-йоркского ди-джея Джей Джей Джексона. Бонзо пришёл в плавках и майке. Там были Джордж Харрисон с женой Патти.

Джордж посмотрел шоу в «Форуме» и был заинтригован. Как-то раз он уже разговаривал со мной о возможности увидеть концерт группы в Мэдисон Сквер Гарден и предложил «заглянуть к ним во время перерыва».

— Вообще-то, — ответил я. — Нет никакого перерыва.

Джордж был озадачен.

— А сколько они играют?

— В основном около трёх часов. Но никогда не меньше двух с половиной.

— Ни фига себе! — ответил он, осмысливая услышанное. — Битлз играли тридцать минут максимум! Обычно мы уходили со сцены через пятнадцать!

Харрисон чувствовал, что в Led Zeppelin есть что-то особенное. И когда Бонэм захотел сфотографироваться с Джорджем, бывший битл был польщён — он даже немного колебался. В конце концов, он был наслышан о репутации команды и их любви к розыгрышам и был настороже, что Бонэм выкинет что-либо эдакое. И Джордж решил сделать выпад первым. Он подошёл к праздничному торту, поднял верхний слой опустил его на голову барабанщика.

Народ замер. А затем засмеялся. Джон побежал за Джорджем, поймал его, поднял в воздух и бросил в бассейн. И тут началось безумие. Бонзо тоже столкнули в воду, за которым последовали остальные.

Джимми, одетый в элегантный белый костюм, тем временем, дабы избежать той же участи, грациозно спустился в бассейн по ступенькам.

— Чёрт, я не умею плавать, — сказал он. — Лучше я постою на мелководье, чем кто-то столкнёт меня на глубину.

Второго июня сорок девять тысяч фанатов забили стадион «Кезар» в юго-восточном углу парка Голден Гейт, чтобы увидеть цепповский спектакль. Палец Джимми ещё болел, но состояние значительно улучшилось. Он вытерпел концерты в Лос-Анджелесе и знал, что сможет и в Сан-Франциско.

Билл Грэм, промоутер концерта в «Кезаре», был поражён скоростью продажи билетов:

— Мы могли продать в три раза больше билетов, может ещё, было бы куда.

Перекупщики были в ударе. Изначально они продавали билеты по двадцать пять долларов, но вскоре просили гораздо больше… пятьдесят, сто, даже двести долларов за билет.

Грэм открыл ворота в пять тридцать утра, и три тысячи поклонников, болтавшиеся в парке две ночи, ворвались внутрь, будто там раздавали деньги, а не шарики и летающие тарелки от Билла Грэма. Zeppelin вышли на сцену после полудня после выступления трёх разогревающих составов (Рой Харпер, The Tubes и Ли Майклз), которые только злили толпу, в нетерпении ожидавшую группу, ради которой пришли.

Наконец, в три-тридцать и в течение двух с половиной часов Led Zeppelin трясли город, хорошо знакомый с землетрясениями.

Они начали с «Rock and Roll», и с этого момента начался праздник Led Zeppelin в лучшем виде. Толпа отреагировала с энтузиазмом на «Dazed and Confused», «The Song Remains the Same» и «Whole Lotta Love». Но группа могла сыграть «Chopsticks» и сорвать бурю эмоций.

В нескольких кварталах по Парнассус-авеню пациенты Калифорнийского медицинского центра пытались отдохнуть, но шум от концерта не давал им спать. В Пресидио (военная база в г. Сан-Франциско — прим. пер.) солдаты в карауле клялись, что чувствовали вибрацию. Может быть, только сорок девять тысяч заполнили стадион, но весь город знал, что Zeppelin в городе.

Когда я собрал чеки от концерта в Кезаре, доход составил триста двадцать пять тысяч.

— Это лучше, чем в Тампе, на шестнадцать тысяч, — сказал я группе уже в лимузине по дороге в аэропорт.

— Мы должны рассказать об этом Дэнни Голдбергу, — воскликнул Бонзо, потрясая кулаком в воздухе. — Я хочу, чтобы долбанные Стоунз услышали о толпах, что мы собираем. Они и близко к нам не подойдут. Ни на шаг!

На пути в Лос-Анджелес, тем не менее, группа позабыла о рекордах продаж и безумии толпы, по крайне мере на какое-то время. Частный самолёт только оторвался от земли, как попал в зону турбулентности, созданной гигантским авиалайнером, взлетевшим перед нами. Наш самолёт болтало, швыряло, трясло, в результате чего в салоне возникла сильная тревога.

Никто не разговаривал, за исключением случайных ругательств, за которые можно простить и Мать Терезу, окажись она в подобных обстоятельствах. Мы вжали плечи, нас затошнило, пот потёк градом.

В тот или иной период времени каждый из нас изводил нервы во время полётов. Бонэм прошёл через период такого дикого страха, что не садился в самолёт, пока не выпивал. Джимми никогда не любил летать, иногда во время тряски он едва не падал в обморок.

В тот день над Сан-Франциско, как только пилот выровнял самолёт, Питер взбесился:

— Хватит этих хреновых маленьких самолётиков! Мы в последний раз пользуемся ими! Никогда больше!

Перед посадкой в Лос-Анджелесе Питер отдал мне приказ:

— У нас скоро месячный перерыв в середине тура. Когда гастроли возобновятся, я хочу большой авиалайнер. Меня не волнует, сколько он стоит. Достань нечто большое, чтобы мы не чувствовали, что летим.

37. Starship

Группа вернулась в Англию передохнуть, а я потратил остаток июня на поиски самолёта, удовлетворившего бы не только экстравагантные вкусы, но и способного успокоить экстравагантные нервишки и сделать полёты более комфортными.

Я позвонил Лу Вайнстоку из Toby Robetrson Tours, которые предоставляли самолёты для Элвиса. Лу дал мне брошюру с описание Боинга под названием Starship, модель 720B вместимостью в сорок мест, созданный специально для рок-звёзд, хотя никто не брал его на долгий срок. Честно говоря, я сомневался, что кто-то может позволить его себе.

Самолёт принадлежал певцу Бобби Шерману и одному из создателей Monkees. Он был очень элегантным, с телевизорами, искусственным камином в углублении и кроватью с меховым покрывалом, с кухней для приготовления горячей еды.

— Он похож на Борт номер один с атласными простынями, — сказал я Питеру.

— Узнай, какую цену можно обговорить, — ответил Питер. — Звучит заманчиво. И Дэнни Голдберг смог бы сделать из этого отличную историю.

После нескольких длинных телефонных переговоров сделку я заключил. Цена — тридцать тысяч долларов за оставшиеся три недели американских гастролей. Да, это было дорого. Но группа привыкла к удобствам, комфорту и роскоши, и цена не имела значение.

Как сказал Роберт во время первого полёта:

— Ты словно находишься в летающем дворце.

Самолёт находился в аэропорту Чикаго, он стоял рядом с лайнером Хью Хефнера. Благодаря Голдбергу рок-пресса кишела на взлетно-посадочной полосе, когда мы впервые входили на борт. Один репортёр спросил Питера:

— Как вы можете сравнить ваш самолёт с самолётом мистера Хефнера?

Питер подумал секунду, и хотя он не видел внутреннее убранство, ответил:

— Перед Starship'ом самолёт Хефнера выглядит, как жалкая игрушка.

Комментарий облетел заголовки всей рок-прессы, хотя позже Бонэм сказал мне:

— Я бы не отказался от девочек Хефнера на нашем борту.

— Не волнуйся, — ответил я. — У нас будет много девушек. Я

присмотрю за этим.

Группа не только сразу полюбила Starship, но им льстил статус обладания таким элегантным самолётом, предметом зависти других рок-групп. Может быть, Стоунз освещались лучше в прессе, но ни у кого не было такого лайнера.

Для того, чтобы минимизировать степень истощения, как физического, так и психического — неотъемлемой части гастролей, а также использовать преимущество самолёта полностью, я продумал специальную стратегию. Для текущего и прочих американских туров мы базировались в ограниченном количестве городов — Нью-Йорке, Чикаго, Новом Орлеане, Далласе, Майами и Лос-Анджелесе, в отелях, где чувствовали себя комфортно. Из этих стартовых площадок мы летали на концерты в Милуоки, Кливленд, Филадельфию, Бостон и другие города. Больше не было нужды переезжать в новый незнакомый отель каждый день.

Во время перелётов на концерты настроение было сравнительно тихим. Но сумасшествие начиналось на послеконцертных рейсах. Не важно, какой час, не важно, как сильно мы устали, никто не спал, особенно когда в изобилии горячая еда, пиво, стюардессы и девочки.

С другой стороны, в то время как Zeppelin укрепили свою репутацию лучшей группы мира, всё меньше групи бросались в наши объятия, чем в ранние дни. Одна семнадцатилетняя блондинка, с которой мы познакомились в Лос-Анджелесе во время тура, рассказала мне:

— Мои подруги даже и не пытаются попасть к вам, парни. Ваша охрана такая суровая, что к вам и близко не подойдёшь.

Большая часть старых групи исчезли. Кто-то просто вырос. Некоторые вышли замуж. Очень много умерло от наркотиков. Но мы до сих пор встречали девочек в клубах типа «Рэйнбоу Бар энд Гриль», и мало кто отказывался от приглашения слетать на Starship. Когда хотелось, спальня предоставляла возможность уединиться.

Среди прочих игрушек, на борту был телефон, и когда мы летели в Лос-Анджелес, я звонил в «Рэйнбоу», предупреждая о нашем появлении. Обычно я звонил Тони или Майклу, управляющим клуба, и говорил им:

— Мы приземляемся в девять-тридцать, затем тридцать минут проведём в дороге из аэропорта. Пожалуйста, приготовьте наши столики и «Дом Периньон».

В «Рэйнбоу» никогда не отказывали. Они нас испортили, но на этом этапе карьеры мы ожидали, и почти всегда получали — особое отношение.

Линда и Шарлотта, наши любимые официантки-мамочки, отгораживали территорию для Led Zeppelin, и никто не мог пересечь демаркационную линию, пока кто-то из нас не подавал сигнал. Обычно молоденькие девушки со слоями косметики на лице, в облегающих топах, коротких юбках и на высоких каблуках имели больше шансов получить доступ в наше пристанище.

В Starship'е были и другие развлечения. Холодильники были всегда полны — шампанское, пиво, вино, скотч, Джек Дэниелз и джин. Брюхо самолёта было заставлено бутылками Дома Периньона (1964 и 1966 года производства) и пива Синга. Мы пили всё подряд, но иногда предпочитали что-то конкретное из алкоголя, или наркотиков, — и это становилось «предпочтением» на определённый тур.

Когда он не сидел в углу за нардами, Джон Пол часто играл на органе, а мы распевали пивные песни под аккомпанемент алкоголя. Мы пригашали стюардов — двух девушек и парня — принять участие в вечеринках, и хотя они относились к своим обязанностям серьёзно, всё равно стали неотъемлемой частью семьи Led Zeppelin. Мы не обращались плохо со стюардессами, Сюзи и Бьянкой, потому что они этого бы не потерпели, но подкалывали часто.

Сюзи была привлекательной восемнадцатилетней блондинкой; Бьянке исполнилось двадцать два, она была смуглая и с хорошим чувством юмора. Годы спустя Сюзи призналась мне:

— В семьдесят третьем, когда вы парни выходили из самолёта, а мы прибирались, то находили свёрнутые стодолларовые банкноты с кокаином внутри. Мы понимали, что находимся не на борту королевы Елизаветы, но вначале я была шокирована.

Как-то по дороге в Цинциннати, прошло пятнадцать минут после взлёта, я услышал стук и крики из туалета.

— Вытащите меня! Вытащите!

Это был Бонзо. Дверь была закрыта. Я выбил её парой ударов в стиле Брюса Ли: дверь задрожала и упала. И перед моими очами предстал Бонзо, восседая на унитазе, со спущенными штанами. Он не мог сдвинуться.

— Помоги мне, чёрт побери!

Как он ни пытался, но не мог встать. Скорее всего, клапан не был правильно закрыт внизу, и давление воздуха просто всосало его задом к стульчаку.

Я схватил Бонэма за руки и вытащил из ловушки.

— Боже мой, — вздохнул он. К счастью он был цел, хоть и потрясён.

Бонзо натянул штаны, кажется, его ничуть не смутило

происшедшее. Он был просто счастлив, что остался жив. Вернувшись в салон, он бормотал:

— Никогда больше не буду доверять унитазу.

Starship стал символом высокого полёта группы. Да, он был экстравагантен, претенциозен и от него отдавало снобизмом. Но группа заработала его, самолёт был не просто знаком веры в собственную важность. Во время тех полётов Питер говорил мне о планах посвятить свою жизнь группе и тому, что пришло время снять фильм — ещё один признак растущего самомнения.

Я впервые столкнулся с фактом, что фильм будут снимать, где-то в конце тура. Мы остановились в отеле «Шератон» в Бостоне, и я заметил два незнакомых имени в списке. Я позвонил Питеру и спросил, что это за парни. Он пригласил в себе в номер познакомиться с одним из них.

— Это Джо Массот, — сказал Питер. — Он — режиссёр и будет ездить с нами до конца тура.

Если группа собиралась сделать фильм, то Питер и Джимми хотели нечто особенное, нежели обычную документалку о концерте группы. Каждый член группы должен сделать вклад, чтобы показать свою индивидуальность.

Массот был одним из киношников, с которыми Питер разговаривал о проекте. Массоту было за сорок — высокий, смуглый, куривший гаванские сигары. Он был приятелем Шарлотты Мартен, которая и рассказала, судя по всему, о планах. Два года назад он был вовлечён в фильм «Захария», рок-вестерн, ставший культовым, благодаря появлению таких актёров, как молодой Дон Джонсон, и музыке Дага Кершоу и группы Country Joe and the Fish.

Множество режиссёров предлагало сделать фильм, но Массот вышел за рамки ещё одного Вудстока.

— Фильм должен сделать заявление о рок-музыке и тому, как живут музыканты, — сказал Массот. — Я хочу включить «сцены-фантазии», чтобы каждый участник группы помог развить эпизоды со своим участием.

Сначала Питер не проявил интереса к сценам-фантазиям. Но чем больше он думал о них, тем больше ему нравилась идея. Он несколько раз встретился с Массотом и после того, как они ударили по рукам, дал ему полный доступ к группе с камерой.

Питер настаивал, что финансирование должно быть за счёт собственных средств.

— Не хочу быть кому-то обязанным, — сказал он. — Будем следить за этими парнями, чтобы они не ободрали нас, как липку. Но я хочу, чтобы это был наш фильм!

Съёмочная бригада съездила с нами в Балтимор, Питтсбург и

провела три дня в Нью-Йорке в Мэдисон Сквер Гардене. Массот снял также группу за сценой, а затем установил камеры для съёмки всех трёх концертов в Мэдисок Сквер Гардене. Бригада использовала ручные камеры, группу снимали также в движении.

Однако, с самого начала у музыкантов возникло чувство, что съёмочная бригада не только не знает, что делать, но начинает реально досаждать. Некоторые члены бригады часто выдвигали странные требования и инструкции.

— Это очень важно, — ответил на это Массот. — Нам нужно, чтобы все участники группы носили одну и ту же одежду на всех трёх концертах. Если вы смените одежду, в кино не будет целостности.

Роберт подумал, что тот шутит.

— Он режиссёр или консультант по моде? — спросил он меня.

Даже Питер занервничал.

— Как ты думаешь, они знают, что делают? — спрашивал он, наблюдая за работой киношников. И хотя Массот собрал бригаду меньше, чем за неделю, но в некоторые неловкие моменты парни как будто впервые держали кинокамеры в руках. К счастью, они сняли столько материала, что пригодного для использования оказалось достаточно.

Кое-что по нашему настоянию держалось вне зоны досягаемости камер. Во время второго концерта Бонзо устроил соло в «Moby Dick», а другие музыканты могли минут двадцать отдохнуть. С нами была девочка из Бруклина, сидевшая в гримёрке, и пока Бонзо держал зал, она делала оральный секс остальным музыкантам.

Полицейский из Нью-Йорка охранял нашу гримёрку, в его обязанности входило держать камеру подальше от комнаты. У копа глаза на лоб полезли от наших факультативных упражнений.

— Да, парни, вот это жизнь у вас! — сказал он. — В полиции нам не предлагают такие услуги.

Те три шоу явились пиком тура: мест свободных не было, фанаты танцевали в проходах а мы заработали больше четырёхсот тысяч долларов за три вечера. Если бы у нас был печатный станок, то вряд ли бы смогли печатать деньги быстрее.

Часть 19

38. Ограбление

Приближались концерты в Мэдисон Сквер Гардене, и я был рад, что тур наконец заканчивается. Да, реакция фэнов воодушевляла, так было всегда, вечер за вечером. Но кроме всего, гастроли — всегда стресс: вечная спешка из отелей в аэропорт, назойливые поклонники, прокрадывающиеся в лифты и на лестницы, беспардонно стучащие в двери номеров. Мне не терпелось закончить тур.

— Спустя какое-то время гастроли реально напрягают, — жаловался Бонэм. Было последнее воскресенье июля, за несколько часов до начала последнего концерта тура. Каждое шоу — аншлаг, но все наши не могли дождаться, когда сядут в самолёт и полетят домой.

В Нью-Йорке мы остановились в отеле «Дрейк» на Парк-авеню. Это был тихий, элегантный отель; место, которое больше подходит королевской семье, чем английским рок-музыкантам и их групи, наркотикам и ночным выходкам. Но персонал отеля терпеливо выполнял ночные заказы и спокойно относился к девушкам в холле и лифтах. Иногда группа сбегала из отеля и направлялась в Гринвич-виллидж, чтобы покутить в клубе «Nobody's». Но в целом, к концу тура все так устали, что делали заказы в номера и проводили свободное время у телевизора, где как раз показывали новости по Уотергейтскому скандалу.

— Неважно, сколько у нас проблем, — пошутил как-то я. — У Никсона дела идут хуже.

В семь вечера в моём номере зазвонил телефон.

— Ричард, лимузины ожидают. Спускай мальчиков вниз, надо ехать.

Через три минуты мы зашли в лифт, резво пробежали через холл к лимузинам, которые сопровождали две полицейские машины. Я подошел к регистратуре, чтобы вытащить из сейфа двести три тысячи долларов, в основном стодолларовыми купюрами. На следующее утро мы вылетали в Лондон, и я планировал подбить финансы вечером.

Конечно, двести три тысячи — крупная сумма, но в те дни я в кармане всегда держал как минимум пятьдесят тысяч для удовлетворения капризов музыкантов, которые могли спонтанно что-то купить. Джимми часто покупал антиквариат в Америке. Бонэм иногда приобретал машины к концу тура, и он всегда предпочитал вести переговоры с наличными под рукой.

К окончанию тура 1973 года наличности скопилось больше обычного. Перед отъездом из страны я должен был денег

съёмочной бригаде, а также за оплату самолёта.

В общем, я вставил ключ в ячейку 51, вытащил ящик и открыл крышку.

Деньги — все двести три тысячи — пропали.

«О нет, не может быть,» — сказал я себе. Я был потрясён. Несколько секунд я тупо таращился на ящик и почувствовал, как по телу пробежал неприятный холодок. Я вытащил оставшиеся вещи — паспорта и карточку American Express, принадлежавшую Джимми — и снова пересчитал вещи. Тяжело взглотнув, я вернул ящик обратно, забрал ключи и вышел в холл.

Питер Грант и Стив Вайсс, наш адвокат, ждали меня.

— Питер, деньги пропали.

Питер подумал, что я шучу. Но мой голос сильно дрожал, а выражение лица говорило само за себя.

— Что значит, пропали? — спросил он.

— Сходи и сам посмотри. Денег в ячейке нет.

— О Боже мой! — вздохнул Стив.

И мы трое посмотрели друг на друга.

— Отвезём группу на концерт, — предложил Стив. — Они пока не должны знать об этом.

Он пошёл отправлять лимузины.

Питер обладал необузданным нравом, но в тот момент он был относительно спокойным.

— Когда ты в последний раз заглядывал в ячейку? — спросил он.

Я объяснил, что в три утра три фаната поднялись по лифту к номеру Джимми, с четырьмя гитарами. Они постучались, предложили купить инструменты. Джимми поиграл на гитарах, подумал немного и остановился на «Лес Поле», согласившись заплатить наличными. Он позвонил мне и попросил восемьсот долларов за гитару.

— И я спустился к ящику и вытащил восемьсот долларов, — сказал я Питер и Стиву. — Я отнёс деньги в номер Джимми, отдал их парням и попросил выписать квитанцию. Потом вернулся к себе. Кто-то залез в ячейку после этого.

— Нам нужно вызвать полицию, — ответил Стив.

Когда он подошёл к консьержу и попросил вызвать копов, я запаниковал. Конечно, я был обеспокоен пропажей денег, но у меня имелись и другие причины для волнения: расследование ограбления может привести к тому, что полиция начнёт обыскивать наши номера — а там полно наркотиков, в основном кокаина. Если копы найдут его, пропажа двухсот трёх тысяч долларов покажется детской шуткой по сравнению с хранением наркотиков.

У нас всегда на гастролях было полно наркотиков, которыми нас снабжали поклонники и друзья. За годы у меня накопилось много связей, и я знал, кому позвонить, когда надо. Группа никогда не отказывалась от «подарков». Глядя назад, я удивляюсь, как нас ни разу не поймали.

И после вызова полиции наркотики стали моей главной головной болью. Я дал указания одному из наших работников убрать наркотики из номеров.

— У меня кокаин лежит под ковром возле лампы у окна, — сказал я. — В других номерах, вероятно, есть кокаин и марихуана. Посмотри в комнатах Джимми, Роберта, пройдись по всем, короче. Загляни под ковры и под матрацы. Избавься от всего. Быстро.

Вскоре около дюжины полицейских появились в отеле. По причине масштаба ограбления приехала также ФБР. Питер, Стив и я встретили их в холле, где я объяснил, как нашёл пропажу. Они выслушали меня, сделали заметки и проверили ячейку.

Ящик не взламывали — а у меня единственного, судя по всему, были ключи, — я стал главным подозреваемым. Целый час меня допрашивали. Да, ограбление меня потрясло, но если я и нервничал во время допроса, то только потому, чтобы потянуть время подольше, пока в номерах убирались. Боб Эстрада, молодой перспективный агент ФБР, задавал большую часть вопросов:

— Сколько денег было в ящике, Ричард?

— Не могу сказать точно. Нужно посчитать. Когда один из членов группы хочет пройтись по магазинам или ещё что, я просто брал пачку купюр и записывал расходы. К концу тура я подбиваю баланс. Думаю, там было около двухсот тысяч долларов.

— Где Вы храните ключи?

— У кромки кровати, между матрацем и рамой.

— Кто ещё об этом знал?

— Никто.

— Может, кто-нибудь видел, как Вы кладёте их туда?

— Ну, девушка по имени Дайана была со мной. Вчера она провела ночь у меня. Но я точно знаю, что она не видела, как я прячу ключи.

— Если у Вас единственные ключи, Ричард, как кто-то мог залезть в ящик, кроме Вас?

— Не знаю. Надеюсь, вы сумеете разобраться. Люди за стойкой видели, как я иду к ячейкам, беру и кладу деньги. Они знали, что там много денег, поэтому могли залезть туда. Может, у кого-то из служащих есть дубликат.

Не могу сказать, поверил Эстрада или нет. Но к концу допроса я устал, был опустошён и подавлен, и просто хотел, чтобы всё поскорее прошло. Позже тем вечером ФБР осмотрело наши номера; к счастью, они были полностью «дезинфицированы».

Группа узнала о деньгах во время концерта, пока Бонэм исполнял соло в «Moby Dick». Питер, появившийся к тому моменту, рассказал новости Джимми, Роберту и Джону Полу. К удивлению, они особо виду не подали.

— Они повели себя, как профессионалы, — рассказывал Питер. — Конечно, они не обрадовались. Каково тебе, когда тебе говорят, что ты обеднел на двести тысяч долларов? Но они вернулись на сцену и доиграли концерт.

К окончанию шоу пресса прознала об ограблении. Музыку вытеснили внесценические дела. Репортёры заполнили холл «Дрейка», но не в поисках музыкальных историй. Казалось, Led Zeppelin снова вот-вот распнут.

Лимузины доставили музыкантов ко входу отеля, и они прошли к лифтам. Они устали от длинного тура и не были в настроении общаться с прессой. Но репортёры начали задавать вопросы: («Кто взял деньги, Джимми?»), всюду мелькали вспышки.

— Ничего не знаю об этом, — ответил журналистам Джимми. — Давайте поговорим позже. Мы бы хотели побыть одни.

Питер не выдержал. Он заорал на фотографа из New York Post:

— Кончай мудохаться со своей камерой. Никаких фотографий!

Фотограф проигнорировал требование:

— Ещё пару снимков.

Питер впал в бешенство, он схватил «Никон» бедолаги и швырнул его на пол. Линза треснула, вспышка разбилась вдребезги. Фотограф бросился на пол спасать имущество.

Полиция, допрашивавшая в «Дрейке» персонал, арестовала Питера, обвинив его в нападении. Да, это была не наша ночь.

— Какой-то абсурд, — негодовал Роберт. — Так относятся к людям в этой стране? Кто-то, блядь, грабит нас, а они бросают в камеру одного из наших!

Питера доставили в Томбс (тюрьма в Нью-Йорке — прим. пер.), хотя он провёл там всего час. За это время его сфотографировали, сняли отпечатки пальцев и посадили в камеру, полную отъявленных преступников. Но один благожелательный охранник — фанат рок-н-ролла, любивший

Джимми Пейджа со времён Yardbirds — узнал Питера и посоветовал снять кольца с бирюзовыми камнями, золотой браслет и цепочки, дабы избежать проблем в камере.

— Когда войдёте туда, — сказал охранник. — Ни с кем не говорите.

Пока Питер противостоял злостным взглядам сокамерников, Стив Вайсс бегал как угорелый, чтобы освободить его под залог. А в это время приехала ФБР допросить Питера по поводу ограбления.

— Грант, — крикнул охранник.

— Здесь! — ответил Питер.

— Грант, ФБР хотят видеть тебя.

ФБР? Сокамерники Питера переглянулись. Он явно завоевал их уважение. Один из них пробормотал: «Должно быть, ты самый настоящий сукин сын, раз ФБР хотят тебя». Не знали они, что Питера арестовали за нападение на «Никон»!

В отеле ФБР допрашивала членов группы, одного за другим. И большая часть вопросов посвящалась моей личности.

— Я не могу поверить, что Коул имеет к этому отношение, — сказал Роберт ФБР-овцам. Он сидел на кровати и потягивал напиток. Каждый новый вопрос выводил его из себя.

— Он наш тур-менеджер и отвечает за деньги много лет, — говорил Джимми. — Он работает на нас, потому что на него можно положиться. Боже, если Ричард хотел украсть деньги, он достаточно умён подождать, пока не накопится больше.

Группа знала, что я никогда бы их не наебал. Я держал их деньги во время гастролей, и баланс всегда сходился — по крайне мере, в конце так всегда получалось. Иногда не хватало нескольких сотен долларов, и я просил музыкантов помочь вспомнить, куда потратили деньги.

— Ты не помнишь, как дал мне триста долларов, — говорил Бонэм. — За напитки в баре два дня назад?

Или Джимми напоминал мне:

— Ричард, не забудь о двухстах долларах за шлюху.

И всё сходилось. Никогда не было никакого обмана.

Позже в ночь ограбления, после того, как у ФБР закончились вопросы, мы с группой пошли повеселиться в соседний отель «Карлайл», где их чествовали Atlantic Records. Президент компании Ахмет Эртегюн планировал презентовать команде золотой диск за «Houses of the Holy», который находился на вершине чартов около трёх месяцев.

На вечеринке мне впервые удалось поговорить с парнями после ограбления.

— Извините за беспокойство, — сказал я им в смятении и со

стыдом. — Жаль, что тур закончился не на высокой ноте.

— Не волнуйся, Ричард — ответил Бонэм. — В Америке столько оружия и психов, что мы должны быть благодарными, что никого не пристрелили. Веселись!

Да, я был готов как следует оттянуться. Друг из звукозаписывающей компании пополнил мои запасы кокаина, и я отвлёкся. Я поделился наркотиком с группой — всем нужно было расслабиться от последних событий — и мы прилично отдохнули, после того, как Ахмет подарил нам золотой диск.

— Если мы расплавим золото, — пошутил Бонзо. — Сколько кокаина можно получить за него?

Нью-йоркские газеты пестрили новостями об ограблении. Первая полоса «Daily News» гласила: «Led Zeppelin ограбили на 203 тысячи». Пресса назвала это крупнейшей кражей из сейфа в истории Нью-Йорка.

Дэнни Голдберг понимал, что преступление ломает его тщательно продуманный план по привлечению внимания к музыке Led Zeppelin. Он старался сохранять спокойствие, но проявлял нервозность, иногда отвечал репортёрам резко, особенно если задавали один и тот же вопрос в сотый раз. Ему приходилось иметь дело с кучей запросов об интервью, но не по поводу альбома или золотого диска. Вместо этого прессой завладела не только тема ограбления, но и финансовых «избытков» и «причуд» группы, нашего эксцентричного образа жизни и «безответственного» способа ведения бизнеса, позволявшего класть в сейф больше двухсот тысяч долларов. Кошмар для пресс-агента.

В свете кражи возвращение в Лондон пришлось отложить на день, и Дэнни рекомендовать встретиться с прессой, отвечать на их вопросы, чтобы побыстрее закрыть тему. Группа посовещалась, но отвергла эту идею.

— Это глупо! — сказал Роберт. — Мы не можем просто играть музыку и игнорировать остальное дерьмо?

Питер решил встретиться с прессой самому. Он пришел в зал для встреч при отеле, превратившийся в клетку со львом, в которой столпилось две дюжины репортёров. Там же стоял целый ряд телекамер. Одетый в рубашку в горошек, с шарфом на шее, Питер нёс отпечаток последствий последних суток. Он старался сохранять спокойствие, так как вопросы доходили до абсурда.

— Этот трюк специально придумали, чтобы привлечь внимание прессы?

— Конечно, нет. Нас интересует только внимание к нашей музыке.

— Группа теперь презирает Америку? Вы вернётесь сюда

снова?

— Ограбление — не есть обвинение Америке. Мы любим страну и людей.

А наверху в нетерпении томилась группа. Им очень хотелось поехать домой. Особенно Джимми испытывал давление. Пейджи всегда выглядел бледным и тощим, но в этот раз он невероятно устал.

— Утомление не влияет на мою игру, — сказал он. — Но вне сцены я с трудом держусь на ногах, мне трудно контролировать нервы и адреналин. А кража подливает масла в огонь. Когда мы, наконец, поедем домой?

Наконец, 31 июля мы влезли в лимузины и поехали в аэропорт JFK, чтобы полететь домой в Лондон. Но даже в аэропорту дело об ограблении нас не оставляло. В ожидании рейса мы сидели за выпивкой в клубе «Pan Am Clipper», и к нам неожиданно пожаловали Боб Эстрада с коллегой.

— Привет, ребята, — сказал Боб. — Уже улетаете?

— Да, — ответил я. Появление ФБР сбило меня с толку.

— Что ж, удачного полёта.

Они ушли так же быстро и таинственно, как и появились. Мы недоумённо переглянулись.

— Что это было? — спросил Джимми.

— Наверное, они думают, что деньги у нас, — ответил Питер. — Бьюсь об заклад, они проверяют наш багаж.

Скорее всего, так и было. Когда мы получали багаж и проходили таможню в Хитроу, одежда в чемоданах была беспорядочно сложена, не так, как перед отлётом. Пара туфель Бонзо из змеиной кожи пропала, вероятно, ФБР их конфисковала, чтобы вскрыть — не спрятаны ли двести тысяч долларов в тонкой, ручной работы платформе? Две другие пары Бонзо — розовые и зелёные — были разрезаны.

После таможни нас ожидали припаркованные у тротуара лимузины. Джимми недавно купил прекрасный дом у актёра Ричарда Харриса в районе Кенсингтон; ему не терпелось приехать домой, поэтому он ехал в отдельном лимузине. Роберт и Бонэм жили в пятнадцати километрах друг от друга, они поехали вместе. Джон Пол, Питер и я, каждый ехал в своём лимузине.

Дорога домой прошла не без остановок. Бонэм и я просили шофёров останавливаться у пабов. Нам обоим нужно ехать два с половиной часа, слишком долго без выпивки. Не важно, который час, мы всегда находили открытый бар с богатым выбором английского пива: Copper Kettle, George, Swan.

Вероятно, по причине кислого конца тура 1973 года Led Zeppelin не поедут на гастроли в течение полутора лет. А я просто

был сыт по горло делами и хотел переосмыслить собственное будущее. Новых туров не намечалось, в офисе Питера работы было немного, и я проводил время в пабах и в одиночестве дома, коттедже семнадцатого века, превращённого в уютный дом с полуэтажами. Мозг, в основном, был затуманен алкоголем, поэтому было трудно что-либо планировать.

Я съездил ненадолго в Румынию на Чёрное море, а по возвращении меня ждало сообщение от Питера с просьбой приехать к нему домой. Это была самая короткая встреча на моей памяти.

— Ты уверен, что не имеешь ничего общего с ограблением в Нью-Йорке? — спросил он.

Я не мог поверить, что вопрос до сих пор не закрыт.

— Абсолютно, — ответил я, вложив в голос достаточно разочарования. — Я не знаю, кто взял деньги. Это правда.

— Ты думаешь, кто-то из носильщиков мог взять ключи без твоего ведома?

— Невозможно. Происшедшее осталось для меня загадкой.

Разговор о краже возник в последний раз. Группа впоследствии подала на отель «Дрейк» в суд и получила серьёзную компенсацию. Ну и испытание!

39. Снимите их в кино

В октябре 1973 года Джо Массот с бригадой приготовился снимать самые креативные эпизоды цеппелиновского фильма. Он был доволен качеством съёмок нью-йоркских концертов, а теперь собирался развивать индивидуальные эпизоды с участием музыкантов, в основном возле их домов. Массот велел им не сдерживать фантазию и стараться ярче отразить личности каждого. Джон Бонэм решил, что Массот выжил из ума.

— Я покажу ему своих быков, блядь, но я не знаю, что интересного можно из этого сделать, — сказал Бонзо. — Мы должны взять его в бар, чтобы он увидел, как мы надираемся до потери памяти.

Потом он спросил:

— Он вообще знает, что делает?

В то же время, сама группа начала испытывать терпение режиссёра. Джимми захотел снять эпизод в крутой гористой местности, где он встретил бы древнюю фигуру в плаще с капюшоном. Джимми хотел не только сыграть оба персонажа, но и снимать сцену ночью.

Массот и помощники только качали головами, словно говоря: «Ещё одна испорченная рок-звезда с сумасшедшей идеей!». Тем не менее, они соорудили леса на склоне горы, установили свет, чтобы картинка не напоминала выключение электричества в Лондоне.

Джимми вскоре понял, что сам себя закрывает перед камерой. Массоту пришлось переснимать сцену несколько раз, и только после шестого или седьмого дубля Джимми устал спускаться и подниматься по горе. Между дублями он пытался отдохнуть, но едва переводил дух, как камеры снова включались.

Бонзо позабавило выпавшее на долю Джимми испытание:

— Если бы этот ублюдок ел мясо, то энергии ему хватило на покорение Альп. Я даже зарежу одну из коров, если он бросит своё долбаное вегетарианство!

Осенью Питер попросил взглянуть на отснятые материалы. Ему почти ничего не понравилось.

— Кое-что вообще, блядь, просто позорище, — сказал он мне. — С меня хватит! Получается самое дорогое домашнее кино в мире!

В конце года Питер согласился принять участие в фильме, и киношники сняли вечеринку у него дома в честь дня рождения его жены. И хотя он был разочарован съёмками, тем не менее, хотел довести кино до конца. У Питера был дом в средневековом

стиле, и для вечеринки официанты надели средневековые костюмы. Когда они не подавали еду, то ради смеха устраивали поединки на лужайке.

Через несколько месяцев, когда работа над фильмом замедлилась, Питер не выдержал. Массот покинул проект и был заменён режиссёром Питером Клифтоном. И при всём при этом, фильму еще предстоял долгий путь. Его выпустят на экраны только через три года. Это был проект без конца и края.

Фильм зажил собственной жизнью, а группа собралась на первые репетиции для следующего альбома. Джимми пригласил группу к себе домой в поместье Пламптон Плейс, где они начали обсуждать и сочинять новый материал. У них были неиспользованные вещи с последнего посещения Хедли Грейндж, в частности, «Houses of the Holy» и «Night Flight». Плант даже вытащил песню «Down by the Seaside», написанную им и Пейджи ещё в Bron-Yr-Aur.

В это время Джимми работал над саундтреком к фильму Кеннета Энгера, американского режиссёра, снявшего серию культовых короткометражек, самый известный из них — «Восхождение Скорпиона» — которые критики нашли малопонятными. Как и Пейджи, Энгер преклонялся перед Алистером Кроули. Режиссёр был впечатлен тем, что Джимми купил дом, принадлежавший Кроули. Пейджи рассказал ему историю, что в средние века там казнили человека, а дух продолжал жить после обезглавливания тела. Ходили рассказы об убийствах и самоубийствах в этом доме, но никто не был уверен, что был ли это плод разыгравшейся фантазии Джимми.

Пейдж и Энгер подружились, и когда Энгер работал над «Восхождением Люцифера», фильмом на сатанинские темы, то попросил Джимми написать музыку для него. Джимми, однако, всегда ставил на первое место Led Zeppelin. Даже когда у него было свободное время, он всё равно откладывал проект Энгера.

Когда Пейджи сыграл написанный материал, режиссёру услышанное не понравилось. Энгеру музыка показалась слишком мрачной, и он попросил переделать её. Процесс затянулся, и Энгер через прессу делал нападки на отсутствие дисциплины у Пейджи. Мы слышали, как Энгер высказывался друзьям, что Пейджи — наркоман.

Я был шокирован обвинениями Энгера. Даже если Пейджи и наркоман, значит я тоже. Мы оба принимали до черта кокаина. Но я не был готов принять факт, что у меня проблема и думал, что у Пейджи также нет проблем. Если бы мы были честными перед собой и посмотрели непредвзято на своё поведение, то смогли бы избежать множества страданий на пути.

Часть 20

40. Кому закуску?

В канун Нового года я пообещал себе, что 1974 год будет лучше. Ограбление в Нью-Йорке постепенно забывалось, но очень тяжело. Я не думал об этом каждый день, во многом благодаря выпивке и кокаину. Но когда оно всплывало в памяти, я погружался в меланхолию.

Однако, новый год должен был быть многообещающим. Я повстречал молодую женщину по имени Мэрилин, прекрасную актрису и бывшую модель «Плэйбоя». Она была доброй, чувствительной, творческой личностью с прекрасным чувством юмора. И внешность не вызывала отвращения. Я нуждался в заботе, и она заполнила пустоту в моей жизни. Мы полюбили друг друга и вскоре заговорили о свадьбе.

Когда я познакомил Мэрилин с семьёй, моя маленькая ирландская мамочка сделала такой вывод: «Чёрт побери, у тебя было много женщин, пора остепениться. Судя по виду твоей невесты, мужчин у неё хватало. Удачи вам обоим!»

Мама никогда не была дипломатичной. Лицо Мэрилин стало таким кислым, словно она съела лимон; мне стало стыдно за маму. Мне кажется, мама ей никогда не нравилась.

1973 год подходил к концу, мы с Мэрилин назначили дату свадьбы — 2 января. Я купил серый костюм, договорился о регистрации в Кэкстон-Холле. Я был так счастлив, что жизнь снова входит в колею.

Свадебное торжество прошло в клубе «Плэйбой», присутствовали члены Led Zeppelin, The Who и Bad Company. Для этого потребовалось нанять тридцать человек из службы безопасности, чтобы высокие гости чувствовали себя в безопасности. Охрана так здорово сработала, что не пускала владельца клуба Виктора Лоунса, пока я не вмешался.

На церемонии бракосочетания регистратор — лысый коротышка с редкими зубами — посмотрел на знаменитостей позади меня и вскрикнул:

— Ой, можно взять у вас автограф, сэр?

Я подумал, что он говорит с Пейджи или с Китом Муном. Но он прошёл мимо них и подал ручку с бумагой Лайонелу Барту, автору мюзикла «Оливер!».

— Рок-музыкантов поставили на место! — пошутил я с Питером.

Роберт Гейнс Купер, производитель игровых автоматов, живший в моей деревне, предоставил на свадьбу шесть своих Роллс-ройсов модели Фантом. Само торжество — подарок от

Питера. В тот день я так напился, что без конца повторял, как я ему благодарен.

Как остепенившийся человек, я подумал, что стоит переосмыслить свою профессиональную карьеру. Led Zeppelin начало года проводили в студии, записывая шестой альбом, планов на гастроли не было. Питер попросил меня съездить в Штаты с Мэгги Белл. Я знал, что в Лондоне работы было немного, но мне нравилось жить в Великобритании, там были мои друзья. И я решил открыться другим возможностям.

Тем временем, после свадьбы Питер Грант созвал пресс-конференцию, объявив, что Led Zeppelin формируют собственный рекорд-лейбл, Swan Song. Пятилетний контракт с Atlantic Records подошёл к концу, и Питер с Джимми верили, что собственная компания даст им больший творческий контроль — а возможно и большую финансовую отдачу.

За прошедшие годы другие музыканты — включая The Beatles и Stones — создавали собственные звукозаписывающие компании, чаще всего, чтобы потешить эго. В случае Led Zeppelin создавалось впечатление, что и они тем самым решили раздуть свою значимость. На пресс-конференции они пели себе дифирамбы и ставили амбициозные цели. Тем не менее, Джимми отметил:

— Это всё не из-за самомнения. Мы планируем записывать и поддерживать других музыкантов, не только Led Zeppelin.

Вскоре новый лейбл заключил контракты с Bad Company, певицей Мэгги Белл и группой Pretty Things, они также искали и новые таланты.

Дэнни Голдберга переманили из «Солтерс, Роскин и Сейбинсон» управлять новой компанией из небоскрёба на Мэдисон-авеню в Нью-Йорке. Офис в Лондоне открыли на Кингз-роуд. Затем начались вечеринки. Для празднования основания «Swan Song» мы слетали в Штаты. Приёмы провели в отеле «Four Season» в Нью-Йорке и «Бел-Эйр» в Лос-Анджелесе.

По дороге в Нью-Йорк мы сильно пили, но Бонзо установил рекорд высшего разряда. Джин с тоником. Вино. Несколько бокалов шампанского. Он один не давал присесть стюардессе все семь часов полёта.

Часа через четыре Бонзо так напился, или ему было слишком лень, чтобы сходить в туалет. И он не придумал ничего лучшего, как напустить в штаны, и продолжить пить.

Вскоре сидеть в моче стало неуютно.

— Хватит с меня, — сказал он, поднялся и быстренько проскочил мимо меня по направлению к эконом-классу. Пока он шагал по проходу, большие мокрые пятна вызвали смешки

пассажиров, но ему было наплевать.

Бонэм встал перед Миком Хинтоном, безмятежно читавшим «Спортс Иллюстрейтед»:

— Мик, ты мой ассистент, правильно?

— Верно.

— И ты должен делать, всё, что я попрошу, так?

— Так.

— Я хочу тебя отблагодарить и дать тебе своё место в первом классе до конца полёта. Ты заслуживаешь лучшего отношения. Ты полетишь первым классом, а я займу твоё место! Садись на место 3А.

Мик обрадовался:

— Это так чертовски мило с твоей стороны, Бонзо. Замечательно.

Мик встал, похлопал Бонзо по плечу и пошёл в салон первого класса.

— Извини, Ричард. Дай я пролезу на место Бонзо. Он разрешил.

— Мне кажется, тебе потребуются водонепроницаемые штаны, — ответил я. — А то плюхнешься в писсуар.

Мик посмотрел на сиденье и побледнел.

— Это то, что я думаю? — спросил он.

Не успел я ответить, как стюардесса объявила, что пассажиры должны занять свои места, поскольку самолёт вошёл в зону турбулентности. Мик расположился, как мог, но до конца рейса ёрзал и не находил себе места. По салону первого класса распространился аромат, исходивший от места 3А.

Мы поселились на Манхэттене в отеле «Сент-Регис». На самой вечеринке я взял тарелку из буфета и вывалил на неё содержимое сумки — кокаин.

— Кому закуску? — подсовывал я под нос тарелку членам группы.

Мы вели себя, как дети, таскающие сласти, пока никто не заметил. Скучковавшись в углу, мы вынюхали наркотик прямо с тарелки. Джимми, Бонзо и я завладели большей частью.

Вечеринка встала нам в копеечку, но Питер считал, что затраты в десять тысяч долларов стоят того. Однако, не всё пошло по плану. В качестве символов нового рекорд-лейбла ресторан должен был предоставить в зал белых лебедей. К сожалению, белые лебеди не водятся на перегруженном и криминальном острове Манхэттен. Они смогли достать только каких-то старых астматичных белых гусей, едва дышавших.

— Мы можем зажечь печи и приготовить засранцев на ужин, — заржал Бонэм, зловеще потирая руки.

В конце концов мы устали спотыкаться о гусей и стали выгонять их на улицу. Два гуся кинулись на проезжую часть и стали жертвами уличного траффика.

В Лос-Анджелесе дело обстояло гораздо лучше. Вокруг отеля раскинулись искусственные озёра с грациозными белыми лебедями. Место было чудесное, а список гостей включал целый набор голливудских знаменитостей, в частности Гручо Маркса.

В Лос-Анджелесе мы остановились отеле «Хайятт Хауз». И хотя группа не собиралась давать концерт, диск-жокеи FM-радиостанций круглосуточно объявляли, что Led Zeppelin вторглись в город. Сотни фанатов группы предположили, что мы будем в «Хайятте», и тоже туда прибыли. Холл заполонили фотографы с камерами наготове, броские девицы жаждали дотронуться до группы, ущипнуть кого-нибудь из них или даже больше.

Перед поездкой мы с Питером сели и обсудили вопрос безопасности. После ограбления я считал, что нам нужно лучше себя защищать. Питер думал в этом же направлении. Пресса много писала о крупных суммах денег, что мы с собой таскали, и мы боялись, что особо ретивые преступники решат, что Zeppelin — лёгкая цель для следующего большого дела.

И по рекомендации Билла Дотрича, консультанта по безопасности, мы сняли весь девятый этаж, частично десятый и одиннадцатый, и выставили охрану.

— Так вы будете лучше контролировать своё окружение, — сказал Билл.

Каждый музыкант имел угловой номер с охраной, обычно лос-анджелесскими полицейскими, не занятыми на работе. Они стояли у дверей номеров, у лифта и отгоняли непрошенных гостей.

Никому из членов группы не понравились меры предосторожности. Особенно возмущался Джимми. По его словам копы заставляли его нервничать больше, постоянно напоминая о том, что ему действительно есть о чём беспокоиться.

— У нас всегда были замечательные отношения с фэнами, — сказал мне Джимми. — Ужасно — создаётся впечатление, что мы окружили себя бандой головорезов.

Но было трудно спорить с тем, что по мере роста славы росла и степень уязвимости. Этот аргумент никто не смог оспорить.

Я любил «Хайятт», но персонал периодически забывал позвонить и разбудить меня. И я подошёл к одному из наших охранников.

— Скажи своему сменщику, чтобы разбудил меня в полдень. Пусть долбанёт прикладом пистолета по двери.

«Будильник» сработал безотказно. Поднявшись, я решил пригласить Бонэма пообедать. На мои звонки он не ответил, и я поднялся по лифту на одиннадцатый этаж. Охранник перед номером Бонзо, клон Шварценеггера, сказал мне:

— Мистер Бонэм дал мне указания, что никто не должен его беспокоить.

— Конечно, я не хочу, чтобы у тебя были проблемы с мистером Бонэмом, — ответил я и поковылял в свою комнату.

И сразу вышел на свой балкон на девятом этаже, полез на два этажа вверх, от балкона к балкону. По дороге меня угостили кокаином какие-то фэны. Дверь Бонзо была приоткрыта, и я вошел и начал его будить.

— Вставай, старик, — я тряс его изо всех сил. — Давай сходим поесть.

— Сколько времени? — спросонья он едва ворочал языком.

— Встретимся у моего номера через десять минут.

Я вышел через дверь его номера, чтобы вернуться в свою комнату по ступенькам. Охранник номера взглянул на меня, его глаза чуть не вылезли из орбит.

Я вежливо кивнул ему:

— Добрый день.

— Как ты туда попал? — спросил он, почёсывая голову.

— Чёрт его знает, — ответил я и пошел спускаться в холл.

Мы проводили много времени в «Рэйнбоу» и приводили оттуда девушек в отель, потом просили их принимать на крыше отеля солнечные ванны топлесс. В Лос-Анджелесе было что-то такое, что вызывало в нас дух декаданса. А поскольку девушки исполняли наши желания, так было всегда, то на что нам было жаловаться?

Даже и без любимого бара Джимми не оставался один. Конечно, у него была Лори Мэддокс, но и другие девушки соперничали друг с другом за право стать его «постоянной». Бебе Бьюэлл, высокая светловолосая модель, бывшая с Тоддом Рандгреном, привлекла внимание Джимми. Ещё была Крисси Вуд, чей брак с Роном Вудом из Rolling Stones дал трещину из-за взаимного притяжения между Крисси и Джимми. Даже Шарлотта прилетела на пару дней из Лондона.

Когда альбом Ронни «I've Got My Own Album To Do» вышел в свет, Warner Brothers устроили в его честь вечеринку, и нас тоже пригласили. Джимми взял с собой Шарлотту, но весь вечер ругался с ней. В их отношениях бывали непростые периоды, и я видел, что в этот раз они переживали громкую, хоть и кратковременную ссору. Но к окончанию вечеринки Пейджи ушёл с Крисси, а Ронни остался с Шарлоттой. В любви и на войне все

средства хороши.

Позже Ронни рассказал мне, что был сильно зол из-за обмена.

— Мне не понравилось то, что произошло. Моя часть сделки закончилась слишком быстро.

Полагаю, Ронни не получил того, что хотел.

Лори Мэддокс, которой едва исполнилось шестнадцать, не смогла бы выдержать такой конкуренции. Она была милой, где-то до сих пор невинной девочкой. С одной стороны она обожала Джимми, с другой — хотела прибить его. Ревность, свирепствовавшая среди девушек, за внимание одного из Led Zeppelin была сродни Оскару, Пулитцеровской премии и Нобелевской премии в одном флаконе.

Самим цеппелинам, конечно же, льстило такое подобострастие. А кому нет? Неудивительно, люди качали головой, когда я жаловался, что, несмотря на девушек и выпивку, жить в отеле становилось скучно. И чтобы внести разнообразие, я предложил парням переодеться в женскую одежду. Лучше ничего не смог придумать.

— Посмотрим, красивые ли вы «девчонки»! — подначивал я их. — Я сделаю несколько снимков, может быть, мы их используем для следующего альбома. И я выкину Энни Лейбовиц (известный американский фотограф — прим. пер.) из этого бизнеса.

С нами торчали три девушки. Они без лишнего разговора сняли одежду, и Джимми, Роберт и Бонзо напялили её на себя. Швы треснули, на чулках поползли стрелки.

— А теперь вам нужно накраситься, — сказала Лори. Она помогла Джимми и остальным нанести губную помаду и румяна. Интересно, но парни не чувствовали себя неловко, они ничуть не стеснялись. На самом деле, им даже нравился новый образ. Эх, видели бы их трансвеститы Нового Орлеана!

Мы так увлеклись импровизированной фотосессией, что забыли о том, что должны встретиться с Джорджем Харрисоном за обедом.

— Давайте поприкалываемся над Джорджем, пусть он посмотрит на нас, — предложил Роберт.

Когда Харрисон появился в отеле, с ним пришел Стиви Уандер. Джордж поглядел на Бонзо, Роберта и Пейджи и свалился на пол от смеха. Он так заразительно смеялся, что вскоре истерика передалась на других, кроме Стиви.

— Что смешного? — повторял он, слегка улыбаясь. Он знал, что-то происходит, но не был уверен, что конкретно.

«Чёрт, — подумал я. — Надеюсь, Стиви не подумал, что смеются над ним». Наверное, так же подумали остальные. Смех

прекратился. Все были пристыжены.

В Лос-Анджелесе произошли и другие неприятные случаи, во всяком случае, для меня. Мы с Робертом не ладили без видимой причины. Мы спорили о таких мелочах, как время прибытия лимузинов. Или кто позвонит сделать заказ. Или каких девушек взять с собой из клуба. В какой-то момент я задался вопросом, не пора ли выбросить полотенце. Может, мне стоило делать всё, что угодно, кроме ссор с Робертом.

Но подумав, я понял, что расстроен не только из-за взаимоотношений с Плантом. С организацией Swan Song я думал, что мне предложат руководящую должность в новой компании, или небольшой процент от авторских отчислений группы. В конце концов, я был исключительно предан им с самого начала. Кроме Питера и самой группы никто не посвятил им самого себя так, чтобы вся организация работала безотказно. Но таких предложений не последовало. Я думал, что это нечестно.

Пока мы оставались в Лос-Анджелесе, меня колотило всего. Мне хотелось наброситься на кого-нибудь, выпустить пар. Одним из последних вечером мы ужинали в прекрасном индийском ресторане в Вествуд-виллидж, к югу от Калифорнийского университета. Участники Bad Company сидели за соседним столиком. Группы перекидывались добродушными шутками.

— Когда вы научитесь играть, тогда можно поговорить о музыке на одном уровне, — пошутил Бонзо.

Ужин шёл своим чередом, и тут Бонзо вдруг бросил тарелку с варёными овощами в сторону Bad Company. Она упала на пол, не причинив никому вреда. Но для меня выпал шанс оторваться. Я швырнул свою тарелку через пол-ресторана, и она спикировала на стол Bad Company. Мгновенно в ресторане началась пищевая война, длившаяся минут десять.

Карри летало по воздуху, обрызгивая клиентов за другими столиками. Цыплёнок-тандури приземлялся на ковры. Рис оседал на стенах. Обе команды от души веселились, а я избавлялся от подавленного состояния. Персонал ресторана повел себя так, словно наступил конец света. Менеджер вышел на линию огня и закричал:

— Я вызываю полицию!

В этот момент два копа из нашего окружения, встали из-за стола, вытащили значки и объявили:

— Мы из полиции!

Когда свалка утихла, мы просто заплатили за вред — четыреста пятьдесят долларов — и вышли вон.

Я знал, что мне нужно подумать — будет ли мне снова хорошо работать с Led Zeppelin. Но в тот момент меня занимал

ещё один пункт из нашей повестки, который я с нетерпением ждал — концерт Элвиса.

41. Король

— Парни, как вам — билеты в первом ряду на шоу Элвиса в «Форуме»?

Джерри Вайнтрауб, промоутер Элвиса и Led Zeppelin, сделал предложение, от которого невозможно отказаться. Мы видели концерт Элвиса в Лас-Вегасе несколько лет назад, такой экстраординарный вечер! И пропускать еще одну встречу с Королём не собирались.

К сожалению, никто из нас не был в форме, чтобы полностью насладиться концертом. Провеселились всю предыдущую ночь, мы с Бонзо изо всех сил старались не заснуть. Но Бонзо периодически отключался. Хорошо, что не храпел.

После начала концерта, когда Элвис спел «Love Me Tender», он сделал паузу и сказал толпе:

— Я хочу, чтобы вы знали — в зале присутствует моя любимая группа, Led Zeppelin. Пожалуйста, покажите их. Надеюсь, вы тоже горячо их поприветствуете.

Когда на нас направили прожектора, мы повернулись и помахали аудитории. Все, кроме Бонзо, крепко проспавшем приветствие. Я ткнул его локтем, он вздрогнул и проснулся, от яркого света инстинктивно потёр глаза.

— Ты никогда не произведёшь лучшего первого впечатления, — сказал я ему, в то время как он боролся со сном.

Элвис жил в отеле напротив зала. Когда концерт окончился, один из его роуди подошёл к нам:

— Элвис хочет, чтобы вы пришли к нему в отель.

Мы сразу согласились. Когда мы ходили на его концерт в Лас-Вегасе, то ушли через задний выход с другими фанатами. Встреча с ним — это что-то волнующее.

И хотя Zeppelin привлекали большие толпы и продавали больше пластинок, они всё равно нервничали, когда ехали на лифте на последний этаж в номер Элвиса.

— Он — король, — тихо сказал мне Роберт. — Я не знаю, о чем мы будем с ним разговаривать. Надеюсь, ты сможешь что-нибудь придумать.

Когда мы вошли, Элвис вышел поприветствовать нас. Мы чувствовали себя неловко, пожимая его руку. Элвис казался необычайно холодным в первые минуты. Может, нам стоило пойти домой.

А потом на его лице заиграла улыбка.

— Эй, — спросил он. — Все эти истории о вас — правда?

— Какие истории? — уточнил Джон Пол.

— Ну, то, что вы делаете на гастролях. Звучит дико!

Если мы сначала вели себя тихо, то сейчас вообще дар речи потеряли. Наконец, Роберт нервно ответил:

— Про нас ходит много слухов. У нас у всех есть семьи. Мы просто играем музыку. В основном мы этим занимаемся.

Элвис задумался.

— Ну а как вы развлекаетесь?

— Мы много слушаем музыки, — продолжил Роберт, и вдруг он запел «Treat Me Like a Fool», у Элвиса губы до ушей расплылись.

— Хороший выбор» — засиял Элвис. — Может, я с вами запишусь как-нибудь.

Из всех нас Бонзо лучше всего сошёлся с Элвисом. Они говорили о «хот-родах» (автомобиль старой модели с форсированным двигателем — прим. пер.) и фильмах с Питером Селлерсом («Я смотрел гэги Клузо тысячи раз и никогда не уставал от них!» — воскликнул Элвис).

Беседа редко заходила о музыке. Джимми рассказал мне позже, что ему было неудобно говорить с Королём о пластинках Led Zeppelin.

— Я не знал, заденет ли его, что мы продаём больше пластинок, — сказал Пейджи. — Но он ведь легенда!

И мы разговаривали в основном о мелочах. Но Элвис всё-таки сказал:

— Знаете, из вашей музыки я слышал немного. Мой сводный брат поставил мне как-то «Stairway to Heaven», отличная вещь. Но мне не удалось послушать многое из вашего.

Элвис расслабился. Он предложил нам выпить и пригласил к себе, если мы когда-нибудь окажемся в Мемфисе. Перед нашим уходом он сказал:

— Давайте я подпишу автографы для ваших жён и детей. А вы распишетесь для меня.

Карябая своё имя на бумаге, Бонзо шепнул мне:

— Ты можешь поверить? Элвис хочет мой автограф!

Нет, я тоже не мог поверить.

42. Клэптон

По возвращении в Англию Led Zeppelin закрылись в Хедли Грейндж для записи шестого альбома «Physical Graffiti». Я редко посещал сессии звукозаписи, как в Грейндж, так и в студии Olympic. Мне там делать было нечего, а сам я находился в духовном поиске и пытался понять, в каком направлении лучше двигаться. Тем не менее, я посещал коттедж и видел, что Zeppelin не потеряли движущую силу.

В то время создавался самый захватывающий трек — «Kashmir», песня, которую годы спустя группа расценит как классику. Сначала Джимми назвал её «Driving to Kashmir» (По дороге в Кашмир). На создание песни вдохновила длинная дорога в пустыне, соединявшая Гулимин и Тантан, города в Марокко. По этой дороге Джимми ездил несколько раз, и всегда с чувством, что она никогда не закончится. Кроме редких наездников на верблюдах — сплошная монотонная пустыня. Джимми написал стихи, полные мистических образов тех времён, когда он в одиночестве ехал по пустынной дороге. Потусторонняя, диссонирующая музыка идеально подошла к тексту Пейджи.

На записи «Kashmir» Джимми сыграл на гитаре Данэлектро. Он постоянно работал над знаменитым циклическим гитарным рифом, созданным несколько лет назад. Он был так воодушевлен и заинтригован структурой композиции, что без конца делал какие-то улучшения. Позже Джонси добавил восходящий басовый рифф и написал удивительную аранжировку для струнных.

Как обычно, группа серьёзно относилась к творческой форме. Джимми понимал, что двойной альбом более уязвим перед критиками, нападки обычно бывали такими: «Почему бы вам не порезать ненужное и выпустить обычный альбом?». Большинство критиков не были благосклонны к Led Zeppelin, и Пейджи не хотел давать их злобным перьям дополнительных боеприпасов.

Группа продолжала удивлять меня способностью расти. Игра Бонзо в «In My Time of Dying» была как никогда сильной и свежей. Вокал Роберта в «Down by the Seaside» трогал до глубины души.

Что касается Джимми, он постоянно экспериментировал и проводил много времени в студии, оттачивая гитарные соло до полного изнеможения. Он утверждал, что когда в студии присутствовали посторонние, то стеснялся и сомневался в своих соло, поэтому предпочитал записываться в уединении. Когда я смотрел на Джимми на сцене перед тридцатью, сорока или пятидесятью тысячами завороженных фанатов, и он выписывал каждую ноту, ласкал каждый аккорд, умудрялся показывать

мягкость и неистовство едва уловимыми и неожиданными пируэтами пальцев или кистей, то с трудом мог поверить в рассказы о неуверенности. Никто не играл на гитаре с таким мастерством. Над песнями типа «Ten Years Gone» он работал беспрерывно, наложив около дюжины гитар, создавая совершенную гармонию.

Когда я слышал подобные треки, то не понимал, как я мог серьёзно думать об уходе от Zeppelin.

— Нет никого лучше них, — сказал я Мэрилин. Эти чувства к ним я испытывал многие годы.

— Иди за своим сердцем, — ответила она. — Но если появится возможность раздвинуть границы, не отказывайся, но сперва подумай.

В мае цеппелины продолжали работать над «Physical Graffiti», а у меня такая возможность наконец появилась. Я разговаривал с Джеком Колмсом, другом из Showco. Когда я описал свой личностный конфликт — чувство, что я мог бы получить пользу от работы вне Led Zeppelin — он ответил:

— Роберт Ситгвуд (менеджер Эрика Клэптона) ищет тур-менеджера для Эрика. Роберт и Atlantic считают, что Эрик с триумфом вернётся на рельсы. Ты идеально подходишь для работы.

Джек помог донести до Стигвуда информацию о том, что я свободен. Стигвуд немного подозрительно отнёсся к моей кандидатуре, его беспокоила моя репутация о способности создавать хаос, он также опасался разозлить группу, если «украдёт» меня. Но всё-таки пригласил меня на вечеринку к себе в дом, чтобы присмотреться. К концу вечера он подошёл ко мне и начал обсуждать необходимость тур-менеджера для Клэптона.

— Если мы сможем сойтись в цене, давай попробуем, — сказал он с дрожью в голосе.

На следующий день мы разговаривали по телефону и договорились о зарплате в пятьдесят тысяч долларов плюс бонусы за шесть недель работы. Когда я сказал Питеру и Led Zeppelin про новое предложение, никто из них особо и не отреагировал.

Я давно был фанатом Эрика и с лёгким волнением ожидал работы с ним. Мне не терпелось попробовать новое направление. И вот моё первое задание: проработать детали предстоящего тура — от расписания рейсов до выбора отелей и залов для выступлений. Приезжая утром на работу, я наливал себе бренди или имбирного эля, а потом ещё, и ещё, и ещё. Несмотря на хроническое пьянство, работу я сделал. Как и с Led Zeppelin, каким-то образом я преодолел интоксикацию и закончил задание без серьёзных ошибок. Глядя назад, я не понимаю, как мне это

удалось.

Эрик работал по залогу вместо процента, и когда мы отправились в тур, я подсчитывал прибыль на каждом концерте, чтобы расчёты промоутеров совпадали с моими. Периодически я находил у них ошибки.

Эрик и его свита путешествовали в заказном двадцатиместном частном самолёте: группа из пяти человек и подружка, а позже и жена, Патти Харрисон. Мик Тёрнер (работавший с Эриком со времён Cream) позаботился об охране, хотя я привлёк Билла Дотрича в стадии планирования, мы продумали полицейский эскорт, а также защиту на каждом концерте.

Весь тур работа Эрика потрясала, она выражала радость, отчаяние, достижения и испытания, выпавшие на его долю за последние годы. Наблюдая за Пейджи много лет, я привык к гитаристам, игравшим на супертонких струнах, которые легко подтягивать. Но Эрик использовал обычные стандартные струны, традиционные для чёрных блюзовых гитаристов. Они убивают пальцы, но Эрик выработал удивительную силу в пальцах. Его мозоли показывали, как долго он в бизнесе.

Его игра особенно потрясала, потому что у него развился острый конъюнктивит, не проходивший весь тур. Он просто не видел пальцы и топтался на сцене; создавалось впечатление, будто он напился. К концу тура антибиотики подействовали, и зрение вернулось.

Лечение, однако, не помешало потреблению алкоголя в огромных дозах. «Джек Дэниелз» — приятный и сильный, и Эрик пил иногда чрезмерно, что не сказывалось на его исполнительстве.

Работа с Эриком освежала и воодушевляла. Я редко чувствовал давление, как с Led Zeppelin. Может быть, из-за того, что я не знал Эрика так близко, как цеппелинов, и поэтому знал, что ошибки — это не способ подвести лучшего друга. На мне висела большая ответственность, но я не ощущал напряжения, кроме первого шоу в Нью-Хейвене, штат Коннектикут.

Из-за того, что это был первый концерт, я нервничал, и напряжение увеличилось, когда полил дождь после полудня.

— Возможно, нам придётся отменить концерт, — сказал я Эрику за два часа до начала, хотя и пообещал себе сделать всё, что в моих силах. Мы натянули большие тенты, под которыми устроили вечеринку перед шоу для руководства звукозаписывающей компании и прессы. Я сам не мог больше сдерживать в себе стресс дня.

Дождь продолжался, а я пытался успокоить двух разъярённых

полицейских, утверждавших, что наши грузовики нанесли ущерб на десять тысяч долларов, поскольку проехались по мокрой траве.

— Мы подадим на вас в суд! — орал один из них. — Вы превратили землю в, мать его, месиво!

— И теперь она похожа на остальной Нью-Хейвен, — буркнул я себе под нос.

Вопреки угрозам и периодически лившему дождю, концерт прошёл согласно расписанию.

Когда мы приехали в Мемфис, я позвонил Джерри Шиллингу, одному из помощников Элвиса, с которым познакомился в Лос-Анджелесе.

— Эрик хотел бы встретиться с Элвисом, — я сказал Джерри. — Есть возможность приехать в Грейсленд?

Джерри пообещал согласовать вопрос с Элвисом, позже он перезвонил и сказал:

— Элвис сказал «Да, приезжайте». Но он собирается в кино в вечером. Он хочет, чтобы вы составили ему компанию.

Джерри рассмеялся:

— И ещё одна вещь. Элвис сказал мне: «Я знаю Ричарда Коула, но кто такой Эрик Клэптон?».

Вечером Эрик с Патти, я с женой Мэрилин приехали в кинотеатр около десяти вечера. Элвис снял весь зал — от зрительских мест до машины с попкорном. Когда мы вошли, Король ещё не появился. Менеджер кинозала сказал нам:

— Элвис снимает кинотеатр пару раз в месяц. Это единственный способ сходить в кино и не привлечь толпу. Да, когда он приедет, курить не разрешается.

Десять минут спустя появился Элвис. Он важно пронёс себя по проходу тускло освещённого кинотеатра в окружении помощников и охраны. Кивнув нам, он сел в двух рядах ниже. За весь вечер мы произнесли едва ли дюжину слов. Но при просмотре с Элвисом фильма «Убийство в Восточном экспрессе» казалось, что мы находимся на награждении у королевы.

Я закончил работу у Клэптона в августе и решил пару месяцев отдохнуть. В Новом Орлеане мы ужинали с Ахметом Эртегюном и Эрлом МакГратом из Atlantic, и Ахмет сказал мне, что надеется на моё возвращение к Led Zeppelin в новом туре.

— Ты должен вернуться и разобраться с неопределенностью. Ты — единственный, кто может работать с ними.

Но меня интересовала возможность отдохнуть, возможно, я и ошибался. У нас с Мэрилин выдалось больше времени, для того, чтобы проводить его друг с другом, но для нашего брака настали трудные времена. Друзья снабжали меня героином, и я принимал его раз в неделю, иногда реже. В те дни он был относительно

недорогим, треть стоимости кокаина, и Мэрилин не возражала.

Но потом я стал принимать героин чаще, чуть ли не ежедневно, что вбило клин в наши взаимоотношения. Мэрилин предпочитала алкоголь; я подсаживался на героин. Мы начали реже разговаривать друг с другом и, как следствие, отдаляться.

Я погружался в наркотики, но постепенное ухудшение отношений не напрягало меня так сильно, как следовало. Я приобрёл новую любовь, новый наркотик, возносивший на небеса.

Часть 21

43. Обратно к Led Zeppelin

В октябре 1974-го позвонил Питер Грант:

— Мы планируем новый тур и в январе поедем в Америку. Я бы хотел поговорить с тобой, если ты заинтересован вернуться в команду.

Я не думал о возвращении к Led Zeppelin. Мне нравилось работать с Эриком Клэптоном, и я понимал, что могу найти работу везде. Тем не менее, мои личные проблемы в то время лишь усугублялись, и было приятно услышать дружеский голос на другом конце провода.

Во время разговора Питер сделал заманчивое предложение: машину за счёт компании — БМВ или Ягуар. А зарплата будет в два с половиной раза выше, чем раньше. В тот момент моя обида немного смягчилась. «Я не позволю старым обидам завладеть мной», — сказал я себе. К тому же я прикинул то, как увеличенная зарплата поможет мне покупать героин. И принял предложение.

В тот же день Питер, Роберт и Джимми приехали ко мне домой, чтобы отпраздновать. Мы вчетвером отправились к Ринго Старру в Суррей, где записывала альбом Мэгги Белл. Потом вечеринка переместилась в клуб, где возлияния продолжились.

Мне не потребовалось много времени, чтобы вернуться к цеппелиновскому стилю жизни. На следующую неделю после издания первого альбома Swan Song — «Silk Tornado» группы Pretty Things, Led Zeppelin устроили вечеринку в пещерах Чизлхерст. Еды и выпивки (в основном вина) хватило бы на британскую армию. Но даже при этом столы с яствами отошли на задний план. На сцене играл джазовый ансамбль, гостей развлекала пара фокусников и пожиратель огня.

Но больше всего привлекали внимание девушки топлесс (а иногда и полностью обнажённые), гулявшие среди гостей. Они также танцевали в бочках с вишнёвым желе. Другие обнажённые женщины изображали девственниц, которых приносили в жертву на самодельных алтарях. Стриптизёрши появились одетые в монахинь, за раздевание Ватикан точно бы предал нас анафеме. Пребывание в вечном аду нам гарантировано.

Led Zeppelin не изменились, по крайней мере в стремлении шокировать людей. Их поведение всегда было провоцирующим и оскорбительным. Они не притворялись, им так нравилось жить.

В конце ноября группа собралась в театре «Liveware» для репетиций перед туром по Америке. Но сперва были запланированы два концерта в Европе — в Роттердаме и

Брюсселе. Группа впервые выступит за последние полтора года, и они хотели избавиться от шероховатостей как можно быстрее. Джон Пол был удивлён, что ошибок было так мало. Питер согласился и сказал ребятам:

— Вы звучите так, словно не играли восемнадцать часов, а не восемнадцать месяцев.

А мой брак разваливался на глазах. В декабре Мэрилин узнала о моёй связи на стороне. Мы ругались и мирились, но ссоры вспыхивали снова и снова. Как-то вечером в разгар битвы она бросила два золотых диска Led Zeppelin в камин и те расплавились. Я был в ярости.

Как же было приятно сесть на самолёт до Голландии! Первый разогревочный концерт прошёл в январе, на нём впервые прозвучали вещи с нового альбома. Планировалось исполнить «Kashmir», «Trampled Under Foot» и «In My Time of Dying».

Приятно было сознавать, что я снова услышу Led Zeppelin. Я был собран, несмотря на растущее пристрастие к героину. Я хотел доказать Питеру и остальным, что лучшего тур-менеджера не найти. Дух был на высоте, по крайне мере до того, как я взглянул на концертный зал в Роттердаме. До шоу оставались считанные часы. Как только я увидел помещение, то понял, что совершил ошибку, как следует не проверив место заранее. Потолок был слишком низким, и если Роберту вздумается подпрыгнуть, он может травмировать голову. Хуже того, по всему залу были расставлены колонны, мешавшие смотреть на сцену. Я знал, что группа по максимуму отыграет концерт, и понимал, что недостатки зала повлияют на их энтузиазм.

Вернувшись в отель, я обнаружил, что местное телевидение собралось брать интервью у группы в моем номере. Малый по имени Ван, организатор концерта, давал интервью по-голландски. Прямо перед камерами он достал чемодан и открыл его. Внутри находилась наличность в гульденах, в пересчете получалось около двадцати тысяч фунтов. Эти деньги он должен был заплатить нам. Вероятно, случай с ограблением ещё не стёрся из памяти, меня в пот бросило от мысли, что общественность узнает о крупной сумме в наших руках. Ван наклонил чемодан, чтобы камера могла лучше снять крупный план, а я инстинктивно наклонился и рубанул по крышке как заправский мастер по карате. Чемодан резко захлопнулся, прищемив указательный палец Вана. Тот завыл, стал ругаться по-голландски, а камера бесстрастно фиксировало происходящее на память потомков. Возвращение в цеппелиновскую колею вышло неблагоприятным, что выбило меня из колеи собственной.

Однако Ван оказался не единственным, кто поранил руку.

После европейских концертов мы вернулись на три дня в Англию, чтобы затем улететь в Штаты. Пока мы находились дома, Джимми, выходя из поезда, придержал дверь, чтобы помочь выйти пассажиру. Но дверь захлопнулась, прищемив указательный палец левой руки. Боль была адская. Приехав домой, он приложил лёд к руке, но боль никак не проходила. Пришлось ехать к врачу. Рентген показал, что у Джимми сломана кость на кончике пальца.

Джимми разозлился на себя и впал в отчаяние.

— Если этому суждено было произойти, почему не в последние полтора года, когда мы не выступали? — говорил он.

И он стал размышлять, как теперь быть с травмой. Палец не работал, и он решил попробовать технику, которую назвал «техника трёх с половиной пальцев». Он понимал, что определённые вещи типа «Since I've Been Loving You» и «Dazed and Confused» нужно убрать из сет-листа, пока палец не восстановится.

Однако, гнев и разочарование не повлияли на веру в себя у Джимми. Он сказал себе, что даже с увечьем сможет сыграть лучше, чем большинство гитаристов.

— Поклонники даже не заметят разницы, — заявил он во время перелёта в Америку.

Хотя Джимми был подавлен, его серьёзность не повлияла остальных. Желание устраивать беспорядки в самолёте и привлекать внимание никуда не исчезло. Стюардессы салона первого класса подливали алкоголь, один час полёта переходил в другой, а музыканты шумели громче и наглее. Все находились в предвкушении от предстоящего тура и изматывающего длительного путешествия. Особенно громко разговаривали Роберт и Бонзо, их можно было услышать в Манхэттене. Некоторые пассажиры переглядывались друг с другом, не понимая, что это за чуваки. Zeppelin не появлялись на телеэкранах, и для людей за тридцать их лица были незнакомы.

Самолёт приземлился в аэропорту JFK, подрулил к терминалу, и мы стали собирать багаж. Тут подошёл капитан. Выбрав момент, когда в салоне стало относительно тихо, он сообщил нам:

— Ваш пилот передал сообщение, что не может подъехать ближе.

Он указал на Starship. До нас его использовал Элтон Джон, а теперь его разукрасили в звёздно-полосатый орнамент и написали красными буквами Led Zeppelin на фюзеляже. Вот это вид!

Остальные пассажиры обалдели. Выходя из самолёта, Питер

подошёл к лётчикам и стюардессам:

— Почему бы вам не перейти в наш лайнер — угоститься коктейлями и закусками?

У нас была договорённость об особом режиме прохождения таможенного контроля, и вскоре мы уже сидели в «Старшипе», где продолжили пить еще полтора часа, пока не взлетели.

— Вот, значит, какая жизнь у рок-звёзд! — воскликнул один из пилотов.

Тур разрекламировал двойной альбом «Physical Graffiti», вышедший во время пребывания группы в Штатах; только по предварительным заказам тираж составил миллион копий. Покупатели набежали в музыкальные магазины за новым альбомом, благодаря чему продажи предыдущих пластинок Led Zeppelin тоже возросли. В конце марта все шесть цепповских альбомов находились в Billboard Top 200, впервые среди рок-исполнителей.

Даже некоторые критики изменили своё мнение. Джим Миллер, обозреватель «Rolling Stone» похвалил альбом. Но в первую очередь имели значение продажи. Это придавало нам сил в гастрольных войнах. Джон Пол говорил, что приём фанатов вдохновлял их играть ещё жёстче, интенсивнее, страстнее.

В последующие месяцы цеппелины доказали, что являются группой номер один, и самой высокооплачиваемыми музыкантами в мире. Было продано более семисот тысяч билетов на тридцать девять концертов, сами концерты обещали быть лучшими, чем когда-либо. На сцене была установлена необыкновенная семидесятитысячеваттная звуковая система, замысловатая световая система, требовавшая триста десять тысяч ватт. Никто не требовал вернуть деньги. Большинство бы и приплатили.

Тур продолжался, а нам пришлось иметь дело с другими проблемами, не только с травмой Джимми. Дней через десять Роберт заболел гриппом, у него поднялась температура и саднило горло. Он так разболелся, что не мог встать с постели.

Питер удивил меня своим поведением. Он до сих пор видел группу, как долгосрочное мероприятие, и настаивал, чтобы Роберт поставил на первое место здоровье, а не гастроли. Он позвонил устроителю концертов из Сент-Луиса и скомандовал перенести концерт. Это позволило подлечиться Роберту, что было так необходимо, и чему он был благодарен. Остальные смогли экспромтом смотаться в Лос-Анджелес.

Еще в Чикаго Бонэм впервые высказался о поездке без Роберта.

— Давайте не будем здесь торчать, тут так скучно. В

«Рэйнбоу» веселее.

Джон Пол запротестовал. Он хотел слетать на Багамы, где можно погреться на солнце и помечтать о девушках на пляже. Но и в Лос-Анджелесе погода обещала быть тёплой. Мы целый час спорили и итоге пришли к соглашению. Отдав приказ заводить двигатели, мы двинули на Запад.

Когда тур продолжился, мне показалось, что Led Zeppelin стали слишком успешными, слишком знаменитыми, по крайней мере, для физической безопасности. Аудитория так разрослась и реагировала столь бурно, что её стало тяжело контролировать. Иногда безумие начиналось за несколько дней, а то и недель до того, как группа приезжала в город.

В Бостоне концерт так и не состоялся. Поклонники выстроились в очередь за билетами, но погода была такая холодная, что власти разрешили им войти в здание. Однако детки за ночь разбушевались. Они разбили автоматы с едой и напились пивом, которое украли там же. Они срывали сиденья с креплений, включали пожарные шланги. Короче, ущерба было нанесено на тридцать тысяч долларов. В результате мэр Бостона Кевин Уайт приказал отменить концерт, опасаясь больших беспорядков на концерте.

Не зная, чего ожидать, я приказал охране до конца тура работать жёстко. В Филадельфии парень с камерой подошёл к сцене во время исполнения «Stairway to Heaven», но на него напали два вооружённых головореза из охраны. Они измесили парня так жестоко, что Джимми не мог без содрогания смотреть на ужасную сцену, разыгрывавшуюся перед ним. Он подошёл к краю сцены, словно хотел вмешаться. Но когда рассмотрел избиение вблизи, то просто опустил голову и отошёл обратно, не в силах смотреть на этот беспредел.

— Что за фигня творилась сегодня? — орал он на меня после концерта. — Мы должны найти менее жесткий способ контролировать ситуацию.

Я симпатизировал больше в тот момент службе безопасности, чем Джимми. Я провел много времени на линии огня и понимал, когда служба безопасности нападает, то на это имеется причина, пусть даже это и собственные страхи. Иногда мне казалось, что толпа сокрушит нас, и это будет битва не на жизнь, а на смерть. На том же концерте чуть позже группа фанатов собралась перед сценой, я сразу подошёл туда и начал лупить молотком по коленям.

Полицейские многому меня научили, когда занимались вопросами безопасности на наших концертах. В Питтсбурге один из них с гордостью делился тактикой контроля толпы.

— Я могу тебе дать свою дубинку, если придётся пару раз дать кому-то в челюсть! — сказал он спокойно и передал налитое железом орудие.

Он также показал, как спрятать небольшие веса в перчатки, из-за чего последние превращались в смертельное оружие.

— Некоторые копы пользуются этим для усмирения толпы.

Мысленно я отметил для себя, что нужно занимать сдержанную позицию.

Но к середине тура вопрос безопасности перешёл в наваждение. В США я никогда не носил оружия — и никогда не пересекал черту. Но нож или молоток — обязательно. С ними я чувствовал себя спокойнее в определённых ситуациях.

В ночь перед концертом в Мэдисон Сквер Гардене, когда уровень стресса достиг предела, я сказал Питеру:

— Я чувствую себя сотрудником спецслужб, охраняющим президента, и знаю, что каждая секунда несёт в себе угрозу чего-то страшного. Рано или поздно мы достигнем точки, в которой проблемы перестанут иметь значение. Мы еще далеко, но это произойдёт.

44. Танцующие дни

Когда мы добрались до Нью-Йорка для шести концертов, то остановились в отеле «Плаза». Номер Джимми Пейджу показался слишком претенциозным, «сравнимым с дворцом в Версале». Джона Бонэма не волновало, аскетичный или роскошный его номер. Если в нём стоял стол для бильярда (в Нью-Йорке и Чикаго стол был всегда), остальное не имело значение, даже наличие воды.

Где бы мы ни бывали, в Нью-Йорке или где-нибудь ещё, наши часы никогда не совпадали с временем города. Ночью мы не спали, переживая нервное возбуждение от концерта, а когда силы нас покидали, восходило солнце.

В Нью-Йорке нам позвонил Мик Джаггер и пригласил съездить в Гарлем вместе с ним и Ронни Вудом. Джимми, Бонзо и я предпочли ночную прогулку отелю. Я вызвал пару лимузинов, внизу мы встретились с Миком и Ронни. Джимми залез в первый лимузин с роллингами. Бонзо хотел ехать вместе с ними, но они велели ему забираться во вторую машину, чему тот не обрадовался.

По дороге в Гарлем водители переговаривались друг с другом по радио, обсуждая опасности ночного Гарлема.

— Как думаешь, нужно нам ещё оружия или хватит? — спрашивал один другого. Судя по интонациям голоса, он не шутил.

Слушая этот разговор, у Бонзо загорелись глаза. Он еще не отошел от отказа ехать в главном лимузине и, проезжая возле фонаря, сказал водителю:

— Мэтти, я знаю, у тебя есть оружие. Разряди его и дай мне.

Мэтти проверил «Беретту» и передал Бонэму.

— Окей, — сказал Джон. — Догони их лимузин.

Когда две машины поравнялись, Бонзо проговорил губами Мику: «Приспусти окно». Мик улыбнулся, с радостью выполнив просьбу. Когда окна были открыты, Бонзо вытащил пистолет нацелился в них.

— Я научу вас, козлов, как кидать меня.

И хотя я знал, что пистолет не заряжен, вид направленного на тебя оружия всё равно заставил понервничать. В другом лимузине с ума сошли от страха, послышались вопли. Мик, Ронни и Джимми кинулись на пол. Их водитель нажал на газ и проскочил на два красных светофора, убеждённый, что из-за Бонэма станет убийцей.

В клубе Бонзо объяснил, что разыграл их, но остальные от

злости ничего смешного в этом не увидели.

Один из вечеров в Нью-Йорке выдался особенно морозным, и Роберт ворчал по поводу погоды.

— Кто планировал этот хренов тур? — бурчал он, глядя на меня. — Что случилось с летними турами? В Сибири и то, наверно, теплее.

— А что, — ответил Бонзо. — Давайте вернёмся в Лос-Анджелес. Будем играть в бильярд и бухать. Или даже лучше, забудьте бильярд. Просто проторчим целый день в «Рэйнбоу», а вечером вернёмся в Нью-Йорк.

С личным самолётом всё возможно. Кроме топлива, никаких расходов. И мы могли пить прямо на борту.

Группа поручила мне сразу после следующего концерта организовать вылет в Лос-Анджелес. Я устроил, чтобы лимузины напрямую из концертного зала отправились в аэропорт, где нас будет ждать самолёт. Нам требовался лишь полицейский эскорт с сиренами и мигалками, чтобы побыстрее добраться до аэропорта.

Но возникла одна трудность. Один из сотрудников службы безопасности, назовём его Кенни, сообщил мне, что не смог организовать эскорт:

— Я делаю всё возможное, Ричард, но копы говорят, что лимузины должны проехать через туннель Линкольна, выход из которого находится под юрисдикцией другого округа. И сопровождать выезд из туннеля должен другой эскорт Мне кажется, это не сработает.

Led Zeppelin не привыкли, когда им говорят «нет». Кому-то они могут показаться высокомерными, если что-либо мешало им получить желаемое. Я уже слышал, как Бонзо кричит в ярости: «Ты облажался, Коул!».

И я велел Кенни продолжать попытки:

— Посмотрим, что ты можешь сделать. Если нужны деньги, чтобы они передумали, мы заплатим.

Во время концерта Кенни подошёл ко мне вместе с полицейским.

— Ричард, знакомься, это — Алан. Он вас будет сопровождать.

Потом Кенни отвёл меня в сторону.

— Алан хочет триста долларов.

— Без проблем, — шепнул я. — Как тебе удалось?

— Вообще-то, — ответил Кенни. — Алан сегодня отдыхает. Он «взял» машину со стоянки и хочет провезти вас через тоннель до аэропорта за тайную плату — триста долларов.

— Оно того стоит. Прежде всего, это сохранит мою работу.

Группа смеялась всю дорогу в аэропорт.

— Мне нравится так ездить, — сказал Джимми. — Как думаешь, коп понимает, что мог получить тысячу долларов, если бы попросил?

Тур по Америке 1975 года ознаменовался тем, что впервые в нашем обиходе закрепился героин. И хотя преобладал алкоголь и кокаин, я часто поддерживал новое пристрастие, и периодически Джимми, Роберт и Бонзо присоединялись ко мне. Я впервые видел, как они употребляют героин. Но поскольку мы не гастролировали с 1973 года, они могли нюхать его многие месяцы и годы без моего ведома. Никто не использовал иголки, короче, никто из нас досконально не подсел на него, хотя я и не уверен насчёт себя. Мне определённо нравилось ощущение после понюшки, и я считал, могу продержаться несколько дней без ломки.

В глубине души мы понимали, что играем на грани. Но цеппелины вели себя как подростки, гоняющие на мотоцикле без шлема. Мы считали себя непогрешимыми, думали, что никто не посмеет скинуть нас с трона.

Питер же понимал всё лучше нас, даже если мы просто экспериментировали. Как-то Питер застал меня, готовящимся вынюхать героин, и мгновенно пришёл в ярость.

— Ты, блядь, псих, если пользуешь это дерьмо, — сказал он и заставил меня высыпать порошок в туалет.

Я так и сделал, просто чтобы успокоить его. Позже я купил ещё героина.

Перед отлётом из Нью-Йорка случилось кое-что, из-за чего отношение группы к прессе упало до минимального уровня. Бонзо спокойно читал газету у себя в номере, когда один из роуди показал ему результаты музыкального опроса читателей «Плэйбоя». Журнал поставил Карен Карпентер перед Бонзо.

— Боже мой, нет! — взвыл Бонэм. — Карен Карпентер! Карен Карпентер!

Он нервно мерил шагами номер, схватил пепельницу и швырнул её об стену.

— Не могу поверить! Я сдаюсь! Если Карен Карпентер — лучшая барабанщица, я выбрал неправильный бизнес! Лучше водить такси! Кто-нибудь помогите мне, пожалуйста!

Мы все испытывали тревогу перед тем, что ещё напишет пресса. Когда мы прознали, что «Роллинг Стоун» собирается прислать на оставшуюся часть гастролей одного из журналистов, Камерона Кроу, то не знали, чего ожидать. И когда мы его встретили, то подумали: «Господи, он совсем молодой». Но едва он пообщался с музыкантами, все его зауважали. Нас удивило его знание рок-н-ролла в целом и музыки Led Zeppelin в частности.

Он однозначно выучил урок и знал, о чём будет писать (в будущем он поставит фильм о рок-н-ролле «Почти знаменит» и получит «Оскара» за сценарий к фильму, основанного во многом на поездках с такими группами, как Led Zeppelin). Опубликованная в журнале статья Камерона получилась весьма хвалебной. К удовольствию Бонзо, его не сравнили с Карен Карпентер!

Мы продолжали колесить по стране, часто приглашая девочек полетать с нами на самолёте. Мне нравилось видеть, как девочки офигевали при виде роскоши. Бонзо же быстро приелось подобострастие. После концерта в Новом Орлеане мы полетели в Техас в компании четырёх девчонок, путешествовавших с нами четыре дня.

— Я устал от этих птах, — сказал мне Бонэм. — Мы можем найти новых?

Когда мы приземлились в Далласе, Bad Company собирались в зону вылетов, их ждал двадцатиместный турбовинтовой самолёт. Гитарист Мик Ралфс попросил спустить трап и мы зашли к ним на пару минут.

— А вы можете забрать этих дур с собой? — попросил Бонзо.

Мик удивился.

— Предлагаю сделку, — ответил он. — Нас достала пара телок, меняем их на ваших четырёх!

И мы обменялись женщинами. Нередко мы относились к девушкам, как к вещам, например, как к бутылке шампанского. Плант убеждал меня:

— Девушки не возражают.

С новыми лицами из окружения Bad Company жизнь в Техасе обещала быть интереснее.

Но пока мы находились в Далласе, новые подруги нас достали.

— Выкини их, — воскликнул Бонзо.

К тому времени его внимание привлек «Корвет Стингрэй» 1966 года, стоявший на другой стороне улицы от нашего отеля. «Я должен получить его», — подумал Бонзо.

— Как найти владельца тачки? — спросил он меня. — Я заплачу любую цену.

Бонзо позвонил Джеку Келли, бывшему агенту ФБР, работавшему у нас в службе безопасности.

— Джек, делай что хочешь, но достань мне эту тачку. Если нужно, арестуй владельца и не отпускай, пока тот не продаст машину мне!

По номеру машины Джек отыскал владельца, и Бонзо предложил купить тачку, выложив наличные. Он заплатил

восемнадцать тысяч долларов, и хотя машина не стоила этих денег, Бонэма это не волновало. Ему понравилась игрушка. Он доехал на машине до грузовика, перевозившего автомобили, и заплатил водителю тысячу четыреста долларов, чтобы машину доставили в Лос-Анджелес и подогнали в «Райот Хаусу» к приезду хозяина.

Неделю спустя я возвращался с тремя девушками из «Рэйнбоу» на белом лимузине, который я прозвал «шлюхмобиль». Мы увидели грузовик, припарковавшийся возле отеля, в кузове горел яркий свет. Я попросил нашего водителя остановиться возле грузовика, чтобы получше рассмотреть, что там происходит. Внутри грузовика раздавались какие-то звуки.

«Рррррр, рррррр». За рулем «Стингрэя» сидел Бонэм и изображал гонщика, готового стартануть с третьей передачи. Рядом сидел Кит Мун и создавал не меньше шума. К счастью, ключей от машины у них не было, иначе в их нетрезвом состоянии они устроили бы бойню на дорогах Лос-Анджелеса.

Лос-Анджелес был последним пунктом в нашем гастрольном графике: три вечера в «Форуме» и столько же в «Рэйнбоу». Как обычно, на этом этапе нам не терпелось поскорее закончить турне. Тем не менее, соблазны города скрасили пребывание в городе. Мы снова выкупили девятый этаж, часть десятого и одиннадцатого и назвали их «смутные этажи». В нашем распоряжении оказалось множество пустых номеров, в которых мы собирали девчонок и устраивали секс-вечеринки то в одном номере, то в другом. Бонзо повторял:

— Это тяжелая работа, но кто-то должен её делать.

Клише, конечно, но — подобающее случаю.

Одним вечером мы с Джимми притащили двух несовершеннолетних девочек к себе в комнаты. Как выяснилось, отец одной из них довёз дочь до отеля и позвонил на девятый этаж, где охрана проверяла все звонки и решала, соединять с нами или нет.

Короче говоря, папаша разозлился не на шутку.

— Моя дочь в отеле с одним из ваших музыкантов. Я звоню в полицию!

У охраны на это был стандартный ответ:

— Не беспокойтесь. С вами говорит офицер полиции Лос-Анджелеса. Никого похожего на вашу дочь в отеле не наблюдается. Позвоните в другой отель.

Мы ничего не имели против подобного введения в заблуждение — или это была ложь? — чтобы не прерывать вечеринку. Когда вас прикрывает полиция, всё проходит нормально. Так мы жили.

В последний день в «Райот Хаусе» скука окончательно доконала Бонзо. Дабы развлечься, он решил поиграть в баскетбол, только не мячом, а телевизорами, выкидывая их из окна. Один за другим дюжина телевизоров грохнулись на бульвар Сансет, мелкие кусочки стекла и пластика покрыли подъездную дорогу к отелю.

— Со мной не случится ничего неприятного, — сказал мне Бонзо перед показательным выступлением. Вместо того, чтобы выкинуть свой телевизор из номера на южной стороне отеля, он конфисковал телики из номеров роуди с северной стороны. Когда помощник менеджера ворвался в номер на девятом этаже, чтобы поймать злоумышленника, перед его взором предстала картина: номер Бонэма в полном порядке, по телевизору передавали утреннюю мыльную оперу.

Бонэм вёл себя как паинька.

— Я тоже удивился, что за шум, — сказал он озадаченному помощнику.

Затем он повысил голос:

— Послушайте, я гость в этом отеле и был бы вам признателен, если вокруг будет тихо.

Помощник менеджера извинился пере Бонэмом. Когда он покинул номер, я вошёл, и мы грохнули от смеха.

— Угадай, что сейчас вывалится из окна? — спросил Бонзо.

Со злобной ухмылочкой на лице он указал на белый рояль в центре комнаты.

— Нееет, Бонзо, нееееет, — ответил я.

Но тут же мы попытались поднять рояль и подтащить его к окну. Вскоре мы поняли, что хоть мы и поднатужимся, рояль всё равно не пролезет в окно.

— Блин, — ответил Бонэм. — Это могло бы привлечь внимание внизу.

Часть 22

45. Легенды

Определённую категорию людей Led Zeppelin расценивали в качестве Богов. Элвис, скорее всего, возглавлял список. Но мы уважали и другие таланты. Боб Дилан был одним из них. Неудивительно, как мы разволновались, когда Дилан пришёл на приём, устроенный для журналистов и друзей в Лос-Анджелесе.

Группа сердечно приветствовала Дилана, но он вёл себя скромно и отстранённо, держался сам по себе, стоял возле столов с едой и вежливо пожимал руки любому, кто подходил к нему. Если это то, что с тобой происходит, когда ты знаменит, подумал Бонзо, я не хочу быть более знаменитым.

Тем же вечером, когда я болтал с Джимми и Робертом, к нам, пошатываясь, подошёл Ронни Вуд, истерически хохоча.

— Сейчас произошла такая хохма, — сказал он. — Вы тоже должны услышать.

— О'кей, Рон, — ответил Роберт. — Успокойся и расскажи, что произошло.

Ронни в конце концов успокоился:

— Питер только что подошёл к Бобу Дилану и представился. Он сказал: «Я Питер Грант, менеджер Led Zeppelin». А Дилан посмотрел на него и ответил: «Не грузи меня своими проблемами!».

Ронни был прав. Это была хохма. Вот так далеко распространилась наша репутация.

Перед отлётом из Лос-Анджелеса Джон Пол и я имели возможность встретиться с настоящим народным героем, Элвисом. Он снимал дом в Бел-Эйр, и когда я позвонил в надежде, что меня пригласят зайти, Джерри Шиллинг передал следующее сообщение от Короля: «Возьми Джона Пола Джонса с собой, потому что он такой тихий».

Мы взяли пару бутылок холодного шампанского, а я наполнил карманы героином на вечер. Когда мы приехали, Элвис сидел в гостиной в простой хлопчатобумажной пижаме в синюю полоску, халате и тапочках с синими помпончиками. Его окружало с десяток помощников и телохранителей, и никто не улыбнулся, когда мы подошли пожать руку Элвису.

После приветствия, мрачное настроение в комнате не изменилось. Я даже заметил:

— Мы чё, бля, в морге сидим, что ли?

Сразу же Элвис подался вперёд и схватил меня за лацканы. Я подумал, что он прикалывается, но ошибся.

— Не ругайтесь и не богохульствуйте, мистер Коул!

Он оттолкнул меня и встал в каратэшную стойку, выглядел при этом угрожающе. Я знал, что Элвис долгие годы занимался восточными единоборствами. Джон Пол, стоявший рядом, просто офигел от происходившего.

Я был худее и подвижнее Элвиса, но к тому времени, как мы приехали в нему, я уже обдолбался. Мне не хотелось, чтобы меня запомнили как тур-менеджера, убитого Элвисом.

Король поднял правую руку и нанёс удар. Мне удалось блокировать атаку левым предплечьем, но его рука нашла мои часы, да так нашла, что ремешок порвался. Я носил дорогие золотые часы от «Тиффани», которые подарил Ахмет Эртегюн. Они упали на белый пушистый ковёр.

— О, нет! — воскликнул Элвис, бросился на колено, забыв о том, что минуту назад собирался пустить мне кровь. Он подобрал часы и надел себе на запястье, сказав:

— У тебя широкое запястье, Ричард. А часы отличные! Очень клёвые!

Я и не знал, как себя вести и в конце концов сказал:

— Пожалуйста, прими их в качестве подарка от меня. Они твои, Элвис.

Элвис не мог отвести глаз от них. Он постоял так немного и, не говоря ни слова, исчез в коридоре. Минуту спустя он вернулся с классными часами в руке:

— Вот, здесь тридцать два бриллианта. На, бля, носи!

Он тоже матерился.

Обмен на этом не окончился.

Элвис повернулся к Джону Полу и спросил:

— А у тебя что есть?

Джонси расстегнул ремешок на дешёвых часах с Микки-Маусом и отдал их Элвису. Король рассмеялся и снова вышел из комнаты, а вернулся с «Baume & Mercier» с лазуритовым покрытием и передал их Джону Полу.

После этого вечер превратился в нечто похожее на родовой ритуал Новой Гвинеи, в котором каждый стремился показать свою мужественность — в нашем случае, кто подарит большую и лучшую вещь. Я спросил, какой у Элвиса знак Зодиака, и когда он назвал Скорпиона, я снял с пальца большое аметистовое кольцо, которое купил в Бразилии, когда был там в 1968 году с New Vaudeville Band.

— Бери, оно твоё.

Элвис снова покинул комнату и вернулся с золотым кольцом в форме ковбойской шляпы Джона Уэйна и с брильянтом в полтора карата в окружении маленьких брильянтиков. На нём было выгравировано: «С любовью, Линда». Элвис подарил его

мне.

Вечер продолжался в том же духе, Элвис по-детски радовался оргии обмена подарками.

Когда мы с Джоном Полом выходили из дома, Элвис проводил нас до двери, сказав телохранителям:

— Я с этими парнями, Ричард позаботится обо мне.

Он даже открыл нам дверь лимузина. Лицо шофёра вытянулось от шока, моё тоже.

Месяц спустя в Англии меня ждала записка от Джерри Шиллинга: «Мы не видели босса в хорошем расположении духа очень давно».

До того, как мы покинули Лос-Анджелес, рыжая веснушчатая девушка в помятом миниплатье и с бусами на шее слонялась по холлу «Райот Хауза», докучая клеркам и посыльным настойчивыми просьбами о встрече с Led Zeppelin, в частности с Джимми. Менеджер отеля в конце концов вызвал Дэнни Голдберга, который догнал нас в Лос-Анджелесе. Он вышел поговорить с девушкой.

— Мне нужно видеть Джимми Пейджа, — сказала она высоким от волнения голосом. — Что-то ужасное случится с Джимми, может быть на концерте.

Она продолжала описывать видение, в котором жизнь Джимми была в опасности:

— Когда в прошлый раз меня посетило подобное видение, кого-то застрели прямо передо мной.

Дэнни слушал этот бред, но его терпение лопнуло, и он перебил её:

— Послушай, Джимми не может поговорить с тобой. Если хочешь написать ему записку, я постараюсь, чтобы он получил её.

Девушка уселась, накарябала несколько предложений на листе бумаги и передала его Дэнни. После этого она неохотя ушла, а Дэнни скомкал листок и выбросил в мусор.

Несколько месяцев спустя девушка снова объявилась — на этот раз на телевидении. Группа сняла дом на пляже в Малибу и работала над материалом для следующего альбома. Работал телевизор, и парни с ужасом смотрели новости о конопатой девушке по имени Линетт «Писклявая» Фромм, члена банды Чарльза Мэнсона. Её арестовали несколько дней назад за то, что она целилась заряженным пистолетом в президента Джеральда Форда в Сакраменто.

У Фромм явно на уме были жестокие планы. К счастью, её пути никогда не пересеклись с Led Zeppelin.

46. Налоговая эмиграция

В апреле 1975 года, вскоре по окончанию американских гастролей, Мэрилин и я решили попробовать укрепить наш брак. Я вовсю употреблял героин, что ей не нравилось, но она старалась меня понять. Мы решили провести отпуск на Канарах, чтобы побыть друг с другом.

Тем не менее, я регулярно звонил в офис. Моё двухнедельное отсутствие Питер вытерпел с трудом, так как он уже планировал следующий шаг.

— Вот что я думаю, — сказал он. — Я хочу, чтобы группа сыграла в Эрлс-корте. Я хочу как минимум три вечера, может и больше. Как скоро ты можешь вернуться и заняться концертами?

— Вообще-то я в отпуске, — ответил я. Я совсем не хотел возвращаться.

— Ричард, послушай меня, — возразил Питер. — Эрлс-корт — одна из крупнейших площадок в Англии. Это очень важно для меня. ОЧЕНЬ важно!

Следующим утром мы с Мэрилин сели на самолёт до Лондона. За время на Канарских островах нам удалось немного улучшить взаимоотношения.

— Посмотрим, как мы поведём себя в реальном мире, — сказал я Мэрилин в самолёте.

На следующий день я сидел в офисе Питера, работая над деталями выступлений в Эрлс-корте, начинавшихся 17 мая. Зал насчитывал семнадцать тысяч мест, и Питер не хотел халтурить:

— Я хочу полностью американское производство — лазеры, освещение, звуковое оборудование, плюс огромный видеоэкран. И чтобы цена билетов была невысокой.

Конечно же, мы могли зарядить любую цену и всё равно собрали бы полный зал. И хотя Питер отлично умел зарабатывать деньги для группы, он с трепетом относился к их имиджу. Это будут первые концерты в Англии за два года, и после некоторых размышлений он решил, что выгода от резонанса по поводу недорогих билетов перевесит финансовую прибыль в случае высокой цены. По его настоянию цена билетов была низкой — от одного до двух с половиной фунтов.

19 апреля билеты на три концерта поступили в продажу. За пять часов их раскупили подчистую. Добавили ещё два концерта, и тридцать четыре тысячи билетов разошлись мгновенно. Многие из купивших билеты, были фанатами группы с 1968 года. Других привлек «Physical Graffiti». Но восторженная толпа перед окнами кассы сама по себе напоминала фестиваль на открытом воздухе,

праздник самой лучшей рок-группы мира.

Я заказал грузовой «Боинг-747» для техники американского тура, и мы привезли команду из «Showco» в Лондон. Видеоэкран размером шесть на девять метров установили высоко над сценой. Семидесятитысячеваттную звуковую систему аккуратно поставили на нужное место. Тем временем, поезда везли на пять концертов поклонников со всей страны.

Группа репетировала три дня, но после Америки они чётко знали, что хотели. С первых тактов «Rock and Roll» Zeppelin выдали самые сильные и памятные шоу. Роберт в джинсах и с кудрями длиннее, чем когда-либо помнили фэны, сказал толпе, что группа предлагает больше, чем просто музыку.

— Это — путешествие через нашу жизнь за последние шесть лет, с позитивными моментами и негативными.

Группа показала аудитории за три часа ретроспективу песен каждого этапа карьеры, от ранних дней первого альбома до нежного акустического звука третьего альбома и до последних песен с «Physical Graffiti». В последний вечер, после последнего выхода на бис Роберт прокричал полному залу «Спасибо».

— Мы много играли для вас. Увидимся снова, может быть, в восьмидесятые.

На самом деле, группа сыграет в Великобритании только дважды — на фестивале в Небворте в Хертфордшире. Для многих, возможно для большинства из восьмидесяти пяти тысяч людей, посетивших Эрлс-корт, это был последний взгляд на живых Led Zeppelin.

Неделю спустя Питер рассказал о своих собственных резонах, связанных с концертами в Эрлс-корте. В каком-то смысле, он расценивал их как прощальный подарок стране.

— Мы уезжаем, — сказал он. — Налоговая служба заставляет нас покинуть Англию. Это будут последние концерты на какое-то время.

В самом деле, команда зарабатывала слишком много денег. И по финансовым причинам их бухгалтеры рекомендовали стать налоговыми изгоями. Другие рок-звёзды, вроде Роллингов, уже отправились за пределы Великобритании в поисках прибежища. Несмотря на финансовые причины, решение членам группы далось нелегко. Сперва они отказались. «Это дом, — сказал себе Бонзо. — Я никуда не поеду». Затем им на стол положили цифры. Было бы полной дуростью отдавать правительству всё, что они заработали.

Роберт пересмотрел своё решение. Только из-за денег покидать родину было бы неправильно. Но он и другие работали как проклятые, чтобы заработать богатство. И они решили

сохранить как можно больше.

Все участники группы поддерживали дома в Англии, но были ограничены во времени пребывания в стране из-за свирепых налоговых ставок. Один за другим они начали перевозить семьи в Швейцарию или Францию.

Бонзо продержался дольше других. Пэт Бонэм была беременна вторым ребёнком, и Джон хотел остаться с ней до родов.

— К чёрту деньги, — сказал он. — Я буду рядом с женой, я ей нужен.

Но когда родилась дочь Зои, Бонзо образумился. У него оставалось время, чтобы уехать, и он перебрался в Европу.

В конце концов, группа собралась на острове Джерси, крупнейшем из Нормандских островов, к западу от Нормандии. Джерси — популярное туристическое место, но Бонэм считал, что «местные ничего не делают, только бухают и участвуют в свингерских вечеринках». Группа сняла большой дом, и мы убивали время в основном за «Пиммз» — обычным, тропическим, королевским. Пиво было лучшим после свингеров развлечением.

У Бонэма на острове выдалось больше времени на автомобили, в основном дорогие модели. Он купил десятки автомобилей за все годы — двадцать восемь за первые полтора года успеха группы. Потом перестал считать. Он никогда не держал их долго; он не рассматривал их в качестве инвестиций, просто ему нравилось ездить на быстрых тачках. Однако, нет ничего удивительного в том, что иногда он выбирал довольно странные транспортные средства. Как-то он приобрёл хлебовозку, просто потому что у него было такое настроение.

Фургон был самой ценной собственностью, пока он был у Бонэма. Когда группа репетировала в студии «Шеппертон», он припарковал машину перед зданием. Священник из церкви по соседству остановился возле хлебовозки.

— Машина выглядит очень опасно, — сказал он Бонзо и мне, в его словах проскользнули нотки юмора. — Лучше я благословлю машину и этого парня.

Бонэм вежливо улыбался, пока священник окроплял святой водой машину и его самого. Это был, пожалуй, самый большой религиозный опыт в жизни Бонзо.

На Джерси любимой тачкой у Бонзо был «Роллс-Ройс», на котором он ездил по острову. Как-то днём он припарковался у одного из любимых пабов. Одетый в джинсовые шорты и майку, он мыл машину губкой и мыльным раствором из ведра, которым сам весь вымочился.

Пожилой человек в пальто и галстуке шёл мимо и встал

понаблюдать за действиями Бонзо. Его развеселила сцена. Наконец зевака сказал с язвительной ухмылкой:

— Ну-ну-ну… я впервые вижу, чтобы человек мыл свой «Роллс-Ройс»!

Замечание подействовало на Бонзо неожиданно. Он стиснул зубы, а потом заорал:

— Это правильно?

Затем он хлопнул дверью и начал неистово пинать крылья машины… удар за ударом он колотил по бокам «Ройса». Переведя дух, он продолжил сумасшедшую выходку. На дорогой тачке насчитывалось десяток вмятин.

И я, и пожилой человек стояли рядом, поведение Бонзо нас шокировало. Мы не знали, что ему ещё взбредёт в голову. Но, он успокоился так же быстро, как и разгневался. Бонэм повернулся к опешившему зрителю:

— Подозреваю, вы впервые видите, чтобы кто-то разбил свой хренов «Роллс-Ройс»! Почему бы вам не отвалить и заняться своим делом!

Бонзо зашёл в паб и заказал пива. Годы не оказали отрезвляющего эффекта на его эксцентричное поведение.

47. Кошмар на Родосе

— У меня жуткие новости, Ричард. Здесь произошла страшная авария, ужас просто.

Голос Шарлотты дрожал. Она звонила в цеппелиновский офис в Лондоне из Родоса, я слышал истеричные нотки, а у самого комок к горлу подкатился в ожидании дурных новостей, пока Шарлотта говорила сквозь треск телефонных проводов. Шарлотта всегда преувеличивала и паниковала по незначительному поводу. Но в этот раз она, кажется, была в состоянии шока.

— Машина Плантов съехала с дороги, — рассказывала она. — За рулём сидела Морин, и они врезались в дерево. Ужас! Все сильно поранились.

По словам Шарлотты Морин Плант вела взятую на прокат машину Остин Мини, а Роберт сидел рядом. Их дети сидели на заднем сиденье, с ними была Скарлет, дочь Шарлотты и Джимми. Сама Шарлотта ехала во второй машине вместе с сестрой Морин и её мужем, они не пострадали.

От удара у Роберта оказались сломанные правая лодыжка и правый локоть. Вообще правая нога была просто раздроблена. Четырёхлетний сын Карак сломал ногу, у семилетней Кармен — кисть. Скарлет отделалась синяками. Зато Морин пострадала очень серьёзно: у неё оказались сломанные таз, нога, скула; на лице были множественные порезы. Она потеряла много крови, а поскольку у неё была очень редкая группа крови, докторам пришлось полагаться на её сестру Ширли для переливания крови. Доктор сказал мне позднее, если бы Ширли не было с ними на Родосе, Морин могла бы не выжить.

— Ты можешь вылететь сюда как можно скорее? — просила Шарлотта. — И, Ричард, если можешь, возьми английских врачей. Я не уверена в местных докторах. У них проблема с кровью для Морин. Я выясню, какая группа у неё, может, тебе удастся найти такую в Англии.

— Я вылетаю первым рейсом, — ответил я.

— Ричард, мне очень страшно, — всхлипнула она перед тем, как повесить трубку. — Я не знаю, выживем ли мы тут.

В июле и августе 1975-го Джимми и Роберт взяли семьи в отпуск на Родос по пути из Швейцарии через Марокко. Джимми оставил всех острове и отправился в Италию, в основном чтобы посмотреть ферму на Сицилии, принадлежавшую Алистеру Кроули. Он планировал купить её. Оттуда он поехал в Лондон для работы над «Dazed and Confused» из сильно затянувшегося

фильма, который получил название «The Song Remains the Same». Роберт и другие путешественники должны были приехать в конце недели, а группа собиралась на репетиции для американского турне в конце лета.

После разговора с Шарлоттой я не спал всю ночь, совершал звонки, чтобы вытащить лучших врачей из Лондона на Родос. Мне удалось убедить двух специалистов, один из них, Джон Баретта, принимавший на Харли-стрит, обслуживал греческое посольство. Он свободно говорил по-гречески, и я подумал, что пригодится не только его опыт, но и языковые навыки. Другого звали Майк Лоренс, один из лучших лондонских хирургов-ортопедов. Судя по данным об увечьях Плантов, я решил, что нам нужен специалист в операционную.

У доктора Баретты было ещё одно полезное качество. Он был личным врачом сэра Роберта МакЭлпайна, успешного инженера-строителя, владевшего несколькими частными самолётами, один из которых мог быть превращён в летающую амбулаторию со специальными держателями для носилок. Я уже пытался нанять частный самолёт, но бухгалтера группы отклонили идею.

— Вы просто уроды, — орал я на них. — Вы распоряжаетесь деньгами группы. Роберт с семьёй сильно пострадали, а вы мне говорите, что не дадите денег!

— Правильно, — ответил один из них. — Питера Гранта нет в городе, а у тебя нет полномочий.

Доктор Баретта быстро организовал полёт для нас троих на Родос на самолёте МакЭлпайна. Мы улетели поздно ночью. Мы наполнили холодильник самолёта восемью пинтами крови, совпадающей с группой Морин. Я так нервничал, что не спал всю ночь и даже не прикоснулся ни к алкоголю, ни к наркотикам.

Мы приехали в шесть утра и взяли такси до больницы, которая представляла из себя небольшую клинику скорой помощи.

— Не впечатляет, — заметил доктор Баретта, когда мы входили в больницу и заметили тараканов на полу. Два пациента без присмотра сидели в креслах-каталках, они выглядели так, словно им перестали давать какое-либо лечение.

Осмотрев состояние пациентов и условия содержания, доктор Баретта и доктор Лоренс сошлись на том, что нам нужно вывезти пострадавших в Англию как можно скорее. Они попытались урезонить греческих врачей — «Вы хорошо делаете своё дело, но пациентам нужно быть рядом с домом». В больнице отказались отпускать больных.

— Полиция расследует аварию на предмет алкоголя или наркотиков, — ответил администратор больницы, показывая

столько же сострадания, сколько и берлинская стена. — Ваши друзья не могут выехать из страны, пока полиция не решит, будет ли она выдвигать обвинение или нет.

Мы были фактически заложниками.

— Персонал больницы ведёт себя, как толпа линчевателей, а не как эскулапы, — сказал я доктору Баретте. — И мне кажется, вам это не понравится.

Он воспротивился моему плану «киднэппинга», но я принял решение. Он описал мне, как следует установить ногу Роберта, и какая операция нужна Морин. Я хотел это сделать в Англии.

Я моментально нанял частную скорую помощь и два автомобиля-универсала, которые припарковал возле входа в больницу. В два утра Шарлотта и я покатили по коридору на креслах-каталках Морин, Роберта и их детей, вместе с системами переливания крови и прочим оборудованием до спасительных машин. Если кто-то нас и видел, то словом не обмолвился.

Вскоре наш самолёт находился в небе по пути в Лондон, с остановкой в Риме для дозаправки. Как хорошо было оказаться в воздухе.

Во время полёта нам с Робертом впервые удалось поговорить. Он рассказал, что они собирались навестить Фила Мэя из Pretty Things и его жену Электру. Они жили в доме на острове, принадлежавшему Роджеру Уотерсу из Pink Floyd.

— После того, как машина врезалась в дерево, — продолжал Роберт. — Я посмотрел на Морин и мне показалось, что она мертва.

Он замолк, борясь со слёзами.

— Морин лежала без сознания и вся истекала кровью, сзади кричали дети. Подошла Шарлотта, у неё началась истерика.

Роберт сказал, что скорую они ждали бесконечно, но никто так и не приехал.

— В конце концов, — объяснил он. — Водитель грузовика с фруктами посадил нас к себе в кузов. Он доставил нас в больницу, но нас так трясло, что я тащил ногу по дороге.

Слух распространился по острову быстро. Фил услышал об аварии с англичанами и подумал, что это Планты. Они с Электрой приехали в больницу и вместе с сестрой Морин ухаживали за Робертом и его семьёй.

— В греческих больницах даже не кормят, — говорил Роберт. — Если у тебя нет родственников или друзей, они тебя голодом заморят. Не могу этого понять!

Когда самолёт приближался к Лондону, я позвонил и подготовил две машины скорой помощи, ждавшие нас в Хитроу. И хотя Морин накачали обезболивающими, боль была адская.

Плантов доставили до больницы Гая, где Морин немедленно прооперировали.

Нашему приземлению предшествовал странный поворот событий. Самолёт задержал посадку, пролетав лишних тридцать минут, и мы сели на землю сразу после полуночи, т. е. на следующий календарный день. Несмотря на воцарившийся хаос, бухгалтера сохранили трезвость ума и посоветовали нам с Робертом ограничить время пребывания в Британии из-за налогового статуса.

— Если у налоговой службы возникнут вопросы, они затребуют документы на полёт, — сказал один из бухгалтеров. — Если вы приземляетесь в одиннадцать тридцать вечера, это засчитается как полный день, что Роберт провёл в стране. Подумайте, как можно задержать посадку.

Меня злили финансовые соображения, преобладавшие над остальным.

— Забудьте, — ответил я. — Мы доставим людей в больницу как можно скорее.

Но по приближении к Лондону доктор Баретта убедил меня, что состояние у больных стабильное.

— Если вам нужно подождать полчаса, с ними ничего не случится, — сказал он.

Поэтому я разрешил пилоту покружить за пределами границы трёхмильной полосы до полуночи. Это сэкономит Роберту тысячи фунтов налогов, хотя я считал, что спасти жизнь важнее.

Как результат аварии, планы группы заморозили на несколько месяцев. Мини-тур по США по восьми городам в конце августа и начале сентября, а также гастроли по Европе и Дальнему Востоку в конце года были отменены. Всё внимание было приковано к Роберту и его семье.

Это было тяжёлое, нервное время для всех. Морин долго лежала в больнице. Роберта с детьми выписали через несколько дней, но доктора вылили на него ушат холодной воды:

— Возможно, вы не сможете ходить полгода, даже больше. И нет гарантии, что полностью восстановитесь.

Задним умом все понимали, что будущее Zeppelin было в опасности.

— Это может быть концом Led Zeppelin, — сказал Питер. — Мы ещё не знаем, но, возможно, мы подошли к краю линии.

Часть 23

48. Долгий путь домой

И хотя Роберт был фактически обездвижен несколько месяцев, передо мной стояла проблема увезти его из Англии в кратчайшие сроки из налоговых соображений. Питер находился за пределами страны, защищая собственный статус, так что решение, куда отправить Роберта, пришлось принимать мне. По совпадению в этот момент оценивали мои картины, и Вилли Робертсон, страховой брокер, находился в моём доме. Я рассказал о дилемме Роберта, и он предложил следующее:

— Крёстный моей дочери Дик Кристиан — большой адвокат на Джерси. Он хороший мужик, я уверен, он приютит Роберта в гостевом доме.

Кристиан согласился, и когда Роберта выписали из больницы, скорая довезла его до терминала British Airways в Хитроу. Робертсон, Бенджи Ле Февр, Мэрилин и я составили ему компанию. Роберт не мог самостоятельно подниматься по ступенькам трапа, я заплатил водителю погрузчика двадцать пять фунтов, чтобы он поднял Роберта на кресле до дверного проёма. Его гипсы весили так много, что мне показалось, что погрузчик не выдержит. Но он въехал в самолёт, где стюарды удалили два кресла в салоне первого класса, чтобы он мог вытянуть ногу.

Когда мы приземлились в Джерси, Кристиан подогнал к аэропорту лимузин и скорую с носилками. В его поместье дворецкий Невилл приветствовал нас, но увидев наши волосы, переменился в лице. Когда Дик Кристиан подошёл к двери, вид у него был такой же, он словно говорил: «Во что я ввязался?».

Тем не менее, Кристиан принял нас радушно. Это был высокий человек средних лет со светлыми волосами и в очках. Обменявшись приветствиями, он сообщил Невиллу:

— Оставь носилки здесь. Мистер Плант — мой гость, ему они могут понадобиться. Я уверен, что у твоего босса всего остального — достаточно.

Последующее время в мои обязанности входил уход за рок-музыкантом, превратившимся в инвалида. Это было самое тяжёлое задание в мире рок-музыки. Нога была загипсована от бедра до кончиков пальцев. Ему было неудобно, он был подавлен из-за скованности. Иногда его отношение было невыносимым.

— Не знаю, выйду ли я когда-нибудь на сцену или нет, — жаловался он. — Не могу даже мельком себе представить, как я проведу три часа перед аудиторией.

Роберт пил много пива, частично чтобы унять страх перед будущим. В то же время он накачивался обезболивающими. Также

он много времени проводил за фортепиано, отвлекаясь от мучительной каждодневной физиотерапии. Со временем Роберт встал на ноги, хотя ему долго пришлось ходить с тростью. Путь к выздоровлению был долгим и нелёгким.

Дик Кристиан позволил нам остаться столько, сколько нужно. Он предложил нам воспользоваться стоявшими в гараже «Мазерати» и «Дженсеном».

— У нас у всех машины типа «Мазерати», — сказал он. — Не знаю, почему. Если стартанёте с третьей скорости, то окажетесь на соседнем острове.

Время шло, и Питер с Джимми начали беспокоиться о застое в группе. Пейджи считал, что как только Роберт наберётся сил, им нужно писать песни с прицелом на запись в студии. Он часто звонил справиться о здоровье Роберта.

— Чем дольше мы ждём, тем тяжелее будет вернуться, — объяснил он.

В сентябре Роберт дал добро. Он достаточно поправился, чтобы начать работу над седьмым альбомом, который нарекут «Presence». Я помог Роберту собрать вещи, и мы попрощались с Диком, который был расстроен нашим отъездом. В знак благодарности Питер выгравировал имена детей Дика на золотых пластинках Led Zeppelin и вручил их ему.

Пейджи и Плант обсудили, где им стоит продолжить сочинение песен. Из-за статуса налоговых эмигрантов, дни пребывания в Англии для них были ограничены. Они рассмотрели несколько вариантов и остановились на Малибу, штат Калифорния. Они сняли дом на пляже. Тихий океан и девушки в бикини — вид был роскошный. Роберт поделился тем, как позитивно сказался переезд на его творческих силах, какое на него нашло вдохновение. Если бы Beach Boys еще не сделали это, Плант сам написал бы песню о калифорнийских девушках.

Пейдж и Плант оставались в Малибу больше месяца, в это время к ним присоединились Бонзо и Джон Пол. Сначала они репетировали в арендованном доме, но затем переехали в более привычную студию SIR в Голливуде.

«Achilles Last Stand» родилась в период работы в Малибу. Песня Пейджа и Планта несла в себе нерв от вынужденных скитаний. Из-за налогов они чувствовали, что теряют корни в Англии и не нашли места, где бы чувствовали себя комфортно. Джимми назвал группу «технологическими цыганами», странствующими по миру в поисках дома.

Тема «Tea for One» была связана с этим, в ней Роберт выплеснул чувство одиночества, тоски по жене и детях, находящихся вдалеке из-за аварии и налогового статуса (травмы

Морин не позволяли ей путешествовать). Эмоции захлёстывали его, пока он писал стихи. Вот он сидит в Малибу, вдалеке от семьи. Жизнь не имела смысла в тот момент.

Бенджи Ле Февр проводил время с группой, присматривая за Робертом и выполняя поручения группы. Он мне рассказывал, что героина было много, хотя он не отмечал, кто его использовал.

— Мы назвали дом в Малибу «Хенри-холл», — говорил Бенджи.

В Англии имя «Хенри» на сленге означает героин.

Доктор Лоренс поощрял Роберта как можно больше ходить, и во время пребывания в Малибу он совершал медленные прогулки вдоль пляжа, с помощью трости. Погода стояла замечательная почти до самого отъезда, когда налетел разрушительный ураган, который чуть не унёс дом в море, в котором жили цеппелины. Джимми находил скрытые сообщения в выходках природы, и он решил, что им указали на необходимость следующего шага. Он стал строить планы для записи новой пластинки.

Творческий процесс оказал на Роберта существенное терапевтическое влияние. И хотя в начале выздоровления он ещё сомневался, сможет ли Zeppelin обрести былую мощь, теперь он был настроен оптимистично, как в отношении себя, так и в отношении группы. Он хотел продолжать работу в студии.

Джимми предложил лететь в Мюнхен и записываться в студии Musicland — помещении, расположенном в цоколе отеля «Арабелла». Несмотря на невзрачный вид, студия заработала репутацию одной из лучших на континенте.

Я проверил, свободна ли студия.

— Вы можете начинать немедленно, — сказал я Джимми. — Но мы должны работать быстро, Роллинги тоже забронировали время через три недели.

Группа поставила цель записать целиком «Presence» там. Погода стояла жутко холодная, и нам не оставалось ничего, кроме как проводить время в студии — иногда балуясь наркотиками. Когда мы приехали в Мюнхен, Бонзо простонал:

— Что делать в этом Богом забытом городе?

Он так всегда говорил, неважно куда приезжая. Один из наших роуди нашёл ответ. Он вынул пакетик дури из кармана.

— Здесь много наркоты, и она хороша, — сказал он.

Три недели он пополнял наши запасы.

Бонзо, Джимми и я нюхали наркотики всё время, и никому хуже не стало. Никто не говорил о вероятных рисках, и мы о них особо и не думали. Из-за холодной погоды мы носа не высовывали на улицу, героин помогал проводить время легче.

С помощью нашего роуди я нашёл дилера в шагах от студии;

при быстрой ходьбе я покупал героин до того, как успевал замерзнуть. Вообще-то я страдал от холода по-разному — гусиная кожа, клацающие зубы, озноб, окоченение конечностей, — и гораздо сильней, чем от наркотиков. И я никогда не переставал думать, что, в конце концов, подсяду.

После обеда и вечерами цепы направляли всю свою нервную энергию в работу, иногда трудясь по двенадцать часов. Как и с самого начала, Джимми взял под контроль работу над сессиями записи. «Hots on for Nowhere» была написана менее, чем за час в студии. Как и «Candy Store Rock» — посвящение рокабилли пятидесятых. Джимми записал все соло за четырнадцатичасовой марафон, стараясь игнорировать усталость. Он следил за сроками, чтобы к концу аренды освободить студию. Он наложил как минимум шесть гитарных партий в «Achilles Last Stand», останавливаясь только тогда, когда пальцы от боли не могли двигаться. Когда песню закончили, её длительность составила более десяти минут.

Джимми подгонял остальных, чтобы закончить вовремя, но иногда возникали трудности. Как-то время записи, когда он как раз был так оптимистично настроен по поводу её процесса, выход альбома был поставлен под вопрос из-за одного единственного случая. Роберт встал из коляски, но гипс ещё не сняли, и он давил бременем и мешал нормально передвигаться.

— Бедный ублюдок выглядит, как падающая пизанская башня, — съязвил Бонзо.

Нарушенное равновесие сказалось.

— Я скоро вернусь, — сказал Роберт, встал с кресла и, прихрамывая, направился из комнаты в одну из студий. Но не успел он сделать и десяти шагов, как споткнулся об электрический кабель. Он пошатнулся и упал всем весом на больную ногу, раздался жуткий хруст. В комнате воцарилась тишина. Казалось, потерпел крушение сам цеппелин.

— Бля! — заорал Роберт, лёжа на животе. Он перевернулся и застонал от боли. — О нет! Только не это!

Джимми первым подскочил к нему и поднял за плечи. В начале мы подумали, что не стоит его двигать. Но Роберту было неудобно, и он хотел сесть в кресло. Мы втроём кое-как перенесли его.

Хруст до сих пор звенел у меня в ушах. Я решил, что требуется осмотр доктора, вызвал скорую, и Роберта отвезли в больницу.

— Если я опять сломал ногу, можно забыть о хождении, — сгримасничал он. — Почему это должно было случиться? Ну почему?

Пока мы ждали новостей, никто не работал.

К счастью, тревога оказалась ложной. Перелома не было. Все вздохнули с облегчением, особенно Роберт. На следующее утро группа продолжила запись, но Плант увеличил дозу обезболивающих.

Джимми чувствовал себя, словно на эмоциональных американских горках.

— Мне показалось, что мы вернулись назад, — рассказывал он на следующий день, до сих пор заметно нервничая.

Он покачал головой и добавил:

— Я начинаю сомневаться, что мы сможем позабыть об этой аварии.

Несмотря не временный простой, альбом продолжал обретать форму. Джимми ненавидел давление, но понимал, что лучше работает под дулом пистолета, даже если мертвецки устал. Он умел полностью сосредоточиться на проекте и сохранить на высоком уровне свежесть творческой мысли.

Прошло время и через пару дней в студии должны были появиться Rolling Stones. Джимми позвонил Мику Джаггеру:

— Нам нужно чуточку времени. Вы можете приехать на три дня позже?

Мик согласился. Он был только рад найти предлог, чтобы ещё немного отдохнуть.

Джимми остался доволен полученным результатом, когда сессии окончились. Раньше он покидал студию с болезненным чувством неуверенности, что можно было сделать песни чуточку лучше. С «Presence» он был полностью удовлетворён. С болезненной улыбкой на устах он рассказывал мне, что ни капли энергии не было растрачено попусту.

Когда появились Роллинги, мы собирали оборудование.

— Спасибо за дополнительное время, — поблагодарил Мика Джимми.

— Без проблем, — ответил Мик. — Получилось записать что-нибудь?

— Не просто что-нибудь, — заявил Джимми. — Мы записали и смикшировали целиком альбом. Он готов.

Джаггер офигел:

— Погоди, вы же тут были всего три недели!

— Да, нам этого оказалось достаточно, — сказал Джимми.

49. Проклятие

— Тебе не кажется, что Джимми стал нервным и подвержен перепадам настроения? — Питер Грант сидел напротив меня в лос-анджелесском ресторане. Вскоре после окончания записи в Мюнхене мы с Питером встретились, чтобы обсудить вопросы, связанные с завершением и выходом фильма «The Song Remains the Same». Джимми приехал к нам через несколько дней, и глядя на него, Питер обеспокоился:

— С Джимми что-то не так. Он какой-то нервный.

Я сразу подумал о героине. В Мюнхене мы употребляли героин эскадрильями, и Джимми в студии находился в форме, поэтому я больше был озабочен собственными проблемами и не следил, сколько он нюхает.

Потом Джимми жаловался мне насчёт болей. Из носа бежало, но я не был настроен читать ему лекции о вреде героина. Я сказал Питеру, что поговорю с Джимми, хотя не собирался этого делать.

Два дня спустя мы с Джимми полетели в Лондон. Он хотел посмотреть школьную пьесу, в которой играла его дочь. По дороге в аэропорт мы попали в пробку, он повернулся ко мне и сказал:

— Ради всего святого, Ричард, не влазь в это дерьмо.

— Что ты имеешь в виду?

— Героин. Мне кажется, я подсел. Это ужасно.

— Ты пробовал прекратить?

— Да, но не могу. Полная задница.

Больше мы об этом не говорили до конца поездки. Тогда я не думал, что погряз не меньше Пейджи. Я регулярно употреблял героин, но считал, что контролирую ситуацию.

После разговора с Джимми я пообещал себе, что героин не отнимет лучшую часть меня. Я не понимал, что он уже это сделал. Как только я добрался до дома в Пэнгбурне, то сразу отправился за пол-граммом героина, который хранил в золотом кубке. В то Рождество я полностью съехал с катушек и постоянно нюхал дрянь. На рождественской вечеринке в доме Питера мне было так плохо, что я провёл большую часть вечера в туалете, меня рвало, и я молился, чтобы это поскорее закончилось.

У Бонзо дела обстояли не лучше. В последний раз, когда мы были вместе в парижском отеле «Георг Пятый», Мик Хинтон сказал мне, что Бонзо лежит в постели.

— Что с ним? — спросил я.

— Не знаю, — ответил Мик. — Он постоянно ест шололадки «Марс». Только их.

Я зашёл в его номер.

— Вставай, козёл!

Бонзо был бледен, дезориентирован и едва не терял сознание. Он даже не мог реагировать на мои издёвки.

— Я не могу встать при всём желании, — ответил он. — Хочется сладкого.

— Ты знаешь, в чём твоя проблема? Ты пристрастился.

Впрочем, помощи от меня было немного. Я поднял трубку телефона у кровати и позвонил знакомому дилеру. Через час он доставил порцию наркоты в номер Бонэма. Мы приняли дозу и позабыли до конца дня о конфетах.

Из всех нас Джон Пол и Роберт не теряли головы. Джонси всегда умудрялся избегать ловушек по сравнению с остальными; он трезво оценивал, когда нужно остановиться. Роберт не был таким благоразумным, но в то время, как Бонзо, Пейджи и я боролись с привычкой, Роберту удалось не подсесть. Возможно, месяцев принятия болеутоляющих оказалось для него достаточно. Когда он отбросил трость после Рождества 1975-го, через пять месяцев после аварии, то почувствовал себя свободным. Конечно, он ещё не мог танцевать, как Барышников, но большая часть лечения осталась позади. Он хотел жить.

«Presence» увидел свет в марте 1976 года, но появление на прилавках магазинов было отложено из-за (из-за чего же ещё!) проблем с обложкой. Похожий на колонну объект на конверте заставил фанатов теряться в догадках, что он означает. Некоторые подумали, что обелиск — просто интересный объект искусства. Другие настаивали, что он несёт в себе некий символизм и связан с увлечением Джимми чёрной магией. И когда пресса задала Роберту вопрос относительно предмета, он ответил весьма неопределённо: «Он означает всё, что вы хотите в нём видеть». Фэны вспомнили аварию на Родосе и связали увлечение Джимми оккультизмом, который каким-то образом наложил заклинание на группу. Объект на обложке альбома имел отношению ко всем событиям.

— Когда ты заигрываешь с дьяволом, то должен заплатить цену, — спекулировал лос-анджелесский диджей. — Led Zeppelin могут пострадать от проклятия, которое не в силах контролировать.

Тогда я впервые услышал, что кто-то произнёс слово «проклятие» в отношении группы. Кстати, не в последний раз. Джимми считал эти гипотезы ерундой. Пусть он пытался игнорировать их, но всё равно злился.

— Блин, — спросил меня Бонэм. — Кто-нибудь в курсе, что делает Джимми за закрытыми дверями с этим сверхъестественным дерьмом?

Конечно, Джимми ни с кем не говорил на эту тему, потому что никого это не касалось. Но его упорное молчание подпитывало слухи.

По крайней мере, проклятие не окружало альбом «Presence», который взлетел на вершину чартов и стал первым в истории платиновым альбомом только по количеству предварительных заказов. Песни типа «Achilles Last Stand» так часто крутили по радио — несмотря на десять минут длительности — что слушатели жаловались на некоторых радиостанциях (Песня хорошая, но у вас больше нечего ставить?).

Джимми и Джон Пол облегченно вздохнули после реакции покупателей. После аварии Роберта они сомневались, сможет ли команда вернуться в полную силу. Воспрянет ли из пепла Цеппелин? «Presence» развеял все сомнения.

Критики написали хорошие рецензии на альбом. Однако, Rolling Stone как обычно воткнул иглы в цеппелиновскую куклу. Стивен Дэвис признал, что Led Zeppelin превратились в «чемпионов хэви-метал всей известной Вселенной», но в конце рецензии он выдал такие строки: «Дай англичанину пятьдесят тысяч ватт, частный самолёт, немного кокаина и девочек, и он решит, что он — Бог. Старая история».

Негативные обзоры тоже становились старой историей.

50. Отчаяние

— Коул, мне нужна твоя помощь! Быстрее приезжай ко мне!

Я только что оставил «Ягуар» перед пабом около дома и ответил на звонок в машине. На том конце провода был Питер Грант, он был жутко расстроен.

— У меня проблемы. Глория вернулась за вещами, с ней её хахаль.

— Что я могу сделать?

— Пожалуйста, приезжай. Могут возникнуть проблемы.

Честно говоря, я не горел желанием ехать домой к Питеру. Я только что вернулся из командировки в Нью-Йорк и Лос-Анджелес, где решал проблемы с фильмом, в основном связанные со звуком и оформлением. Обычно этим занимался Питер, но у него не ладились дела с женой Глорией, которая собиралась уйти от него, и он остался дома. К счастью, Фрэнк Уэллс из Warner Brothers Pictures опекал наш проект и полностью понимал, что группа хотела сказать фильмом.

После звонка Питера я сперва поехал к себе домой, поднялся в спальню, взял два пистолета, положил их в багажник и поехал к Питеру. Когда я приехал, он стоял у входа и на повышенных тонах разговаривал в Глорией и её приятелем. Они ещё держали себя в руках, поэтому я решил не вмешиваться. Я решил, что моё присутствие только испортит всё.

Я подъехал к задней части дома. Владение Питера было окружено рвом, и добраться до дома можно только через разводной мост. Я надеялся как-то перепрыгнуть ров и подойти к задней двери. Наверное, я насмотрелся фильмов про Тарзана, но я решил залезть на дерево возле самой узкой части рва и проползти по ветке над водой. «Если я смогу добраться до другого берега…» — подумал я.

К сожалению, я не заметил, что дерево гниёт. Когда я лез по ветке, он обломилась, и я плюхнулся в воду. Что ещё хуже, сточный колодец Питера не функционировал должным образом, и нечистоты стекали в воду. Я плавал в море говна!

Я как мог быстро вылез изо рва. Вид был не самый приятный, запах тоже. Пока я чистился, Глория и её приятель ушли.

Питер был в смятении. Он не мог смириться с фактом, что его брак рушился. Может быть, он слишком близко принимал это к сердцу, но я его понимал. У нас с Мэрилин снова возникли трудности, и в этот раз брак был обречён. Мы снова ругались на те же темы, что и в самом начале — наркотики, общение, верность. Вскоре адвокаты работали над разводом.

Я наделся, что выход «The Song Remains the Same» станет для нас хорошей новостью. Мировая премьера должна была состояться в октябре в Нью-Йорке в Cinema 1. Событие потрепало мне нервы. Я проверил звуковую систему в кинотеатре и нашёл её неподходящей, что могло вывести из себя ребят. Фильм требовал правильные усилители, чтобы передать силу музыки. Других проблем тоже хватало — несфокусированная картинка, зернистость, неравномерный темп, и длительность более двух с половиной часов. Я не мог позволить качеству аппаратуры вконец испортить дело.

— Если мы не сможем установить хорошую систему, я забираю фильм, — предупредил я руководство кинокомпании по дистрибуции. — Питер и музыканты летят в Нью-Йорк. Если проблему не устранят в течение нескольких часов, я отменяю премьеру.

Боссам Warner Bros. это не понравилось, но они серьёзно отнеслись к моим предостережениям. Они дали добро на работу Showco из Далласа, которые привезли одну из самых лучших квадрофонических звуковых систем — то, что нам требовалось. С таким оборудованием классический репертуар цеппелинов — «Stairway to Heaven», «Whole Lotta Love», «Moby Dick» — звучали почти так же хорошо, как и на концертах.

Несколько лет спустя один из боссов Atlantic сказал мне:

— С этой большой системой вы опередили Джорджа Лукаса с его LucasSound.

Тем не менее, на премьере на Западном побережье на следующей неделе в Лос-Анджелесе и Сан-Франциско звук был отвратительный. Джимми так растерялся, что от стыда готов был залезть под кресло.

— Почему ты заставляешь меня терпеть это? — кипел он.

Пресс-релиз описывал фильм как «особую попытку группы подарить миллионам друзей то, что они требовали — личный и сокровенный тур с Led Zeppelin». Было обещано, что фильм «покажет музыкантов, какие они на самом деле, и впервые мир увидит их так близко».

Пейджи фильм не понравился. Несмотря на звук от Showco, он считал, что концерты в Мэдисон Сквер Гарден отражают возможности группы в полной мере. Ему вообще неприятно было смотреть на экран. Бонзо тоже жаловался, он не мог понять, почему там так мало юмора. Питер продолжал называть фильм «дорогим домашним видео». Тем не менее, саундтрек к фильму за несколько дней стал платиновым.

В конце года Питер купил мне на Рождество Остин-хили 3000. Это был знак, как далеко зашла группа. В 1970-м мне на

Рождество подарили мотоцикл Триумф 750. Теперь можно было себе позволить классические машины, которые попадают на обложки журналов.

В декабре начали планировать первые концерты со времён Эрлс-корта. И хотя гастроли начнутся только в апреле в Далласе, репетиции начались за четыре месяца до того в отремонтированном театре в Фулхэме, принадлежавшем группе Emerson, Lake & Palmer.

С самого начала репетиции пошли, как по маслу. Группа почувствовала уверенность, какую обычно ощущала в середине тура. И хотя молодые группы типа The Clash и Sex Pistols пытались вытеснить цеппелинов, тех это мало волновало. Он могли как следует встряхнуть молодёжь в Америке. Время покажет это.

Часть 24

51. Начало конца

Джон Бонэм скучал. Гастроли по Северной Америке 1977 года едва начались, он сидел в одиночестве в номере отеля в Чикаго и размышлял, чего бы отмочить этакого, чтобы веселее было.

— Что тут делать, Коул? — жаловался он мне по телефону. — Не могу просто так сидеть. Что интересного есть в этом мудацком городе?

Одиннадцатый тур по Америке пошёл по-другому. С самого начала я почувствовал себя не в своей тарелке. Гастроли должны были быть лучшими за всю историю Led Zeppelin. Пятьдесят один концерт — это был крупнейший тур группы. Ожидалось миллион триста тысяч человек на концертах в тридцати городах. Группа впервые вернулась на сцену после аварии Роберта, который считал, что ему есть, что доказать аудитории.

Как бы то ни было, я сказал одному из роуди, что у меня есть ощущение, что это начало конца. Дух, направлявший группу с 1968 года, заметно ослаб, а наркотики стали играть слишком большую роль в жизни музыкантов. Не то, чтобы музыка стала хуже, толпы никогда не были разочарованы, по крайней, мне так казалось из-за сцены. Но я чувствовал, что страсть и братские отношения ослабли. К концу тура группа сыграла больше пятьсот пятидесяти концертов за девятилетнюю карьеру. Возможно, спад был неизбежным. Окружение группы выросло до неимоверных размеров, что тоже доставляло проблемы. У каждого музыканта был собственный ассистент: Денис Шихэн, бывший когда-то роуди Мэгги Белл, работал с Робертом, Дейв Нортовер, фармацевт и игрок в регби, помогал Джону Полу, Рекс Кинг, у которого был самый страшный хук в Англии, присматривал за Бонзо, и Рик Хоббс, водитель и управляющий Джимми, поехал на гастроли с ним. Даже у меня был помощник, Митчелл Фокс из нью-йоркского офиса, а Питеру помогал Джонни Биндон. В результате организация состояла из множественных подразделений, и мы все полагались друг на друга меньше, чем обычно, в плане поддержки и общения. Митчелл в основном контролировал других ассистентов, и я мог контактировать с самими парнями. Организация разбилась на коалиции.

Я всё так же старался сделать жизнь группы как можно более приятной. Например, я забронировал двухместный номер для Бонзо, как он и хотел — одна из спален превратилась в зал для бильярда, без мебели. Но часы, проведённые за бильярдным столом, в конце концов, утомили его.

— Мы вскоре уезжаем, — сказал я Бонзо. — Успокойся, мы

свалим отсюда, пока ты будешь думать, чем заняться.

Бонзо труднее остальных в группе расслаблялся после концертов. Его переполняла энергия, он не мог усидеть на месте, ему требовалось приложиться к чему-нибудь, одних барабанов ему не хватало. В тот день, после того, как я вернулся к себе в номер, Бонзо решил расслабиться путём разрушения номера.

Стулья порхали по комнате. Диваны вылетали из окна. За ними последовали лампы и столы. Затем настала очередь телевизора, который взорвался о кондиционер и разлетелся на тысячи кусочков.

Услышав шум, я рванул через холл в сопровождении двух охранников. Дверь в номер Бонзо была приоткрыта. Когда мы к нему ворвались, он склонился над бильярдным столом, обдумывая следующий шаг.

— Не стойте там! — проревел он. — Этот стол тяжелый, как слон. Дай мне руку!

Какого чёрта! На тот момент мало что целого осталось. Мы вчетвером схватились за углы стола, подняли, наклонили на одну сторону, а потом торжественно бросили на пол. Щепки разлетелись во все стороны. Ухнуло не только в номере, но и во всём городе. От удара наверняка на озере Мичиган пошли волны.

— Время для выхода на «бис»? — спросил Бонзо, кивнув самому себе в знак согласия. Мы повторили варварский акт снова и снова — поднимали стол и роняли его на пол, пока он в дрова не превратился.

Раньше Бонзо тоже редко относился с уважением к собственности отелей. Возможно, скука всему была виной. Но в этот раз мне показалось, что что-то пошло под откос.

Вскоре после того, как бильярдный стол в последний раз рухнул на пол, в номер прибежал менеджер. От вида разрушений у него глаза на лоб полезли. Он поспешно схватил телефон и вызвал секретаршу, которая появилась с ручкой и тетрадкой. Он попросил её описать все повреждения, и пока она выполняла поручение, Бонзо стоял рядом и игриво помогал составлять реестр (Не забудьте испорченный пол!). Счет составил пять тысяч сто долларов.

Когда менеджер не мог уже сдерживать своё раздражение, то направил наше внимание на зеркало, случайным образом выжившее после атаки Бонзо. С сарказмом он произнёс:

— Боже мой, вы забыли про зеркало!

Бонзо усмехнулся:

— Не будь так уверен!

И прошествовал по комнате, снял зеркало со стены и швырнул на пол, от чего то разлетелось на тысячи осколков.

Несмотря на мои опасения, каждый концерт проходил при полных залах, перекупщики озолотились, продавая шестидолларовые билеты за семьдесят пять долларов. В Понтиаке, штат Мичиган, семьдесят шесть тысяч двести двадцать девять фэнов забили все щели стадиона, трёхчасовой концерт принёс феноменальные девятьсот тысяч долларов за единый вечер музыки. Мы также продали все билеты на четырёх концертах в Чикаго, четырёх в Лендовере, шести в Нью-Йорке и шести в Лос-Анджелесе. С апреля по июль цеппелины показали, что они — до сих пор самая козырная карта рок-музыки.

Питер не потерял уважения к поклонникам. Он вполне мог не напрягаться по поводу всего процесса, относясь к людям как Мария-Антуанетта (пусть едят пирожные). Он знал, что каждое шоу распродастся мгновенно, неважно, сколько усилий и таланта он приложит к организации. Но несмотря на семейные проблемы, он никогда не терял из виду тот факт, что без фанатов ничего бы не получилось. Когда мы планировали тур 1977 года, он был твёрдо уверен, что каждый поклонник должен получить за свои деньги сполна. Для концертов на больших площадках он настоял на видео экране, чтобы люди на галёрке почувствовали себя частью действа в той же степени, что и на переднем виду.

«Starship» получить нам не удалось, но мы не могли обойтись без привычных удобств. За десять дней до начала тура мне позвонили и сказали, что самолёт приземлился в Лонг-Бич, потому что один из двигателей едва не отказал во время полёта. Ребята и так не любили летать, и я решил, что новость о проблемах лайнера заставит их пользоваться железнодорожным транспортом. Поэтому без особых объяснений я организовал Ceasar's Chariot, «Боинг 707» отеля «Ceasar's Palace». Он ни в чём не уступал «Старшипу», разве что отсутствием органа.

По этому поводу никто не парился. Нас интересовала выпивка и наркотики. Мы пили пиво ящиками, а наркотики жрали словно сладкую вату.

Роберт также принимал обезболивающие. Его нога до сих пор восстановилась не полностью. Конечно, он проводил на ногах почти весь концерт, вышагивая, словно павлин под «Rock and Roll», «Whole Lotta Love» и «Stairway to Heaven». В отдельные периоды его тело принимало неуклюжие позы, совсем не те, что стали фирменным знаком Планта. Иногда я видел, как его лицо искажалось от боли. Пейджи пытался заполнить брешь сценического действа, и вполне с успехом.

Иногда нога Роберта буквально молила о пощаде от работы на износ. Акустические сеты приносили отдых, когда он мог сесть в центре сцены рядом с Бонзо, Джоном Полом и Джимми и

вытянуть ногу, исполняя песни типа «Black Country Woman» и «Going to California».

— Иногда я завидую тебе, Бонзо, — сказал Роберт. — Ты сидишь на стульчике весь концерт. Скажи, если захочешь поменяться местами.

Однажды Роберт признался мне, что только толпа не заставляла его выбросить полотенце. Их возгласы побуждали его сжать зубы и терпеть боль, словно её нет. Фанаты были его поддержкой и вдохновением.

Хотя Роберт никогда не филонил, погода вмешалась в концерт в Тампе, который пришлось отменить, что не понравилось фэнам. Морин Плант и Мо Джонс приехали в Штаты с детьми, чтобы съездить в Диснейленд и побыть с группой. И мы полетели за ними в Орландо, а потом отправились в Тампу. Когда самолёт подлетал к городу, дождь шёл приличный. Питер озабоченно смотрел в иллюминатор. Я знал про его политику не пускать группу на сцену в дождь. Оставалось изменить дату концерта.

В 1972 году трагедия произошла с группой Stone the Crows, подопечными Питера. Мэгги Белл — была мощной певицей, пресса начала сравнивать её с Дженис Джоплин, а сама группа начала привлекать больше поклонников. Во время одного из концертов в Уэльсе гитарист Лес Харви получил удар током. Другие члены группы, клавишник Ронни Лейхи и басист Стив Томпсон пытались оживить его, но безуспешно. Stone the Crows так и не оправились от трагедии, как и Питер. В 1973 году группа распалась.

Расследование показало, что Харви умер из-за короткого замыкания в оборудовании. После этого Питер решил, что риски слишком высоки, чтобы выступать под дождём или в схожие обстоятельства из-за угрозы замыкания. Питер защищал своих музыкантов. Он тратил много денег на специальные трансформаторы, чтобы ток не причинил зло кому-нибудь из Led Zeppelin. При всём при этом, политика «никакого дождя» не подвергалась пересмотру никогда и ни для кого.

Через десять минут после приземления я разглядывал билеты на концерт.

— О, чёрт! — воскликнул я. — Питер, глянь на это. Тут написано, что концерт состоится в любую погоду. Кто напечатал это на билетах?

Питер разгневался. Он никогда не разрешал условия «при любой погоде» и не собирался менять планы. Терри Бассетт — один из организаторов, находился с нами в самолёте, и Питер высказался о своём недовольстве.

— Бассетт, — орал он. — Что вы тут натворили?

Терри потерял дар речи на секунду. В этот момент самолёт при посадке так тряхнуло, что все чуть с ума не посходили. Гнев Питера приутих, временно.

Дождь прекратился за час до концерта, а небо почти очистилось. Питер решил не отменять шоу. Группа открыла концерт с «The Song Remains the Same», вызвав бурные аплодисменты. Но через две вещи в середине «In My Time of Dying» в небе разразился гром. Затем хлынул ливень. Питер не сомневался. Он немедленно приказал музыкантам уходить со сцены, а оборудование накрыть брезентом.

— Если получится, переждем дождь, — сказал он.

Фэны не пошевелились. Некоторые взяли зонты, но остальные вымокли до нитки. Но никто не ныл.

Мы терпеливо ждали окончания дождя, который никак не хотел прекращаться. Наконец Питер проворчал:

— Убираемся отсюда.

Перед тем, как толпе сообщили об отмене, полицейский эскорт сопроводил нас при выезде со стадиона. Затем сделали объявление, попросив людей спокойно покинуть стадион, что вызвало тучу неодобрительных возгласов минут на десять. Некоторые не могли поверить, другие разгневались.

Несмотря на дождь основная толпа осталась на стадионе. Они скандировали: «Мы хотим Zeppelin! Мы хотим Zeppelin!». Они кидали на сцену бутылки, где наши роуди разбирали оборудование, пока стадион не превратится в озеро.

Затем началось настоящее безумие. В толпе начались драки, сорок полицейских в амуниции ворвались на стадион и стали усмирять толпу дубинками. Концерт превратился в полномасштабный мятеж. Кулаки летали направо и налево, кровь текла ручьями. Выли сирены полицейских машин и скорой помощи. Шестьдесят фанатов оказались в больнице. И с десяток копов.

Когда мы доехали до аэропорта и садились на самолёт, один из сотрудников службы безопасности услышал о беспорядках на стадионе. Всплыли воспоминания о Милане 1971 года. Все расстроились, но больше всего Роберт:

— Не могу поверить, люди пришли послушать музыку, а не подставлять под дубинки головы.

Наверно, что-то случилось в воздухе Флориды. Когда билеты поступили в продажу, сотни разгорячённых фанатов прорвались в «Орандж Боул», место, где шла продажа, и стали ломать сиденья, разбивать офисы и красть еду из киосков. Вызвали спецназ из Майами, и порядок удалось навести с помощью слезоточивого

газа. «Майами Геральд» выдала такой заголовок: «Настоящее чёрное воскресенье в Орандж Боул. В прошлый раз полковник Блимп, теперь — Led Zeppelin».

К несчастью, беспорядки в Тампе оказались не единственными. После концерта в Хьюстоне буйные поклонники в порыве гнева нанесли ущерб на полмиллиона долларов. Сорок из них были арестованы за нарушение общественного порядка и хранение наркотиков.

52. Спиритический сеанс

Тур продолжался, а я всё больше тревожился за существование группы. На сцене музыка звучала так здорово, что страх за будущее группы немного отступал, но вне сцены мы проводили всё меньше времени друг с другом, как будто останавливались в разных отелях, а не в одном коридоре. Когда мы общались, временами вспыхивала злость и враждебность по отношению к кому-либо из участников группы.

Мы летели в Атланту. Моя тогдашняя подружка Ребекка путешествовала со мной. Ещё с нами была Линда, официантка из «Рэйнбоу». На Ребекке было красивое замшевое платье в индийском стиле. Кое-кто заприметил его, и он решил меня немного позлить и договорился с одним из охранников, чтобы порезать платье моей подруги. Ну, чтобы вывести меня из себя.

Я как раз нюхал с Джимми кокаин, когда охранник подошёл к нам, схватил платье Ребекки за воротник и дёрнул рукой вниз. Платье порвалось, и девушка осталась в лифчике и трусиках. Она плакала и пыталась прикрыться руками.

Пейджи засмеялся. Питер громыхнул хохотом с таким удовольствием, что его голос отдавался эхом от стенок фюзеляжа. Я же ничего смешного в этом не видел.

— Вы все мудаки! — выпалил я. Я отклонился, поднял ногу и пнул иллюминатор, разбив два из трех стекол. Кокаин с блюдца вследствие чего вихрем развеялся в воздухе. Джимми, который ненавидел летать больше всех, чуть в обморок не упал, Линда бросилась на пол, поняв, что разбитое окно вызовет изменение в давлении воздуха, а самолёт потеряет управляемость.

— Я покажу тебе, что со мной лучше не связываться, — орал я, ткнув пальцем в Джимми. По ошибке я решил, что это он придумал раздеть Ребекку. — Это имеет что-то общее с магическим дерьмом? Теперь ты мучаешь женщин?

Страсти поутихли немного к моменту заселения в отель, хотя я до конца не отошёл. Чуть спустя девушки, Джонси и я находились в номере Бонзо, сидели за столом и болтали. Я заметил, что к нижней части стола прикреплён рычаг, если его поворачивать коленом, стол будет вращаться.

— Давайте устроим сеанс магии, — предложил Бонзо. — Джимми не единственный, кто может заниматься сверхъестественным дерьмом!

Джимми ещё сильнее залез в дела Алистера Кроули. Он даже открыл книжный магазин в Лондоне, посвященный исключительно оккультизму. В целом, его интересы, какими бы

странными они ни казались, не волновали остальных, так как Пейджи никогда не промывал мозги своими верованиями. Но потому, что мы периодически слышали истории про «дьявольскую» сторону группы, то не могли их полностью игнорировать.

Я решил отомстить Джимми.

— Давайте прикольнёмся над ним. Я хочу его до смерти напугать!

Номер Джимми граничил с Бонэмом, и дверь между ними была слегка приоткрыта. Я погасил свет, и, чтобы Джимми слышал, мы начали хором произносить «ооомммм, ооомммм, ооомммм».

Взявшись за руки, мы закрыли глаза. Сдерживая смех, мы приготовились разговаривать с духами.

— Ооомммм… ооомммм… ооомммм…

Бонзо прошептал:

— Полная чушь!

Украдкой я увидел приближающегося Джимми, а позади него Питера. Когда они подошли ближе, Линда тихонько нажала на рычаг коленом. Стол приподнялся.

Джимми с Питером офигели. Джимми вздрогнул и попятился назад. У обоих на лицах застыло выражение: «Черт, ну и чудеса!».

Стол опустился и ещё два раза приподнялся. Питер, в конце концов, заподозрил неладное. Он включил свет, опустился на четвереньки и увидел рычаг. Ни он, ни Джимми шутку не оценили.

Тур продолжался, мои отношения с Робертом не улучшались. Конечно, у него были проблемы — как вытерпеть боль от концерта к концерту. Он много времени проводил в номере, давая ноге покой — смотрел телевизор, употреблял алкоголь и наркотики. Но во время концертов он продолжал извлекать энергию, расцветая в свете всеобщего внимания.

Но при этом, он стал более раздражительным, чем обычно, из-за недолеченной ноги. За несколько минут до начала концерта в Лендоверe Роберт отвёл нас с Джонни Биндоном в угол и стал отчитывать.

— За что вы получаете деньги, сволочи? — кричал он, по очереди ткнув пальцем в грудь сначала мне, а потом Джонни. — Пока я надрываю связки на сцене, вы тут валяете дурака.

Мне не понравился тон, ведь я посвятил группе девять лет жизни.

— Я собираю деньги, твою мать, — парировал я. — Если я этого не сделаю, вы уроды, будете такси ловить, а не разъезжать в лимузинах!

— Если вы хотите быть полезными, — добавил Роберт, — Пойдите в зал и достаньте мне хороших девочек.

Я охренел.

— Что за высокомерный сукин сын! — сказал я Биндону. Вскоре после начала концерта мы с Биндоном решили дать Роберту то, что он хочет — и немного его понервировать.

Мы пошли в зал и узрели пять роскошных юных девчонок в первом ряду.

— Как думаешь, сколько им? — я спросил Джонни.

— Кому какое дело? — ответил он. — Поскольку они вышли из пелёнок, для Роберта пойдёт.

Я наклонился к ним, представился и сказал:

— После концерта мы хотим вам пригласить покататься в лимузине и посидеть в самолёте группы. Они хотят познакомиться с вами, угостить выпивкой и дать автографы.

Девчонки захихикали. Сидевшая ближе всех ко мне, её брекеты вибрировали в такт музыке, ответила:

— Супер, чувак!

Я понял, что это не стипендиатки Оксфорда.

После концерта я помог девушкам залезть в лимузин. Когда дверь захлопнулась я обратился к ним:

— Я должен вам сказать одну вещь. Когда вы зайдёте в самолёт, не говорите с Робертом. Иногда он становится слишком темпераментным, и если вы ляпнете что-то не то, то можете пожалеть об этом. Так что если он попытается поговорить с вами, молчите. Просто смотрите на него, о'кей?

Они удивились, но кивнули в знак согласия.

Когда мы загрузились в Ceasars Chariot, Роберт посмотрел на девушек и с улыбкой на лице сказал мне:

— Бля, они хороши. Ричард, ты, наконец, стал отрабатывать свои деньги!

Роберт продолжил рисоваться перед подругами. Он снял рубашку и с улыбкой продефилировал по проходу.

Когда лайнер взлетел, я неожиданно забеспокоился. Я понял, что нам следовало высадить девчонок до отлёта, но я нюхал героин и заторчал. Было слишком поздно, они летели с нами в Нью-Йорк.

Одна из них выглядела напуганной и заплакала.

— Куда вы нас везёте? — всхлипывала она. — Отец убьёт меня.

Наверно, я слишком далеко зашёл в этот раз. Мне не хватило смелости сказать им, что они летят с нами в Большое яблоко.

Через двадцать минут одна из девушек, брюнетка с накладными ресницами, едва не достающими до кончика носа,

когда моргала, подошла ко мне:

— Раз уж мы тут, мы можем взять у Роберта автограф или ещё что-нибудь?

Поскольку я вынашивал планы против Планта, то не видел причин что-либо менять.

— Послушай, — сказал я строго. — Я не хочу, чтобы вы с ним имели дело. Если заговорите с Робертом, я открою дверь и выброшу вас.

Она молча вернулась на место.

Конечно, я был с ними суров. Я даже подумал извиниться перед ними. Но тут подошёл Роберт и попробовал флиртовать с девушками. Они смотрели на меня, я погрозил пальцем, чтобы они вели себя тихо.

Перед приземлением в Нью-Йорке Роберт сдался.

— Это самые холодные сучки, которых я видел когда-либо. Я их пытаюсь развеселить, а они просто сидят. Кого ты нашёл — лесбиянок?

Когда мы вышли в аэропорт, передо мной встала другая дилемма — куда девать девушек. Они помогли мне отомстить Роберту, и я чувствовал себя виноватым перед ними за похищение. Им было лет тринадцать-четырнадцать, они были слишком маленькими даже на мой безумный вкус. Я снял им номер в отеле и отправил домой на следующее утро.

Несколько лет спустя красивая молодая женщина подошла ко мне в баре в Лос-Анджелесе.

— Привет, Ричард! Ты наверно не помнишь меня. Когда мне было четырнадцать, вы похитили меня и подружек и полетели в Нью-Йорк. У меня потом были серьёзные проблемы. Отец одной из девочек был конгрессменом. Все нас искали, даже вызвали полицию.

Мы с Робертом не ладили весь тур. Когда он был груб со мной, я старался изводить его как-нибудь. Такой шанс мне выпал во время шести концертов в Мэдисон Сквер Гарден. Девушка по имени Одри следовала за Робертом из города в город. Она немного достала нас, но была безвредной. Перед началом первого концерта я увидел её в зале, она сидела в проходе в двадцатом ряду. Одри, подумал я, может согласиться на что угодно, если ей удастся приблизиться к Роберту. Поговорив с ней и глянув на тонкое, почти прозрачное платье, я представил, что может получиться.

И сказал осветителям:

— Когда Роберт будет петь «Stairway to Heaven», я хочу, чтобы один из роуди отправил девушку по проходу. Когда я дам знак, направьте на неё прожектор. Думаю, всё будет видно сквозь

платье.

После «Achilles Last Stand» группа заиграла «Stairway to Heaven». Когда Роберт начал петь, один из прожекторов освещал его, а другие четыре высветили Одри, марширующую по проходу, словно на собственной свадьбе. Она просто сияла. Я предупредил охрану, чтобы её пропустили на сцену. От света прожекторов платье просвечивало насквозь, было видно абсолютно всё.

На сцене все попадали от смеха, кроме Роберта. Бонзо так ржал, что едва мог играть. Пока девушка скромно стояла рядом с ним на сцене, Плант бросал на меня грозные взгляды, словно говоря: «Коул, твои дни сочтены».

По окончании шоу Плант был разъярён. Он гонялся за мной по гримёркам, чтобы надавать по роже, но так и не поймал. С больной ногой бегать резво он не мог.

Когда он успокоился, я спросил его:

— С чего ты решил, что это я?

— Я тебя хорошо знаю, Коул. Кто ещё мог?

Когда мы добрались до Лос-Анджелеса, я оказался вдруг в затруднительном положении из-за финансов группы. Сначала я решил, что Роберт мне отомстил. Но потом понял, что дела обстоят намного серьёзнее.

Я всегда отвечал за мелкие расходы группы, если их можно назвать мелкими. Но моя честность никогда не подвергалась сомнению, даже во время ограбления в Нью-Йорке в 1973 году. Но в 1977-ом Питер заподозрил неладное, и в Лос-Анджелесе ко мне в номер позвонила Шелли Кей, одна из коллег Стива Вайсса:

— Питер попросил меня провести полный аудит наличности, которая была у тебя во время турне.

Я был удивлен и озадачен, когда она вызвала меня в номер Питера, чтобы просмотреть все записи о расходах. Я знал, что мне нечего скрывать.

Мы прошлись по всем книгам, пункт за пунктом. Оказалось, что я запросил сто десять тысяч наличными у промоутеров. Но выяснилась недостача десяти тысяч четыреста шестидесяти долларов. Я не мог понять, куда девались деньги. «Только не это, — подумал я, на память пришёл инцидент в Нью-Йорке».

К нам присоединился Питер. Как и все остальные, он не был настроен валять дурака.

— Где деньги, Ричард?

— Не представляю. Я понятия не имею.

В то время из-за кокаина и героина я стал подозрительным и возможно совершил грубую ошибку, не подозревая об этом.

Мы с Шелли снова просмотрели все записи.

— Где-то закралась ошибка, — повторял я.

Наконец, мне показалось, что я её обнаружил.

— Погоди-ка! Здесь написано, что я взял десять тысяч триста долларов в Хьюстоне, но я не брал. Я помню, что изначально планировал получить деньги, а потом сказал промоутеру, что они мне не нужны. Можете спросить у Билла МакКензи из Concerts West.

Никогда бы я не украл деньги у группы. Шелли позвонила Биллу, бухгалтеру компании организатора концертов, и тот подтвердил мою версию. Учитывая эту ошибку, мы снова всё пересчитали. В этот раз недоставало сто шестьдесят долларов. Для Питера это была незначительная сумма, и он сказал:

— Забудь, Ричард. Полагаю, я должен перед тобой извиниться.

Мы пожали руки и забыли о случае навсегда.

В тот вечер, когда напряжение от финансовых разборок осталось позади, я решил расслабиться. После концерта группа, Джонни Биндон и я решили пойти в клуб. Через два часа ко мне подошёл один из помощников Рода Стюарта:

— Род устроил дома вечеринку. Почему бы вам не заехать? Я уверен, он будет рад вас встретить.

Я не видел Рода несколько лет и подумал, что неплохо бы вспомнить былое. Но что более важно, я знал, что его бар полон выпивки. Да так, что можно довести до цирроза печени половину Калифорнии. Мы забрались в лимузины и поехали к Роду. Однако, когда мы оказались там и позвонили в железные ворота, нас встретили достаточно прохладно:

— Мистер Стюарт предпочел бы, чтобы вы уехали.

Я уже был достаточно пьян после клуба и не желал получить отказ. Разозлившись, я с помощью одного из охранников стал лупить по воротам, которые соскочили с петель и рухнули на землю. Мы проехали по ним к входной двери.

На звонок никто не ответил.

— Негостеприимные козлы, правда ведь? — сказал я Джонси и полез по водосточной трубе, подумав, что на каждой вечеринке должна быть парочка незваных гостей. Но Род не был согласен с этим. Он так не открыл дверь, но я слышал, как он орал изнутри:

— Коул, я вызову полицию, если ты и твои уродские друзья не уберутся из этого дома через минуту!

Обычно я бы рискнул вломиться в дверь. Но в конце тура, после стольких проблем я посчитал, что не стоит упорствовать. Мы развернулись и вернулись в клуб.

На последний концерт в Лос-Анджелесе группа пригласила Кита Муна выйти с ними на бис. Толпа чуть с ума не сошла, когда Муни заиграл на конгах и литаврах в «Whole Lotta Love». В столь

восхитительный момент все забыли, что Кит стоял на месте, где пиротехники расставили дымовые бомбы, которые должны сработать в конце песни. С последней нотой бомбы взорвались, почти как на салюте четвёртого июля — прямо под задницей Кита. Бедный Муни подпрыгнул на метр в воздух и с воплями выбежал со сцены. На его лице был написан дикий ужас.

— Суки! — орал он на нас. — Вы знали об этом! Вы хотели напугать меня до усрачки, не так ли?

Во время трёхнедельного перерыва большинство полетело в Лондон. Но Джимми планировал съездить в Каир с Миком Хинтоном, видимо, чтобы раскопать египетские дела Алистера Кроули.

По дороге домой Бонзо спросил меня:

— Ты знаешь, почему Джимми взял Мика, а не тебя? Потому что знает, если нужно принести кого-то в жертву, то тебя будет уговорить труднее, чем Мика!

Без проблем! У меня были другие планы в Англии, включая пополнение запасов героина. В тот период жизни наркотики были важны для меня не меньше всего остального. Так далеко я зашёл.

Бонзо посмотрел в иллюминатор и сказал:

— Чем больше ты гастролируешь, чем более успешным становишься, тем больше туры становятся рутиной. Просто работа. Мы зарабатываем кучу денег, но у нас нет жизни. Мы заперты собственным успехом и своей охраной. Иногда мне кажется, что я живу в кошмаре.

Часть 25

53. Последний этап

После трёх недель перерыва в Англии, за день до возвращения в США, я упал и сломал коронку на одном из резцов. Времени было мало, и мой стоматолог не успевал починить зуб.

— Давай уберём золотой корешок, — предложил врач. — Я всё сделаю, когда тур закончится.

Я согласился: с дыркой во рту я выглядёл более устрашающим, чем обычно.

Во время полёта на север — в Сиэтл, я принял три таблетки антидепрессанта и просидел пнём весь рейс. В то же время, я вёл себя довольно отвратительно, одна из стюардесс была оскорблена ожерельем, которое я носил — оно изображало палитру с надписью «Отъебись!». Такую вещь не подаришь маме на 8 марта.

Лётный экипаж сообщил полиции Сиэтла, которая отволокла меня в тюрягу, как только мы сошли с самолёта. Меня обвинили в нарушении общественного порядка.

— Хватит молоть чепуху! — сказал я копам. — Да, я был немного громким, но за это не арестовывают.

Но полиция планы менять не собиралась, пока не вмешался Боб ДеФорест, один из специалистов по безопасности. Он был капитаном полиции Сиэтла и не хотел, чтобы нам доставили неприятности. Дело замяли, и я никогда больше об этом не слышал.

— За все годы нас сто раз могли арестовать, — пошутил Бонзо. — Мы должны были провести за решёткой больше времени, чем на гастролях.

Цеппелины остановились в Edgewater Inn. В Лос-Анджелесе мы занимали весь этаж, в Сиэтле мы поступили так же. Когда я слышал необычный шум, то шёл проверять холл или смотрел с балкона, не затевается ли что-то против нас. Вроде вокруг было спокойно, и я облегчённо мог вздохнуть.

Как-то поздно ночью я увидел парочку незнакомых лиц, выходящих из лифта и встал на их пути.

— Я — брат Джимми Пейджа, — сказал один из парней.

У него был выговор южанина, трюк не удался.

Они не понимали, что безопасность для меня — вопрос серьёзный. Фаната в ожидании автографа мы могли вежливо попросить уйти, но эти парни могли доставить неприятности. Начинать общение с вымыслов о родстве с Пейджем — плохая мысль.

— Если вы желаете себе добра, то быстрее убирайтесь отсюда! — крикнул я им.

Один из них развернулся, но «братишку» моя просьба оскорбила. Без предупреждения он попытался ударить меня, но промахнулся. Тем самым он вынес себе приговор. Я шагнул к ним, и двумя быстрыми приёмами уложил обоих на пол.

В этот момент подбежал один из охранников по имени Чарли, по совместительству — полицейский. Мы вытащили незваных гостей из отеля и бросили на стоянке.

— Мне это уже надоедает, — сказал я Чарли.

По правде говоря, меня напрягало абсолютно всё в этот раз. Несмотря на перерыв, дела шли наперекосяк.

Я вернулся в номер, но хулиганы не собирались сдаваться. Они вызвали полицию, которые приехали в отель и выслушали историю о том, что я напал на парней. Копы были в курсе о Led Zeppelin и понимали, что здесь присутствовали их коллеги. Они попросили меня спуститься и дать показания.

— Так вы, ребята, говорите, что мистер Коул напал на вас! — вопил один из полицейских.

— Да, — кротко ответил один из парней.

— Мистер Коул, покажите свои зубы.

Я одарил их большой щербатой улыбкой.

— Вы, сволочи, выбили у него зуб! Лучше валите отсюда, пока я вас не арестовал!

Впервые за какое-то время я от души посмеялся. Копы отвели пацанов подальше от нас.

В последний день в Сиэтле мы с Бонэмом зашли в пустой номер Планта, вышли на балкон и смотрели на залив Пьюджент Саунд. Я погрузился в собственные мысли, а Бонзо скакал на одной ноге, то ли пнуть кого-то хотел, то ли в туалет приспичило. Как выяснилось, он думал, какой прощальный подарок преподнести Сиэтлу перед отъездом.

— Давай выбросим холодильник в океан! — сказал он и засмеялся.

Почему нет? Мы схватили маленький холодильник в комнате у Планта, вытащили на балкон и бросили в воду.

Роберт находился у Пейджи и наблюдал, как холодильник плюхнулся в океан.

— Круто! — заорал он, выбравшись на балкон Джимми, и тоже рассмеялся. А потом он понял, что мы стоим в его номере. До него дошло, что мы выбросили его холодильник.

— Вот уроды! Там было шесть бутылок «Дом Периньона»! Сволочи!

— Ой! — ответил Бонзо. — Тебе не кажется, что Роберт разозлился? Почему Роберт такой злой?

Потом мы заметили, как два рыбака подплыли к плавающему

холодильнику и затащили к себе в лодку, открыли дверцу и выбросили бутылки в воду.

— Чудесно! — взревел я. — «Дом Периньон» шестьдесят шестого года урожая стоит больше, чем хренова железка!

Из Сиэтла мы полетели в Темпе, штат Аризона. Когда я вписывал ребят в отель, ко мне подошли две девушки. Одна из них напомнила, что я спал с ней в 1973 году и добавила:

— У нас подарки. Мы можем подняться наверх?

Я помог ей донести десяток пакетов, и мы разложили их у меня в номере. Я предложил девушкам выпить, и они провели день с нами. Через час после их ухода Джонни Биндон зашёл ко мне и спросил, кому принесли подарки.

— Давай их откроем, — сказал я. — Если нам понравится, то — нам.

Там оказались индийские узкие галстуки, пояса и прекрасные украшения. Мы с Джонни могли поделить их между собой.

В то же время одна из девушек позвонила Роберту, с которым, как оказалось, была знакома.

— Тебе понравились подарки?

— Какие подарки?

— Те, что я оставила у Ричарда.

Роберт бросился по коридору в мой номер. Ворвавшись внутрь, он застал нас сидящими на полу и наслаждающимися видом подарков. Вокруг лежала разорванная обёрточная бумага и коробки. Должно быть, мы напоминали детей в рождественское утро.

— Вы просто гондоны! — взревел Роберт. — Это мои подарки! Как вы смели открыть их?

О, Господи! «Чувак — миллионер», — подумал я, а из-за пары галстуков так разоряется.

Я передал ему подарки.

— Я бы не стал портить тебе гастроли, Перси, — ответил я. — Мы тоже хорошо проводим время.

В конце июля из Аризоны мы полетели на пару концертов в Окленд. Судя по тому, как развивались события на гастролях, мне следовало ожидать неприятностей и в Окленде. Но даже я не мог предположить, что кое-кто окажется в тюрьме.

Проблемы начались с первого концерта. Мы редко оставались после шоу, но промоутер Билл Грэм убедил нас задержаться на ужин, в честь его программы «Day on the Green». Во время концерта сын Питера Гранта, Уоррен, увидел деревянную табличку с надписью «Led Zeppelin» и попросил одного из помощников Билла Грэма подарить её ему. Без видимой причины работник Грэма треснул Уоррена по голове. Бонэм, который

спустился со сцены передохнуть, увидел происходящее, подбежал в обидчику и пнул того по яйцам ударом, достойным самого Пеле. Парняга закричал, попятился назад, осел на землю и на какое-то время выпал из реальности. Бонэм выматерил его и вернулся на сцену, забыв о происшедшем.

Тем временем, Питер прознал об этом и пошёл искать того, кто ударил его сына. Чувак был не в состоянии защищаться, но Питер с Джонни Биндоном отволокли его в трейлер и «обсудили» дела. За прошедшие годы я видел Питера разъярённым, но никогда — таким гневным. Там, где я стоял, было слышно, что Грант и Биндон вели себя агрессивно, рукоприкладствовали и всё время бранились. Я охранял трейлер снаружи, чтобы никто из друзей Грэма не мог зайти внутрь и остановить беспредел. Я не понимал, как далеко мы зашли.

По окончании концерта мы залезли в лимузины и решили не оставаться на ужин. В это же время помощника Грэма отправили на скорой помощи в больницу, чтобы зашить лицо.

На следующий день у Zeppelin был запланирован ещё один концерт для Грэма, но из-за скандала стороны держались сдержанно. Однако, не прошло и двадцати минут, как мы вернулись в отель в Сан-Франциско, конфронтация возобновилась с новой силой. Я находился в номере и нюхал кокаин с девчонкой, которую пригласил провести со мной пару дней. Телефон зазвонил, это был Питер.

— Приходи ко мне, Коул, быстро! И убедись, что ты чист.

На этаже кишели копы. Билл Грэм позвонил в полицию и даже вызвал спецназ. Одни полицейские были вооружены, другие держали дубинки наготове. Билл Грэм, должно быть, сказал им, что в отеле собрались Джесси Джеймс, Джон Диллинджер и Беби Фейс Нельсон (известные американские бандиты — прим. пер.).

Грегг Бепплер, сотрудник нашей службы безопасности, узнал в одном из в спецназовцев коллегу по Кливленду и попытался вмешаться от нашего имени.

— Не знаю, что вам рассказали, но эти парни из Led Zeppelin не опасны. Случай в Окленде чрезмерно раздули. Уберите пушки.

У копов на руках были ордеры на арест Бонзо, Питера, Биндона и меня. Тем не менее, вели себя копы вежливо и даже не надели на нас наручники. Нас четверых арестовали, зачитали права и доставили в участок. Я чувствовал себя отвратительно.

— Полагаю, Билл Грэм решил показать нам свою власть в этом городе, — я сказал Бонзо.

Из участка Питер позвонил Стиву Вайссу, который незамедлительно постарался вытащить нас оттуда. Через два часа нас освободили под залог в двести пятьдесят долларов за

каждого. Лимузин встретил нас у входа в тюрьму, и мы вернулись в отель.

— Какая хрень! — орал Питер. — Что Грэм хочет этим доказать?

Бонзо лишь покачал головой.

— Ты заметил, что он дождался второго концерта, и только потом спустил на нас полицию? Он не захотел терять деньги из-за ареста.

— Лучше свалим из этого города, — сказал Питер.

Через два часа мы уже были в воздухе по дороге в Новый Орлеан.

Время работало против нас. Инцидент рассматривался в суде нереально долго. В конце концов, мы получили приговор о тюремном заключении и были выпущены на испытательный срок.

Билл Грэм негодовал по поводу мягкого приговора.

— Не могу поверить, что эти парни могут надрать зад кому угодно, а судья говорит им: «Ступайте!», — говорил он прессе.

Карты всегда благоволили группе, как и в этот раз.

На следующие выходные нам предстояло играть на стадионе в Новом Орлеане. Губернатор Луизианы планировал сделать нас «почетными полковниками». Здесь приём был гораздо более тёплым, чем в Калифорнии.

Вскоре после того, как мы въехали в отель, Роберту позвонила жена. Я перевёл звонок в его номер. Через несколько минут Роберт появился в моём дверном проёме в прострации.

— Что случилось? — спросил Бонэм.

— Карак, — ответил Роберт. Он с трудом добрался до стула и опустился на него. — Мой сын умер.

54. Траур

Мы были потрясены новостями о смерти Карака Планта. Никто и слова не сказал против возвращения Роберта в Англию, несмотря на то, что пришлось отменить семь концертов американского тура.

Я попытался организовать отлёт нашего самолёта немедленно, но пилотам не хватало времени получить разрешение на трансатлантический перелёт. Я позвонил в нью-йорский офис, чтобы обсудить, как отправить Роберта домой. Пока я ждал ответного звонка, мы все старались поддержать его. Но это было непросто.

Роберт хмуро рассказал нам то, что смог узнать от жены по поводу смерти пятилетнего сына. Карак подхватил инфекцию дыхательных путей, и за сутки его самочувствие ухудшилось. Вызвали скорую помощь, но Карак умер по дороге в больницу.

— Давайте посмотрим на вещи со стороны, — говорил он. — У меня куча денег и слава, но нет больше сына. Зачем мне всё это?

Пока он говорил, слёзы катились по его щекам. Он не терял самообладания, но боль в душе была адская.

Led Zeppelin не были организацией, в которой легко делились чувствами. Кроме как «прости», мы редко задумывались, что можно ещё сказать. Роберт испытал самую опустошительную потерю в жизни. Мы это знали. Каждый подошёл и обнял его, поддержал и дал понять, что мы рядом.

Как глупо, подумал я, что в этот раз тур сопровождался суматохой и враждебностью. Члены группы отдалились друг от друга. Постоянно возникали трения, ссоры и злоба. Тем не менее, когда ударил кризис, который задел всех, распри и раздоры в момент исчезли.

Зазвонил телефон, я узнал, что у Atlantic-Warner Brothers есть корпоративный самолёт, но его отдали Джимми Картеру. И я решил заказать билеты на обычный коммерческий рейс до Лондона через Ньюарк. Роберт попросил Питера взять кого-нибудь с собой.

— Только назови, — ответил Питер. — Кого ты хочешь взять?

Роберт попросил Джона Бонэма поехать с ним, также Денниса Шихэна, личного помощника, и меня. Деннис помог упаковать маленькую сумку, и мы отправились в аэропорт. Через час мы сели в самолёт до Ньюарка, в котором пересели на рейс до Хитроу.

Мы летели первым классом, во время рейса почти не

разговаривали. Каждый думал о своём. Я размышлял о том, что будет с Робертом, оправится ли он от потери. Авария на Родосе еще не стёрлась из памяти, а теперь случилась эта страшная трагедия. Встанет ли Роберт на ноги? И даже если сможет, что станет с Led Zeppelin?

Роберт попытался поспать, но не получалось. Пару раз он вздрагивал, просыпаясь, затем склонял голову, словно горюя над смертью Карака. Бонзо сидел рядом и держал Роберта за руку.

Когда мы приземлились, Бонзо и Роберта встретил частный самолёт, доставивший их в Бирмингем. Лимузин отвёз их в дом Роберта, где они оставались до похорон. Я поехал к себе, на следующий день купил костюм и приготовился к поездке в Бирмингем.

Похороны состоялись в конце недели. За исключением Роберта, Бонэм был единственным членом группы, кто присутствовал на церемонии; Джимми, Джон Пол и Питер до сих пор находились в Штатах. Роберт так страдал на похоронах, выглядел изможднным. Он не терял самообладание, но глаза были красные и опухшие.

После похорон мы вернулись на ферму Роберта. Он спросил меня, где Питер, Джон Пол и Джимми, и был сильно разочарован тем, что никто из них не приехал, особенно Джимми, его соавтор.

Я тоже был удивлён их отсутствием. Может быть, им пришлось остаться из-за бизнеса, или же им не нравилось ходить на похороны и иметь дело со смертью. Но Роберт однозначно хотел их видеть.

В час дня я вместе с Робертом и Бонзо сидел на лужайке возле дома Планта, мы пили виски и пытались говорить о хороших временах, но это было непросто. Роберт был поглощён мыслями:

— Я ничего не понимаю, почему Карак?

Перед тем, как уйти, я сказал Роберту, что скоро позвоню.

— Мне нужно подумать и понять, что творится.

Мы обнялись. Я залез в лимузин и поехал в Лондон.

Сразу же пресса вспомнила о «проклятье». Лондонский таблоид процитировал какого-то экстрасенса, который напророчил ещё более худшие события в жизни группы. Диск-жокей из Чикаго заявил, что «если Джимми Пейдж не прекратит свою мистику и фокусы с оккультизмом и не перестанет заигрывать с силами зла, то Led Zeppelin смогут сконцентрироваться на музыке».

Я сомневаюсь, что Роберт считал, что увлечение Джимми в оккультизме является виной в трагедиях его жизни за последние два года. По крайней мере, он никогда мне об этом не говорил. Я

уверен, он слышал о домыслах и задумывался иногда об этих вещах. Но на проклятие и сглаз он точно не сваливал всю вину.

Что касается Джимми, его злили разговоры о плохой карме группы или проклятиях.

— Люди, говорящие такие вещи, просто понятия не имеют об этом, — сказал он мне. — И Роберт не должен слышать эту чушь. Много негативного случилось за последнее время, но что случилось, то случилось. Зачем им нужно делать нам хуже? Пусть Роберт скорбит в покое!

Тем, кто верил в легенды о сглазе группы, дров подкинули в сентябре, два месяца спустя после смерти Карака. Бонзо выпивал в пабе возле дома. Глубоко за полночь он сел в машину и поехал домой. До дома оставалось меньше трёх километров, когда он попытался проскочить изгиб на дороге на высокой скорости. Машина потеряла управление и уткнулась в канаву.

Бонзо получил ранения. В груди болело и было трудно дышать. Ему удалось добраться до телефона, но он не позвонил в больницу или в полицию. Вместо этого он вызвал шофёра, который часто работал с группой, и попросил приехать. Машину он оставил и забрал только на следующий день в автомастерскую. После того, как доктор осмотрел его, то нашёл два сломанных ребра.

Когда новости просочились в прессу, сторонники теории сглаза укрепились в своих убеждениях.

После смерти Карака Роберт уединился с женой и дочерью. Смерть мальчика не только сбила с ног семью, но и каждый сотрудник раздумывал, не прозвучал ли похоронный звон над группой. После аварии деятельность Led Zeppelin была заморожена не несколько месяцев. Теперь, два года спустя это случилось снова.

Джимми встретился с Питером в офисе. Они считали, что нужно дать Роберту столько времени, сколько потребуется, чтобы он смог обдумать собственное будущее.

— Что будет, то будет, — сказал Питер. — Ничего не будем планировать, пока Роберт не почувствует, что готов. Не важно, пройдёт три месяца или три года.

Джимми решил провести отпуск с Шарлоттой и их дочерью Скарлет на Гваделупе в Вест-Индии.

— Поехали с нами! — предложил он мне.

В Лондоне работы было мало, и я согласился. Я даже не возражал, когда Джимми предложил нам избавиться от пристрастия к героину:

— Это значит, что мы проведём две недели без героина, но с избытком белого рома.

Я подумал, если мы будем всё время пьяны, то обойдёмся без наркоты.

Даже при этом я до сих пор не осознавал серьёзность проблемы. Я продолжал верить, что в любой момент могу остановиться, и что контролирую ситуацию.

Одним воскресным днём я оставил Джимми в баре и пошёл в отель самостоятельно. К несчастью, я был так пьян, что потерялся. Остановившись у магазина, продававшего гробы, я тупо залез в один из них, стоявший на витрине, и отрубился. Проснулся я пару часов спустя из-за шума толпы, собравшейся вокруг магазина. Люди стояли в восторге от мертвеца в гробу. Мои глаза открылись, я сел и с ужасом огляделся. «Где я? — подумалось мне. — И кто эти люди?»

Я был напуган, но ещё больше испугались люди вокруг. Когда я выпрыгнул из гроба и выбежал из магазина, пожилая женщина упала в обморок. Вопли раздавались на несколько кварталов.

По возвращении в Лондон Джимми постарался вести активную жизнь. В сентябре он выступил на благотворительном концерте в Пламптоне для детского фонда «Гоулдиггерз». Он сидел в домашней студии, прослушивая записи цеппелиновских концертов 1969 года, после чего поговорил с Питером о выпуске живого альбома с лучшими выступлениями группы — но этим планам не суждено было реализоваться.

Я слышал, что Джимми снова начал употреблять героин, но поскольку я его не видел, то не был уверен в правдивости слухов. Когда команда собралась на следующий год, Джимми снова погряз в наркоте, как и я. Я вернулся с Гваделупы отдохнувшим и посвежевшим. По дороге домой я остановился в доме Питера. В ту ночь я выпил сорок банок пива. Через два дня я позвонил дилеру, и всё покатилось под откос снова. Без работы мне требовалось занять чем-нибудь время. И я заполнил его наркотиками.

Часть 26

55. Возвращение

С наступлением 1978-го года перерыв в работе группы составил шесть месяцев. Джимми отчаянно желал собрать всех в студии, не только ради группы, сколько из-за себя. Он хотел убедиться, что не растерял духа и мог двигать группу вперёд.

Его волновали слухи о том, что Роберт впал в бездну отчаяния, а группа распадается, и через девять лет работы всё кончилось. «Единственный способ разобраться со слухами — вернуться к работе».

Джон Пол и Бонзо были готовы, но никто не решался давить на Роберта. В конце концов, в мае Питер собрал парней на встречу в замке Клирвелл, что в Динском лесу на границе с Уэльсом. Музыканты взяли с собой инструменты и поиграли несколько часов. Роберт пел немного неуверенно, возможно, он находился до сих пор в поисках энергии, чтобы начать всё сначала. Джимми сказал, что им нужно серьёзно подумать о возобновлении карьеры, что наконец настало время. Роберт, однако, не был так уверен. Он понимал: как только группа начнёт движение, обратного хода не будет. А он не был убеждён, что музыка так же важна для него, как и до смерти Карака.

Роберт решил, что если он хочет вернуться на сцену, то делать это нужно медленно, и не сразу выходить к аудитории в пятьдесят тысяч и больше. В июле он попросил группу Turd Burglars поджемовать с ним, и маленькая аудитория в Вустершире с удивлением наблюдала первый публичный выход Роберта за год, который спел песни типа «Blue Suede Shoes». По его словам, он нервничал, но почувствовал себя хорошо. Он почти забыл, какую радость ему доставляет петь перед людьми. Через месяц, будучи на Ибице, он спел с Dr. Feelgood в небольшом клубе, затем в сентябре в Бирмингеме принял участие в концерте Дейва Эдмундса, одного из артистов Swan Song.

Весь 1978 год участники группы редко видели друг друга. Питер требовал от остальных дать Роберту столько времени, сколько тому требовалось, чтобы принять решение. Он встречались на светских мероприятиях, и Джимми пытался выяснить у Роберта, готов ли он вернуться на тропу рок-войны. Но Пейджи воздерживался подталкивать его к обязательству вернуться к музыке.

В сентябре группа собралась в клубе «Red Lion», что в Фулхэме, чтобы отпраздновать мою свадьбу. Я женился во второй раз, в один день с Саймоном Кёрком, барабанщиком Bad Company. Мы устроили совместный приём, и это был

единственный день, который мне доставил радость от нового брака. Несколько лет спустя друг сказал мне:

— Если и существовали проклятья Led Zeppelin, то твоя женитьба стала их жертвой.

Может, он был прав.

Я встретил свою жену Трейси в отпуске в Марбелье, куда поехал, чтобы снова избавиться от пристрастия к героину. В первый вечер я напился, но наркоту не принимал. Я разбил свой «Остин» всмятку, и если бы был умнее, то поехал бы домой и избежал бы дополнительных расходов. Но вместо этого я выпил много шампанского, встретил молодую женщину, которую пригласил к себе домой. А потом на ней женился.

Вернувшись в Лондон, я снова принялся за наркотики. И когда мой дилер Малькольм сказал, что женится, мы с Трейси тоже решили связать себя узами брака, можно сказать, в шутку. «Может быть, брак освежит мою жизнь», — подумал я. Но мы с Трейси едва знали друг друга. Это была большая ошибка.

Джимми Пейдж был шафером, потому что, как он сказал: «Я никогда не был шафером». Перед церемонией я здорово нюхнул героина, хорошо повеселился на свадьбе и всю ночь занимался любовью с женой. Но больше секса с ней у меня не было. Потом на первый план вышел героин, о котором я только и думал.

Ничего не могло привести меня в чувство, даже смерть Кита Муна в том месяце. Я общался с ним за день до того, как он умер. Мы ходили на вечеринку, которую устроил Пол МакКартни в честь выхода фильма «История Бадди Холли», он принимал участие в создании музыки.

Я был под действием наркотика. Муни же был полностью трезвым.

— Ричард, — сказал он. — Я чувствую себя отлично. Я бросил всё… наркотики, алкоголь, всё, кроме женщин. И я снова женюсь. Я очень счастлив, Ричард. Я бросил окончательно.

Я не хотел отставать от друга по пьянкам и наркотикам.

— Не волнуйся, — ответил я. — У меня всё под контролем. Героин мне нравится, пока я отказываться от него не собираюсь. Но когда я захочу, то остановлюсь!

Но я уже начал сомневаться, верил я себе или нет. Я знал, что героин не даёт мне ничего хорошего. Но поскольку я безуспешно пытался бросить раньше, то не был уверен, что смогу вылезти.

В тот вечер я решил поехать в другой клуб, где сильно напился. Рядом с Муни я не мог бухать.

— Я останусь на вечеринке, — сказал он. — А ты езжай, поговорим позже.

На следующий день я узнал, что Кит умер от передозировки

— он слишком много принял лекарства, помогавшего ему справляться с алкоголизмом.

На похоронах Муни ко мне подошёл Пит Таунсенд. Он был потрясён смертью друга.

— Что, блядь, происходит? — он покачал головой. — Кит умер, а ты жив, хотя никто так, как ты не жрёт наркоту.

Я всего лишь улыбнулся. Я не хотел принимать факт, насколько глубоко я упал. Сев в машину, я залез в бардачок и вытащил пакетик с героином — принял дозу, откинулся на спинку сиденья и почувствовал прилив сил и счастья. Потом вставил ключ в замок зажигания, завёл машину и уехал.

В декабре 1978 года объединение группы стало реальностью. Через шестнадцать месяцев после смерти сына Роберт почувствовал, что готов идти в студию.

— Может, я ждал слишком долго, — сказал он. — Но я не мог себя заставить. Энтузиазм должен был вернуться сам собой. Я волнуюсь от того, что произойдёт.

Группа начала репетировать в EZEE Hire. Прошла целая вечность после концерта в Окленде в июле 1977 года — в последний раз, когда команда серьёзно играла вместе. И при этом они не теряли время даром, чтобы возродить былую химию группы. За несколько часов в студии музыканты поняли, что Zeppelin возвращаются. Джон Пол подумал: «Мы так же хороши, как и всегда».

Потом мы полетели в Стокгольм, чтобы записать новый альбом — «In Through the Out Door» — в студии Polar, принадлежавшей Abba. Странно было ехать в середине зимы туда, но Джимми с Робертом слышали удивительные вещи о качестве студии. Мы провели там три недели, но летали домой по выходным. Роберт не мог долго находиться вдалеке от семьи, он будто боялся, что может случиться новая трагедия, когда его не будет рядом. Каждую пятницу Джимми брал плёнки с собой и работал в домашней студии.

Джимми поощрял группу пробовать себя в разных направлениях, и они экспериментировали. Плант и Джонси использовали ритм самбы в «Fool in the Rain». В «Carouselambra» Джон Пол выступил на передний план и создал десятиминутную сагу с каскадом клавишных, отступая только перед магическим двухгрифовым «Гибсоном» Пейджи. От вещи к вещи Джон Пол пересаживался от мелотрона к электропиано и клавинету.

Джонси и Плант сели и написали «All My Love», одну из немногих песен Led Zeppelin, в которой Пейдж не участвовал как автор. На записи Джон Пол исполнил удивительное классическое соло, но именно пение Роберта пробирало до дрожи. Некоторые

посчитали, что Роберт посвятил «All My Love» сыну. Вокал Планта никогда ранее не был столь эмоциональным и трогающим. На этой песне Джимми в итоге использовал первый дубль Роберта. Бонзо считал, что это было лучшее исполнение Планта.

Пейджа убедили, что «In the Evening» разобьёт любой скептицизм, что группа вернётся в полную мощь. Роберт глумился в песне, словно бросал вызов тем критикам, которые махнули на них рукой. Остальная часть альбома, по мнению Джимми, была просто великолепна.

Пока музыканты писались, я ошивался в Стокгольме в поисках стабильного источника героина. Наконец я наткнулся на дилера прямо на другом конце моста от студии Polar. Когда он включал свет в комнате, я понимал, что для меня кое-что приготовлено. Иногда я так торопился, что перепрыгивал через ступеньки эскалатора, и молнией выбегал из здания.

Как-то раз дилер несколько дней был без товара. И я брал всё, что мог достать. Поскольку я думал, что справляюсь с ситуацией без ломки, то был уверен, что контролирую тягу к наркотикам. Я никогда не рисковал перевозить наркотики из Лондона в Стокгольм, так как ещё не потерял остатки разума и понимал, что возить героин через таможню очень опасно. Поэтому искал наркоту везде, где мог, и терпел, если не мог достать. К счастью, к Рождеству мы приехали домой, и достать наркотик — перестало быть проблемой.

В мае рок-пресса начала писать о планах группы вернуться на сцену. Просочились слухи, что Питер вёл переговоры с промоутером Фредди Баннистером по поводу фестиваля под открытым небом в Небворт-парке в августе. На какое-то время разговор прекратился из-за цены, которую попросил Питер: астрономические один миллион фунтов за два выступления.

Баннистер был шокирован требованием Питера. Он думал, что такое невозможно. Но он знал и о притягательности цеппов. Поколебавшись несколько дней, он в конце концов согласился. Баннистер и Грант ударили по рукам и подписали контракт. Билеты поступили в продажу по цене в семь с половиной фунтов.

На разогреве выступали Fairport Convention, Commander Cody, Keith Richard's New Barbarians и Utopia Тодда Рандгрена. Но толпу — около полумиллиона человек за две субботы — интересовали только Led Zeppelin. Мы не смухлевали и установили самое лучшее оборудование от Showco, включая стотысячваттные динамики, шестьсотысячваттное световое оборудование и полновесную лазерную систему. Для Джонси поставили белый рояль, синтезатор и клавинет. Брайан Кондлифф и Энди Ледбеттер, прилетевшие и Штатов, довели его оборудование до

совершенства. Мик Хинтон проверял и перепроверял металлическую установку «Ludwig» для Бонэма, чтобы всё звучало, как надо. Рэй Томас подготовил пять гитар для Джимми — им придётся жарко на концерте. Бенджи ЛеФевр и Расти Братш сидели за пультом, а Крис Боджер руководил видеосъёмкой, как и в Эрлс-корте. Дже Джей Джексон прилетел из Нью-Йорка, чтобы морально поддержать нас и протянуть руку помощи, понадобись она.

В первый вечер я видел, как нервничает группа во время первых номеров — «The Song Remains the Same», «Celebration Day» и «Black Dog». Но как только они расслабились, то выдали победную серию своих песен в течение трёх с половиной часов. Роберт, одетый в чёрные штаны и рубашку в горошек, расстёгнутую до пупа, принимал величественные позы и выдал вокал такого накала, словно это был прежний Роберт, которого ещё не затронули беды, разрушившие тело и дух.

На «Stairway to Heaven» ночной воздух наэлектризовался, когда спонтанно начала подпевать толпа — сотни тысяч голосов — в едином порыве. Роберт смотрел на Джимми с широко открытыми глазами, словно не мог поверить тому, что слышал. Как будто целый город, небольшая нация собралась в одном месте. Какой памятный ошеломляющий момент!

Даже при том, что длинное шоу перевалило за полночь, толпа просила ещё. Некоторые жили в палатках неделю под дождём, чтобы выбрать лучшие места перед сценой. После множественных вызовов на бис, в которых команда исполнила «Rock and Roll», «Whole Lotta Love» и «Hearbreaker» и отдала энергию до последней капли, музыканты побежали к лимузинам, которые доставили их к двум вертолётам.

Джимми почувствовал себя обновлённым. Прошло четыре года со времени последнего выступления в Великобритании, но как будто ничего не изменилось. Пейджи предложил не ездить в длинные туры на всё лето, а выступать только на больших площадках.

— Мы можем добраться до фанатов без необходимости изнашивать наши тела и психику.

Никто не стал с ним спорить.

«In Through the Out Door» был издан в середине августа, через неделю после второго концерта в Небворте. Фэны изголодались по новой музыке от Led Zeppelin, и только в Америке новый альбом разошёлся тиражом в четыре миллиона копий. В свою очередь, это возобновило интерес к ранним записям и к октябрю все девять альбомов группы находились в Top 200 «Билборда». Во времена, когда рок-группы взлетали и падали со скоростью света,

Led Zeppelin были популярны, как никогда, спустя десять лет после взлёта.

56. Бонзо

У меня зла не хватало на Питера.

Начало 1980 года, цеппелины запланировали турне по Европе — Германии, Голландии, Австрии и Швейцарии. Это будут первые концерты за три года.

Но Питер беспокоился обо мне, по крайней мере, о моей способности выполнять работу тур-менеджера.

— Блядь, Коул! Ты так сидишь на героине почти всё время, и я не знаю, чего от тебя ожидать.

Затем его голос смягчился. Он принял решение:

— Я не отправлю тебя в тур и найму кого-нибудь другого.

Я остолбенел, но через секунду шок перешёл в гнев. «После пятиста шестидесяти концертов, — подумал я, — этот чувак думает, что я не справлюсь?»

С моей, испорченной наркотиками, точки зрения именно Питер был не в себе, а не я.

Вообще я почти не бывал в офисе Питера, я всё больше просиживал в ближайшем пабе или встречался с дилерами, поставлявшими наркоту. Я любил Led Zeppelin, но от меня ушла вторая жена, и я потерял ориентир в жизни, только наркотики играли самую важную роль. Пока моя жизнь летела в тартарары, Питер терял терпение. Ему надоело видеть, как я употребляю героин, он постоянно предупреждал меня, что я должен лечиться, или потеряю работу и даже предлагал помощь.

К тому времени я хотел, чтобы наркотики действовали моментально, и дилер предложил мне колоться. Я был испуган перспективой использования игл, но во время уколов закрывал глаза. Он всегда утверждал, что колет мне «лучшее», но я никогда ему не верил, потому что все дилеры вруны и жулики, так что я просил его дать немного порошка после дозы. За неделю у меня два раза случилась передозировка, меня доставляли в больницу, где капали солевой раствор, чтобы привести в себя. Я был должен раньше догадаться, что у героина по моей части другие планы.

— Послушай, — сказал Питер. — Пока мы на гастролях, я хочу, чтобы ты поехал куда-нибудь — в клинику или просто в отпуск — и слез с иглы. Я заплачу.

Глядя назад, я понимаю, что Питер действительно волновался по поводу моего здоровья. Однако в то время я знал лишь одно: что меня заменили, кто-то другой работает тур-менеджером, и что мой путь с Led Zeppelin может закончиться.

Я погрузился в депрессию и размышлял, как такое могло случиться. и что мне теперь делать. Однако я понимал, что моя

работа оказалась под угрозой, поэтому с неохотой согласился съездить в Италию, чтобы «очиститься». В августе я отправился в Рим с девушкой по имени Сьюзан. Она была панк-рокершей с размалёванными в розовое и серебряное волосами, любила мини-юбки, подвязки и колготки в сеточку. В Риме мы поселились в отеле «Эксельсиор» и сразу начали пить, в основном что-то сладкое типа коктейля «Бренди Александр», который, как я знал, может облегчить муки без героина.

В этот раз я был настроен серьёзно. Наркота разрушает мою жизнь.

На следующее утро кое-что другое разрушило мою жизнь. Нас с Сьюзан разбудил громкий стук в дверь. Я пытался проигнорировать его, думая, что это горничная. Но стучать стали громче, и вдруг закричали: «Полиция!».

Я обернулся полотенцем, открыл дверь, и десяток полицейских с пушками вломились в номер.

— Что происходит? — спросил я.

— Где оружие? — кричали копы. — Где оружие?

— Ё-моё, о чем вы говорите? — спросил я.

Они поставили меня к стене и обыскали номер, но ничего не нашли, хотя вежливее вести себя не стали. Надев наручники нас со Сьюзан, они вывели нас вниз к своим машинам.

Я был сбит с толку и напуган происходящим. На улице один из полицейских дал сигнал снайперам на крыше одного из соседних домов убрать ружья. В полицейской машине я сказал Сьюзан:

— Не волнуйся, нас скоро отпустят.

Но я ошибался. Сьюзан отпустили через несколько чего? Часов? Дней? когда полиция решила, что нет причины держать её дальше, меня же отвезли в местную тюрьму, а затем переправили в тюрьму Реджина Коели с усиленной охраной. Моя камера была разделена на катакомбы. В первую ночь я засыпал с тремя сокамерниками, а проснулся с двадцатью двумя — в основном карманными воришками и прочими уличными преступниками.

— Добро пожаловать, парни, — приветствовал я их. — Надеюсь, у вас хороший аппетит. Еда тут состоит из хлеба и салата-латука.

По иронии судьбы мне не предъявили никаких обвинений. Но по «Кодексу Наполеона» технически я был «виновен, пока не докажут обратное». Что ещё хуже, все судьи находились в отпуске, а когда вернулись, то вышли на двухмесячную забастовку. Это время я провёл в камере, погружаясь в отчаяние — выберусь ли я отсюда когда-нибудь.

Мой адвокат Джулио в конце концов узнал, за что меня

упрятали за решётку: власти подозревали меня во взрыве на вокзале в Болонье, который устроили террористы в тот день, когда я приехал в Италию. Копы и работники тюрьмы страшно хотели выбить из меня признание. Меня избивали. Мне обещали «лучшее обращение», если я «буду сотрудничать».

— Мне не в чем сознаваться! — повторял я. — Почему меня подозревают? Я не был в Болонье с 1967 года.

Когда мой багаж доставили в тюрьму из отеля, руководство тюрьмы отвело меня в комнату для обезвреживания бомб, чтобы я сам распаковал сумку. Единственное, что мне пришло в голову, так это то, что они боялись, что в сумке взрывчатка, и предпочли, чтобы меня — а не кого-то из своих разорвало на куски. На самом деле в сумке лежала только одежда, принадлежащая Сьюзан и мне. Пока я распаковывал сумку, охранники один за другим начали смеяться, когда я вытаскивал подвязки, лифчики и трусики. Один из них сказал мне:

— В первый раз вижу трансвестита-террориста.

Я был очень расстроен пребыванием в тюрьме, а меня ещё и подозревали в том, чего я не делал, но условия стали более терпимыми, когда меня перевели в третью тюрьму — Ребибию. В общем, меня принудительно отняли от героина, это доставляло неудобства, но не было так мучительно, как я ожидал. Я был так озабочен заключением и тем, как мне оттуда выбраться, что ломку — боли и понос — почти не замечал.

Пока я находился в тюрьме, появились в моей жизни определённые аспекты, которые не давали унывать. Со мной в камере жили итальянцы, чьи жены приносили им чудесную еду, которой они щедро делились со мной. Еда в тюрьме была не так уж плоха — жареный ягнёнок, картофель и вино. У моих сокамерников были газовые плиты, и я научился готовить простые виды спагетти. Они также показали мне, как можно использовать плиту, когда заканчивался газ.

— Газа недостаточно, чтобы поджечь плиту, — говорил один из приятелей на ломаном английском. — Но ты можешь получить кайф, высасывая газ.

Что ж, хоть один способ закайфовать у меня был.

Доктора в тюрьме очень либерально относились к таблеткам от бессонницы. После того, как я пожаловался на трудности со сном, они выписали мне таблетки, от которых я дрых по двенадцать часов в сутки. Таким образом время текло быстрее, чем когда ты бодрствуешь.

Как только вести обо мне достигли внешнего мира, цеппелиновская организация предприняла огромные усилия, чтобы помочь мне. Питер понял, что дело против меня

сфабриковали, и высылал мне по пятьсот долларов в месяц, а также отправил адвоката Джеффа Хоффмана.

— Они ничего не найдут против меня, — сказал я ему. — У меня не самое чистое прошлое, но в терроризме я никогда замешан не был.

Я начал переписываться со Сьюзан. Я позволил ей остаться в моём доме в Лондоне и присматривать за ним. Я даже попросил прислать мне кассеты, и она невинно прислала довольно странную подборку — альбом Pink Floyd «The Wall», как будто меня кружало недостаточно стен, и саундтрек к фильму «МакВикар» с Роджером Долтри о побеге из тюрьмы строгого режима. Она приложила письмо, в котором сообщила об ужасном потопе из-за прорванных труб. Вода поднялась на метр. «Мне было так страшно, потому что я не умею плавать», — написала она. Похоже, ущерб был нанесен значительный, так что спешить домой было незачем. Между таблетками и газовой плиткой тюрьма показалась вполне терпимой.

Но Джулио изменил всё в тот полдень, когда нервно передал новости о смерти Джона Бонэма. Меня как будто в живот ударили, и какая-то часть меня умерла. Возможно, именно так и случилось.

Питер узнал о смерти Бонзо от своего помощника Рэя Уошберна. Он находился дома, когда Рэй принял весть о трагедии. Он усадил Питера, дал ему успокоительного и настоял, чтобы тот выпил лекарство.

— Кто-то звонит тебе, — сказал Рэй.

— Кто это? — спросил Питер. — Что случилось?

— Это про Джона Бонэма.

Питер занервничал.

— Ну и что с ним?

— Он умер.

Информация о кончине Бонэма разлетелась быстро. Телеграфные агентства сообщили об этом по всему миру. В офисе Atlantic Records, которая помогла группе в самом начале десять лет назад, руководители попадали в кресла, секретарши плакали. В клубах, типа «Рэйнбоу», в Лос-Анджелесе фанаты собрались, чтобы разделить своё горе. Там, где он любил бывать, они чувствовали, что каким-то образом становятся ближе к нему. Снова возникли разговоры о проклятье, но в основном люди выражали свою боль и горе. Даже те, кто не знал его, почувствовали, что мир потерял нечто особенное.

Бонзо был моим близким другом и союзником в группе. Я был раздавлен новостями. Я так и не решил, верить мне официальной причине смерти или нет. Джон сидел на героине, и

мне казалось, что он мог сыграть свою роль в кончине, хотя я слышал, что Бонзо говорил, что завязал. Я не мог говорить, не хотел признавать свершившееся. Потом я осознал все последствия смерти Бонзо. С его уходом моя жизнь изменилась навсегда. Кроме того, что я потерял дорогого друга, я потерял работу. Подсознательно я понимал, что Led Zeppelin умерли вместе с Бонзо.

Похороны Бонэма прошли в приходской церкви Рашок, неподалёку от его фермы в Вустершире. Около трёхсот музыкантов и фэнов пришли на погребение. Оставшиеся в живых члены группы тоже присутствовали, они избегали репортёров, которые уже спрашивали о будущем группы. Музыканты и друг другу мало что могли сказать. Они пытались привыкнуть к жизни без Бонзо и разобраться в том, что случилось.

Роберту Планту пришлось хуже всего. Он знал Бонэма со времён, когда оба ещё подростками пытались пробиться в жизни в качестве музыкантов, страстно ожидая перемен, когда они станут Кем-то. Успех выпал на долю обоих. Но жизнь Роберта была омрачена трагедиями, а теперь нет Бонзо. Что в жизни музыканта такого, думал Плант, что так уничтожает людей? Ответов не было.

Осенью меня освободили, так и не обвинив и не осудив в чём-нибудь.

— Это была ошибка, — объяснил одни чиновников. — Мы сожалеем, что доставили вам неприятности.

Когда я вышел, домой меня особо не тянуло — только затопленный дом и неопределённость вокруг Led Zeppelin ожидали меня. Я поехал на Филиппины и потом в США, раздумывая о будущем. Я был банкротом, в основном из-за того, что тратил безумные деньги на наркотики и алкоголь. Я пропил все активы, и дом в Англии передали банку в качестве оплаты долгов. Я не знал, куда катится моя жизнь, но понимал, что нужно что-то перестраивать.

Пока меня не было, Джимми, Джонси и Роберт приняли решение распустить группу, как я и ожидал. После смерти Бонзо рок-пресса терялась в догадках, кто заменит Бонэма. Чаще всего упоминали имена Кармайна Эпписа из Vanilla Fudge и Кози Пауэлла. Но это не входило в жизненные планы Роберта, Джимми и Джона Пола. Они собрались на Джерси обсудить будущее, потом встретились с Питером в отеле «Савой».

— Мы не можем продолжать без Бонэма, — сказал Плант.

Все согласились. Они никогда серьёзно не задумывались о другом барабанщике. Двенадцатилетний забег группы закончился.

Команда выпустила простое заявление через «Swan Song», в котором был написано: «Потеря нашего дорогого друга, глубокое уважение к его семье, а также чувство целостности между нами и менеджером привели к тому, что мы не можем существовать, как прежде».

Led Zeppelin совершили головокружительный полёт, но теперь в последний раз коснулись земли.

57. Хорошие времена, плохие времена

К 1981 году те из нас, кто работал с группой, старались привыкнуть к мысли о группе в прошедшем времени. Led Zeppelin оставили неизгладимый след в рок-музыке, но я должен был смотреть правде в глаза — не будет больше ни новых пластинок, ни очередных туров, ни хороших, ни плохих времён.

Тем не менее, все — от приближённых к группе до миллиона фанатов — понимали, что ещё не услышали последнего слова от оставшихся членов группы. Для Джимми, Джона Пола и Роберта группа являлась смыслом жизни в течение двенадцати лет, и им потребовалось время, чтобы вновь обрести равновесие после ужасной потери Бонэма. Они проводили время в поиске смысла и самоанализе, не только в вопросах будущего, но и пытаясь ответить на вопросы, которые остались без ответа: Почему столько несчастий обрушились в столь короткое время? Почему умер Бонзо? Почему он жил?

Джимми с трудом приходил в себя. Ведь Led Zeppelin были его созданием, его детищем. После двенадцати лет ему было тяжело начинать снова. Он продолжал жить в доме, где умер Джон Бонэм, и это каждый день напоминало ему о смерти друга. Он несколько месяцев не прикасался к гитаре. Иногда ему казалось, что он не сможет сыграть никогда.

Но время лечит. Джимми спродюсировал последний альбом группы «Coda», который был издан в 1982 году и разошёлся тиражом в миллион экземпляров. Альбом состоял из неизданного прежде материала, датированного ещё 1969-м годом, когда команда записывала песни типа «We're Gonna Groove» во время сессий записи второго альбома.

По просьбе Эрика Клэптона Пейджи выступил на благотворительном концерте в 1983 году в Ройял Альберт-холле, поразив толпу инструментальной версией «Stairway to Heaven». Затем он решил заняться трудным и утомительным вопросом набора новой группы. Он знал, что люди будут сравнивать её с цеппелинами, но постарался подняться над страхами. Новая группа The Firm записала два альбома и немного погастролировала. Поклонники ожидали, что группа выпустит больше, чем вышло на самом деле. Сравнения с Led Zeppelin никогда не прекращались, в конце концов, Джимми распустил команду.

В 1988 году Джимми записал сольный альбом «Outrider» и собрал гастролирующий состав, включавший сына Джона Бонэма, Джейсона, на барабанах. Во время концертов в США и

Великобритании Джимми не стеснялся исполнять несколько цепповских стандартов, не только «Stairway to Heaven», но и «Kashmir», «Over the Hills and Far Away» и другие. Если фэны хотели слышать любимые вещи, он не собирался разочаровывать их. Впервые после смерти Бонэма он почувствовал себя полностью уверенным, что нашёл работающее средство.

Тем временем Роберт медленно собирал обломки своей жизни. Он так много перенёс горя в семидесятые, кульминацией которых стала смерть Бонэма, что ему потребовалась отвага и сила, чтобы пойти вперёд. Но он чувствовал, что последнее слово в музыке не сказал, и что сама музыка может излечить его быстрее, чем что-либо другое.

При этом в душе у Роберта возникали сомнения, готов ли он к сольной карьере. Он решил спеть в небольших клубах в 1981 году, избегая цеппелиновского материала и предпочитая ритм-энд-блюз. Поклонники требовали петь «Stairway to Heaven» или спрашивали, почему не вышли Джимми и Джон Пол. Плант раздражался. Но ему нравилось быть на сцене, и перспектива стать сольным артистом стала вполне осязаемой.

В 1982 году Роберт записал первый сольный альбом «Pictures at Eleven». Хотя отношения Пейдж-Плант формально окончились в 1980-м, Роберт до сих пор просил Джимми послушать плёнки, появившиеся после первых сессий звукозаписи. Ему требовался вклад кого-то, чьим музыкальным инстинктам он полностью доверял. Альбом стал хитом по обе стороны Атлантики. После этого Роберт постоянно выпускал пластинки.

Джон Пол редко выходил на сцену после 1980 года, предпочитая жить вдалеке от прожекторов. Он сыграл и помог выпустить саундтрек к фильму Майкла Винера 1984 года «Крик о помощи». Также он спродюсировал несколько пластинок для других музыкантов и участвовал в работе над фильмом Пола МакКартни «Give My Regards to Broad Street». В отличие от своих коллег, Джон Пол никогда не помышлял о сольной карьере или о том, чтобы всё время быть на виду.

Для миллионов поклонников Led Zeppelin индивидуальной деятельности Пейджа, Планта и Джонса было мало. Они хотели самих Led Zeppelin, даже если для этого нужно принять нового барабанщика. Если фэны не могли получить оригинал, то хотя бы что-то похожее.

Неизбежно десятилетиями ходили слухи о воссоединении группы. И на самом деле фанаты не были полностью разочарованы. В 1985-ом Роберт, Джимми и Джон Пол выступили вместе на концерте «Лайв Эйд» в Филадельфии, с Тони Томпсоном и Филом Коллинзом на барабанах. Проект получился

сырым, ему предшествовала всего лишь полуторачасовая репетиция. Голос Планта был немного хриплым, а гитара Джимми как будто не строила. Но когда они сыграли «Whole Lotta Love» и «Stairway to Heaven», фэны ответили так, словно всё вернулось обратно.

Три года спустя трио сыграло вместе ещё раз, в этот раз в честь сорокалетнего юбилея Atlantic Records в Мэдисон Сквер Гардене, с Джейсоном Бонэмом за барабанами. Джейсон приготовился к заданию основательно, без конца прослушивая альбомы группы, играя под них, и даже просматривая видео с выступлениями, изучая каждый нюанс игры отца. Группа репетировала в Лондоне без Роберта, который гастролировал по Штатам, но он присоединился к ним на одну репетицию в Нью-Йорке.

В Гардене команда не выходила на сцену до часа ночи. Почти час Пейджи мерил комнату шагами, пытаясь предугадать, насколько хороша идея. Несмотря на поздний час никто не покинул своих мест. С первых нот «Kashmir» до последних звуков «Stairway to Heaven» толпа — кое-кто заплатил тысячу долларов — стоя аплодировала. Роберт путал слова, Джимми чувствовал себя не в своей тарелке в соло. Но в целом даже члены группы были удовлетворены. На тридцать минут Led Zeppelin вернулись.

Это шоу устроил Билл Грэм. Он забыл о давней ссоре в Окленде в 1977-м и сумел признать, что несмотря на сверхзвёздный список музыкантов, никто не может выйти после Led Zeppelin. Он отменил грандиозный финал, в котором все участники шоу (Crosby, Stills and Nash, Роберта Флэк, Бен И. Кинг, Фил Коллинз, Genesis, the Rascals) соберутся вместе и споют самые памятные хиты Atlantic. Вместо этого вечер закрыли цеппелины. Так и должно было случиться.

Я разговаривал с Джимми перед нью-йоркским выступлением.

— Это действует на нервы, — сказал он. — Все ожидают увидеть Led Zeppelin, которых помнят, когда ходили на наши концерты. Но мы изменились. Мы сыграем старые песни, но не точно так, как прежде. Каждый развивался, а без Бонзо не может быть по-старому. Поэтому слухи о воссоединении группы — всего лишь слухи.

За последние годы я изменил свой образ жизни и остался в музыкальном бизнесе. Моими близкими друзьями стали Шэрон и Оззи Озборны. Шэрон предоставила мне возможность поработать со многими из её групп, включая London Quireboys, Литу Форд и самого Оззи. В 1990 году Шэрон попросила меня стать тур-менеджером группы London Quireboys в американском турне,

которое превратилось в девятимесячный тур по всему миру, состоявший из 170 концертов в двадцати двух странах. В каком-то смысле это был ностальгический опыт, потому то Quireboys продемонстрировали похожие дух и энергию, которую я так ценил в Led Zeppelin.

Жизнь на гастролях изменилась. Пока я пишу эти строки, я шесть лет веду трезвый образ жизни. Мне потребовалось много времени понять, что наркотики и алкоголь разрушили так много жизней и нависли угрозой над моей собственной. Бонзо стал самой сокрушительной потерей, я до сих пор ужасно скучаю по его тёплой и щедрой натуре, его страсти к жизни.

Даже после смерти Бонэма мне потребовались годы, чтобы осмыслить, какому риску я себя подвергал, и ещё какое-то время понадобилось, чтобы отказаться от кокаина, героина и алкоголя. Я выпил в последний раз на сороковой день рождения в 1986 году, и с помощью завязавших друзей с тех пор не прикасался ни к тому, ни к другому.

Мне так нравилось работать с Quireboys потому, что я был трезв. Это мне позволило по-настоящему оценить те же города и страны, которые я посещал с цеппами, только в этот раз я не был помешан на наркоте и алкоголе. Quireboys могли выпить, но наркотики обходили стороной. Как и Zeppelin, они никогда не опаздывали на концерты и всегда ставили музыку на первое место.

Вот что я сказал Джимми в 1988 году:

— Всё сильно изменилось. В цеппелиновскую эру мы могли обдолбаться, а теперь я являюсь примером для молодых в том, что может случиться, если наркотики и алкоголь засасывают тебя.

— Ты побывал по обе стороны баррикад, — ответил Джимми.

И с высоты моего опыта, быть трезвым гораздо ценнее.

Led Zeppelin забронировали себе место в истории рока. Больше, чем остальные композиции группы, «Stairway to Heaven» считается классикой, одной из самых востребованных на радио песен по всему миру. В 1991 году, двадцать лет спустя после того, как она была создана около камина в Хэдли-Грейндж, журналы типа «Эсквайр» отпраздновали её годовщину и подвергли тщательному анализу. Вещь признали одной из величайших для своего поколения в той же степени, что и работы Джорджа Грешвина и Коула Портера для своего.

В 1990-м Джимми спродюсировал, а Atlantic выпустили ретроспективу группы на компакт-диске — сорок четыре трека подвергли цифровому ремастерингу в студии Нью-Йорка.

Когда сегодня я слушаю записи команды, то прихожу к мнению, что они выдержали испытание временем. Качество и

страсть, которые сделали Zeppelin лучшей рок-группой, до сих пор очевидны. Судя по продажам компакт-дисков, интерес общественности не утих. И хотя десять лет прошло после последнего концерта, продажи нового двойного бокс-сета просто феноменальные. Фанаты, разменявшие четвёртый и пятый десяток, до сих пор не растеряли страсть к группе; ровесники моей дочери Клер, только начинающие покупать пластинки, испытывают нешуточный интерес к группе, которая внесла значительный вклад в популярную культуру.

Я горжусь тем, какую сыграл роль в жизни группы. В начале 1992 года я был в Европе с Клер, и мы однажды ужинали в Лондоне вместе с Робертом Плантом, его дочерью и зятем. Когда мы уходили из ресторана, Роберт спросил у Клер:

— Ричард — хороший отец?

Клер улыбнулась и кивнула головой.

Роберт глянул на меня и затем повернулся к Клер.

— Он был и мне отцом многие годы, — ответил он.

Так Роберт резюмировал мои двенадцать лет в качестве тур-менеджера группы. У нас были разные времена, но Роберт видел меня, как бы патриархом и защитником и не растерял признательности к моей деятельности.

Некоторые рок-обозреватели утверждают, что Led Zeppelin стали жертвой чрезмерности — секс, наркотики и рок-н-ролл составляли основу музыкального бизнеса. Оглядываясь назад, можно сказать, что цеппелины вели гедонистический образ жизни. Они крушили отели и демонстрировали власть над девицами, балансировали на грани с наркотиками. Но никогда не теряли мастерство на сцене и в студии. Они никогда не забывали о поклонниках и своём долге перед ними. За три десятилетия в музыкальном бизнесе я не видел никого похожего на них. Бесспорно, они были величайшей группой в мире.

Глядя назад, я мало о чём сожалею. Конечно, мы злоупотребляли наркотиками и заплатили за это страшную цену, но наркотики играли столь важную роль в культуре в то время, что трудно было их избежать.

Внезапная слава может круто обойтись с группой. Молодые люди, которым едва перевалило за двадцать, мгновенно превратились в международных звёзд. Да, слава кружила голову временами, и парни несут ответственность за невоздержанность, которая сопровождает славу. Но никогда — за счёт музыки.

Несомненно, оставшиеся члены Led Zeppelin могут гордиться своими достижениями. Я не думаю, что всё могло сложиться по-другому. Обрушившиеся несчастья находились вне их контроля. Группа проиллюстрировала всё, что может идти правильно — и

наоборот — в присутствии оглушительного успеха. Простое веселье ушло, когда мы стали «большим бизнесом». Бухло и наркота отчаянно помогали удержать веселье и справляться с гнетущей скукой, но, в конце концов, разрушили всё, что было хорошего в группе.

Мы все понимали, что Led Zeppelin не вечны, но никто не был готов к этому. В какой-то степени, я думаю, что их время не закончилось. Когда бы тинейджер ни зашёл в музыкальный магазин, чтобы свой купить первый диск цеппелинов, группа возрождается снова и снова. В этом смысле Led Zeppelin уготован долгий полёт.

Часть 27

58. Послесловие

С тех пор, как книга «Лестница в небеса» увидела свет в начале девяностых, я получил множество просьб от читателей и фанатов Led Zeppelin дополнить мою историю. Некоторые спрашивали, что я делал после выхода первого издания, другие хотели узнать больше о моей успешной борьбе с многолетними вредными привычками. Новое издание даёт мне возможность добавить несколько страниц к описанию моей жизни после «завязки», включая работу с другими группами за последние годы, а также взглянуть на жизни оставшихся музыкантов Led Zeppelin.

Вы можете подумать, что сразу после распада группы я знал, чем заняться дальше. В конце концов, я провёл двенадцать лет тур-менеджером крупнейшей группы всех времён и народов, поэтому можно было ожидать, что меня завалили предложениями от других больших групп.

Но этого не произошло и мне не следовало удивляться. Я провёл отпуск в Маниле в январе 1981-го, затем полетел в Лос-Анджелес в поисках работы. Но я был так истощен наркотиками и алкоголем — и по-прежнему имел имидж такого крутого гангстера — что никто не хотел иметь дело со мной. Я был подавлен и расстроен, но в первые месяцы не понимал, насколько жалкой стала моя жизнь, и как тяжело существовать в «реальном» мире. Я больше не ездил в «Кадиллаках», меня подвозили друзья на потрёпанных «Тойотах». Я не останавливался в классных номерах лучших отелей, а ночевал на диванах приятелей.

Помню, как проснулся одним утром в странном доме — без работы, в отчаянии от безысходности. Я находил утешение в бутылке «Джека Дэниелза», надеясь, что смогу заглушить горе, и наберусь храбрости, чтобы начать звонить в поисках работы. Но вместо этого я предпочитал связываться с поставщиками кокаина или героина.

Это было ужасное время. Я жил в кредит и всё глубже погружался в горе и наркоту. Как-то ночью в «Рэйнбоу», после вечера сплошных текилы и саке, официантка попыталась забрать стакан из моей руки, потому что пора было закрываться. Разозлившись, я отколол кусок стекла и бросил в неё. Давайте взглянем правде в лицо — я встал на путь саморазрушения.

Вскоре я оказался в реанимации медицинского центра «Седарс Синай». Оттуда меня перевезли в окружной госпиталь, потому что у меня не было медицинской страховки. Я оказался среди людей с огнестрельными ранениями. Меня поместили в

«красную комнату», которую один из докторов описал, как место, откуда пациенты обычно не возвращаются. Врачам меня удалось вытащить, но когда друг пришёл навестить меня, мой первый вопрос был таким:

— Какие наркотики ты принёс?

Через секунду я нюхал спид (наркотик из группы стимуляторов) в больничной постели.

Меня интересовало только получить кайф. Перед выпиской доктор спросил, что я обычно выпиваю за день, а затем имел наглость заявить:

— Вы не задумывались над тем, что можете быть алкоголиком?

Как он смел? Тогда подобный вопрос мог обидеть меня, я дал ему об этом понять повышенным голосом и набором трёхэтажных выражений. Доктор посоветовал больше не пить, но через неделю меня арестовали за езду в пьяном виде.

Несмотря на хаос в моей жизни, случались в ней и позитивные моменты, которые я не мог полностью оценить в одурманенном состянии. Я встретил Ли Энн, работавшую в «Barney's Beanery», вскоре она стала матерью моей прекрасной дочери Клер. Но я был больше озабочен наркотиками, причём за счёт дорогих мне людей.

Я много раз слышал про мужчин и женщин, которые из-за наркотиков и алкоголя потеряли всё, включая дома и семьи. Но как такое может случиться со мной? Одна «хорошая» неделя в кайфе стоила мне любимого «Остин-Хили 3000», рождественского подарка от Питера Гранта в 1976 году. Потом я получил письмо от бухгалтера из Лондона с сообщением, что мой дом продали в счёт оплаты долгов. Я поехал к другу Эллиоту, ростовщику с бульвара Санта-Моника, который принял в залог золотые и платиновые диски цеппелинов, произведения искусства, пару часов, кольца и что-то ещё, что я смог найти в обмен на бухло.

Когда родилась Клер, в глубине души я надеялся, что пополнение в семье поможет мне стать более ответственным, я буду больше бывать дома, брошу пить и ширяться. Может быть, я достаточно протрезвею, чтобы получить стабильную работу. Но этого не случилось, и ещё несколько лет я доставлял неприятности близким.

Вскоре, после двух нарушений за вождение в нетрезвом виде в течение одной недели (на автомобиле и на мотоцикле), я решил, что нужно съездить в Лондон к маме, которую не видел три года. Продав мотоцикл Элиоту, я отправился домой. Бывшая жена Мэрилин встретила меня в аэропорту и приютила на пару деньков.

Во время визита в Англию я позвонил Питеру Гранту. Поговорив немного, он предложил мне сесть в поезд до Суссекса, где меня встретила машина и отвезла в его большое старинное поместье, окружённое рвом, который можно пересечь только по мосту. Когда я приехал, помощник Питера Рэй Уошберн обнял меня в знак приветствия. Питер сидел в салоне в окружении огромной коллекции картин в стиле арт-нуво и арт-деко, а также других предметов искусств. После того, как мы с Питером обнялись, Рэй задал вопрос, который я больше всего мечтал услышать:

— Что ты желаешь съесть и выпить?

На какой-то момент, когда Рэй открыл бутылки, я почти решил, что время пошло вспять: вернулись старые деньки, когда я сидел на вершине мира. Я должен вернуться в активный музыкальный бизнес.

Но этому предшествовал долгий путь. Пока я был в Англии, мне так сильно нужны были деньги, что я устроился на стройку — работу, которую не делал с 1966 года, когда ушёл от The Who. Первая работа находилась в школе, в паре остановок от дома мамы. Лучшим объяснением, которое я смог придумать для остальных на стройке, что жил в Америке и там мне пришось несладко. К концу первого дня тело всё ныло, мне требовалось натереться обезболивающим.

Вообще-то я удивился, что не забыл, как это делается — но сердце лежало совсем в другом месте. В один «прекрасный» день я впал в дикое отчаяние, что было мне несвойственно. Купив цветы, я отнёс их к могиле отца. По дороге домой вдоль канала я начал кричать на Бога за то, что он мне дал такую жизнь, почему я не мог быть как другие дети, с которыми рос, не гоняясь за блеском и мишурой, а теперь остался без надежды вернуться к экстравагантному образу жизни. Иногда мне хотелось покончить со всем, но это разбило бы сердце мамы.

А потом события начали меняться. Я не пил три месяца, когда старый приятель Сезар Данова прислал телеграмму с просьбой позвонить ему за его счёт в Токио насчёт работы в рок-н-ролле. Я побежал к телефонному автомату с настроением, будто забил гол.

Сезар сказал:

— Я планирую устроить концерт в годовщину бомбёжки Хиросимы совместно с японским правительством, и мне нужна твоя помощь.

Планы в тот момент были ещё расплывчатыми, но меня это не волновало. Я расценил предложение как подарок Божий. Сезар продолжал:

— Я положу несколько штук на твой счёт и куплю билет первого класса туда и обратно. Увидимся.

Я был в экстазе. Наконец, подумал я, мне удалось нащупать дорожку обратно в бизнес.

Концерт в Хиросиме так и не состоялся, по крайней мере, до того, как я ушёл из проекта, потому что организация была из рук вон плохая. Но перед отлётом с Дальнего Востока я провёл пару недель в пьяном угаре в Таиланде и приехал домой без копейки денег. Поскольку я покинул проект, Сезар забрал дом в Мэйфэйр, в котором разрешил мне пожить, поэтому я вернулся к матери и вновь пошёл работать на стройку. Тем не менее, новый опыт обнадёжил меня в том, что я смогу найти другую работу в рок-н-ролле.

Трудные времена не прошли. Мама даже пригрозила вышвырнуть меня вон, обозвав «никчёмным алкоголиком» (вы только представьте!). Я как-то даже попытался стянуть деньги из её кошелька (правда, безуспешно). Так отчаянно я хотел выпить.

А затем настал день, изменивший всю мою жизнь. Это произошло 2 января 1986 года — мне исполнилось сорок — я заложил часы «Картье» и вместе в «братвой» засел бухать в пабе в Челси. Выпил полкружки пива, когда в голове раздался голос:

— Всё, Ричард! Хватит.

Я отставил пиво и больше никогда к нему не прикасался. Но в тот раз я испугался, поэтому быстро позволил дилеру и купил грамм героина. Половину принял у него дома, остальное — утром, в последний раз в жизни. Затем я пошёл искупаться, после чего позвонил другу композитору Лайонелу Барту, который сказал мне:

— Я собираюсь в Челси на собрание «завязавших».

Не раздумывая, я ответил:

— Я, наверное, тоже пойду. Увидимся там.

Когда я поднимался по ступенькам и вошёл в прихожую, то словно вошёл в комнату к старым друзьям, с которыми пил и ширялся прошедшие двадцать лет. Я снял пальто и сел на стул.

Оглядевшись, я почувствовал, будто с плеч свалилась гора, словно я дома в безопасности. И так было на самом деле.

Та встреча в 1986 году стала стартовой площадкой моей трезвости. Да, иногда мне приходилось туго, но я никогда больше не пил и не употреблял наркотики. В тот день я, наконец, понял, как важно встать на правильные рельсы. Трезвость полностью изменила мою жизнь к лучшему.

Неудивительно, как только пошли слухи, что я больше не пью, телефон начал звонить, не постоянно, но у меня появилась работа, иногда концерты случались часто и приносили неплохие

деньги. Да, я до сих пор ходил на стройку, и даже продал несколько золотых пластинок, чтобы слетать в Лос-Анджелес на четвёртый день рождения Клер. Потом я столкнулся с Патриком Миэном, менеджером и старым другом. На него произвело впечатление, что я год держусь, и он незамедлительно предложил мне место тур-менеджера Black Sabbath. Предложение поступило так быстро, что я обалдел и даже запаниковал. Но согласился.

Первые концерты с Black Sabbath прошли в Афинах в 1987 году, затем мы поехали на два уикенда в Сан-Сити, ЮАР. Затем мы гастролировали по Германии и Италии. Я постоянно ходил на собрания бывших алкоголиков.

Самой удивительной частью тура оказалось то, что дела давались без особых усилий. Настолько, что я думал, что постоянно что-то забываю. Потом я осознал, что в прошлом большую часть времени я искал и принимал наркотики. Гастролировать трезвым было намного легче и менее трудоёмко. Вместо кайфа я ходил на встречи трезвенников.

После работы с Black Sabbath найти работу тур-менеджера оказалось сложнее, чем я предполагал. Я переехал в Лос-Анджелес, чтобы быть ближе к Клер и найти хорошую работу. Деньги кончились, временно я работал у друга по имени Маркус, который открыл службу сервиса сообщений, ему требовались курьеры. Я ездил на мотоцикле по всему городу и возил сообщения в офисы, включая тех людей, с которыми работал во времена Led Zeppelin. Одна посылка предназначалась Дэнни Голдбергу. Дэнни руководил пиар-деятельностью группы многие годы, а теперь являлся владельцем управляющей компании.

Когда я сказал секретарше Голдберга, что хочу поговорить с Дэнни, она испепелила меня взглядом — как этот курьер имеет наглости спрашивать босса? Но в ответ я посмотрел на неё так, словно хотел сказать: «В твоих интересах сказать мистеру Голдбергу, что я здесь». Через несколько минут Дэнни вышел и поздоровался со мной. Он удивился, увидев меня развозящим сообщения, но был тронут, когда узнал, что я больше не пью и не принимаю наркоту.

— Звони в любое время, — сказал он. — У меня для тебя сейчас ничего нет, но не пропадай, Ричард.

Как и работа на стройке, развозка сообщений научила меня сдержанности.

Как я писал в главе 57, Шэрон Озборн (жена Оззи) стала одним из моих близких друзей в музыкальном бизнесе. Я возил Оззи на собрания бывших алкоголиков, и это сблизило меня с Шэрон, которая пригласила меня помочь другим подопечным. Начал я работать с Литой Форд, организовав

двенадцатинедельный тур в поддержку нового альбома (который стал моим первым золотым альбомом в трезвом состоянии). Я также впервые гастролировал на автобусе по Штатам, и поскольку не пил на гастролях, то видел города, в которых бывал сотни раз, свежим взглядом.

С Литой я должен был привыкнуть обходиться без личного Боинга, а спать приходилось в автобусе. Мы колесили от одного пункта назначения до другого на автобусе «Eagle», наше оборудование возил грузовик «U-Haul». Каждый член гастрольной бригады имел свою должность (гитарный техник, техник по барабанам) и визитную карточку. Ежедневно мы получали деньги на еду — совсем другая ситуация в отличие от Led Zeppelin, когда я подписывал счета на всё, что хотел.

Тур с Литой казался странным, потому что впервые за многие годы я не работал с хэдлайнерами (на определённом этапе Лита выступала на разогреве старого друга Теда Наджента). Тем не менее, у меня была работа, чему я очень радовался. Времена изменились. Отели никто больше не крушил — этого больше не терпели. С цеппелинами я знал с самого начала, что группа станет великой, и нам никогда не придётся возвращаться на маленькие площадки и в клубы, поэтому я никогда не волновался о возможном возвращении в места, которые мы портили. Но с Литой и другими музыкантами, с которыми я буду работать, имело смысл хорошо себя показать перед промоутерами. В то же самое время, я был трезв и контролировал себя, поэтому спокойно относился к тому, что мы останавливались не в лучших отелях и не в самых роскошных номерах. Честно говоря, в 1988 году — спустя долгие годы после последнего концерта Led Zeppelin — мне хватало того, что я снова в деле.

Тем временем, Шэрон стала для меня одним из лучших менеджеров в бизнесе, она давала мне работу почти беспрерывно. Со времён последнего тура цеппов музыкальная индустрия изменилась до неузнаваемости. MTV играла важнейшую роль в продвижении пластинок, вытеснив бесконечные гастроли в шестидесятые и семидесятые (вместе с радио-промоушном), которые были необходимы для создания фанатской базы.

В середине тура с Литой её альбом достиг золотого статуса, а хит-сингл «Kiss Me Deadly» постоянно звучал по радио на обоих побережьях. Но вдруг гастроли для меня закончились. Через два дня после концерта в Монреале Шэрон сказала, что Лита не хочет со мной работать. Причина? Лита утверждала, что я слишком строгий. Но Шэрон уверила меня, что увольнение не имеет ничего общего с качеством работы, и она поможет мне, как только выдастся такая возможность.

Неприятная новость выбила меня из колеи, я не знал, что делать дальше. Но пока я думал о будущем, нужно было работать — поэтому я снова сел на мотоцикл и стал развозить сообщения. И прежде, чем отчаяние полностью охватило меня, позвонила Шэрон.

— Оззи очень хочет бросить пить, — сказала она. — Он спрашивает, можешь ли ты поехать с ним в европейский пресс-тур в поддержку нового альбома?

Она также хотела, чтобы я сопровождал Оззи в американском турне.

Я был тронут. По ощущениям, я словно выскочил из большой чёрной дыры.

Через несколько дней Оззи с водителем Тони встретили меня в аэропорту, и мы поехали в его прекрасный дом в Бакингемшире, окружённый высокой кирпичной стеной. Тони показал мне комнату с милым видом на подстриженные сады и частный парк с оленями. Затем мы насладились отличным ужином с жареным ягнёнком и печеным картофелем.

Я прожил в доме Оззи несколько месяцев, мы летали из Лондона в города по всей Европе, я сопровождал его на интервью и пресс-конференции, мы вместе ходили на собрания бывших алкоголиков. Оззи нравился новый образ жизни, а я с удовольствием работал с ним.

Вскоре к нам присоединилась Шэрон (их дети находились с Оззи). Вся семья собралась вместе перед тем, как мы вернулись в Штаты для репетиций перед новым туром. Когда мы полетели в Даллас на неделю репетиций, Оззи держался и не пил. Каждый день перед репетициями мы посещали собрания вместе, чтобы получить нужный настрой на день. По окончании недели мы отправились в Пенсаколу на первый концерт.

Тогда я впервые увидел Оззи на сцене — он был отличным шоуменом. Его музыка была мастерской. Он бурлил энергией. Концерт был незабываемым. Оззи отдал публике всё, что имел — от самого начала до последнего номера.

Мы путешествовали на автобусе — новом «Превосте» с девятью кроватями и свободной комнатой. Единственными пассажирами были Оззи, Тони и я (плюс Шэрон и их дети, навестившие нас на несколько дней). Опять-таки, гастроли сильно отличались от времён цеппелинов, когда мы оставляли заказ на еду пилоту нашего самолёта перед каждым концертом. Но в случае с Оззи гардеробщица давала нам меню, а пища ожидала нас ночью, пока мы перебирались из одного города в другой. Всё было нормально, только мы с Оззи от скуки постоянно что-то ели — к концу первой недели оба не могли

застегнуть штаны, набрав вес. Оззи располнел и купил велотренажер и гантели. Он занимался добросовестно и сбросил вес моментально. Мы отказались от послеконцертной еды, Оззи придерживался низкокалорийной диеты с низким содержанием жиров.

По приезду в Лос-Анджелес в канун Нового года на концерт в Лонг-Бич, я смог увидеть Клер и Ли Энн, с которыми не мог проводить много времени из-за работы. Я посещал много собраний, на некоторых выступал и даже руководил. Каждую ночь я ложился спать трезвым. Трезвость стала лучшим подарком к отпуску.

Тур Оззи продолжился в Хьюстоне, Шривпорте, Далласе, Канзас-сити, Альбукерке и Сан-Франциско. Когда мы приехали в Рино, Оззи бросил долларовую монету в игровой автомат и выиграл тысячу долларов. Я расценил это как хороший знак, но в Сиэтле гастроли окончательно сказались на состоянии Оззи. Шоу в Сиэтле и Солт-Лейк-Сити ему как-то удалось провести, но он уже был изможд ён и болен. Доктор осмотрел его и посоветовал Шэрон пересмотреть оставшиеся концерты. Она так и поступила. Оззи полетел в Лондон отдыхать, а я вернулся в Лос-Анджелес и позвонил Маркусу, чтобы он снова взял меня к себе курьером.

Когда я не разъезжал на мотоцикле по дорогам города, развозя конверты, то проводил время в тренажёрном зале или на пляже, или на собраниях трезвенников. В середине 1989 года я организовал концерт для Three Dog Night, а затем отработал у них тур-менеджером до конца года. К тому моменту в группе осталось только два вокалиста, Кори Уэллс и Дэнни Хаттон, но саунд остался прежним. Во времена Led Zeppelin мы пару раз выступали вместе со Three Dog Night, поэтому я был знаком с ними. На самом деле, Джимми Пейдж сперва хотел пригласить Дэнни на место вокалиста, перед тем как нашёл Роберта Планта.

Я вернулся в Лос-Анджелес перед Рождеством, чтобы немного отдохнуть. Но по дороге из офиса Warner Brothers, где я встречался с другом, который хотел бросить пить, случилось невообразимое. На встречную полосу вылетела машина, прямо на меня. Я даже испугаться не успел, но смог свернуть вправо, однако столкновения избежать не удалось. Машина со всей дури ударила меня слева, мотоцикл взлетел в воздух, я следом. Мы пролетели метров пять, прежде чем упасть, а я потом ещё метра три кувыркался. Мотоцикл раскололся напополам. Женщина, наблюдавшая аварию, сказала мне позже, что не могла поверить тому, что я выжил.

К счастью, я не потерял сознание. Помню, как мне открыли глаза и аккуратно осмотрели тело — не сломал ли я чего.

Удивительно, но несмотря на то, что на мне были лишь джинсы, теннисные туфли и кожаный пиджак (шлем я не надевал), я не сломал ни одной кости, и голова тоже была цела. Но я получил жуткие ушибы, тело представляло из себя сплошной синяк. Когда приехала скорая, меня отвезли в больницу Санта-Моники, и поскольку я жаловался на боли в правой ступне, мне сделали рентген и обнаружили, что я сломал большой палец. Мотоцикл восстановлению не подлежал. Водитель эвакуатора, забиравший остатки мотоцикла, был удивлён, что я оказался жив, а не лежал в морге.

Я поблагодарил Бога за то, что остался живым. Вечером меня выписали, и я отправился на собрание, чтобы поблагодарить судьбу. Тем временем, Ли Энн полетела в Орегон, чтобы навестить больную бабушку, а мы с Клер решили съездить в Санта-Барбару, где я её немного побаловал. Я провёл Рождество с дорогой доченькой — и заодно дал отдохнуть побитому телу.

Через год, в феврале девяностого я вернулся к работе с Оззи. Шэрон осталась в Лондоне, а я на пару месяцев переехал в дом Оззи на лос-анджелесских холмах. Я составил ему компанию, пока он писал песни к новому альбому. Вскоре Шэрон попросила меня поработать с её новой группой London Quireboys, которые планировали американский (а затем и мировой) тур в середине марта и до конца года.

Я почти ничего не знал о группе кроме того, что они были были очень популярны везде, кроме США. Я знал, что они диковатые, и честно говоря, беспокоился, что буду работать с командой, которая любит выпить. К тому моменту я вёл трезвый образ жизни четыре года, и продолжать в том же духе ставил главной целью перед собой.

Работы по организации тура было предостаточно (мы использовали два автобуса и трейлер). Когда я прилетел в Дайтона-Бич на первый концерт, то был приятно удивлён. Как я писал в главе 57, гастроли с London Quireboys оказались приятными. Да, музыканты пили в объёмах, напоминавших мои собственные в годы молодости (в автобусе было достаточно алкоголя заполнить большой ночной клуб). И они любили ухлёстывать за девушками. Но я заработал их доверие и уважение, они следовали моим инструкциям, и гастроли прошли почти без заминок.

Единственный раз, когда мы поссорились, произошёл одним вечером, когда я высказал опасение, что суровые условия гастролей могут довести их до истощения. Я понимал, что они должны быть в лучшей форме, потому что им предстояло лететь в Лондон для участия в большом фестивале на открытом воздухе в

Ньюкасле вместе с Rolling Stones. Парни мечтали об этом всю жизнь, и я намеревался сделать всё, чтобы они не испортили дело. Поэтому, в целях поберечь их здоровье, я вылил весь алкоголь. Когда автобус сделал остановку, я вылил содержимое бутылок в канализацию. В самый разгар процесса двое участников группы — Спайк и Гай увидели, что я делаю, и обезумели.

— Ты что творишь? — кричал Спайк. — Ты с ума сошёл?

Бухло продолжало исчезать в водостоке, его было больше, чем они могли выпить. Парни пришли в ярость, а я всего лишь немного встревожился.

Наконец, чтобы они успокоились, я предложил им:

— Позвоните Шэрон и расскажите ей, что я наделал.

В их глазах метались искры, но они промолчали, поскольку понимали, что жаловаться или шутить с Шэрон не самая лучшая идея. Так что они опустили головы, развернулись и разошлось по номерам. Всю дорогу они бормотали под нос проклятья в мой адрес.

Более пятидесяти тысяч человек пришло на концерт Rolling Stones. Поскольку я знал Роллингов и их службу безопасности, то смог организовать встречу парням с Миком Джаггером и сняться вместе с ним перед фотокамерами. Ребята рассказывали, что это был один самых радостных дней в их жизни.

Из Англии Quireboys вернулись в Америку, затем поехали в Канаду, Европу и Японию, а потом снова в Штаты. Но через три дня после возвращения в США для выступления в Хьюстоне, Capitol Records неожиданно прекратили поддержку тура. Остальные концерты пришлось отменить.

Музыканты расстроились, я тоже чувствовал себя неважно. Но не всё было потеряно. Quireboys получили золотой диск в Канаде, местная звукозаписывающая компания решила, что дополнительный тур сможет помочь достичь альбому платинового статуса. Через две недели мы поехали в Торонто. В Канаде мы дали серию концертов, включая один на острове Виктория в клубе, в котором мы играли вместе в New Vaudeville Band в 1968 году, задолго до того, как Макдональдс стал играть значимую роль на живописном острове. Естественно, группа получила перед отъездом из Канады платиновый диск в Ванкувере, куда прилетела Шэрон, чтобы посмотреть последний концерт тура.

По возвращении домой я получил фотографии с вручения платинового альбома. Я поставил фотографии рядом с другими, снятыми во время вручения золотого диска полгода назад. Было видно, сколько сил и нервов забирают гастроли. Мы все выглядели постаревшими — в напоминание того, какой жестокой

может быть гастрольная жизнь.

Когда Шэрон и Оззи решили съездить на Рождество в Швейцарию, то пригласили меня провести праздники в их доме на Беверли Глен в Лос-Анджелесе — замечательный подарок на Рождество. С разрешеня Шэрон я устроил вечеринку для друзей в честь пятилетнего юбилея трезвого образа жизни. Я провёл праздники с Клер, купил большую ёлку, которую мы вместе нарядили.

После того, как я выехал из дома Оззи в начале 1991 года, то снял квартиру в районе Венис. У меня осталось не так много памятных вещей — около дюжины золотых и платиновых дисков Led Zeppelin, несколько оригинальных постеров Yardbirds и Zeppelin, пара фотографий. Но для начала этого хватило, я был рад, что у меня появилась новая квартира. Работы было мало, и я начал писать эту книгу. Затем меня пригласили на работу с нью-йоркской группой The Trobs на шесть недель по Англии и США, затем в 1992 году я присматривал за Alice in Chains для Capitol Records во время записи их нового альбома. Дальше я отправился в путь вместе с Eden, группой, в составе которой играли сын Фрэнки Авалона и отпрыск одного из Everly Brothers. Eden только что подписали контракт с Hollywood Records, и небольшой бюджет гастролей заставил нас экономить. В это время я решил попробовать себя в новом направлении — музыкальном менеджменте — Клер училась в частной школе, и тур с Eden предоставил мне шанс добавить несколько долларов на банковский счёт.

Вхождение в менеджмент я начал с друзьями Майклом Льюисом и Гэри Куинном и продюсером Питером Ральфсоном. Мы решили создать девчачью группу — из лесбиянок, чтобы быть точным — и придумали название Fem 2 Fem. Нам лишь требовалось найти пятерых красивых лесбиянок, и сделать это профессионально (чтобы не выглядеть старыми извращенцами, прося пару девчонок держаться за руки и петь одновременно). Мы дали объявлении о наборе девушек определённого типа и проводили прослушивание, а в это время Майк и Питер писали песни для новой группы.

На прослушивании меня потрясла красота некоторых девушек. Главной целью было найти хорошие голоса и приятные манеры. К нам поступило предложение от «Плэйбоя» на трёхстраничный разворот и статью, поэтому нам нужны были девушки не стеснительные, готовые снять с себя одежду. Как выяснилось, проблем с составом мы не испытали. Через несколько дней девчонки записывались в студии, готовились к фотосессии для «Плэйбоя» и для съёмок видеоклипа. С помощью

студентов киношколы UCLA мы сделали клип для MTV и (с обнажёнкой) для клубов и европейской аудитории.

Первый концерт Fem 2 Fem был запланирован в клубе в Палм-Спрингс. Промоутеры хотели только две песни, что оказалось удачей, так как девушки ещё не выучили весь репертуар. Также их показали в телешоу Джеральдо Риверы в программе о «фэм лесбиянках». Затем мы заключили контракт на запись, разместили билборд на витрине магазина Virgin на бульваре Сансет Стрип, приняли участие в ещё нескольких телешоу, дали интервью на радио по всей стране и появились в весьма популярном радио-шоу Говарда Стерна (во время которого Говард получил удовольствие от возможности взглянуть на сиськи одной из девушек, при этом все согласились, что они на вес золота).

Во время тура по радиостанциям работать с девушками было классно, хотя пару раз мне пришлось повысить на них голос, особенно когда они страдали от ПМС и жаловались и стонали у себя в кроватях. Но они всегда выглядели роскошно, когда приезжали на радио, даже если приходилось вставать в шесть утра.

С самого начала мы ставили целью записывать пластинки, подписать несколько эндорсерских контрактов, появляться на радио и ТВ — этого было достаточно. Но затем нам позвонили из большого агентства из Нью-Йорка с предложением выступить на концерте. Конечно же, я немедленно согласился и попросил прислать контракт, а затем нервно спросил Майкла и Гэри:

— Ну и что, блядь, мы теперь будем делать?

Когда девушки пели на ТВ или изредка на сцене, мы использовали фонограммы, чтобы звучало профессионально. Но теперь нужно было сделать из них настоящий поющий коллектив. Неужели это невозможно?

Майкл взял девчонок под своё крыло и постарался сотворить чудо. Через неделю ему это удалось. Fem 2 Fem были готовы для прайм-тайма. Сначала мы пустили их в гей-клубы в Хьюстоне — городе, в котором их первый сингл «Switch» часто играли на радио. Когда наши маленькие дивы вышли на сцену, геи посходили с ума. Толпа кричала и орала, а мы с Майклом посмотрев друг на друга, заржали, не веря собственной удаче.

Сразу же начали поступать предложения выступить в Майами, Тампе, Лонг-Айленде, Сан-Антонио и снова в Хьюстоне. Группа выступила на телевидении в шоу Мори Пович и Джоан Риверс.

Дела шли хорошо, но внутри группы начались трения, нам пришлось кое-кого поменять. Одна девушка стала жаловаться на

размер гонораров и бесцельно бродила по залу перед каждым концертом. Мы приняли решение отпустить её. У другой девушки серьёзно пострадал дом после землетрясения в Нортридже, штат Калифорния, ей пришлось уехать в отпуск. Две другие ушли после того, как отказались петь некоторые тексты Майкла. Но мы всегда быстро находили новых.

В то же самое время появились и другие проблемы: мы тратили больше, чем зарабатывали. Если бы не аванс в сто десять тысяч долларов за первую пластинку, мы бы утонули в долгах. Я надеялся, мы продержимся достаточно, чтобы выпустить новую запись и получить доход от издания песен.

Тем временем Майкл поехал в Англию с парой девчонок, чтобы осветить концерты в Лондоне, которые таблоиды окрестили «поющим секс-шоу». Члены городского совета были в ярости, грозясь закрыть эротическое шоу до его начала. Когда Майкл появлялся на радио, защищая свободу слова и искусства в театре, на генеральную репетицию со сценическими костюмами (если это можно назвать костюмами) прибыли члены совета, чтобы воочию увидеть обнажёнку на сцене. Мужчинам понравилось шоу, они вытирали пот со лба. В конце концов, мы решили убрать секс и раздевание из программы, чтобы шоу не запретили, хотя девушки и так были одеты вызывающе и сексуально. Наша программа привлекла достаточное количество людей, включая и мужиков в костюмах, которым не терпелось увидеть обнажённую плоть.

Тем не менее, я решил выйти из проекта. Обходилось мне это довольно дорого, и я посчитал, что лучше платить за обучение дочери, чем вбухивать деньги в группу.

В разгар конфликтов вокруг Fem 2 Fem мне позвонил Терри Риндал, менеджер регги-группы Black Uhuru. Ему требовался тур-менеджер на Ямайке, чтобы решить вопросы с визами для музыкантов, а затем съездить с ними в тур по Аргентине и Бразилии. Мне именно это было и нужно, поэтому я полетел в Кингстон, чтобы погреться недельку на солнышке перед туром. Также мне пришлось привыкнуть к работе с растафарианской группой, и вскоре мы добились взаимного уважения. Тур прошёл так хорошо, что Терри попросил меня поработать с ними и в Америке. На самом деле я пробуду с Black Uhuru три года, путешествуя с ними по всему миру.

Помню, у нас была серия концертов на фестивале Ruffles Reggae, который начался в Аргентине и затем перетёк в Бразилию. Мы выступали в Сан-Паулу, Рио-де-Жанейро и в столице Бразилии. На пляже Копакабана темнокожие обнажённые девушки абсолютно потрясающие, и они были только рады

развлечь нас. Каждая группа на фестивале проводила время на пляже, чтобы посмотреть на загорающих девиц.

После Бразилии мы поехали в Англию, потом в Голландию, где началя европейский тур. Наш рейс из Лондона задержали, и мы пропустили паром до континента. Высвободившееся время мы потратили на поездку в Брикстон в ямайскую общину, где купили карибских товаров и овощей на поездку в Европу (я смог навестить маму на часок перед отъездом).

Гастроли группы были очень плотными, времени не хватало, чтобы перевести дух. Концерты прошли в Вене, Брюсселе, в нескольких городах Голландии, потом были Осло и Берлин (который так сильно изменился с тех пор, как я возил Ронни Вуда из Rolling Stones в 1968 году — главное, что исчезла ужасная стена). Из Берлина мы поехали в другие европейские города, включая Гамбург и Флоренцию, а затем вернулись в Лондон. Далее следовал перелёт в США для концертов в Вашингтоне и Нэшвилле, затем последовали шоу в обеих Каролинах, Висконсине и Тандер-Бэе в Канаде. Мы неслись сломя голову и к последнему концерту в Чикаго посетили тринадцать стран, шестьдесят шесть городов и намотали почти сто тысяч километров. Но не успели мы как следует выспаться, как Терри сделал неожиданное заявление: ещё несколько концертов. Нам пришось тащиться в Сан-Хуан, Альбукерке и ещё много других городов. Закончили мы на Гавайях двумя выступлениями, там мы немного поплавали и повалялись на пляже. До сих пор от воспоминаний об этом туре мне становится дурно!

С Black Uhuru мы гастролировали ещё пару лет, и сюрпризов всегда хватало. В Париже наш звукорежиссёр не пришёл на работу, пришлось самим выкручиваться. Я заплатил музыкантам дополнительную плату за настройку инструментов, чтобы свести к минимуму жалобы.

Когда мы добрались до Тулузы, Терри сообщил неприятную новость. Длительный процесс над правом владения названием Black Uhuru наконец разрешился, и не в пользу текущего состава. Даки Симпсон, один из основателей группы, получил права на имя. Гастроли пришлось сворачивать. Это был грустный вечер для всех нас.

По возвращении в США я осознал, как сильно скучаю по ребятам, с которыми так здорово работалось. Я до сих пор поддерживаю связь с некоторыми из них, иногда получаю от Принса (барабанщика группы) фотографии его сына, моего крестника.

Затем я поехал в турне с Мириам Макеба, выдающейся певицей, которая пользуется уважением не только как музыкант,

но и как активист за права человека. В родной Южной Африке её принимали как королеву, и по полному праву. Группа Мириам состояла из талантливых и очень профессиональных музыкантов из разных частей Африки, они делали классное шоу. Работать с нею было сущей радостью.

Но когда мы приехали в Сан-Хосе, я получил сообщение, что моя мама попала в больницу. Когда я перезвонил, оказалось, что мама скончалась утром, я как раз не мог до неё дозвониться. Я сразу полетел в Лондон, и хотя гастроли Мириам Макеба подходили к концу, но уже без меня. В Лондоне с помощью друга Дженни Фернандо я организовал мессу в честь мамы. Пришли друзья, соседи, родственники и добрые люди, заботившиеся о ней в последние годы.

В 1997 году я получил необычный запрос: могу ли я присмотреть за Робертом Дауни-младшим во время съёмок, чтобы он исполнял приговор судьи и не прикасался к наркотикам? Роберт подписал соглашение с судом, чтобы кто-то заслуживающий доверия был рядом и мог сообщать судье, если Роберт нарушал обещание воздерживаться от наркотиков. Один из служащих Роберта сказал, что если я не сообщу, что Роберт пьёт или принимает наркотики, то пойду вместо него в тюрьму. Не самая лучшая перспектива.

Я полетел в Бостон, где Роберт приступал к съёмкам в городе Нортхэмптон в фильме Нила Джордана «Сновидения» с Аннет Бенинг и Эйданом Куинном. Впервые после цеппелиновского «The Song Remains the Same» двадцать пять лет назад я соприкоснулся с миром кино.

Роберт оказался очень приятным человеком. По правде говоря, ранние подъёмы я не предлагал, да и погода была паршивой. Но с Робертом было легко, и мы вскоре достигли понимания, в чём состоит моя работа. Я дал ему копию книги «Лестница в небеса» и сказал:

— В книге написано, что я не тот, с кем можно дурака валять. Хотя не в моей привычке стучать на людей и отправлять их за решётку, но если ты начнёшь пить и колоться, помни, что я не пойду в тюрьму из-за твоих ошибок. Так что потрудись хорошо себя вести, пока я с тобой. Или у меня не останется выбора, кроме как позвонить судье.

Роберт был настоящим профессионалом, всегда вежлив, добр к поклонникам и не отказывал подписать автографы. Все члены бригады полюбили его. Но мою работу омрачил тяжёлый грипп. Что ещё хуже, Нортхэмптон — не самый приятный город в мире. Когда мы с группами приезжали сюда, то старались убраться отсюда как можно быстрее. К счастью, через две недели, во время

которых мы с Робертом ходили вместе на собрания бывших алкоголиков, съёмочная бригада переехала в другое место — Фонтана-Виллидж, штат Северная Каролина. Более счастливого человека, чем я, от смены местности было не найти. Потом мы направились в Сан-Диего, где к нам приехала жена Роберта Дебби с сыном Индио. Мы смогли пару дней отдохнуть перед отъездом в Мексику, чтобы закончить съемки в той же студии, где сделали «Титаник». Мы с Робертом жили в двухместном номере в отеле «Марриотт» на юге от границы и смогли узнать друг друга лучше. Он с энтузиазмом ходил на собрания и придерживался нового образа жизни. Мне было очень приятно, что он был настроен серьёзно. В конце нашей поездки в Мексику ранним утром в День Благодарения 1997 года я доставил Роберта в лечебный центр в Малибу, где он должен был жить до появления в суде в следующем месяце.

Через год мне довелось снова работать с Робертом. Он позвонил и спросил, смогу ли я поехать в Питтсбург, где он будет работать с Майклом Дугласом над фильмом «Вундеркинды».

— Мне понравилось работать с тобой, — сказал он мне и добавил, что я ему нужен на два месяца.

В начале 1999 года туров не ожидалось, и я решил — почему бы и нет?

И я поехал в Пенсильванию, остановился в отеле «Вестин Вильям Пенн», который точно был классом выше, чем наши норы в Нортхэмптоне в 1997 году. Номер состоял из двух спален, гостиной, большой столовой и кухни, оснащённой двумя кофе-машинами, а также полкой с кофе. Сначала мне нужно было заполнить формы и сделать несколько звонков, оформить страховку для Роберта на время съёмок. До конца работы над фильмом я должен был созваниться со страховым агентом и докладывать, «чист» ли Роберт или нет (он был всегда «чист»).

В Питтсбурге делать было особо нечего, только торчать на холоде во время ночных съёмок, которые часто длились до утра. Мы с Робертом спали допоздна, но не пропускали собрания трезвенников, проходившие в пяти минутах ходьбы от отеля.

Майкл Дуглас — настоящий джентльмен, на день рождения Роберта устроил вечеринку в элегантном ресторане. В конце трапезы в качестве подарка Майкл предложил контракт на три фильма с его компанией — если Роберт не будет пить. Он передал Роберту прекрасную папку из страусиной кожи с копией договора — довольно щедрый и воодушевляющий подарок. Пока я был рядом, Роберт держался молодцом.

К концу съёмок наступила весна, и я с радостью полетел домой в Лос-Анджелес. Мы с Робертом купили билеты на

утренний рейс, в тот день я видел его в последний раз. Он очень талантливый актёр, с прекрасным чувством юмора, любит своего сына Индио. Но я знаю, как тяжело бороться с этой ужасной болезнью. Я желаю ему успехов в деле трезвости.

В последние годы я работал с рядом других групп — по крайней мере, готовился в одном памятном случае. Эрик Вассерман, менеджер Дайаны Росс, позвонил вскоре после того, как Дайана объявила о туре с двумя новыми участницами Supremes. Он попросил меня взять под крыло двух новых девушек. Тур начался с репетиций в студии в долине Сан-Фернандо, и я дал согласие. (Приятнейшим совпадением оказалось, что в соседней студии готовился к турне Оззи Озборн — у него всегда был заварен чай, с которого хорошо было начинать день или вечер).

Во время репетиций я услышал, что билеты расходились как горячие пирожки. У меня была работа, за которую хорошо платили, и это было лучше, чем торчать без дела.

Но, как оказалось, я работал с девушками всего несколько дней, а затем Дайана и другие певицы огорошили меня новостью: они решили, что им нужна менеджер-женщина. Мне позвонил Ларс Брокар, продакшн-менеджер из Лондона и сказал, что Дайна нашла женщину для девушек, и я свободен. Ларс принёс свои извинения.

Вскоре после разрыва с Дайаной Росс и Supremes мой друг Джек Карсон предложил мне позвонить Дэну ДеВита, менеджеру Fu Manchu. Им нужен был тур-менеджер для европейского тура. Почти в то же время меня попросили поработать с Полом Роджерсом. Сравнил их расписания, и мне стало понятно, что я смогу отработать оба тура без накладок.

Мы с Полом были знакомы многие годы, ещё со времён Swan Song под руководством Питера Гранта. В последний раз я видел Пола живьём двадцать лет назад ещё вместе с Bad Company. Я рассказал Крису Кроуфорду, менеджеру Пола, что не пью уже четырнадцать лет, дабы развеять его опасения, что я тот же дикарь, как и прежде. Но меня постигло разочарование, когда я узнал, что мы будем гастролировать в время выпускного Клер. Клер поняла, что я никак не мог присутствовать, я ведь зарабатывал деньги для обучения в дальнейшем (я смог поговорить с дочерью по телефону после экзаменов, её тронули цветы, которые я прислал. Я был гордым папашей не только потому, что Клер получила множество наград — по английской литературе, сочинительству и журналистике), но также и по причине того, что она заработала стипендию в ведущий художественный колледж Лос-Анджелеса).

Концерты Пола в основном проходили в Лондоне, и чтобы сэкономить на отеле, моя бывшая жена Мэрилин разрешила остаться у неё дома. Большинство музыкантов, включая старого друга гитариста Джеффа Уайтхорна, жили у себя в домах, а я обычно брал в аренду машину, чтобы отвозить группу на концерты в Лондоне и окрестностях. Мы часто вспоминали старые деньки, у нас состоялся ностальгический концерт в клубе «Каверна», старом доме The Beatles — я не был там с 1965 года, когда ещё с работал с The Who (тогда от их невозможно громкой музыки отвалился гипс со стен и потолка!).

После последнего концерта Пола Роджерса я немного отдохнул и направился с Fu Manchu в Европу. В последний момент пришлось менять планы в графике. С самого начала возник обычный бардак, так сказать, часть любого большого тура, который никто не в силах контролировать. Все дальние рейсы из Лондона и в Лондон отменили из-за большой поломки радарной системы, так что группа не могла вылететь из США, в виду чего пришлось отменить выступления в Манчестере. В итоге Fu Manchu успели на рейс до Дублина, из которого сели на самолёт до аэропорта Гэтвик, где я их встретил и сразу взялся готовиться к шоу в Саутгемптоне. Затем мы были в Германии, после чего пересекли Альпы и отправились в аэропорт Милана, чтобы вылететь в Лиссабон. Слава Богу, у нас работали два водителя, иначе ехать было очень опасно (как это бывает, автобус сломался во время одного из переездов).

Fu Manchu добрались до Швейцарии для участия в фестивале, затем мы посетили Бонн, Лидс, Ливерпуль и Белфаст. Мы здорово проводили время, но так было далеко не всегда. В Белфасте во время Оранжевого марша (), всюду разожгли костры, на улицы вышли дополнительные патрули, один дежурил прямо перед клубом, где мы выступали. Из соображений нашей безопасности полиция закрыла клуб рано, сократив наш сет в виду того, что концерт может прерваться из-за бомбы, которую могли бросить в окно. Короче, мы рано закончили. Типичная работа рок-н-ролльного менеджера.

Вскоре после этого меня пригласили Gipsy Kings, группа братьев и кузенов с юга Франции. Я отвечал за их передвижение и отели, заботился о том, чтобы они ни в чём не нуждались. В течение пяти недель я наслаждался лучшими отелями — Ритц-Карлтоны, Меридианы, и Четыре сезона — не говоря уже о неделе в Рига-Ройял в Нью-Йорке. Мне понравились Gipsy, хотя они плохо говорили по-английски, что создавало трудности в общении.

Группа почти сразу поверила в меня, и через неделю

сотрудничества они спросили менеджера Паскаля, почему меня раньше не было в их команде, поскольку под моим руководством их гастрольная жизнь протекала очень спокойно. Паскаль попросил меня присмотреть за сувениркой — часть работы, которую я всегда считал особенно напрягающей. Но тур прошёл практически без изъянов. Жаль, что он продлился недолго.

Кстати, здорово ещё и то, что я не набрал веса, поскольку Паскаль часто просил меня сопровождать музыкантов на обед перед сиестой — а потом были ужины после каждого концерта, проходившие в лучших ресторанах города. Тоже часть работы.

Пока пишутся эти страницы, я работаю тур-менеджером Crazy Town с осени 2000 года. Мой друг Тони Морхэд отработал с ними пару концертов, но у него были обязательства перед другой группой, и он попросил меня присмотреть за ними. Их менеджер Х.М. Уоллман, приятный молодой человек, очень обрадовался, когда я переговорил с ним и рассказал о том, что пятнадцать лет не пью. Некоторые участник Crazy Town только недавно завязали, и он надеялся, что мой опыт позитивно скажется на ребятах. С его благословения я поехал готовиться к туру, начинавшемся в ноябре. В то время я почти ничего не знал о группе, даже про стиль, в котором они играли.

Тем не менее, группа с радостью приняла весть, что буду работать с ними. За неделю до этого я выступал на собрании, которое посетили музыканты.

Неделю спустя я приехал в студию, где группа репетировала. Когда мы обменивались рукопожатиями, меня посетила мысль: «Куда я попал?». На парнях было столько татуировок, что кожи не видать. Когда они заиграли, то маленькая комнатка задрожала, а у меня заболели уши. Я извинился и вышел выпить кофе, всю дорогу недоумевая — готов ли я к подобному.

Через час я вернулся в студию, где остались двое — гитарист Скуиррел и барабанщик ДжейБиДжей. Мы поболтали, и я смог узнать парней лучше. На днях они готовились снимать видео к новому синглу «Butterfly», а затем нам предстоял вылет в Оклахому, первый пункт назначения тура.

Концерт в Талсе меня очень впечатлил. Помню, я подумал: «Я ничего не знаю про хип-хоп и вообще про ту музыку, которую они играют, но публика любит их».

На сайте группы один из вокалистов Эпик Мазур написал: «Я не знаю, как классифицировать нашу музыку. Иногда кажется, что это чистый рок, временами — хип-хоп. Но если вы послушаете альбом целиком, то поймёте, что мы пропускаем любую музыку через хип-хоп. Мы — рэпперы, которым нужен рок, но не рокеры, которым нужен рэп».

Первый тур прошёл гладко: от Талсы до Атланты и Норфолка, на разогреве у Orgy. Но после Ноксвилля мы стали хедлайнерами с поддержкой групп Shuvel и Slaves on Dope. Crazy Town оказались отличными парнями, и те, кто завязал, регулярно ходили на собрания со мной. Они хорошо ладили друг с другом, иногда писали музыку и репетировали в студии, установленной в конце автобуса. Я узнал, что группа не заработала звёзд за хорошее поведение в прошлые туры, но эти выходки происходили, когда группа сидела на наркотиках. С тех пор, как я находился рядом, то не слышал жалоб на их поведение. Их вообще никто не слышал.

Затем гастроли добрались до города Лоренс, штат Канзас, оказавшийся милым городишкой, где собрания проходили в минутах ходьбы от отеля. Далее мы отправились в Сент-Луис, родной город Трабла, одного из участников команды. Пока мы там находились, Трабл сумел провести пару часов с отцом и показать ему, как он изменился. Я видел, как был горд отец (и это всегда здорово, так как все наркоши и алкаши первым делом делают больно близким).

Затем на пути был Цинциннати, после — пара дней в Детройте, где я надеялся увидеть Кейт, старую подругу, но она находилась в ашраме все выходные. Когда ты молод, на гастролях у тебя большой выбор девчонок, если так сильно хочется. Однако некоторым участникам группы вполне хватало позвонить подругам в Лос-Анджелес или где они там живут. Что касается меня, то дни, когда я бегал за девчонками, закончились. Разве что кто-то из прошлого возникает и напоминает про старые времена. Обычно я ложусь рано, но иногда сопровождаю ребят в стрип-бар — но на меня уже не столь обращают внимание стриптизёрши. Я сам удивляюсь, почему я не купил пару туфель «Gucci» или что-нибудь ещё? Парни из Crazy Town иногда зовут меня «папа» — что может лучше сказать о моём возрасте?

Группа продолжала играть в больших городах на Востоке и Среднем Западе, включая Кливленд, Филадельфию, Бостон, Хартфорд, Питтсбург, Колумбус, Балтимор и Милуоки. Дни похожи один на другой: интервью по телефону, походы на радио, общение с прессой и всё, что нужно для группы, чтобы оставаться на слуху у общественности. Когда мы приехали в Нью-Йорк, я выбрал время, чтобы сходить в церковь Святого Патрика, где поставил свечи и помолился за семью.

Сингл «Butterfly» чаще звучал по радио, толпы на концертах тоже росли. Некоторые промоутеры просили нас закрывать сборные концерты, даже если изначально планировалось, что мы будем их открывать.

Во время того тура больше всего нам мешала погода. Судя по прогнозу, нам предстоял мучительный переезд из Чикаго в Портленд, штат Орегон, поскольку ожидался суровый шторм. Чикаго завалило снегом, и поездка до Западного побережья была под вопросом. Продакшн-менеджер Эдди Оетелла и я, вместе с водителем автобуса решили ехать на юг, пока погода не прояснится, а затем направиться в Сан-Франциско. Но как только мы выехали на дорогу, оказалось, что и эта дорога очень ненадёжная, хотя наш водитель Джим Уиггинс отлично вёл автобус по ледяной корке.

Клип на «Butterfly» крутили по MTV, сингл продавался чрезвычайно хорошо — популярность его росла. Альбом группы расходился по три тысячи в неделю в начале тура по США, к концу 2000 года продажи возрасли до семидесяти пяти тысяч в неделю. Команда сыграла три последних шоу в Сан-Бернардино, Фресно и родном Голливуде перед большой толпой. В Лос-Анджелесе на концерт в Hollywiood Palace пришли друзья и родственники — отличный способ закончить тур.

Crazy Town работали на износ, никогда не жаловались, что нужно рано вставать или участвовать во всех мероприятиях. Для меня возвращение в Hollywood Palace было ностальгическим, в 1967 году мы с New Vaudeville Band приняли участие в шоу Милтона Берла. Мы торчали в магазине «Wallach's Music City» на углу бульваров Голливуд и Вайн. Там можно было слушать пластинки в отдельной будке, прежде чем что-либо купить.

Перед новым туром Crazy Town у меня выдался месяц отпуска, который я провёл с Клер и друзьями. Тем временем «Butterfly» расправил крылья на ТВ и радио и заработал группе платиновый альбом. Группе предложили сыграть в Univercity City Walk, а также в Голливуде и Денвере, затем мы выступили в Hard Rock Hotel, где к нам присоединились журналист и фотограф из Rolling Stone.

В конце февраля 2001 года мы поехали в Нью-Йорк для съёмок в передаче на MTV «Total Request Live». Затем были шоу в Атланте, Геттисберге, Сиэтле и Канаде, после чего мы уехали из страны снега (слава Богу!) в Канкун для шоу MTV «Spring Break», нам выдались пять дней на солнце. Трое членов группы — Сет, Даг и Трабл — пригласили своих подружек, потому что нам предстояло провести много времени в дороге вдали от любимых женщин. Далее мы полетели в Европу для промоушна, съёмок на ТВ и серии концертов в пяти странах. В Европе «Butterfly» становился номером один в большинстве городов, куда мы приезжали, и мы собрали ещё больше золотых дисков. В основном, мы работали, но музыканты поймали волну

удовольствия и энергии. Со времён Led Zeppelin я не испытывал ничего подобного.

Затем мы вернулись в Лос-Анджелес, отдохнули и выступили на премии ESPN Awards вместе со старыми друзьями Black Sabbath с Оззи Осборном. Неделю спустя наш автобус в 2 утра выехал из города в Финикс, с которого начался пятинедельный тур по Штатам. Концерт в Финиксе мы сыграли с Linkin Park, а потом нас сопровождали Saliva и Stereo Mud. В середине тура мы полетели на частном самолёте в Л.А. для съёмок клипа на новый сингл «Revolving Door». Для видео наняли так много девушек, что площадка напоминала дворец Калигулы. Через два дня мы полетели Нашвилл, где начался новый тур, который закончился в Бирмингеме, Миртл-Бич и Чикаго. Затем снова десять изнурительных дней концертов и промоушна в Европе. Туры продолжаются…

Если говорить о Led Zeppelin, я редко видел оставшихся членов группы — так, сталкивался с ними время от времени. Со времени первого издания книги они в определённой степени вели активную жизнь. Плант и Пейдж выпустили «Walking into Clarksdale» в 1998 году, выступили на долгожданном совместном туре. Они также появились в шоу «Unplugged» на MTV в 1994 году. Джимми провёл тур с Black Crowes в 2000-м, хотя несколько концертов пришлось отменить из-за постоянных проблем со спиной Пейджи.

Джон Пол работал тогда, когда ему этого хотелось. Он сочинял и делал аранжировки классической музыки, писал музыку для фильмов, продюсировал альбомы для Heart и Бена И. Кинга. Он также делал аранжировки для R.E.M. и Питера Гэбриела.

Led Zeppelin собрались на сцене на церемонии введения в «Зал славы рок-н-ролла» в 1995 году. Но время шло, и оставшиеся цеппелины не стояли на месте. Когда Пейдж и Плант издали совместный диск, Роберт сказал журналу «Time», что хотя их проще всего найти в баре, но они уже не веселятся, как раньше.

— Мы держим всё под контролем, — сказал он. — Раньше мы не могли остановиться — были довольно аморфными.

Я рад, что мы повзрослели немного.

Музыка Led Zeppelin живёт своей жизнью. В 1997 году Звукозаписывающая индустрия США присвоила всем десяти альбомам группы статус мультиплатиновых, было продано около шестидесяти четырёх миллионов пластинок. Два года спустя после выхода только четвёртый альбом разошёлся тиражом в двадцать один миллион копий. Каждое новое поколение молодых людей открывает для себя музыку группы, поэтому продажи CD

продолжают расти. Только The Beatles продали больше пластинок.

Со времён цеппелинов Crazy Town стали первой, по-настоящему успешной группой, с которой я работал с самого начала. Приятно было видеть, как эта молодая группа быстро взлетела и достигла больших высот, но времена сильно изменились. Помню, как цеппы работали на износ два года, записав первый альбом за две с половиной тысячи долларов, а первый тур финансировали из карманов Джимми, Джона Пола и Питера. С самого начала они не были должны ничего никому, даже звукозаписывающей компании, и после первого тура по США получили прибыль. Поскольку группа не появлялась на телевидении, билеты на концерты распродавались мгновенно после объявления их в продажу. Теперь же стоимость съёмок видеоклипа столь высока, а эфир на MTV заполнен так плотно, что новым группам непросто продержаться финансово в начале карьеры.

Я до сих пор люблю ездить на гастроли и работать с группами типа Crazy Town, у которых отличный менеджмент и хорошая звукозаписывающая компания, несмотря на то, что иногда трудности гастролей выбивают из меня всё дерьмо. Лучшей жизни я и не мог желать, здорово, что я искусно солгал Ронни Джонсу и Мику Ивзу в 1964 году. Пока я пишу эти строки, за это время я проработал тридцать лет с чудесными группами, получил много ценных советов от таких великих менеджеров, как Питер Грант и Шэрон Осборн.

Дальше я еду в Европу на три недели в промоушн-тур, затем предстоит участие на Ozzfest. Я жду не дождусь момента — провести время с Шэрон и Оззи, а также вместе с Black Sabbath. Всегда приятно встретиться со старыми приятелями, с которыми ты творил историю. Затем я возвращаюсь к работе над сценарием к фильму о том, как стать рок-звездой, вместе со сценаристами Кристофером Кроу и Джулией Энн Парк из Paramount Pictures.

Что может быть лучше, чем сидеть на балконе в роскошном отеле в Миртл-Бич и смотреть, как волны разбиваются о берег, в то время, как я пишу эти строки? На какое-то время я забываю, что мне пятьдесят пять, а не двадцать пять — и я до сих пор жив-здоров.

Ричард Коул, Июнь 2001 года.